

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES, RAS

ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РАН
THE INSTITUTE OF FAR EAST, RAS

АССОЦИАЦИЯ ЯПОНОВЕДОВ
THE ASSOCIATION OF JAPANESE STUDIES

ЯПОНИЯ

в поисках новой глобальной роли

JAPAN

in search of a new global role

Москва
Наука — Восточная литература
2014

УДК 94 (520)
ББК 63.3 (5Япо)
Я70

Настоящее издание подготовлено
при финансовой поддержке
Японского фонда

Руководитель и ответственный редактор проекта
Д.В. Стрельцов

Япония в поисках новой глобальной роли = Japan in search of a new global role / Ин-т востоковедения РАН; Ин-т Дальнего Востока РАН; Ассоциация японоведов. — М. : Вост. лит., 2014. — 303 с. — ISBN 978-5-02-036548-3

ISBN 978-5-02-036548-3

© Ассоциация японоведов, 2014
© Редакционно-издательское оформление
Наука — Восточная литература,
2014

В проекте рассматриваются приоритетные направления внешней политики Японии после возвращения к власти Либерально-демократической партии в декабре 2012 г. Авторы попытались показать, в чем заключается ответ Японии на внешние вызовы и каковы контуры новой глобальной роли Японии в меняющейся парадигме современного мира.

Особое место в сборнике занимает политика Японии по вопросам военной безопасности, включая ее реакцию на растущую китайскую военно-политическую и экономическую мощь. Большое внимание уделяется также гуманитарным и экономическим аспектам внешнеполитического курса — проблемам «мягкой силы», особенностям климатической политики Японии после фукусимской трагедии, новым акцентам в инвестиционной политике Японии по отношению к странам Азии. В разделах, посвященных двусторонним отношениям Японии с ее ключевыми партнерами — Китаем, Южной Кореей и Россией, — упор был сделан на наиболее резонансные проблемы, включая территориальные вопросы и проблемы исторического прошлого. Сборник рассчитан на широкий круг читателей, интересующихся политическим развитием современной Японии.

The project addresses the priorities of Japan's foreign policy after the return to power of the Liberal Democratic Party in December 2012. The authors tried to answer the question, what is the response of Japan to external challenges and what are the contours of the new global role of Japan in the changing the paradigm of the modern world.

A special place in the book is given to Japan's policy in the sphere of military security, including its response to the growing Chinese military, political and economic might. Great attention is drawn to humanitarian and economic aspects of Japan's diplomacy, including the problems of soft power, the peculiarities of the Japan's climate policy after Fukushima, the new accents in the investment policy of Japan towards Asia. In the sections over bilateral relations of Japan with its key partners - China, South Korea and Russia, the emphasis was placed on the most high-profile issues, including territorial issues and the problems of the historical past. The project addresses a wide audience of readers interested in the political development of modern Japan.

СОДЕРЖАНИЕ

Авторский коллектив	6
<i>D. Streltsov</i>	
Summary	8
<i>Д.В. Стрельцов</i>	
Некоторые приоритеты внешнеполитического курса второго кабинета С. Абэ	35
<i>В.О. Кистанов</i>	
«Территориальная дипломатия» как фокус внешней политики Абэ	53
<i>К.О. Саркисов</i>	
Япония: время системных перемен?	71
<i>А.Н. Панов</i>	
Япония: поиски «достойного места» и «влиятельной роли» в новой системе международных отношений после «холодной войны»	86
<i>О.Г. Парамонов</i>	
Японо-американская ПРО — фактор изменений базовых принципов политики Токио в области безопасности	109
<i>С.В. Чугров</i>	
«Мягкая сила» Японии: китайское направление	127
<i>О.А. Добринская</i>	
Концепция «безопасности человека» во внешней политике Японии	145
<i>О.И. Казаков</i>	
Атомный фактор климатической политики Японии	161
<i>И.Л. Тимонина</i>	
Япония на мировом рынке: от промышленного экспорта к экспорту систем ...	177
<i>Е.Б. Ковригин</i>	
Эволюция японской ОПР (на примере помощи странам ЮВА в 1960–2010-х годы)	198
<i>И.А. Носова</i>	
Японский взгляд на проект создания зоны свободной торговли в Северо-Восточной Азии	230
<i>А.А. Батакова</i>	
«Проблемы исторического прошлого» в японо-южнокорейских отношениях: подходы кабинетов ДПЯ (2009–2012) и нового кабинета С. Абэ	244
<i>А.А. Киреева</i>	
Японо-китайские отношения в 2010-х годах: от «моря братства» к «морю проблем»	259
<i>В.В. Кузьминков</i>	
Политика Японии на российском направлении в 2009–2013 гг.	278
<i>А.В. Ильшев</i>	
О некоторых подходах к решению проблем в российско-японских отношениях	294

CONTENTS

Authors' Team	7
<i>D. Streltsov</i>	
Summary	8
<i>D. Streltsov</i>	
Certain Foreign Policy Priorities Facing Abe's Second Cabinet	35
<i>V. Kistanov</i>	
"Territorial Diplomacy" as a Focal Point in Abe's Foreign Policy	53
<i>K. Sarkisov</i>	
Japan: Time for a System Change?	71
<i>A. Panov</i>	
Japan: The Search for a "Proper Place" and "Influential Role" in the New System of International Relations after the "Cold War"	86
<i>O. Paramonov</i>	
Japan-US Missile Defense as a Factor of the Changing Basic Principles in Tokyo's Security Policy	109
<i>S. Chugrov</i>	
Japan's Soft Power: The Chinese Vector	127
<i>O. Dobrinskaya</i>	
The Concept of Human Security in Japan's Foreign Policy	145
<i>O. Kazakov</i>	
The Nuclear Factor in Japan's Climate Policy	161
<i>I. Timonina</i>	
Japan: From Industrial Exports to Export of Systems	177
<i>E. Kovrigin</i>	
The Evolution of Japanese ODA in the 1960–2010s (as Exemplified by Aid Provided for South-East Asia)	198
<i>Nosova Irina</i>	
The Triangle Project: Prospects for China–Japan–ROK FTA	230
<i>A. Batakova</i>	
Problems of Historical Past in Japanese–South Korean Relations: Approaches of the DPJ (2009–2012) and Abe's New Cabinet	244
<i>A. Kireeva</i>	
Japan–China Relations in the 2010s: From the "Sea of Fraternity" to the "Sea of Problems"	259
<i>V. Kuzminkov</i>	
Japan's Policy towards Russia in 2009–2013	278
<i>A. Ilyshev</i>	
On Some Approaches to Solving Problems in Russian–Japanese Relations	294

Авторский коллектив

- Батакова Алиса Андреевна*, аспирант кафедры востоковедения Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ
- Добринская Ольга Алексеевна*, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН
- Ильшев Александр Витальевич*, кандидат социологических наук, начальник отдела Третьего департамента Азии МИД России
- Казakov Олег Игоревич*, старший научный сотрудник Центра исследований Японии Института Дальнего Востока РАН
- Киреева Анна Андреевна*, преподаватель кафедры востоковедения Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ
- Кистанов Валерий Олегович*, доктор исторических наук, руководитель Центра исследований Японии Института Дальнего Востока РАН
- Ковригин Евгений Борисович*, кандидат экономических наук, профессор университета Сэйнан гакуин (Япония)
- Кузьминков Виктор Вячеславович*, старший научный сотрудник Центра исследований Японии Института Дальнего Востока РАН
- Носова Ирина Александровна*, кандидат исторических наук, независимый эксперт
- Панов Александр Николаевич*, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН
- Парамонов Олег Геннадиевич*, докторант Центра исследований Восточной Азии и ШОС Института международных исследований, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ
- Саркисов Константин Оганесович*, кандидат исторических наук, приглашенный исследователь университета Хосэй (Япония)
- Стрельцов Дмитрий Викторович*, доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН
- Тимонина Ирина Львовна*, доктор экономических наук, профессор Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова
- Чугров Сергей Владиславович*, доктор социологических наук, профессор кафедры международной журналистики Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ, главный редактор журнала «Полис»

Authors' Team

- Batakova, Alisa A.*, Post-graduate student of the Department of Oriental Studies, Moscow State Institute of International Relations (University)
- Chugrov, Sergei V.*, Prof. (Sociology), Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Editor-in-Chief of magazine "Polis" (Political Research).
- Dobrynskaya, Olga A.*, Ph.D. (History), Junior Researcher, Japan Research Center, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- Ilyshev, Alexander V.*, Ph.D. (Sociology), Division Director, Third Department of Asia, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
- Kazakov, Oleg I.*, Senior Researcher of the Japan Research Center, Institute of the Far East, Russian Academy of Sciences
- Kireeva, Anna A.*, Lecturer of the Department of Oriental Studies, Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation
- Kistanov, Valery O.*, Prof. (History), Head of the Center for Japanese Studies, Institute of the Far East, Russian Academy of Sciences
- Kovrigin, Evgeny B.*, Ph.D. (Economics), Prof., University of Seinan gakyin (Japan)
- Kuzminkov, Viktor V.*, Senior Researcher of the Center for Japanese Studies, Institute of the Far East, Russian Academy of Sciences
- Nosova, Irina A.*, Ph.D. (History), independent expert
- Panov, Alexander N.*, Prof. (Political Science), Leading Researcher of the Institute for United States and Canada, Russian Academy of Sciences
- Paramonov, Oleg G.*, Doctoral Candidate at the Center for East Asian and SCO Studies, Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation
- Sarkisov, Konstantin O.*, Ph.D. (History), Guest Researcher, Hosei University (Japan)
- Streltsov, Dmitry V.*, Prof. (History), Head of the Department of Oriental Studies, Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Leading Researcher at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- Timonina, Irina L.*, Prof. (Economics), Lomonosov Moscow State University

D. Streltsov

SUMMARY

Dmitry Streltsov's paper is devoted to the priorities in the diplomatic agenda of Abe's second cabinet. The year 2013 has seen a turn in Tokyo politics toward an increasing military build-up. Even during his election campaign in 2012, S. Abe proposed the idea of creating "defensive forces"—to mark an end to the evolution of the country's "self-defense" forces to a full-fledged army. Furthermore, the new government immediately began to take steps geared to strengthen the country's defense potential. For the first time in eleven years, the military budget was increased, and for the first time in eight years so did the strength of its "Self-Defense Forces." Additional funds will be directed to protect the country's maritime and air borders, especially in the south-west, where Japan borders China.

The new elements that manifested themselves in the Abe Cabinet's politics on military security suggest a qualitative shift from the previous administration of the DPJ. First, the head of the cabinet has clearly moved away from the policy of "appeasement" and toward fairly harsh rhetoric. Thus, in response to the news on June 23, 2013, of eight Chinese ships appearing near the Senkaku, Abe explicitly stated that Japan would be ready to use force should the Chinese land on the island.

Second, Abe has not only made progress in restoring trust with the U.S., which had been weakened during the DPJ rule, but he has actually obtained manifestations of solidarity from Washington on the issue of the Senkaku. During his meeting with the Japanese leader on February 22, 2013, Barack Obama said that China was increasing tension around the Senkaku Islands. Many observers also noted that during the summit the U.S. President used the Japanese name for the islands (Senkaku) rather than the Chinese one (Dyaoyu Dao).

The Japanese Self-Defense Forces have begun to cooperate with the U.S. allies with regard to combat missions related to the defense of the "distant islands." Thus, joint exercises involving ground, naval and air self-defense forces were conducted in California in June 2013—a rare occasion when such exercises involved all Japanese forces. It is noteworthy that China called on the parties to suspend maneuvers during the Sino-American summit held at that very time in California, but the call went unheeded.

Third, a shift has appeared in the strategy of Japan's military policy toward China from a rather narrow focus on a potential military conflict around the Senkaku Islands. Instead of treating the Senkaku problem as an issue of bilateral relations with China, Tokyo chose to link the situation in the East China Sea with the situation in the South China Sea, and therefore to closely coordinate its defense policy with countries concerned about the growth of Beijing's military ambitions. Thus, Abe has put forward an idea of "diamond security"—an association of Japan with Australia, India, and the U.S. State of Hawaii in order to guarantee the security of sea-lanes in the region. In November 2012, while still an opposition leader, Abe invited Britain and France to take an active part in strengthening Asian security and proposed that Japan should join the group of five countries, including the United Kingdom, Malaysia, Singapore, Australia and New Zealand.

The Abe cabinet has clearly outlined the course to revise Japan's Constitution as one of the priorities of its policies related to security. Tokyo regards Constitutional reform as a kind of milestone that would put an end to the post-war period of Japanese history when the country was a "junior partner" to the United States. In fact, the Cabinet has come forth with an initiative to facilitate the procedure for amending the Constitution, which, if realized, is expected to abrogate the notorious Article Nine, or change its wording to make it less categorical. As a result, a debate has flared up in the country about whether the current Constitution permits the country to exercise the right to collective self-defense and to have what is dubbed a "defense army."

Meanwhile, the Abe foreign policy course raises growing concern in a number of East Asian countries, where suspicions are being voiced about Japan's ambitions to seek revenge.

Achievement of a new detente in relations with Japan's East Asian neighbors is a matter of honor for the Japanese Prime Minister, an essential part of whose personal political capital depends on the success of the course toward political normalization of relations with them in 2006 after their marked cooling during the Koizumi era. Yet Abe was unable to achieve visible progress in two areas—South Korea and China.

An important task facing the Abe cabinet is restoration of relations with Moscow, which deteriorated significantly under the DPJ government. When Prime Minister Shinzo Abe made his visit to Moscow on April 30, 2013, it was the first official meeting between the leaders of Russia and Japan in the last ten years. In many respects, it may be described not only as significant, but also as a landmark in Russian-Japanese relations.

This last visit was of great significance for strengthening personal relationships between the leaders of the two countries, which can help build an additional lane for inter-state relations. The two leaders agreed that it is "abnormal" when 67 years after the end of World War II there is still no peace treaty between Russia and Japan. The two parties expressed their determination to conclude a peace treaty by overcoming discrepancies in their

positions in the course of negotiations. Moreover, agreements were reached during the visit aiming at strengthening cooperation between Russia and Japan in the field of security. Russia and Japan decided to launch a completely new “2+2” format for bilateral dialogue, involving foreign ministers and defense ministers of the two countries.

The paper of **Valery Kistanov** deals with territorial diplomacy as a focal point in Abe’s foreign policy. In the first decade of this century, Japan’s foreign policy, being a derivative of domestic policy and economy, has been marked by a certain degree of passivity and inability to quickly and effectively meet the challenges facing the country in the international arena. In more than three years that it stayed at the country’s helm, the Democratic Party of Japan not only failed to invigorate the country’s diplomacy and to bring its foreign policy to a new level, but also made a number of major foreign policy mistakes in its relationships with Japan’s major international partners.

Prime Minister Shinzo Abe has come to lead the country again at a time when it faces enormous challenges in the economic and social sphere and foreign policy, especially in relations with its neighbors in East Asia. The recent sharp deterioration in Japan’s relations with neighboring countries over disputed islands propels the territorial issue to the forefront of its foreign policy.

Of all territorial conflicts with neighboring countries, the biggest headache for the Japanese leadership by far is the dispute with China about sovereignty over the Senkaku Islands (Diaoyutai in Chinese) in the East China Sea. Underlying the conflict over the Senkaku / Diaoyu Islands are primarily economic and strategic interests of both countries.

This dispute has gained unprecedented intensity over the past three years. Alarmed by the growing economic and military might of its neighbor and its offensive actions in respect of the disputed islands, Tokyo has been seeking every possible means of support on the part of various countries to “contain China.”

Japan regards the United States as the only guarantee of its military security and territorial integrity, relying on the appropriate security treaty between the two countries. While Washington actually maintains an ambiguous stance on the Japanese territorial dispute with China and emphasizes its neutrality regarding the issue of sovereignty over the Senkaku / Diaoyudao, senior U.S. officials have repeatedly stated that the said islands are included in the scope of the U.S.-Japan security treaty.

Meanwhile, in its foreign policy strategy Tokyo makes a special emphasis on India, a growing economic giant of Asia that the Japanese government regards not only as an economic counterweight to China, but also as its military and political constraint.

Seriously complicating relations between Japan and South Korea is the issue of sovereignty over the disputed islands of Takeshima / Dokdo, which is the burden of the two countries’ historical past.

A vivid manifestation of Abe's "territorial diplomacy" is its policy toward the countries of Southeast Asia. Japan attaches particular importance to relations with those of them that have their own territorial disputes with China in the South China Sea. Different and diverse as they are, Japan apparently regards Southeast Asian countries as a kind of economic and military-political insurance against the "China threat."

During his second term as the country's leader, Abe is apparently going to promote a new geopolitical configuration under the name of "diamond security." The implication is that it should include Asia Pacific countries that share "common democratic values." The rhombus is to be formed by Japan, Australia, India, and the United States.

Europe is to play a no less important role in Abe's foreign policy. This role has increased noticeably in light of the "China factor." Some Japanese analysts believe that in its "containment of China" Japan can find partners both in Europe as a whole and in its parts and/or countries.

Putin's express intention to seek a mutually acceptable resolution of the territorial issue and to conclude it "in a draw" creates a "territorial *džja vu*" of sorts with regard to Russian-Japanese relations during his presidency in the early 2000s. With his territorial diplomacy, Abe hopes to break through the anti-Japanese territorial front in the Russian direction, a front that has formed spontaneously in Northeast Asia without anyone's coordinated efforts.

The official Moscow visit of the Japanese Prime Minister and his talks with Russian President Vladimir Putin on April 29, 2013, were a milestone in the Russo-Japanese relations.

One of the key issues discussed during the visit was the territorial issue. Given the uneasy attitude to the topic by public opinion in both countries, the term "territorial problem" was not to be found in the joint statement issued at the end of the visit. It is only too obvious, however, that no peace treaty between the two countries is likely to be signed without resolving the territorial issue, something on which the Japanese side has been unswervingly insisting. The Japanese media note that the Japanese mostly hope for a political solution to the problem. Overall, Tokyo considers the results of Abe's April visit to Russia a great success of his territorial diplomacy, especially as opposed to the unwillingness of the new leaders of China and South Korea to meet with Abe to discuss their own territorial disputes.

In the opinion of **Konstantin Sarkisov**, time for system changes in Japan has come. The July 21 (2013) elections for the upper house of parliament revealed a new balance of political forces in Japan. Now the ruling Liberal Democratic Party of Japan has sufficient political power in both houses to try to implement radical reforms. In fact, Prime Minister Shinzo Abe has already announced them. First, they relate to macroeconomics—a significant reduction in the tax on investments and, conversely, an increased consumption tax. Second, to politics, namely the revision of the Constitution and—for this—revision of its Article 96 that calls for two-thirds of the votes to

revise it. Finally, the government will have to adopt an administrative decree to the effect that the country's current Constitution does not deny Japan the right to collective security, and, therefore, allows the use of armed forces beyond the country's borders.

Attempts to "change the system," as Abe himself calls it, were undertaken before, especially in the 1950s and 1960s, but they never brought about any results. Will Abe, with his significant mandate for reform, dare to change the system now, i.e., do what other conservative leaders of the postwar period had failed to achieve?

The draft of the new Constitution was promulgated on April 27, 2012, when the Liberal Democratic Party was still in opposition; it proposed a new political ideology of the country's basic law. In contrast to the current text, the proposed Preamble did not begin with the words "We, the Japanese people," but with "Japan, a country with an ancient culture and the emperor—a symbol of the nation's unity..." The most significant change was introduced to Article Nine of Chapter Two. The draft proposal changes its original title from "Renunciation of War" to "Provision of Security." This refers to the creation of the "Army of National Defense" and some other provisions that give Japan the right to use it in operations outside the country.

Japan's Constitution was a kind of a "sacred cow" throughout the postwar period and until the mid-1990s. Starting from 1993, however, public sentiment seemed to indicate that more than half of the Japanese favor its revision, with only a third opposing this. In the new century, the pendulum swung back in the direction of those who are against the revision of the basic law, and the relationship to date remains approximately the same.

Will Japanese society accept the changes to the basic law proposed by LDP? How convincing are the arguments in favor of a revision and the public's vital interest in it? So far, there is no serious argument to support the notion that the current Constitution is an obstacle to the realization of national goals. The only real motive in favor of this revision is national security. Tensions with China and South Korea increase the society's inclination to revise the Constitution as a measure to improve the country's security. Whether this will help Japan resolve the problem with these two countries, or, on the contrary, will result in a dead-end, forcing them to unite on an anti-Japanese basis is not so far clear at all.

When Japan yielded to China its second position in the world economy two years ago, it has been vigorously looking for new reserves of economic growth, internal stability, and security from external threats and challenges. The reasons were not only the phenomenal and psychologically frightening growth of the new giant that is, moreover, a neighbor, but also the feeling that Japan is losing its former potency and the ability to maintain rapid growth, a growth that outpaces the global average.

Is this an indication of Japan's "sunset" and its descent into the category of minor countries doomed to lag behind the greater powers? Can one view the "regime change" proposed by Abe as a radical means to avoid this?

There are no clear answers to these questions and the public reaction to them is rather emotional. What is certain is that the era when Japan, along with Europe and the United States, formed the “triad” of economic giants that controlled about 70% of world GDP, has come to an end. Nevertheless, one can put up with this and focus on the growth of quality parameters of the economy, on increasing its viability and flexibility in responding to heightened competition and market collapses.

For all that, Japan remains one of the leading players in the global economy. While it falls behind China by 15 percent of its GDP, Japan’s GDP is 45% greater than that of Germany, the next one in line, and, and twice as much as the economy of France and England combined. The qualitative parameter (GDP per capita) of the Japanese economy looks pretty well compared with the economies of number one and number two: its \$48,488 in 2011 compare favorably with the American \$45,903 and are nine times greater than the Chinese \$5,430.

Unlike a structural reform, any reform of the system is only undertaken in case of urgent necessity. Seen in the context of the needs of the Japanese economy and the revival of its former vitality, a revision of the Constitution is unlikely to produce any results. On the contrary, if carried out according to the LDP scenario, the prospect of “a militarily strong” Japan may well give rise to an “allergy” not only in China, but also in other Asian countries. The political implications of such developments will have consequences for economic relations.

The main focus of **Alexander Panov’s** paper is Japan’s search for a proper place and an influential role in the system of international relations after the cold war. A new group of political, business and bureaucratic circles that came to power after Japan’s defeat in World War II adopted a strategic course of development that consisted of two bases: an economic recovery linked to limited defense spending in domestic policy, and a military and political alliance with the U.S., which was entrusted to safeguard the country’s security in the foreign-policy field. Its rigid adherence to the U.S. effectively deprived Japan of opportunities to show independence in terms of foreign policy.

The central position of the U.S. in Japanese politics has remained unaltered to this day. All postwar Japanese prime ministers invariably confirmed allegiance to the union with the U.S. Claims by some Japanese politicians to build “a more equal relationship with Washington” were firmly held back by the American partner and the powerful pro-American lobby in Japan. Moreover, numerous Japanese politicians, public figures, businessmen, political scholars and bureaucrats of all descriptions are quite convinced that there is no alternative to the Japanese-American military and political union with regard to the interests of Japanese national security.

The main argument in support of this contention during the “cold war” era was the “threat to Japan by the Soviet Union”; today, this has been replaced with “threats from China and North Korea.”

Thus, the post-cold war period has seen no major changes in Japan's foreign policy strategy and its military course. Attempts by Prime Minister Yukio Hatoyama to modify this course by increasing Japan's role in its alliance with Washington and by developing friendly relations with Russia and China, were resolutely suppressed by both the White House and the pro-American lobby in Japan.

The return of the LDP to power and of its leader Shinzo Abe to the government points to the intention of Japan's ruling circles to further strengthen the country's military-political alliance and military cooperation with the United States.

Abe is the most decisive and consistent supporter of the philosophy of right-wing conservatism, which holds that by demonstrating its dedication to the alliance with the U.S., Japan must definitely rid itself of the "complex of defeat in World War II," draw a line under the post-war politics, and commence the revival of Japan as a unique and leading power of the world. Hence his pronouncements about the need to revise the Constitution and the assessments of Japan's actions during WWII.

The Japanese Prime Minister is the leader of the right-wing conservative group in the country's ruling circles, a group that relies on strengthening the alliance with the United States and on supporting the return of the U.S., especially its military return, to the Asia Pacific region. It also favors an increase in Japan's own capacities to build up its military potential, which requires removal of the relevant constitutional limitations. Particular attention is being paid in this context to the importance of the firm stance in response to the Chinese challenge.

However, the right-wing conservative group has to reckon with the presence in political and social circles of proponents of pacifist views, as well as of supporters of greater independence of Japan's foreign policy.

The attitude of the Obama administration toward Abe's political philosophy shows that Washington does not share the "excessive" radicalism of the Japanese Prime Minister vis-a-vis constitutional reform. It will be recalled that the Americans played a decisive role in creating Japan's Constitution and in the radical military build-up—for fear that Japan might get away from U.S. control. Similar attitude can be observed to Japan's snootiness toward China and the Republic of Korea, the countries that impede the U.S. strategy in the Asia Pacific region, where it seeks to reach agreement with Beijing while consolidating relations with its allies, Japan and the ROK in containing the PRC. The White House's friendly tips have already contributed to some slackening in Abe's determination to revise the Constitution and the outcome of WWII. For all that, the Japanese Prime Minister does not seem to be willing to have his philosophy modified at this time.

The late 20th and early 21st centuries saw a new generation of politicians enter big-time Japanese politics—people who are free from the "post-war syndrome" and are motivated by ambitions to revive the "greatness of

Japan” based on traditional values. This does not lead to a major revision of the approach to the alliance with the U.S., but is accompanied instead by attempts to shift the internal political situation in the right-wing conservative direction and make this shift permanent.

Oleg Paramonov in his paper tries to give an answer to the question, whether the Japan-U.S. missile defense could be a basic factor in changing Tokyo’s security policy. Japan today is not only the most valuable and promising partner of Washington in the field of missile defense, but it is gradually becoming an important and influential actor in this highly sensitive sector of the international security environment. Such changes in Japan’s role are still poorly predictable in terms of impact not only on the regional, but also on the global security environment, since the anti-war provisions of the Japanese Constitution have been one of the elements of the regional status quo. At present, the attitude of the neighboring countries to Tokyo’s plans in the military sphere is no longer entirely negative.

An assessment of the missile defense situation during the three years of rule of the Democratic Party of Japan suggests that some progress has been achieved in this cooperation. This is largely due to the efforts of the Japanese bureaucracy, namely, officials of the Defense Ministry and the Foreign Ministry who were able to maintain control over the anti-missile aspect of Japanese-American cooperation and to take responsibility for making important decisions.

After the victory in the December (2012) parliamentary elections, the government of the Liberal Democratic Party of Japan (LDPJ) announced its plans to review before the end of 2013 the National Defense Program Guidelines of 2010. This intention of Prime Minister Shinzo Abe appears to be a very ambitious political move given that the 2009 Guidelines were meant to remain effective for a five-year term and that their elaboration relied on the ideas proposed by LDPJ think tanks.

Recommendations for the new National Defense Program Guidelines of Japan (hereinafter the new Guidelines) were prepared by several LDPJ committees. The most controversial proposal of Japanese experts involves plans to provide for a possible preemptive strike to destroy the potential enemy’s ready-to-launch missiles, thus duplicating the capacity of the existing missile defenses.

Adoption of the doctrine of pre-emptive strike would mean a significant increase in the role of the SDF, which is now strictly limited by the Constitution. Shinzo Abe is considering constitutional reform one of the priorities of his long-term policy, while his top priority is to change the current interpretation of the Constitution, which prohibits Japan’s participation in collective self-defense.

Japan does not have the right to use its missile defense capabilities to protect the United States or any other country from missile attack. Abe has repeatedly stressed that such an imbalance of obligations is not conducive to the strengthening of trust between the allies.

Cooperation between the U.S. and Japan in the field of missile defense has already led to the achievement of a fundamentally new level of coordination between the armed forces of the United States and the Japan Self-Defense Forces, at which it has become very difficult to distinguish between Japan's participation in collective self-defense and its observance of the ban on such activities.

Its own set of recommendations for the new Guidelines was also prepared by Keidanren, i.e., the headquarters of Japanese business. These include a positive evaluation of the statement by the Cabinet's secretary of March 2013 about possible exceptions to the ban on Japan-produced arms, namely, the exports of components for the future F-35 fighter plane. Nine countries, including the United States, are taking part in the consortium to develop this aircraft. People in Keidanren believe that this statement is not only important from the standpoint of the value of F-35 for the security of Japan, but also from the perspective of preserving and developing the Japanese military-industrial complex and its technological base.

Keidanren analysts believe that the benefits of Japan's possible collaboration with other countries in the development and production of weapons can lead to greater cooperation with allies and friendly countries in matters of foreign policy, to easier access to the latest foreign technology, and to reduced costs of research and development work.

Sergei Chugrov dedicated his paper to Japan's soft power in the context of Sino-Japanese relations. The research is devoted to dilemmas faced by Japan and the Japan Foundation in connection with the sharp aggravation of the dispute over the Senkaku (Diaoyu) in September 2012. The author concludes that this was a consequence of a long development of negative trends in the relationship, not the cause. Moreover, the author argues that orientation of the parties to the use of soft power is what can break the deadlock.

Japan and China have come a long way in their constantly intertwining development, and have demonstrated the full range of nuances of mutual perception in the process. Among the causes of misunderstanding between the nations belonging to the same cultural domain one may refer, perhaps paradoxically, to shared cultural values, or to be exact, to differences in interpretations of these values by the two parties. According to this author, archetypes and cultural interdependence are the quintessence of the configuration of the relationship between these two countries, which are still bound together by strong emotional ties. Ideally, common ground between political cultures of Japan and China should provide favorable conditions for the use of soft power.

The most controversial and difficult problems in Sino-Japanese relations are reducible to the problem of interpretation of history, the assessment by Tokyo of its moral responsibility for damage caused during military conflicts, and—most importantly—the ritual of apology. The methods of warfare used by the Imperial Army in Asia created quite special sentiments in Japan,

which stem from a certain sense of unease vis-a-vis its continental neighbors. Without taking this moral responsibility into account, Tokyo would be hard put to fully comprehend the specifics and importance of using soft power.

The key agent of soft power in Japan's cultural and academic exchanges with the world community is the Japan Foundation. In addition to being a vehicle of soft power, the Foundation also tries to act as a catalyst in improving the image of the Country of the Rising Sun and its relations with other nations. The Chinese are one of the Japan Foundation's top-priority directions. The share of Chinese students learning Japanese is the world's largest and it has grown over three years by 26.5% to over one million. According to this index, China has surpassed South Korea, which held the top position for years.

The crisis over the Senkaku Islands struck a telling blow to the Foundation. A program of events planned by the Japan Foundation was canceled or postponed at the suggestion of the Chinese side. Among those affected were not only the general public; in fact, significant damage was done to professionals involved in various programs of teaching the Japanese language, Japanese Studies, and intellectual exchanges as a whole.

Objectives of the Foundation include not only presentation of Japanese culture and the way of life to the Chinese, but also removal of accretions of historical grievances and improvement of Japan's negative image in Chinese mass consciousness, which is under the influence of stereotypes of the past and the propaganda of the Chinese media. The intensity of anti-Japanese sentiment in China shows, however, that the attraction of culture, especially pop culture in China's case, does not always directly impact political sympathies or antipathies.

Nevertheless, the crisis over the Senkaku failed to disrupt the cooperation program completely. With all the constraints of soft power, it has apparently no alternative if one is to count on improving relations in the foreseeable future. Japanese experts believe that patience and focused work will be conducive to preserving the groundwork on which to build genuine neighborly relations.

Japan has been successfully using its image of an "exceptional and outstanding country," veiled in mystery and endowed with unique appeal. Amazing scenery, scenic holidays, interesting traditions—all this has become a hallmark of Japanese soft power that attracts foreigners, including the Chinese, to the Japanese language and culture. More and more Japanese experts call to put this cultural identity to better use for foreign policy purposes. Particular attention is paid to attracting the young to the values of Japanese culture. Aiming at young people abroad is a global project entitled "Cool Japan"; it is designed to promote the Japanese way of life and youth subculture (anime, manga, pop music, fashion, etc.), which evokes particular response from the young Chinese.

Chugrov also concludes that the Japanese experience deserves careful study in Russia, which does not have an effective organization such as the

Japan Foundation. Such activities in the international arena could in time be fulfilled by the Federal Agency for CIS Affairs, Compatriots Living Abroad and International Humanitarian Cooperation (Rossotrudnichestvo) and the Russian World Foundation. More substantial investments in instruments of soft power and its effective and well-targeted use are vital in order to gradually build a more attractive image of contemporary Russia abroad, which will facilitate achievement of foreign policy objectives on the world stage. So the experience gained by the Japan Foundation can be of great help.

Olga Dobrinskaya's research deals with the concept of human security in Japan's foreign policy. The changing paradigm of international security in the early 1990s pointed to the need to develop new approaches to achieve security. Expansion of the concept of security and the inclusion in it of non-military aspects was reflected in the notion of human security, a notion that relied on two key concepts—freedom from fear, i.e., protection against immediate threats of physical nature, and freedom from want, i.e., protection from economic threats.

The end of the cold war stimulated Japan to search for a new role in the global community. This called for rejection of orientation toward narrow national interests and a readiness to become more involved in international affairs while observing the constitutional constraints.

The ideas of human security were willingly accepted in Japan shortly after they had been promulgated. Facilitating this acceptance were well-established standards of pacifism, the non-use of military force to resolve international disputes, and the recognition of the integrated security concept.

The use of the principles of human security was instrumental in updating the content of the policy of official development assistance (ODA). At the same time, some aspects of the concept, as it relates to freedom from fear, evoked disagreement in Tokyo. As a result, Japan elaborated its own approach to human security, and undertook further efforts to promote it internationally.

One of the first national leaders who expressed support for the new concept was Prime Minister Tomiichi Murayama. The concept was fully recognized and became formally part of Japan's foreign policy under Prime Minister Keizo Obuchi.

The first Japanese initiatives in the field of human security were made in response to the financial crisis in Asia. They placed emphasis on the economic component of the concept of human security, thus reflecting the philosophy of freedom from want. Obuchi's vision of human security and efforts to consolidate it among Japan's foreign policy priorities were continued by Prime Minister Yoshiro Mori. Addressing the UN Millennium Summit, Mori even called human security one of the pillars of Japanese diplomacy.

The concept of human security went out of the limelight after Mori had stepped down from the post of prime minister. This was due to the changed

environment with regard to international security after the events of September 11, 2001. Traditional security threats removed global challenges from the list of Japan's top priorities in foreign policy. At the same time, Tokyo wished to make use of the existing tools to enhance its role in safeguarding world peace and stability while minimizing the need for its defense forces' participation in U.S. military operations. The government emphasized the link between Japanese participation in the fight against terrorism and its measures to safeguard human security. Moreover, in the context of the reconstruction of Afghanistan, a concept of consolidation of peace was proposed which made it possible for Japan to become involved in post-conflict peace-building.

Human security became an important part of the renewed ODA program again in 2003. Peace-building was also incorporated in ODA, while participation in it was seen in the context of human security, that is, with the emphasis on reconstruction and development. Thus, with the implementation of its human security diplomacy Japan sought to expand its role in dealing with issues of conflict resolution. This role is limited to areas that exclude direct intervention in conflicts, in other words, it is focused on non-military aspects of providing freedom from fear.

Tokyo undertook every effort to establish its vision of human security at the global level. Japanese officials succeeded in setting up control over policies implemented in the framework of the UN Trust Fund for Human Security. As Japan was for years its only donor, its voice is still decisive in votes for approving project funding and identifying regional priorities.

Promotion of the Japanese concept is associated with activities of the Commission on Human Security, which was convened by the UN in January 2001 at the suggestion of Yoshiro Mori to clarify the content of the concept and make recommendations for its implementation. The Japanese side provided funds for the commission and its co-chair was the former UN High Commissioner for Refugees, Sadako Ogata. After its work was completed, the commission was transformed into the Expert Council on Human Security, also headed by Ogata, which was to make recommendations to the UN Secretary General on the implementation of the commission's final report and the uses of the UN Trust Fund for Human Security.

Japan's vision of the concept has undergone changes over the years. Whereas in 1998–2000 it was perceived as a key trend in the continued development of national diplomacy and even as a pillar of foreign policy, over time it has come to be primarily considered in the context of development assistance; today it forms the basis of Japan's efforts to address the global problems of humanity.

Implementation of the concept of human security fits in with Japan's national interests. It is an essential element of the country's cooperation with the UN and it consolidates the image of Japan as a leader in dealing with the socio-economic agenda. Human security strengthens the regional dimension of foreign policy and helps create a positive image of the country

not only in Asia, but also in the more remote areas that are important to Japan, for example, in Africa. Human security also plays a positive role in the Japanese-American alliance, as it supports and supplements some activities of the United States in various fields, e.g., in post-conflict reconstruction. To sum up, the concept of human security has become an integral part of Japan's foreign policy in the era of globalization.

The nuclear factor in Japan's climate policy is the main research subject in **Oleg Kazakov's** paper. The March 11, 2011, a 9.0 magnitude earthquake and the consequent massive tsunami led to the natural and man-made accident at the Fukushima-1 plant, which stopped almost all reactors at Japanese nuclear plants, and brought about a revision of the country's nuclear safety standards by the Japanese government. The sector of Japanese nuclear power generation, which provided about one-third of the country's electricity, not only caused difficulties in power supply, but also affected Japan's obligations under the Kyoto Protocol to reduce greenhouse gas emissions. Moreover, and above all, it affected the increased obligations that the then ruling Democratic Party (DPJ) adopted in 2009, the obligations to reduce greenhouse gas emissions by 25% by 2020 (compared to the baseline of 1990) that its leader and Prime Minister Yukio Hatoyama named the "Hatoyama Initiative." This was how the two problems—the restoration of atomic energy and Japan's climate policy—became closely linked.

The great disaster in Eastern Japan led to a sequential shutdown of reactors at Japanese nuclear power plants; some of these were closed for routine inspection, but even the reactors that passed the inspection did not resume operation. On May 5, 2012, the country's last operating reactor at the Tomari nuclear power plant was stopped for repairs, thus leaving Japan without nuclear power for the first time since 1966. On July 1, 2012, work resumed at reactor number three, and on July 18, at reactor number four at the Oi plant, the only two reactors in operation in Japan at this point. Needless to say it was a crushing blow to the Hatoyama Initiative. Whereas in 2010 the country's share of nuclear energy accounted for 30.8%, it plummeted down to 14% in 2011.

The natural and man-caused accident at the Fukushima-1, which was accompanied by the release of a cloud of radioactive steam and leaks of radioactive water into the soil and water, led to the first-ever major disaster related to the peaceful use of atomic energy. This has brought in its wake a growing anti-nuclear sentiment in Japan, which was voiced at numerous rallies across the country and in public statements by famous Japanese figures. The large-scale social movement has practically blocked any quick decisions to launch nuclear reactors in the country.

In addressing the 18th Conference of the United Nations Framework Convention on Climate Change (COP18), held in Qatar from November 26 to December 7, 2012, the Japanese spokesman stated that, on the one hand, Japan was not going to join the Kyoto Protocol in case of its renewal, but

that, on the other hand, it would try to maintain its role as a key player in the discussion of this agenda as it assisted developing countries supplying the sum of 17 billion 400 million dollars, which is well above the \$15 billion it had promised three years ago. As a result, due to a number of reasons and despite the obvious damage to its reputation, in 2012, Japan disengaged itself from the second phase of the Kyoto Protocol.

When the Liberal Democratic Party (LDP) returned to power in Japan in December 2012, with Shinzo Abe as Prime Minister, it aimed at restarting the nuclear reactors on the basis of new standards of nuclear safety. The goal was to eliminate the deficit of electricity and use energy sources with zero emissions so as to set on these bases new realistic goals for reducing greenhouse gas emissions.

A breakthrough in efforts to restore the nuclear industry occurred after Japan adopted new security rules for nuclear power plants on July 8, 2013. On that day four NPP operators applied for permission to renew operation of 10 reactors at five nuclear power plants, and the Nuclear Safety Commission of Japan began their review. Yet, the government is aware of the pressure on the part of most of the public and many parties who oppose the “peaceful atom” and stand for a consistent elimination of nuclear energy in Japan.

Nevertheless, Japan is planning to announce new targets for greenhouse gas emissions at the November 2013 Conference of the UN Framework Convention on Climate Change and is continuing its efforts to overcome the existing problems.

The paper by **Irina Timonina** deals with the evolution of Japan’s foreign investment policy, which has developed from industrial exports to the export of systems. Recent changes in the structure, dynamics, and trends of the global economy led to a significant transformation of its entire system and mechanism. The new centers of growth have come into being in the global economy, especially in East Asia. Transition to a two-speed dynamics of world economic growth has been clearly delineated: there is a slow-down in the post-industrial economies of the developed countries, while the most successful countries in the developing world demonstrate high and ultra-high rates. Also growing are their export potentials, resulting in their goods and services occupying new market segments. At the same time, the economies of the developed countries and, above all, their industrial complexes are losing their competitiveness in the markets where until recently they had been undisputed leaders.

All this adds urgency to the new global positioning of developed economies and, in a wider context, of ensuring their growth potential in the long term. The challenges of the 21st century and the new situation in the world market are probably even more relevant to Japan than to other developed countries. After all, Japan experienced a “lost decade” in the 1990s, a deep recession during the financial and economic crisis of 2008-10, and the effects of the 2011 natural disasters.

Japan shows a tendency toward losing its international competitiveness. In 2011, its share in world merchandise exports decreased to 4.5% (from 10.3% in 1986) (cf. China's share of 10.4% in 2011)—a very negative factor if considered in the context of Japanese economy's continued high dependence on foreign markets. Furthermore, with an increasingly active movement of Japanese corporations' manufacturing operations and business functions abroad, the intermediate goods increase their share in the country's exports, resulting in "losses" of added value for the Japanese industry.

As a result, Japan, like other developed countries, is faced with the need to find new market segments where Japanese companies can realize their potential and achieve competitive advantages in the medium and long term.

Strategic blueprints developed by Abe's government from February to June 2013 proposed a Strategy of Global Outreach, whose authors contend that Japan has precisely this kind of advantage in the infrastructure (electricity, roads, water, IT), healthcare, and education.

In designating ways for realizing its "global excellence" in the international context, the government suggests that companies focus on the diversification of foreign activities, namely on the promotion abroad of "integrated systems," i.e., the realization of complex projects in the industrial and social infrastructure, which should include not only supplies of equipment, other products, and implementation of construction works, but also development of designs, provision of technology and know-how, engineering, and educational services—all in one package. Such "package-type infrastructure," which was designated as early as in 2010–2011, may help increase the sought-after added value that Japanese companies obtain from overseas operations.

The novelty of this approach lies in the fact that traditional forms of export of goods and services take on the character of strategic integrated projects based on a public-private partnership, with an increasing involvement of small and medium-sized businesses in addition to large ones. Such strategy seems quite realistic. The marketing of public goods and services that provide the required/desirable quality of life (education, health, clean energy, ecological environment, urban planning, and transport communications) is on the rise worldwide, especially in developing Asian countries, some of which are going for the strategy of "inclusive growth." This kind of growth strategy calls for reduced dependence of the country's economy on foreign markets and the expansion of domestic demand through growth in incomes and the creation and/or improvement of production and social infrastructure. For Japan, it opens up new opportunities in the emerging markets and other rapidly growing economies. Estimates by government experts indicate that by 2020, Japanese companies may be able to triple sales in the international infrastructure market (up to 30 trillion yen) and in the market for medical technologies and services (up to 1.5 trillion yen).

To assist companies on this path, the government proposes to use a mechanism of crediting the Japan Bank for International Cooperation (JBIC's Loan Facility Enhancing Global Business Development), a system of insuring exports and investments (NEXI), and tools of Official Development Assistance (ODA), including the infrastructure of the Japan Agency for International Cooperation (JICA). Moreover, Prime Minister Abe is ready to act as the "main salesperson" of Japanese systems.

The set of promising "system" exports of Japanese companies is quite extensive. One of them is the projects of "smart cities" that rely on the latest technological, engineering, and design solutions to create friendly and comfortable living environments.

The systems approach as a key idea of Japanese companies' export strategy (and of Japan as a whole) is exemplified in the joint project of Japanese business and government called "Cool Japan." It aims at promoting abroad elements of Japanese lifestyle and culture (fashion, design, cuisine, and many other aspects).

Japanese companies can offer and, in fact, are already offering foreign markets system solutions in health, education, environmental services, and consumer service organization systems, i.e., the format used in Japanese department stores, restaurants and other units.

Thus, Japan is gradually moving from the export of goods to the export of technologies and solutions, a trend closely related to the promotion of the national brand "Japan." The government and business are meeting the new challenges together, relying on the tried and tested mechanisms of economic diplomacy, which is well-known for its pragmatic approach. Contributing to these efforts is a wide use of the national image capital, i.e., Japan's perception in the world, the Asian world, above all, as a country with a high standard and quality of life, which, while not any longer the largest Asian economy, remains nevertheless the most developed in the socio-economic terms and which, therefore, can serve as a model for other countries, not necessarily Asian ones.

Yevgeny Kovrigin's article analyzes the evolution of Japan's official development assistance (ODA) in Southeast Asia from the 1950s to the present. Southeast Asia and ASEAN are traditional favorites of Japan, which has been their number one donor of ODA since 1978. The nearly 60 years of implementing assistance programs saw quite a few changes in their motives and goals, which were complicated and interpreted in different ways. Still, most observers believe to this day that the Japanese model of assistance primarily focused on economic and neo-mercantilist objectives. The philosophical foundation of Japanese ODA comes closest to the concept of developmentalism, as opposed to the "basic human needs" concept.

From 1989 to 2001, Japan held the world's first place in the volume of transfers to the developing countries (yen loans together with repayable grants). Annual reductions in ODA began with the onset of the 21st century, shifting Japan to the fifth place among the donors. The reductions were

mainly due to the aging population and the decreasing tax base. There are other reasons for these statistics that diminish Japan's prestige. The assistance it provided in the 20th century relied not so much on grants as on concessional loans, which began to mature in the 21st century, with payouts from the debtor countries increasing every year. These payments are deducted from new transfers; as a result, some ODA recipients are obliged to pay more than they receive. Yet Japan continues to be a great power, comparable to the U.S., as regards the volume of new or gross payments.

The special Japanese model of economic aid to Southeast Asia has its origin in the post-war reparations (or quasi-reparations) that it used to pay to the victims of its aggression in the Pacific War. Due to these reparations, Japan has managed to gain a unique foothold in the markets of the new independent states by getting them accustomed to their goods and services. This process went parallel to a gradual transition to voluntary assistance. The United States, burdened with a negative balance of payments and the Vietnam War, stimulated the Japanese to assist the anti-communist regimes. Hence, ODA was for a long time the main, if not the only, instrument of Japanese diplomacy in Southeast Asia (as well as in East Asia and Oceania).

It is in Southeast Asia that there evolved the so-called triad of foreign trade—direct foreign investment—ODA, in which ODA played the role of a “lubricant” for Japanese private corporations. A long-time favorite “in the square” in this sense was Indonesia, run by the brutal Suharto regime. An important milestone on the path to Japan's leadership in the region was the creation in 1966 of the Asian Development Bank (ADB), where Japan's initial contribution matched that of the U.S. Its strong position in ADB gave Japan an indirect control over the flow of multinational aid to Southeast Asia and the Asia Pacific region as a whole. In his so-called Manila doctrine of 1977, Japanese Prime Minister Fukuda announced the creation of a special relationship between the ASEAN member-states and Japan. As part of this relationship, Japan began to update the infrastructure of Southeast Asian countries through its growing financial and technical assistance, which was followed by an influx of private investment from the Japanese archipelago.

Soon, however, ASEAN was faced with the emergence of a powerful competitor for its share of the Japanese “aid pie”—the People's Republic of China (from 1979 to 2008). For a while, Japan, being in the prime of its economic power, could afford increasing amounts of aid both to China and South East Asia. In general, the geographical structure of ODA started to diversify as a result of pressure from the West to channel more aid to the poorest areas of the planet. In 1992, the cabinet of ministers adopted its ODA Charter, which became a benchmark for selecting recipient countries. In the late 1990s, the emerging trend to scale back preferential transfers abroad was interrupted by a powerful financial crisis in ASEAN and South Korea; it will be recalled that Japan played an important role in efforts to overcome the crisis.

Soon thereafter, a conflict arose between two contradictory trends in Japan. On the one hand, responding to the Japanese corporations' persistent demands for greater participation in the development of infrastructure in Southeast Asia and China, the government promised to give them greater access to overseas projects. Parallel to this trend, an opposite, "humanitarian," motivation was gaining momentum among the Japanese elites. As a result, the revised ODA Charter (2003) formalized a comprehensive concept of human security that combined the concept of "freedom from want" with that of "freedom from fear." Since then, Japanese leaders, in formulating assistance programs, had to balance developmentalism against "human security," justifying them both by humanitarian considerations and benefits for Japan.

Another stumbling block was the dilemma between yen loans and free grants. Grants clash with the unwritten principle of the Japanese government agencies, namely, "to lend money, start a business, make a profit, and repay the lender." Under pressure from Western donors, the share of grants continued to increase until the 2000s, when the transfers began to include roughly equal amounts of loans and grants. An important factor in this regard is the approach promulgated in the 1990s that provided aid on more favorable terms to partner countries with a lower starting level of development. The least advanced countries today receive aid from Japan almost exclusively for free. For all that, the share of grants in Japan's overall aid volume still puts it in the last place among other DAC members.

Meanwhile, the propensity of Japanese ODA agencies to build infrastructural projects has come to contradict the worldwide trend associated with such global issues as environmental degradation. Only a few countries in Asia Pacific are in a position to control the state of the environment, while Japan has a lot of positive experience and can use it in dealing with ecological problems. Of particular interest in this respect is a large-scale integrated development project in the Mekong River basin, a meeting place of the interests of five developing countries. Japan has promised them not only large funds to develop infrastructure, but also to fight the greenhouse gases and climate changes.

The economic "maturation" of a number of ASEAN countries (Malaysia, Thailand, and others) has reduced their need for outside assistance. At present, the main priority in this field is collaboration in aligning the levels of development between the "old" and the "new" ASEAN members—which, incidentally, promises some benefits to Japan as well. Worthy of note are shifts in aid allocated to Vietnam and Myanmar (Burma), both of which were earlier largely ignored for political reasons. As a result of the interest on the part of Japanese corporations in the new economy of Vietnam this republic received more preferential payments from Tokyo in the early 21st century than China.

A decade later, when Myanmar shed its designation as one of the "rogue states," it started attracting private Japanese investors like a magnet, which

has compelled Tokyo to promise powerful ODA transfers to pull it out of the dire state of its infrastructure.

Adding particular urgency to the aid situation in Southeast Asia is a tough and growing competition for influence on the part of China. Its foreign exchange reserves enable China to offer virtually unlimited economic assistance to the region, and one can already see quite a few examples to this effect. What makes the task all the more complex for Japan is how to avoid “losing” all of Indochina and Southeast Asia and, at the same time, to minimize friction with China and check the flames of political rivalry in the region.

The paper by **Irina Nosova** examines Tokyo’s policy toward the Northeast Asia free trade area including China, Japan, and the Republic of Korea. Japan’s interest in this integration project is primarily associated with the unprecedented scale of the FTA—and its potential impact on the regional economy—that is being created: in 2010, China, Japan and South Korea accounted for 10.4 %, 5.1% and 3.1% of world exports and for 9.1%, 4.5% and 2.8% of world imports respectively. At the same time, work on the project reveals the overall approach of Japan to the accelerating processes of economic integration in the Asia Pacific region.

The Big Three FTA is Japan’s only integration project of nearly fifteen years’ experience. It illustrates how complex is the task of harmonizing trade regimes of strong economic players whose interests are in many cases contradictory. Experts seek to orient the parties to setting up the deepest and most comprehensive free trade area, covering, in so far as possible, the entire range of trade and economic relations between Japan, China, and South Korea. However, the final outcome of the negotiations on the FTA is difficult to predict at present. The negotiation process will be affected by such factors as the individual priorities of Japan, China, and South Korea in an economic integration, and the presence of interest groups, political tensions in the “triangle,” and the position of foreign players, the United States in the first place.

Nor can one exclude the possibility that Japan regards its participation in the negotiations on the Big Three FTA (as well as other major regional projects) as merely the next phase in realizing its fundamental course to expand its network of agreements on free trade zones. Such a scenario may indicate that Tokyo foresees a further erosion of the multilateral trading system and the concomitant weakening of the status of the WTO as its legal base. Regional negotiations under such conditions become a convenient and understandable alternative for the Japanese, while multilateral integration projects act as a new incubator for developing universal “rules of the game” of global trade.

Alisa Batakova analyzes the problems of historical past in recent Japanese-South Korean Relations. In her opinion, Japan and South Korea are important partners and collaborators in widely ranging areas. Relations with South Korea are one of the priorities of Japanese diplomacy.

At the same time, the Republic of Korea is known for its strong anti-Japanese sentiments and general distrust of Japan, which stem from the historical memory of Japanese colonial administration of Korea in the first half of the 20th century. Japan's recognition of its historical responsibility comes in for discussion during bilateral meetings at the highest level and at various international gatherings; likewise, they feature prominently in the political discourse and are under the scrutiny of the media. Now and again these "problems of the past," which serve as a kind of constant background for bilateral relations, become aggravated and thus pose a challenge to Japan's foreign policy.

The change of government in Japan as a result of the victory scored in the parliamentary elections of August 30, 2009, by the Democratic Party (DPJ), raised hopes for improvement in Japan's relations with East Asian neighbors on the basis of a more sensitive attitude to history expected from the Democrats. The DPJ administration declared that "turning to Asia" would be a foundation of its foreign policy, with the implications that stronger cooperation with East Asian countries in various fields will help to build an East Asian community in the future. The first DPJ Prime Minister Yukio Hatoyama admitted that "problems of the past" affect the development of bilateral relations, and stressed the need for restraint in dealing with issues that are apt to provoke an emotional reaction of Japan's partners. On August 10, 2010, in a statement made in connection with the 100th anniversary of the annexation of Korea, the next DPJ leader, Naoto Kan, became the first Japanese Prime Minister to admit that the colonization was coercive by nature. This attitude of the new Japanese administration was highly praised in Seoul.

The "honeymoon" in the bilateral relationship did not last, however. By the end of the DPJ tenure in power, the worsening of the territorial dispute over Dokdo / Takeshima coupled with a number of statements by Japanese officials indicated that the Democrats were departing from their original position with regard to the sensitive issues of the past; the cooling of Japanese-South Korean relations followed in no time. Both top-level political dialogue and exchanges between NGOs were suspended.

The forthcoming thaw in bilateral relations was announced by the Japanese media after the victory of Park Geun-Hye (daughter of former President Park Chung-Hee who normalized Japanese-South Korean relations in 1965) in the December 2012 presidential elections in the Republic of Korea, and the statement by the newly elected Prime Minister of Japan and leader of the Liberal Democratic Party Abe about the importance of relations with Seoul. Events that followed showed such conclusions to be premature, however.

A number of disputable pronouncements by Abe, including those related to the possibility of revising the statements of Tomiichi Murayama and Yohei Kono, together with the visit to the Yasukuni Shrine by a large group of deputies of the Japanese Parliament and by four current cabinet ministers, including Deputy Prime Minister Taro Aso, resulted in a situation when, after

Abe's six-months stay in power, the press and the public were again involved in disputes over virtually all aspects of the "problems of the past." The Korean side, for its part, canceled the visit to Japan of the minister of foreign affairs and trade. Thus, prospects of hosting the first meeting of new leaders of the two countries are not clear to this day. Meanwhile, the press have begun to express concern about possible rapprochement between Seoul and Beijing on an anti-Japanese basis.

Fearing further deterioration of relations with the Republic of Korea, the Abe administration attempted to mitigate the negative influence of the factor of the past; evidence to this effect can be found in statements by the Japanese Prime Minister about the need to entrust the problems of history to experts in history instead of using them to create diplomatic and political problems. Moreover, Abe refused to pay a personal visit to the Yasukuni Shrine. The Republic of Korea did not perceive this as a concession, however.

The settlement of all aspects of the "problems of the past" requires political will on both sides. So far the DPJ administration's efforts in this direction have been inconsistent and brought only temporary results. At present, when Tokyo is keen on preparing the country's public opinion for a constitutional reform and revision of the official estimates of World War II, and when Seoul is still committed to linking bilateral relations to progress in resolving problems of history, a dramatic breakthrough in this area is probably not to be expected.

Japan-China relations in the 2010s are examined in the paper by **Anna Kireeva**, who names the process of their evolution as a move from the "sea of fraternity" to the "sea of problems." The article reviews the transformation of Japan-China relations from 2009 to the end of 2012, i.e., during the period when the Democratic Party of Japan stayed in power and after the new cabinet of the Liberal Democratic Party of Japan led by Shinzo Abe has taken over.

Despite the initiatives of Japan's Prime Minister Hatoyama to develop bilateral relations in a comprehensive manner and transform the East China Sea into a "Sea of Brotherhood," the positive period in relations between the two countries ended when Naoto Kan succeeded him as Prime Minister in 2010 because of an incident at the disputed Senkaku / Diaoyu Islands. The incident seriously exacerbated Sino-Japanese relations which have entered a period of cooling, when the actions of China in the East China Sea are increasingly beginning to be seen in Japan as a threat to the security at both official and public level. Positive impulses in bilateral relations could not reverse the general trend of tension because of frequent visits of Chinese ships in territorial waters controlled by Japan off the disputed islands and active exploration and development of China's oil and gas fields in the East China Sea.

China and Japan (thanks to the Japan-US security alliance) are the most powerful economic, political, and military powers in Asia, therefore their

relationship is of great importance to the development of regional cooperation and integration. What characterizes the relationship between these countries is the presence of two co-existing trends: strategic cooperation and strategic rivalry. Though important economic partners, they remain opponents in the spheres of politics, security, and ideology, and face a number of unresolved contradictions that markedly complicate the development of relations. These factors, including the territorial dispute, as well as some problems of the past, the differences in positions with respect to Taiwan, and other countries, resemble an iceberg that is not always visible under the water, but that may emerge at any moment and provoke a sharp deterioration in relations.

The decision to nationalize the Senkaku / Diaoyu adopted by the Government of Japan on September 11, 2012, brought in its wake an unprecedented deterioration of the territorial conflict and a serious crisis in Sino-Japanese relations. In addition to political steps taken by the Chinese authorities at the official level, large-scale anti-Japanese demonstrations causing major economic damage to Japan took place in the PRC. Both China and Japan have repeatedly come forth with diametrically opposite interpretations of each other's actions: whereas Japan considered that the transaction related exclusively to property rights and had nothing to do with the question of sovereignty, China perceived the move as a violation of the "gentleman's agreement" that Japan did not recognize. China, acting against the background of modernization of its military potential, used the tactic of reactive assertiveness, which consists in a significant increase in Chinese activities in the area of disputed islands so as to prevent Japan's unilateral control over them and create a new status quo, involving a competing presence of China in the area. The case of radar guidance in early 2013 suggested that the dispute over the islands was escalating into a military conflict between China and Japan, thus becoming the lowest point in the development of their relations since the normalization of 1972.

The coming of new leaders to power in China and Japan did not release tension in the bilateral relations. Seen against the backdrop of increasing distrust of one another, President Xi Jinping's idea of the "Chinese dream" (the great revival of the Chinese nation) and the nationalist policies of Japan's Prime Minister Abe leave even fewer opportunities to improve relations. Perceiving China's actions as a threat to its security, Japan boosts the capacity of its Self-Defense Forces on the Chinese border, relies even more on strengthening the political and military alliance with the United States, and, according to some experts, is busy creating an anti-Chinese network in the Asia Pacific region.

Yet, improvement in relations between Japan and China is part of Abe's foreign policy, which is geared to enhance Japan's contribution to maintaining peace and stability in East Asia and its role on the world stage. Moreover, China is Japan's key economic partner without which the realization of Abe's ambitious goal of lead the country out of prolonged

recession would be extremely difficult. For all that, the two countries' striving for regional and global leadership determines the competitive nature of their relations and limits the potential for their improvement in the future.

The increased patrolling by both countries of the waters around the disputed islands creates a security problem, heightening the risk of accidental military confrontation and destabilizing the situation in the region. At the same time, statements by the leaders of both China and Japan on the need to prevent armed conflict and attempts to establish bilateral relations give hope that the worst-case scenario may be avoided.

The topic of Japan's policy toward Russia in 2009–2013 is analyzed in the research by **Victor Kuzminkov**. In his view, late August 2009 saw the first fundamental change of power in Japan for many years. The Liberal Democratic Party of Japan (LDPJ), which stayed in power almost continuously since 1955, suffered a crushing defeat in elections for the lower house of parliament from the opposition Democratic Party of Japan (DPJ).

The victory of the Democratic Party, led by Yukio Hatoyama, inspired a number of politicians and experts to hope for improvement in Russian-Japanese relations. These hopes relied, first of all, on Hatoyama's announcement that he would continue the family tradition of improving relations with Russia, which was associated with his grandfather, Ichiro Hatoyama, who restored diplomatic relations between the USSR and Japan in 1956 by signing the Soviet-Japanese Joint Declaration.

However, these hopes did not materialize. Almost throughout the period of Democratic rule, political scandals and sharp statements have been straining the Russian-Japanese relations. All avowals by Hatoyama to improve relations with Russia and resolve the territorial issue proved to be merely empty campaign promises. The Liberal Democrats' government had no strategy of its own for dealing with Russia and stuck to the position of its predecessors that made the decision of the territorial issue the key to future cooperation.

The rigid policy of the new Democratic government provoked a backlash in Moscow. On November 1, 2010, President Dmitry Medvedev visited Kunashir, one of the southern Kuril Islands, which are disputed by Japan. Without exaggeration, the visit proved a landmark event in the history of Russian-Japanese relations. President Medvedev became the first Soviet and Russian leader to visit the Kuril Islands. On the one hand, the visit of the Russian head of state to the southern Kuril Islands was nothing more than a demonstration of Russia's sovereignty over these territories, but on the other hand, it demonstrated an obvious defeat of Japanese diplomacy. Eventually, the Japanese side was compelled to admit that it had no real means to prevent Dmitry Medvedev from visiting the island, nor did it see any sense in trying to freeze relations with Russia (or had any resources at its disposal to do so).

The formation of the new policy toward Russia started in the summer of 2011 after the news that Vladimir Putin would run for Russian presidency again. The Japanese establishment is convinced that the territorial dispute

with Russia can only be solved by means of a political decision at the highest level. A powerful pro-Japanese lobby thus became necessary to cause this political decision of the territorial issue to be taken in favor of Japan. The Japanese saw Putin's comeback as an "important signal" to set in motion lobbyist activities in the Russian direction.

An important step on the path of creating a suitable atmosphere for a political solution to the islands' issue was the former minister of foreign affairs and chairman of the ruling DPJ's Political Council, Seiji Maehara's visit to Russia which took place from April 29 to May 4, 2012.

On May 2, Maehara met with three close associates of President Putin. Two of them were old acquaintances of his: Minister of Foreign Affairs Sergey Lavrov and Sergei Naryshkin, chairman of the lower house of parliament. Of utmost importance, however, was his meeting with Putin's third associate—the then head of the government administration and professional Japanese scholar Anton Vaino (now the deputy head of the presidential administration). Establishing a personal contact with A. Vaino was an unquestionable achievement of Japanese diplomacy, and it is of great importance for the future of Russian-Japanese relations. Direct contact with one of President Putin's closest associates enabled Japanese diplomacy to influence the agenda involving sensitive issues of Russian-Japanese relations, including the problem of the "northern territories."

Despite that, the new Democratic government of Japan suffered a series of diplomatic setbacks in the Russian direction from late 2009 to early 2012, which were so significant that Japan practically gave up hope for a return to negotiations on the territorial issue, the key element in its relationship with Russia. The main thesis of the Russian side during this period was that the "South Kuril Islands are a part of Russian territory, and that our sovereignty over them is legitimate and undeniable." Such a principled position of Russia left the Japanese side with no other option than blaming the Russians for "illegal occupation."

With the start of President Putin's second term, the rhetoric and actions of Japanese politicians have softened considerably, however, while the term "illegal occupation" was replaced with a more low-key "occupied without legal justification." Furthermore, lobbyist activities and backroom diplomacy directed at the Russian President and his entourage have become more active. As a result, the Japanese side has obtained confirmation of earlier agreements to continue talks on the territorial issue that the Russian side had refused to do earlier due to "Russia's indisputable sovereignty over the South Kuril Islands" and the "inviolability of the results of World War II." In light of the progress achieved at the Russian-Japanese summit, according to which the path to peace agreement lies through defining the rights of possession of the South Kuril Islands, the Russian leadership may now find it difficult to appeal to the "inviolability of the results of the Second World War"; having acknowledged the islands' problem as unsolved, it has called into question Russia's sovereignty over the islands.

The final paper of the project book by **Alexander Ilyshev** contains a deep analysis of the present situation in Russo-Japanese relations. An intense and expanding political dialogue has been going on in recent years between Russia and Japan: meetings and contacts at all levels, including the highest one, visits by foreign ministers, consultations between deputy ministers, contacts on security, in particular between the Security Council of the Russian Federation and the Ministry of Foreign Affairs of Japan, etc.

Regular talks and contacts at various levels serve as a tool for generating documents relating to further development of relations and finding solutions to a number of issues, including the problem of a peace treaty. During his two visits to Russia this year, former Japanese Prime Minister Yoshiro Mori stressed that all the conditions have now been created for a major rapprochement between the two countries.

A study of historical documents and a review of existing realities clearly indicate that at this stage the two countries need a new basic treaty that would not only provide an additional factor of stability, but would also allow them to implement long-term plans.

With Russia and Japan establishing partnerships in the Asia Pacific region, the conclusion of such an agreement between them will contribute to the strengthening of peace and stability in the region, will give a new impetus to regional diplomacy, including the development of relations with other regional powers such as China, India, the Republic of Korea, etc.

Russia, notably, has such documents with several leading countries, such as the UK—the Treaty on Principles of Relations signed in 1992, and with Asia Pacific countries: with China—the Treaty of Good-neighborliness, Friendship and Cooperation of 2001, with the Republic of Korea—the Treaty on Basic Relations of 1992, and so on. As for the Russian-Japanese relations, the basic legal document is still the Joint Declaration of 1956. This document states that the state of war between the two countries was terminated, while peace and neighborly relations were being restored. The Declaration also called for the continuation of negotiations on a peace treaty.

According to a classic of modern sociology, P. Sorokin, there is a growing trend in today's world toward the formation of a new social and cultural environment connected with the growing role of the Asia Pacific region. Many states in the Asia Pacific region tend to make links with each other closer and more dynamic, and to develop them on the basis of equality, mutual benefit and common interests, and to expand cooperation in various fields, especially in the economic sphere.

Given these factors, Russia and Japan, in building further relationships, need to strengthen the core of equilibrium and maintain a steady balance so as to reveal more fully the potential of development and to encourage cooperation on a sustainable basis. To use the language of mathematics, the model of Russian-Japanese relations can be presented as a triangle whose height will continue to increase if the vectors of both its ends equally

tend toward the acme. The balance is disrupted, however, if one of the sides exerts a strong pressure on the other. A bend appears in the special model, as it were, which may, under certain circumstances, disrupt the stability of the Russian-Japanese relations.

The history of relations between the two countries has not a few records of periods of cooling and even direct confrontation. Yet each time, the sides managed to find a way to bridge the gaps and restore interaction on the same level. Moreover, a strong commitment to mutual understanding and trust apparently prevails among the peoples of the two countries.

In the course of his negotiations with the Prime Minister of Japan in Moscow this April, the President of Russia reminded him about the joint construction by Russian seamen and the residents of Shimoda of a ship to enable the return of Vice Admiral Evfimiy Putyatin's mission after the signing of the bilateral Treaty of Peace and Friendship in 1855. More than 150 years have passed since that time and conditions have changed, yet the principle of trust as a basis for reaching agreements has remained unchanged.

At present, the most critical is the territorial aspect of the problem of peace treaty between Russia and Japan. In the course of the ongoing negotiations the parties exchange views on how to address this problem while taking into account interpretations of earlier documents and agreements; the sides also analyze in detail legal international aspects of the problem and consider the full range of issues related to mutually beneficial cooperation between Russia and Japan. It appears that an appropriate approach to the solution of the peace treaty problem ought to take place in the context of realities of a multipolar world and the new social and cultural environment in which human beings occupy the principal place.

It is important that political differences should not impede the socio-economic development of the Kuril Islands and improvement of the living conditions of their Russian citizens. The Russian government has recently taken consistent steps in this direction. Meanwhile, Russia continues to implement the bilateral agreements to facilitate visits by former Japanese residents to their former homes on the islands and to care for the graves of their ancestors. The tool for cooperation in the islands' fisheries is the 1998 Agreement on certain issues of cooperation in the field of fisheries and marine live resources (the author was directly involved in the preparation and signing of the agreement).

It seems that greater use of the soft power method may make it easier to find solutions to difficult issues in Russian-Japanese relations than reliance on pressure of any kind. One of the most active proponents of this method is the prominent American political philosopher of Japanese background Francis Fukuyama.

This approach seems most appropriate for the parties to proceed to a common understanding of goals, objectives, and other factors relevant to the solution of the problem, an approach that will ensure success in the negotiations.

Hopefully Japan, which has the reputation of a country that respects tradition and is oriented toward the future, will demonstrate a balanced and responsible attitude to issues related to its historical past, which in turn will create preconditions for a steady development of Russian-Japanese relations and cooperation. After all, the future is always based on the past.

Д.В. Стрельцов

**НЕКОТОРЫЕ ПРИОРИТЕТЫ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА
ВТОРОГО КАБИНЕТА С. АБЭ***

Состоявшиеся 16 декабря 2012 г. внеочередные парламентские выборы вернули к власти в Японии Либерально-демократическую партию (ЛДП), которая получила в нижней палате парламента уверенное большинство. Демократическая партия Японии (ДПЯ) оставила «новой» власти в наследство целый комплекс нерешенных проблем в финансово-экономической, социальной и политической сферах, что дало повод С. Абэ назвать свой кабинет «правительством кризисного управления».

Особое место в ряду этих проблем занимали вопросы внешней политики и национальной безопасности. При правлении ДПЯ у Японии существенно ухудшились отношения со многими ее партнерами по региону — Китаем, Южной Кореей и Россией. Отношения с Китаем переживали, пожалуй, наихудший период с момента их установления в 1972 г. На фоне ужесточения среды международной безопасности в Восточной Азии перед правительством либерал-демократов остро встала необходимость укрепления стратегического партнерства с Соединенными Штатами, которое в период власти демократов подверглось серьезным испытаниям. Свою актуальность сохраняли и вопросы экономического сотрудничества с развивающимися странами, прежде всего в ЮВА.

Вследствие того, что в условиях калейдоскопичной смены кабинетов и их лидеров, наблюдавшейся с 2006 г., прежнее политическое руководство страны оказалось неспособным четко обозначить внешнеполитические приоритеты, многие ключевые вопросы отношений Японии с ее стратегическими партнерами решались не на политическом, а, скорее, техническом уровне. После новой смены власти и обретения политической стабильности перед правительством ЛДП остро встала задача концептуализации внешней политики и выработки ее стратегического видения на долгосрочную перспективу.

* Настоящая статья подготовлена в рамках проекта РФНФ № 13-01-00032.

Вместе с тем, однако, в первой половине 2013 г. внешнеполитическая повестка дня во многом определялась предвыборными соображениями — в преддверии выборов в палату советников правительству С. Абэ были остро необходимы положительные результаты, чтобы расширить электоральную поддержку. Таких результатов проще было достичь не в экономической сфере, где последствия экономической политики властей проявляется далеко не сразу, а в области внешней политики, в которой существенно легче обеспечить пропагандистский эффект.

Сфера безопасности

В 2013 г. в политике Токио в области национальной безопасности наметился качественный сдвиг. Еще в период ведения предвыборной кампании 2012 г. С. Абэ выдвинул идею создания «оборонительных вооруженных сил», которая предполагала превращение Сил самообороны в полноценную армию. Новым правительством сразу стали предприниматься шаги, направленные на усиление компоненты военного строительства в политике обеспечения национальной безопасности.

Впервые за одиннадцать лет был увеличен военный бюджет страны и впервые за восемь лет — штат Сил самообороны. Дополнительные средства были направлены на защиту морских и воздушных рубежей страны, и в первую очередь на юго-западном направлении, где находится граница Японии с Китаем. На 40% больше средств, чем в предыдущем году, было выделено на укрепление технического потенциала воздушного и морского патрулирования. Планы правительства предусматривали приобретение новых самолетов для воздушного патрулирования, проведение капитального ремонта более полутора десятков подводных лодок с целью продления срока их службы, внедрение в войска современных средств раннего обнаружения, проведение НИОКР по созданию разведывательных беспилотников «Global Hawk» с повышенными потолками полета, модернизацию конвертопланов «Оспрей» и т.д.¹.

В конце июня 2013 г. Министерство обороны Японии приступило к рассмотрению вопроса о разработке собственных баллистических ракет среднего радиуса действия (дальностью 400–500 км), мотивируя это необходимостью защиты островов Сэнкаку от китайского военного вторжения². Ожидается, что это будет первый тип баллистической ракеты под управлением Сил самообороны. Согласно информации газеты «Санкэй», подобная ракета может долететь до цели всего за пять минут, в отличие от обычной крылатой ракеты, время полета которой с базы на Окинаве составит десятки минут. Это, как предполагается, существенно облегчит задачу защиты островов. В случае одобрения данного плана законодательной властью работа над созданием ракеты начнется уже в начале 2014 г. По мнению некоторых экспертов, боевые

возможности ракеты ставят ее в разряд наступательного оружия, существенно превосходящего пределы самообороны.

В «Белой книге по вопросам обороны» 2013 г., опубликованной кабинетом Абэ в июле, особый акцент сделан на необходимость «защиты национальной территории». Как и в предыдущих изданиях, «Белая книга» 2013 г. отражала качественный поворот в оборонной политике Японии, а именно упор на оборону «отдаленных островов». С этой целью большое место в издании занимали вопросы качественного перевооружения Сил самообороны, оснащения их современными средствами разведки, наблюдения и раннего оповещения³.

Новые приоритеты в области военного строительства предполагается зафиксировать в обновленной редакции Программы национальной обороны, принятие которой ожидается в конце 2013 г. В этом базовом документе будут отражены основные направления оборонной политики страны на пятилетний период, особое место среди которых займут меры по оснащению Сил самообороны самыми современными вооружениями. Как и в «Белой книге по вопросам обороны», в центре новой программы, как ожидается, будет стоять тема защиты «отдаленных островов». Силы самообороны планируют начать отработку способности к оперативной переброске, высадке и размещению на островах, ставших объектом нападения.

Для координации государственной политики по вопросам безопасности кабинет министров представил 7 июня 2013 г. в парламент законопроект о реорганизации Совета национальной безопасности. Аналога подобного органа в правительственной структуре Японии послевоенного времени не существовало. Задуманный по образу и подобию Совета национальной безопасности США, японский СНБ будет служить своего рода «командным центром» в выработке политики в сфере дипломатии и национальной безопасности, обобщая информацию, поступающую от различных ведомств, перед тем как она поступит премьер-министру⁴. С целью ускорения процесса принятия решений в кризисной ситуации в Совете предполагается создать руководящую группу в составе премьер-министра, генерального секретаря кабинета министров, министров обороны и иностранных дел. У премьер-министра появится специальный советник, отвечающий за работу СНБ, а в самом Совете будет создан постоянно действующий секретариат, который позволит СНБ действовать в качестве органа, независимого от прочих министерств и ведомств⁵. Централизация системы сбора информации в сфере национальной безопасности и особые полномочия СНБ, как ожидается, позволят преодолеть ведомственную разобщенность и более эффективно координировать работу ведомств в кризисных ситуациях.

В политике кабинета Абэ по вопросам военной безопасности появились новые моменты, позволяющие говорить о ее качественных отличиях по сравнению с предыдущей администрацией ДПЯ. Во-пер-

вых, глава кабинета явно отошел от политики «умиротворения» Китайской Народной Республики, перейдя к достаточно жесткой риторике. Например, 23 июня 2013 г. в ответ на информацию о появлении восьми китайских судов в районе Сэнкаку С. Абэ недвусмысленно заявил, что, если Китай высадится на острова, Япония будет готова применить силу⁶.

Во-вторых, Абэ не только достиг прогресса в деле восстановления доверительных отношений с США, которые были ослаблены в период пребывания у власти ДПЯ, но и фактически добился проявления солидарности со стороны Вашингтона по вопросу о Сэнкаку. В ходе встречи с японским лидером 22 февраля 2013 г. Б. Обама заявил, что именно Китай «усиливает напряженность вокруг островов Сэнкаку»⁷. Многие обратили внимание на то, что американский президент использовал в ходе саммита японское название островов (Сэнкаку), а не китайское (Дяюйдао).

Японские Силы самообороны приступили к налаживанию оперативного сотрудничества с американскими союзниками для решения боевых задач, связанных с обороной «отдаленных островов». Например, именно с этой целью в июне 2013 г. в Калифорнии были проведены совместные учения с участием сухопутных, военно-морских и военно-воздушных Сил самообороны — редкий случай, когда в подобных учениях принимали участие все рода японских войск. В японской печати сообщалось, что в ходе этих учений отрабатывалась техника посадки американских конвертопланов «Оспрей» на палубу японских эсминцев⁸. Примечательно, что Китай призвал стороны приостановить маневры на период проведения китайско-американского саммита, проходившего как раз в те дни в Калифорнии, но этот призыв остался без ответа⁹.

В-третьих, Япония в своей военной стратегии по отношению к КНР стала отходить от узкой нацеленности на потенциальный военный конфликт вокруг островов Сэнкаку. На смену пониманию проблемы Сэнкаку как вопроса двусторонних взаимоотношений с Китаем в Токио пришло осознание того, что ситуация в Восточно-Китайском море тесно связана с ситуацией в Южно-Китайском море, а потому необходимо проводить координацию оборонной политики со странами, озабоченными ростом военных амбиций Пекина. С. Абэ выдвинул идею «ромба безопасности» — объединения Японии с Австралией, Индией и американским штатом Гавайи с целью обеспечения гарантий безопасности морских коммуникаций в регионе. Еще будучи лидером оппозиции, С. Абэ пригласил в ноябре 2012 г. Великобританию и Францию активно участвовать в укреплении азиатской безопасности и выдвинул идею о том, чтобы Япония присоединилась к группе пяти держав по вопросам обороны с участием Великобритании, Малайзии, Сингапура, Австралии и Новой Зеландии¹⁰.

Примечательно, что одной из важных целей дипломатической активности правительства Абэ стали шаги, призванные продемонстриро-

вать единство позиций Японии с ключевыми западными странами в отношении не только региональных, но и глобальных проблем. Япония стала энергично позиционировать себя как союзника Запада даже по тем вопросам, по которым она традиционно занимала нейтральную позицию. Одним из примеров является позиция Японии по сирийской проблеме. 11 июня 2013 г. министр иностранных дел Японии Ф. Кисида заявил на пресс-конференции о намерении японского правительства начать прямые поставки силам оппозиции «гуманитарной помощи» — товаров медицинского назначения, продуктов, автотранспорта, а также электрогенераторов. Еще с 2012 г. японское правительство признавало сирийскую оппозицию (Сирийский национальный совет) «представителем сирийского народа», однако воздерживалось от прямых поставок сирийской оппозиции, хотя для решения гуманитарных проблем в сотрудничестве с международными организациями ею было ассигновано около 80 млн. долл. Очевидно, что решение Токио о начале поставок было принято в контексте курса на всемерное укрепление японо-американского союза.

На саммите «Большой восьмерки» в Северной Ирландии в июне 2013 г. обсуждался вопрос о согласовании подходов и распределении обязанностей в политике решения сирийского конфликта между ключевыми союзниками — США, Японией, Великобританией и Францией. На вооружение была взята многократно опробованная формула стратегического взаимодействия, в соответствии с которой западные страны берут на себя военную, а Токио — гуманитарную компоненту курса по решению конфликтов.

Поставки «гуманитарной помощи» оппозиции японским правительством привлекают дополнительное внимание к проблеме ослабления законодательных и нормативных ограничений на экспорт вооружений. Известно, что, хотя Токио в соответствии с «тремя принципами запрета на экспорт вооружений» не допускает их вывоза за пределы страны, частные компании в течение нескольких десятилетий находят способ обойти запреты, экспортируя компоненты вооружений либо продукцию двойного назначения. Например, грузовики «Тоёта» уже много лет используются в боевых действиях на Ближнем Востоке, хотя, в интерпретации правительства, это практика их применения «не по назначению».

Еще в 2011 г. правительство Ё. Нода объявило об ослаблении ограничений на экспорт, заявив, что признает экспорт оружия, если оно разрабатывается совместно со странами, сотрудничающими с Японией в обеспечении национальной безопасности. С приходом второго кабинета С. Абэ официальные лица предпочитают не вспоминать о внутренних законодательных ограничениях на экспорт, указывая лишь на то, что вывоз оружия должен основываться на «строгом соблюдении устава ООН», а главным критерием является «недопущение распространения любых международных конфликтов».

Резонансным примером обновленного подхода правительства к вопросам экспорта вооружений является участие страны в разработках высокотехнологичного оружия в рамках союзнических обязательств по Договору безопасности. Так, многие компоненты новейшего истребителя F35, создаваемого на многонациональной основе, имеют японское происхождение. Поскольку истребитель, который предполагается поставлять в Израиль, будет с большой степенью вероятности использоваться в боевых операциях, участие Японии в его разработке напрямую противоречит провозглашенным правительством страны «трем принципам». Помимо стратегических соображений, связанных с укреплением союза с западными странами, важным мотивом Токио, очевидно, является стремление оказать поддержку национальному военно-промышленному комплексу, подключив его к разработке новейших военных технологий. Немаловажным представляется и региональный аспект — решение о полноценном участии в разработке F-35 совпало по времени с провозглашением кабинетом Абэ доктрины «поддержания военного потенциала для нападения на вражеские базы», связанной с успехами ракетно-ядерной программы Пхеньяна.

В качестве одного из приоритетов своей политики в сфере безопасности кабинет Абэ явственно обозначил курс на пересмотр Конституции. Конституционная реформа рассматривается Токио в качестве своего рода вехи, завершающей послевоенный период японской истории, когда страна была на положении «младшего партнера» Соединенных Штатов. Кабинет выступил с инициативой об облегчении порядка внесения поправок в Основной закон, реализация которой позволит, как ожидается, отменить пресловутую 9-ю статью либо изменить ее формулировку в сторону меньшей категоричности. В стране разгорелась дискуссия о том, позволяет ли действующая Конституция осуществлять право на коллективную самооборону и иметь «оборонительную армию».

28 апреля 2013 г. японское правительство провело церемонию «дня национального суверенитета» в честь 61-й годовщины подписания Сан-Францисского договора 28 апреля 1952 г., ознаменовавшего собой окончание американской военной оккупации и восстановление всей полноты суверенитета Японии. Выступая в присутствии императорской четы, Абэ заявил, что «следующая цель заключается в пересмотре Конституции»¹¹. Своим заявлением японский премьер подчеркнул особый контекст вопроса о пересмотре Основного закона, что, в интерпретации главы кабинета, напрямую связано с обретением страной национального суверенитета. Между тем пересмотр Конституции, если он произойдет, вне всякого сомнения, вызовет бурную реакцию со стороны Китая и Южной Кореи, которые увидят в этом шаге угрозу возрождения японского милитаризма. Бесспорно, Япония лишится и важного внешнеполитического инструмента — возможности апеллировать к мировому сообществу как страна с пацифистской Конституцией, которая составляет важный элемент ее «мягкой силы».

Однако даже в рамках действующего Основного закона кабинет Абэ добивается полной легитимизации отправки Сил самообороны за рубеж, формально «для поддержания мира и безопасности», а фактически — для реализации любых миссий, которые будут востребованы в рамках Договора безопасности. Речь идет о возможности вовлечения Японии в военные конфликты, напрямую не затрагивающие территориальную целостность Японии. В случае принятия предложений ЛДП для участия Сил самообороны в боевых действиях не потребуется каждый раз, как это было ранее, например в период миротворческой миссии в Ираке, принимать специальный закон. Таким образом, принцип «исключительно оборонительного характера» японской военной доктрины окажется дезавуированным. Как отмечала газета «The Japan Times», «с учетом памяти о военной агрессии Японии в АТР в 1930–1940-е годы, подобный курс вызовет подозрения среди соседей относительно подлинных намерений страны, что, в свою очередь, нанесет ущерб доверию к Японии со стороны международного сообщества»¹².

Между тем внешнеполитическая линия кабинета Абэ уже вызвала рост недовольства со стороны ряда восточноазиатских стран, которые стали подозревать Японию в реваншистских амбициях. По мнению старшего исследователя Центра изучения политики в США Института Брукингса Мирэй Солис, «среди стран-соседей Японии большую тревогу вызывают предложенные ЛДП лозунги изменения Конституции, признания права на „коллективную самооборону“, а также позиционирование С. Абэ на выборах в качестве политика, способного занять жесткую позицию с Китаем по территориальному вопросу»¹³.

Ухудшению отношений с соседями способствовала двусмысленная, а порой и открыто ревизионистская позиция кабинета С. Абэ и лично его главы по сложным вопросам исторического прошлого. Так, не остались незамеченными публичные высказывания С. Абэ о том, что правительство «не обязательно» разделяет позицию, изложенную тогдашним премьер-министром Японии Т. Мураяма, который в 1995 г. выступил с официальными извинениями в адрес народов Азии за военную агрессию Японии в период Второй мировой войны и колониальное прошлое. В одном из своих публичных выступлений С. Абэ отрицал наличие доказательств фактов насильственного рекрутирования корейских женщин в бордели для японской армии в период Второй мировой войны¹⁴. Оправдывая японскую военную экспансию, японский премьер даже заявил об отсутствии четкого определения понятия «агрессия», добавив, что понятие «агрессии» еще подлежит определить научному сообществу¹⁵. В другом своем выступлении японский премьер посетовал, что так и не посетил храм Ясукуни во время своего первого срока в качестве главы кабинета. Еще одним примером эпатажного поведения С. Абэ стала его фотосессия за штурвалом японского военного самолета с цифрами 731 на фюзеляже, вызывающими зловещие ассоциации с японским «отрядом 731», занимавшимся в годы Второй ми-

ровой войны разработкой бактериологического оружия в Маньчжурии. Масла в огонь подлил состоявшийся в апреле 2013 г. визит в храм Ясунки 168 японских парламентариев, в том числе трех членов кабинета министров. Когда Китай и Республика Корея выступили с протестами, японский лидер заявил: «Мы не поддадимся никаким угрозам»¹⁶.

На этом фоне отношения Японии со странами-соседями стали обостряться уже в первые месяцы 2013 г. Недовольство эпатажными действиями членов кабинета Абэ стали выражать не только в Восточной Азии, но и в Соединенных Штатах. Критические статьи в адрес Токио появились в ведущих американских газетах, включая «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс». Вашингтон неофициально дал понять японским партнерам, что не в восторге от дестабилизации внешнеполитического климата в регионе. Особую озабоченность в Вашингтоне, особенно в свете потребности в консолидированной политике в отношении КНДР, вызвал разлад в отношениях между Японией и Южной Кореей, являющимися ключевыми союзниками США в Восточной Азии. В докладе исследовательской службы Конгресса США от 1 мая 2013 г., посвященном текущему состоянию двусторонних отношений США и Японии, утверждалось, что «комментарии и практические действия, предпринимаемые премьер-министром С. Абэ и членами его кабинета по сложным вопросам истории, дают основания для озабоченности по поводу того, что Токио может внести разлад в региональную систему отношений, а это нанесет ущерб американским национальным интересам».¹⁷

На фоне нарастающей критики С. Абэ пришлось внести в свою позицию некоторые коррективы. Вскоре после вступления в должность он заявил, что его правительство будет сохранять верность позиции, изложенной в заявлении Т. Мураяма 1995 г.¹⁸. 15 мая 2013 г. японский премьер подтвердил, что его кабинет «в целом придерживается» положений заявления Т. Мураяма¹⁹.

Открестился С. Абэ и от нашумевшего высказывания лидера Общества реставрации Т. Хасимото, публично оправдавшего 13 мая 2013 г. сексуальную эксплуатацию японскими военнослужащими кореянок в период войны. Генеральный секретарь кабинета министров Ё. Суга, озвучивая официальную позицию правительства Абэ, заявил, что «женщины комфорта» перенесли «несказанно мучительный опыт», а «кабинет Абэ испытывает на этот счет те же чувства, что и предшествующие кабинеты»²⁰.

Показательным явилось выступление министра обороны Японии Ицунори Онодэра на конференции по проблемам безопасности в Азии в сингапурском отеле «Шангри-Ла» 1 июня 2013 г.²¹. По словам И. Онодэра, представление о том, будто Япония отказывается от своей идентичности как «миролюбивой страны» и бросает вызов существующему мировому порядку, является «абсолютно неправильным». Цель Японии, по его мнению, заключается в том, чтобы «вносить более активный и

творческий вклад в региональную стабильность». Подтвердив, что кабинет Абэ солидаризуется с позицией предшествующих кабинетов, согласно которой Япония «нанесла огромный ущерб и страдания народам многих стран», министр обороны Японии обозначил намерение японского правительства пересмотреть до конца 2013 г. действующие Основные направления программы в области национальной обороны. Целью новой редакции Основных направлений станет, по словам министра, создание оборонного потенциала, который позволит «оборонять нашу территорию, территориальные воды и воздушное пространство путем повышения боеготовности Сил самообороны, вносить еще больший вклад в улучшение международной среды в области безопасности».

И. Онодэра коснулся также базовых установок Японии по вопросам национальной безопасности. Он заявил, что американское военное присутствие в регионе «не только является единственным видом сдерживания в отношении непредсказуемого разворачивания военных конфликтов, но и создает шанс для диалога и сотрудничества стран региона, столь необходимых для создания стабильной международной среды».

Не обошел вниманием И. Онодэра и страны АСЕАН. Напомнив о «пяти принципах японской дипломатии по отношению к странам АСЕАН», выдвинутых С. Абэ в ходе его визита в ЮВА в начале 2013 г., японский министр сосредоточился на взаимодействии с блоком в области национальной безопасности. В выступлении министра прозвучала решимость Японии «играть еще большую роль в защите базовых принципов свободы навигации, придерживаться законов морского права, в центре которых лежит Конвенция ООН по морскому праву (UNCLOS)». Реверанс в сторону АСЕАН был явно сделан в контексте обострения споров по вопросам территориальных вод в Восточно-Китайском море.

В целом трудно избавиться от впечатления, что министру обороны Японии выпала незавидная миссия оправдываться за неуклюжие действия своего кабинета, ухудшившие в глазах азиатских стран имидж Японии как страны, приверженной идеалам мира. Как отмечала газета «Асахи», «тот факт, что министр обороны чувствовал необходимость выступить с подобными пояснениями на международной конференции, является чем-то экстраординарным»²².

В августе 2013 г. министр обороны Японии И. Онодэра, обосновывая необходимость законодательного оформления права на коллективную самооборону, заявил о том, что при отсутствии такого права Япония не сможет в полном объеме выполнить свои союзнические обязательства перед США. «Япония не может защищать американские суда класса „Иджис“, находящиеся в море для защиты Японии, даже в случае нападения на них. При таком развитии событий японо-американский союз, по сути, перестанет работать»²³, — заявил он²⁴.

Отношения с восточноазиатскими соседями

Для японского премьера, существенная часть личного политического капитала которого связана с успехом курса на политическую нормализацию в 2006 г. отношений с восточноазиатскими соседями после их заметного охлаждения в «эпоху Коидзуми», достижение новой разрядки в этих отношениях становится делом чести. Однако Абэ так и не смог добиться видимого прогресса на двух направлениях — южнокорейском и китайском.

В отношении Южной Кореи, отношения с которой за последние полгода правления администрации Ли Мён Бака заметно охладились, кабинет Абэ поставил перед собой задачу их нормализации и по возможности активизации, особенно в политической сфере. Как никогда кстати для Токио в Сеуле сменился президент, и естественным образом появился повод для заключения «с чистого листа» новых договоренностей и возобновления старых — например, касающихся сотрудничества в области обмена военной информацией или логистики. Однако о проведении саммита с Пак Кын Хе так и не удалось договориться.

Большие усилия прилагал кабинет Абэ и для того, чтобы сдвинуть с мертвой точки политический диалог с КНР. Летом 2013 г. прошла череда визитов в Пекин японских эмиссаров, целью которых было убедить китайское руководство согласиться на скорейшее проведение саммита. В июне Китай посетил один из ведущих внешнеполитических советников Абэ С. Яти, в июле — другой его советник И. Иидзима, в конце июля — заместитель министра иностранных дел Японии А. Саики. Однако получить от Китая официального согласия на проведение встречи на высшем уровне никому из них не удалось. Итогом визита А. Саики, который встретился 29 июля с китайским министром иностранных дел Ван И, было согласие китайской стороны на «продолжение диалога с помощью различных каналов»²⁵. Однако официальный Пекин не дал никаких обещаний по поводу саммита, а газета “China Daily” сообщила о том, что у Китая «в ближайшем будущем нет планов на проведение встречи председателя КНР Си Цзиньпина и премьер-министра Японии С. Абэ»²⁶.

Между тем в отношениях Японией с КНР продолжала нарастать напряженность, связанная с активизацией китайских территориальных требований в отношении островов Сэнкаку/Дяоюйдао. Китайские военные и гражданские суда регулярно заходили в акваторию вокруг спорных островов, которую Япония считает своими территориальными водами. В феврале 2013 г. китайский военный корабль навел боевой радар системы наведения на японский катер береговой охраны. Новый премьер Госсовета КНР Ли Кэцян заявил, что Япония «украла» у Китая острова Дяоюйдао, а газета «Жэньминь жибао» опубликовала статью, в которой выражались сомнения по поводу принадлежности Окинавы к территории Японии²⁷. 7 августа четыре китайских судна вошли в тер-

риториальные воды Японии в районе островов Сэнкаку. На сайте Государственной океанической администрации КНР было размещено сообщение, в соответствии с которым китайские суда береговой охраны «в ходе патрулирования» в районе архипелага Дяоюй заметили японские корабли, которые «нарушили китайский суверенитет», и «дали им указание уйти из китайской акватории»²⁸. На следующий день китайскому послу в Токио была предъявлена нота протеста с требованием незамедлительного ухода из японских территориальных вод.

Для Китая согласие на саммит становится своего рода разменной монетой в отношениях с Японией. Неоднократно КНР заявляла о том, что главным условием проведения саммита является признание Токио проблемы Сэнкаку как таковой. В Пекине понимают, что японская сторона не может пойти на такой шаг по принципиальным соображениям — это подорвало бы ее позиции в споре. Однако у Китая появляется возможность, пойдя на «уступку» (например, согласившись на саммит без выполнения японской стороной указанного условия), выторговать себе выгоду на других направлениях. Например, КНР может добиться того, чтобы сам Абэ и члены его кабинета дали обещание не посещать храм Ясукуни, а также придерживались иных правил некоего «кодекса поведения». Эти договоренности, скорее всего, будут неформальными и непубличными, а их содержание предстоит выработать дипломатам.

По всей видимости, в дальнейшем для Китая патрулирование вокруг Сэнкаку станет рутинной практикой, а Япония будет вынуждена если не примириться, то привыкнуть к постоянному китайскому присутствию в спорных акваториях. Таким образом, вопрос заключается в том, чтобы наладить на двустороннем уровне механизмы, предотвращающие эскалацию напряженности, сопровождающую эту практику, в стадию вооруженного конфликта.

Новый «кодекс поведения» может включать пункты, согласно которым в спорные воды с обеих сторон не будут допускаться любые боевые единицы регулярных вооруженных сил. Примечательно, что с китайской стороны патрулирование проводится кораблями Китайской береговой охраны, которая с недавних пор взяла на себя функции контроля за морским промыслом, океанографических исследований, таможенной службы и пограничной охраны. Именно это ведомство становится ключевым агентом китайской стороны в реализации политики в отношении Сэнкаку²⁹. Кроме того, речь может идти о недопущении на спорные острова, причем как с китайской, так и с японской стороны, членов националистических организаций. Опыт прошлого показывает, что высадки националистов сопровождаются риском прямых стычек с японской береговой охраной. Если подобные стычки повлекут за собой человеческие жертвы, это неизбежно вызовет новый всплеск враждебности, что многократно повышает риск конфронтации (в том числе военной), поскольку руководство Японии и Китая находится, пусть и в разной степени, в зависимости от общественного мнения. Прове-

денные в 2013 г. опросы показали, что около 90% граждан как Японии, так и Китая относятся к стране-партнеру негативно.

Немалое значение с точки зрения перспективы дальнейшего развития конфликта будет иметь ситуация вокруг нефтяных месторождений в районе срединной линии между исключительными экономическими зонами двух стран. В 2008 г. Япония и КНР договорились начать совместное освоение шельфа, однако соглашение так и не заработало. Если Китай начнет разработку в одностороннем порядке, действуя со своей стороны срединной линии, в Токио это будет воспринято как очередная пощечина, что немедленно приведет к новому витку эскалации напряженности.

Отношения с Россией

Важной задачей кабинета С. Абэ явилось восстановление отношений с Москвой, существенно ухудшившихся в период власти ДПЯ. Следует выделить ряд системных факторов, которые толкают российскую и японскую стороны навстречу друг другу. Эти факторы присутствовали и ранее, но их действие стало особенно заметным в последние годы на фоне качественно изменившейся геополитической и экономической обстановки в мире.

Позитивное влияние на общую атмосферу российско-японских отношений оказывали изменения в международно-политической обстановке в Северо-Восточной Азии, происшедшие в 2012 г. Россия и Япония стали испытывать потребность в укреплении политических отношений друг с другом на фоне нарастающей напряженности на Корейском полуострове, связанной с эскалацией ракетно-ядерной программы Пхеньяна. Рост угрозы военного конфликта, к тому же сопряженного с риском применения ядерного оружия, вызывает огромную озабоченность не только в Японии, для которой КНДР уже давно стала своего рода «геополитической страшилкой», но и в России, имеющей с Северной Кореей общую сухопутную границу.

Свою роль играет и обострение территориальных конфликтов в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. Хотя эти споры напрямую не затрагивают Россию, она, безусловно, заинтересована в том, чтобы территориальные проблемы не стали причиной открытого вооруженного конфликта. Хотя Москва занимает в этих спорах подчеркнуто принципиальную нейтральную позицию, она, как и Япония, заинтересована в создании в регионе действующего диалогового формата по вопросам международной безопасности.

В то же время для Японии на фоне обострения территориальных споров с Китаем и Южной Кореей важны стабильность и предсказуемость ситуации вокруг проблемы территориального размежевания с Россией. РФ в этом смысле выступает для Токио своего рода «добрым следователем», помогая ему преодолеть комплекс «окруженной крепо-

сти». Предпринимая практические шаги по улучшению отношений с Москвой, Абэ демонстрирует мировому сообществу, что способен преодолевать эмоции и развивать позитивные отношения даже с тем партнером, с которым у Японии имеются противоречия по территориальному вопросу.

С точки зрения России происходящая «сланцевая революция», а также поворот российской энергетической стратегии на Восток заставляют по-новому оценить значение Японии как перспективного рынка сбыта ее энергоресурсов. Россия исходит из того, что Япония, вынужденная отказываться от атомной энергетики после природно-техногенной катастрофы 11 марта 2011 г., как никогда нуждается в российских нефти и газе. России нужен долгосрочный и предсказуемый партнер и в свете острой потребности в японских инвестициях и технологиях, которые могут способствовать модернизационному рывку российских дальневосточных регионов. В декабре 2012 г. была введена в эксплуатацию вторая очередь нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан (ВСТО), на очереди — строительство во Владивостоке с участием японского капитала второго завода по сжижению природного газа (его планируется завершить в 2018 г.).

Инвестиции в нефтегазовую инфраструктуру носят долгосрочный характер и поэтому нуждаются в благоприятном политическом климате. К тому же необходимость качественного улучшения отношений с Японией представляется России очевидной и с позиций обеспечения большей сбалансированности ее экономической и политической стратегии в Азии, особенно в контексте экономического и военного подъема Китая.

Столь же очевидны и мотивы японской стороны. Столкнувшись с более чем конфронтационной линией Пекина по вопросу островов Сэнкаку, Япония оказалась в качественно новой парадигме в области безопасности. Новизна этой парадигмы подспудно ощущается в том, что наличие Договора безопасности не давало Японии полного спокойствия, несмотря на уверения американских официальных лиц. В свете этого сам факт возобновления диалога с Москвой по территориальной проблеме, даже с учетом его очевидной бесперспективности, позволил бы Токио преодолеть психологически легкообъяснимый комплекс «окруженной крепости». Кроме того, начало переговоров давало новому кабинету основание отчитаться о некоем прогрессе (по сравнению с ситуацией полной заморозки) в деле решения спора, что, в свою очередь, позволяло улучшить его рейтинги накануне выборов в верхнюю палату парламента.

Следует учитывать и фактор энергетического сотрудничества. Российские поставки нефти и газа позволяют Токио диверсифицировать географию поставщиков и тем самым повысить уровень национальной энергетической безопасности. В настоящее время доля российских энергоносителей на японском рынке составляет около 10% и, бес-

спорно, будет расти. Однако не стоит преувеличивать безальтернативность курса на повышение уровня энергетического присутствия России в Японии, где высокую зависимость от российских поставок однозначно оценивают как ущемляющую национальную безопасность страны. В Японии активно обсуждался вопрос о том, какую долю России можно считать допустимой: сторонники снижения зависимости Японии от ближневосточных поставок спорят с теми, кто настаивает на необходимости удержания зависимости от российского импорта на уровне не более 15%³⁰.

В начале третьей декады февраля Москву посетил бывший премьер-министр Японии Ё. Мори. Цель Мори, который привез с собой личное послание В.В. Путину от премьер-министра Японии С. Абэ, заключалась в том, чтобы согласовать содержательную часть официального визита японского лидера в Россию, запланированного на апрель-май 2013 г. С. Абэ прислал для осуществления деликатной миссии человека, который имеет с Путиным давние отношения личной дружбы. Ё. Мори — единственный из японских политиков, с которым Путину удалось установить «неформальный» режим общения: несмотря на разницу в возрасте, они перешли на «ты» еще тринадцать лет назад, когда тот возглавлял японское правительство. Взаимоотношения Путина и Мори, которые встречались в общей сложности пятнадцать раз, позволяют вспомнить атмосферу «встреч без галстуков» периода «большой дружбы Бориса и Рю» (Б. Ельцина и Р. Хасимото) в конце 1990-х годов.

В Японии в целом труднее, чем в других странах-партнерах России, найти фигуру, подходящую для участия в неформальных консультациях с российским руководством. Эти консультации обычно проходят в подлинно доверительной и откровенной обстановке и посвящаются обсуждению наиболее деликатных вопросов двусторонних отношений (а территориальный вопрос, бесспорно, относится к числу таковых). Мори оказался в числе немногих деятелей, имеющих достаточно качеств для выполнения подобной посреднической миссии. Именно с ним Путин подписал Иркутскую декларацию (2001 г.), которая представляла собой наивысшую точку в российско-японских политических отношениях за все первое десятилетие XXI в., если оценивать их в контексте сближения позиций по проблеме территориального размежевания. В этом смысле с Мори связывается наиболее крупный успех личной дипломатии Путина на японском направлении.

С этой точки зрения встреча Путина и Мори преследовала цель, помимо всего прочего, обеспечить некую психологическую разгрузку тягостной атмосферы, которая возникла в двусторонних отношениях за последние пять лет в результате «обмена любезностями». Преклонный возраст и авторитет «мудрого старейшины» позволяли Мори отойти от присущего японским политикам догматизма на российском направлении и меньше оглядываться на соображения «политической целесообразности», несмотря на статус личного посланника японского премьера.

В ходе состоявшейся 21 февраля 2013 г. встречи стороны подтвердили приверженность Иркутской декларации 2001 г. В ней, в частности, отмечалось, что основой для переговоров по проблеме мирного договора может служить Совместная декларация СССР и Японии 1956 г. Однако никаких конкретных договоренностей, о которых было бы заявлено публично, эта встреча не принесла³¹.

29–30 апреля 2013 г. Москву посетил премьер-министр Японии С. Абэ. Официальная встреча лидеров России и Японии проходила впервые за последние десять лет. По многим параметрам ее можно охарактеризовать не просто как значимое, но как даже эпохальное для российско-японских отношений событие.

Прошедший визит имел большое значение и для укрепления личных отношений между лидерами двух стран, позволяющих построить дополнительный каркас межгосударственных связей. Исторический опыт показывает, что личностная дипломатия первых лиц государства имеет огромное значение как для России, так и для Японии. Существенно и то, что встреча лидеров позволяет улучшить в глазах общественного мнения образ страны-партнера.

Однако имелись и специфические для каждой из сторон цели. Для России это, безусловно, решение задачи налаживания сотрудничества с Японией в газовом секторе. Весьма остро стоял вопрос о техническом и финансовом обеспечении ряда инвестиционных проектов в газовой отрасли общей стоимостью почти в 40 млрд. долл. Речь идет об освоении месторождений в Якутии и под Иркутском, строительстве газопровода протяженностью 3200 км из Восточной Сибири во Владивосток, а также строительстве крупного завода по производству сжиженного природного газа (СПГ) под Владивостоком общей мощностью 15 млн. т в год.

Как предполагается, рынками сбыта российского газа станут страны Азиатско-Тихоокеанского региона, среди которых Япония занимает особое место. На газовом рынке доверительные отношения между поставщиками и потребителями имеют большое значение, так как речь идет о контрактах, заключаемых на многие годы вперед. С этой точки зрения прошедший визит позволил не только улучшить политический климат двусторонних отношений, но и достичь конкретных договоренностей, касающихся участия Японии в реализации данных проектов. В ходе визита, например, был подписан меморандум, предполагающий подключение японских фирм к проектам когенерации (параллельных поставок электроэнергии и тепла) в населенных пунктах, расположенных вдоль маршрута пролегания газопровода. Речь, в частности, шла о модернизации коммунальной теплоэнергетики путем замены котельных малыми когенерационными газотурбинными электростанциями.

О том, что Москва рассматривает сотрудничество в газовой сфере в качестве одного из ключевых направлений экономического сотрудничества с Японией, свидетельствует активность, которую развил «Газ-

пром» на японском направлении в преддверии визита Абэ. 17 апреля 2013 г. в Японию приехал председатель правления «Газпрома» А. Миллер, который обсудил с японскими партнерами экономические и технические вопросы строительства завода СПГ, а также возможности наращивания экспорта газа в Японию после его завершения.

Помимо энергетики подписанные после переговоров Абэ и Путина меморандумы касались таких сфер, как транспорт, здравоохранение, обмен информацией по вопросам отмывания денег и финансирования терроризма³². По итогам саммита была, в частности, была достигнута договоренность о строительстве на базе современных японских технологий онкологического центра.

Важным результатом визита Абэ в Москву стало решение об учреждении фонда поощрения прямых частных японских инвестиций в российскую экономику. Соучредителями фонда, как ожидается, станут Японский банк международного сотрудничества и Российский фонд прямых инвестиций, которые инвестируют в новую структуру по 500 млн. долл. Предполагается, что данный фонд позволит привлекать прямые инвестиции в наиболее перспективные сферы российской экономики, включая сельское хозяйство, пищевую промышленность, городскую инфраструктуру, медицину³³.

Особенно важное значение для Японии имел в ходе визита вопрос о продвижении переговоров о заключении мирного договора. К этому толкали С. Абэ внутривнутриполитические соображения, в первую очередь потребность в укреплении рейтингов правительства накануне предстоявших выборов в палату советников. Руководители двух стран пришли к соглашению о том, что ситуация, при которой спустя 67 лет после окончания Второй мировой войны между Россией и Японией не заключен мирный договор, является «ненормальной»³⁴. Стороны выразили решимость заключить мирный договор, преодолев в рамках переговоров имеющиеся расхождения в своих позициях. Однако обращал на себя внимание тот факт, что в тексте заявления отсутствовало упоминание о территориальной проблеме как таковой. Японская сторона удовлетворилась тем, что заявление 2013 г. содержало отсылку к заявлению 2003 г., в котором, в свою очередь, содержится упоминание межправительственных документов 1990-х годов, признававших наличие территориального спора.

На пресс-конференции российский президент признал, что «переговоры по мирному договору остановились в последние годы». В.В. Путин отметил, что стороны договорились продолжить работу над этим сложным, но таким важным для обеих стран вопросом. В свою очередь, С. Абэ, отвечая на вопрос японского журналиста, как долго будет продвигаться процесс в направлении заключения мирного договора, отметил стоящие на пути решения данного вопроса трудности и сказал, что «волшебной палочки, чтобы одним взмахом все решить, в мире не существует»³⁵.

В ходе визита были достигнуты договоренности, нацеленные на активизацию сотрудничества России и Японии в сфере безопасности. Россия и Япония решили запустить принципиально новый для двусторонних отношений диалоговый формат «2+2» — министров иностранных дел и министров обороны. Обращает на себя внимание тот факт, что Россия стала третьим партнером Японии по диалогу в подобном формате, причем первыми двумя странами являются ее стратегические союзники — США и Австралия.

Стороны пришли к соглашению о том, чтобы расширить связи между оборонными ведомствами двух стран, начать регулярные консультации между Министерством иностранных дел Японии и Советом безопасности РФ, продолжить взаимодействие в борьбе с терроризмом и морским пиратством. Было решено проводить как минимум один раз в год регулярные встречи министров иностранных дел. С. Абэ пригласил российского президента посетить Японию в 2014 г.

Очевидно, что визит, который был просто «обречен» на успех, оставит заметный след в истории двусторонних связей. Япония и Россия, ощутив в прошлом все плюсы от хороших взаимных отношений, смогли понять в последние годы и все минусы от плохого их состояния.

Примечания

¹ Иомиури симбун. 02.02.2013.

² Санкэй симбун. 26.06.2013.

³ <http://www.eastasiaforum.org/2013/07/31/japans-2013-defence-white-paper-stirs-tensions-with-china/>

⁴ Асахи симбун. 10.06.2013.

⁵ <http://www.eastasiaforum.org/2013/07/16/abe-and-a-japanese-national-security-council/>

⁶ http://japanese.ruvr.ru/2013_04_23/111520489/

⁷ The Japan Times. 04.03.2013

⁸ Иомиури симбун. 25.06.2013.

⁹ Там же

¹⁰ <http://www.acus.org/natosource/japanese-prime-minister-invites-britain-and-france-participate-strengthening-asia%E2%80%99s-security>

¹¹ http://www.asiasentinel.com/index.php?option=com_content&task=view&id=5381&Itemid=176

¹² The Japan Times. 17.12.2012.

¹³ <http://www.usnews.com/news/articles/2012/12/17/experts-japans-new-pm-could-follow-through-on-tough-talk>

¹⁴ <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2324225/Toru-Hashimoto-Mayor-defends-using-women-sex-slaves-Japan-WWII-claiming-soldiers-needed-discipline.html>

¹⁵ <http://www.foxnews.com/world/2013/06/29/ap-interview-retired-politician-behind-japan-sex-slave-apology-says-abe-wrong/#ixzz2XxxUtLhk>

¹⁶ Асахи симбун. 25.04.2013.

¹⁷ <http://www.fas.org/sgp/crs/row/RL33436.pdf>

¹⁸ The Japan Times. 05.01.2013.

- ¹⁹ <http://www.eastasiaforum.org/2013/05/31/japanese-prime-minister-abes-u-turn-on-the-murayama-statement>
- ²⁰ <http://www.independent.co.uk/news/world/asia/osaka-mayor-toru-hashimoto-sex-slaves-in-world-war-two-were-necessary-to-maintain-discipline-for-japanese-military-8614959.html>
- ²¹ <https://www.iiss.org/en/events/shangri%20la%20dialogue/archive/shangri-la-dialogue-2013-c890/second-plenary-session-8bc4>
- ²² Асахи симбун. 04.06.2013.
- ²³ <http://www3.nhk.or.jp/news/html/20130804/k10013528491000.html>
- ²⁴ <http://thediplomat.com/the-editor/2013/07/24/abe-reassures-after-election-victory/>
- ²⁵ Асахи симбун. 02.08.2013.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Майнити симбун. 12.06.2013.
- ²⁸ Майнити симбун. 31.07.2013.
- ²⁹ <http://japandailynews.com/china-confirms-presence-of-coast-guard-in-disputed-waters-0933577/>
- ³⁰ http://blog.goo.ne.jp/yuuji_1946/e/5acc96a0db52839aed6bec67d34a1b00
- ³¹ Майнити симбун. 23.02.2013.
- ³² Российская газета. 30.04.2013.
- ³³ Нихон кэйдзай симбун. 30.04.2013.
- ³⁴ http://rus.ruvr.ru/2013_04_29/Vladimir-Putin-provodit-peregovori-s-premerom-JAponii-Sindzo-Abje/
- ³⁵ <http://www.kp.ru/daily/26070.5/2976930/>

В.О. Кистанов

**«ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИПЛОМАТИЯ»
КАК ФОКУС ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ АБЭ**

В первой декаде текущего столетия внешняя политика Японии, будучи производной от внутренней политики и экономики, отличалась определенной степенью пассивности и неспособностью быстро и эффективно решать задачи, возникающие перед страной на международной арене. Как считают сами японские аналитики, присутствие Японии на ней становилось все менее заметным.

Большие надежды в решении накопившихся сложных проблем в сфере внешней политики и безопасности связывались в стране с приходом к власти в сентябре 2009 г. Демократической партии Японии (ДПЯ). Однако за три с лишним года пребывания у руля государства партия не только не смогла активизировать дипломатию и вывести внешнюю политику страны на качественно новый уровень, но и допустила ряд серьезных внешнеполитических промахов в отношениях с ведущими международными партнерами Японии.

26 декабря 2012 г. лидер Либерально-демократической партии (ЛДП) Синдзо Абэ сформировал свой кабинет после того, как парламент выбрал его новым премьер-министром. Это его второй срок в качестве премьер-министра, а партия, выиграв парламентские выборы у Демократической партии, вернулась к власти после отсутствия у ее кормила в течение трех лет и трех месяцев. Абэ вновь возглавил страну в то время, когда она сталкивается с огромными трудностями в области экономики, социальной сфере, а также во внешней политике, особенно в отношениях с соседями по Восточной Азии.

Восстановить сильную дипломатию

Возвращение Абэ, который считается «ястребом» во внешней политике, было с большой настороженностью встречено в странах Азии, особенно Китае и Южной Корее, поскольку Абэ полагает, что Япония должна освободиться от ограничений, наложенных на нее в период оккупации после поражения во Второй мировой войне.

© Кистанов В.О., 2014

Еще во время своего первого премьерства в 2006–2007 гг. Абэ занимался подготовкой поправок к Конституции. В частности, он выступал за пересмотр ее 9-й статьи, провозглашающей отказ Японии от войны как средства решения международных конфликтов. После того как он снова был избран председателем ЛДП в сентябре 2012 г., Абэ неоднократно повторял, что не закончил свою работу в качестве премьер-министра.

Абэ назначил потенциальных лидеров следующего поколения политиков Фумио Кисиды и Ицунори Онодэра министрами иностранных дел и обороны соответственно. Премьер заявил в день формирования своего кабинета министров: «Мы должны возобновить наступательную дипломатию, чтобы защитить национальные интересы».

Абэ призывает к снятию запрета на коллективную оборону путем изменения интерпретации правительством Конституции. Японский политик мотивирует это тем, что при сохранении запрета Япония не сможет прийти на помощь военным кораблям США, если они подвергнутся атаке в водах вокруг оспариваемых Китаем островов Сэнкаку в Восточно-Китайском море. Он заявил также о необходимости переименования Сил самообороны Японии в Армию национальной обороны (Кокубогун).

Администрация Абэ рассматривает участие японских компаний, наряду с другими зарубежными фирмами, в производстве американского истребителя-невидимки F-35, который США намерены продавать в другие страны, как исключение из давнего добровольного запрета на экспорт вооружений. По мнению японских комментаторов, это решение нарушает дух не только самого запрета, но и 9-й статьи Конституции.

Абэ выступает также за пересмотр сделанных его политическими предшественниками официальных оценок характера и последствий японской агрессии в странах Восточной Азии. Стоит отметить, что семь лет назад, вскоре после своего первого вступления в должность премьер-министра, Абэ посетил Китай и Южную Корею в целях улучшения отношений с обеими странами, которые охладели в период правления его предшественника — Дзюньитиро Коидзуми, регулярно посещавшего пресловутый храм Ясукуни. Вопреки своему желанию Абэ тогда воздержался от посещения Ясукуни.

В этом храме почитают души японцев, погибших во время Второй мировой войны, прежде всего в ходе агрессии императорской армии на материке. Среди них значатся 14 военных преступников, казненных по приговору Токийского трибунала. Визиты в этот храм японских официальных лиц, особенно премьер-министров, каждый раз вызывают взрыв возмущения в странах Восточной Азии, прежде всего в Китае и Южной Корее. После повторного пришествия на пост руководителя страны в декабре 2012 г. Абэ выразил сожаление, что не посетил Ясукуни в свой первый срок. Однако члены его кабинета, а также большое количество депутатов парламента посетили этот храм в конце апреля

2013 г., что вызвало очередной взрыв возмущения в Китае, Южной Корее и других странах.

Очередной «патриотической» новацией премьера стало решение правительства провести 28 апреля 2013 г. впервые в японской истории на государственном уровне церемонию, посвященную вступлению в действие в 1952 г. Сан-Францисского мирного договора. Это событие, по его мнению, должно торжественно отмечаться как окончание оккупации страны и восстановление суверенитета Японии. Примечательно, что в апрельской церемонии участвовали император Японии с супругой.

Правда, предложение Абэ было крайне негативно встречено властями и населением префектуры Окинава, которые считают 28 апреля «днем позора», так как в этот день Окинава была отделена от основной японской территории и ее жители до 1972 г. несли тяжкое бремя американской оккупации.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что в течение трех лет пребывания ЛДП в оппозиции ее традиционная политика стала еще более консервативной и изрядно поправела.

Незадолго до парламентских выборов Синдзо Абэ изложил свое перспективное видение Японии в статье, помещенной во влиятельном ежемесячнике «Бунгэй сундзю». В статье резко критиковалась ДПЯ за неэффективную внешнюю политику, в результате которой у Японии испортились отношения с ее главными партнерами, включая США. В ней, в частности, Абэ расценил визиты тогдашнего президента России Дмитрия Медведева на остров Кунашир и президента Южной Кореи Ли Мен Бака на острова Такэсима как примеры «дипломатического провала ДПЯ». Кроме того, ЛДП и ее союзница — партия Комэйто в ходе избирательной кампании выступили за создание новой организации, которая целенаправленно занималась бы защитой суверенитета и территориальной целостности страны. В начале года в Японии была создана специальная структура, которая должна обеспечивать за рубежом информационно-пропагандистскую поддержку «территориальной дипломатии» Абэ.

Резкое обострение в последнее время отношений Японии с соседними странами по поводу спорных островов выводит территориальную проблему на первый план в ее внешней политике. В японских СМИ появился даже новый термин: «территориальная дипломатия» (рёдо гайко). Проведение такой дипломатии объясняется необходимостью добиться международного признания законности японского суверенитета над спорными территориями.

Япония и Китай: стремительная эскалация территориального конфликта

Очевидно, что из всех территориальных конфликтов Японии с соседними странами наибольшую головную боль у японского руководства вызывает спор с КНР по поводу суверенитета над островами Сэн-

каку (кит. Дяоюйдао) в Восточно-Китайском море. Пекин считает, что Япония силой захватила острова в конце XIX века и продолжает незаконно их удерживать. Китай оказывает давление на Японию, чтобы вынудить ее признать существование территориального спора между двумя странами. Однако с точки зрения Японии Сэнкаку исторически и юридически являются неотъемлемой частью ее территории и такого спора не существует.

Начало нынешнему витку напряженности положило столкновение у берегов Сэнкаку китайского траулера и двух японских кораблей береговой охраны в сентябре 2010 г. Как считают японские аналитики, в тот момент Пекин намеренно пошел на обострение, воспользовавшись трещиной в отношениях между Японией и США, возникшей вследствие популистского обещания тогдашнего лидера правящей ДПЯ и премьер-министра Юкио Хатояма вывести американскую базу Футэмма за пределы если не Японии, то острова Окинава.

С тех пор Китай регулярно направляет патрульные суда и самолеты, принадлежащие океанографическому и рыболовному ведомствам, в воды (в том числе территориальные) и воздушное пространство вокруг этих островов. Это делается с целью продемонстрировать, что Китай в такой же степени, как и Япония, их эффективно контролирует. Эта деятельность особенно усилилась после того, как в сентябре 2012 г. правительство Японии выкупило острова у частного владельца.

В конце января 2013 г. китайский военный корабль захватил своим радаром управления огнем японский эсминец в Восточно-Китайском море. А в середине января другой китайский корабль сделал то же самое в отношении вертолета морских Сил самообороны Японии. Эти действия вызвали переполох в Токио и были расценены как провокационные. Пекин отрицает сам факт таких действий.

Как представляется, за конфликтом вокруг Сэнкаку/Дяоюйдао стоят прежде всего экономические и стратегические интересы обеих стран. Владение островами позволяет контролировать огромные запасы углеводородов, морепродуктов, а также важнейшие морские пути в западной части Тихого океана. Но, по мнению японских аналитиков, в более широком плане наступательные действия Китая в отношении островов Сэнкаку являются составной частью его стратегии, направленной на превращение страны в морскую державу. Эти замыслы подкрепляются наращиванием военной мощи, что усиливает приверженность соседних стран «теории китайской угрозы».

За последние три года территориальный спор между Токио и Пекином по поводу принадлежности группы необитаемых островков Сэнкаку/Дяоюйдао в Восточно-Китайском море приобрел беспрецедентный накал. В нем фактически сфокусировалось усиливающееся на глазах экономическое и военно-политическое соперничество двух азиатских гигантов: старого — Японии и нового — КНР. Снижению уровня конфронтации двух стран не способствовала и смена в них администраций

в начале 2013 г. Наоборот, градус риторики и демонстративных действий обеих сторон лишь возрос. Токио, встревоженный растущей экономической и военной мощью своего соседа, а также его наступательными акциями в отношении спорных островов, стремится всячески заручиться поддержкой различных стран в деле «сдерживания Китая».

Американский гарант

Единственным гарантом своей военной безопасности и территориальной целостности Япония считает США, с которыми она имеет соответствующий Договор безопасности. В издаваемой японским МИД «Голубой книге по дипломатии» за 2013 г. прямо говорится, что Япония сталкивается с угрозами ее сухопутному, морскому и воздушному пространству, а также жизням ее граждан, поскольку китайские суда постоянно заходят в воды вокруг островов Сэнкаку. В этих условиях, подчеркивается в основополагающем внешнеполитическом документе страны, правительство полно решимости укреплять союз с Соединенными Штатами в качестве краеугольного камня политики национальной безопасности, так как усиление сдерживания является «неизбежным»¹.

Однако Вашингтон в отношении японского территориального спора с Китаем фактически занимает двойственную позицию. На встрече с председателем КНР Си Цзиньпином в Калифорнии в июне 2013 г. президент Обама призвал своего визави к деэскалации территориального спора с Японией по поводу группы островов в Восточно-Китайском море. Но при этом Обама сказал, что США занимают нейтральную позицию в отношении суверенитета над островами Сэнкаку, предложив китайской стороне урегулировать территориальный спор с Японией посредством диалога.

Подчеркивая нейтралитет США относительно проблемы суверенитета над Сэнкаку/Дяоюйдао, высокопоставленные американские деятели неоднократно заявляли, что указанные острова входят в сферу действия американо-японского Договора безопасности. В подтверждение серьезности этих заявлений Токио и Вашингтон, несмотря на резкие протесты Пекина, провели в июне 2013 г. совместные военные учения в Калифорнии. По их легенде, подразделения Сил самообороны Японии во взаимодействии с вооруженными силами США высаживались на острове, захваченном противником, и отбивали его обратно.

Понятно, что под «противником» подразумевалась армия Китая, а под островом — архипелаг Сэнкаку/Дяоюйдао. Особую значимость акции придавало то обстоятельство, что впервые в совместных учениях с США участвовали все три вида японских Сил самообороны: сухопутные, морские и военно-воздушные. Как отмечали японские обозреватели, учения лежат в русле нового оборонного курса Японии. Его цель состоит в усилении обороны цепи островов Нансэй, простирающихся

от острова Кюсю до Тайваня и фактически перекрывающих выход КНР «на большую воду» Тихого океана.

Вместе с тем следует отметить тревогу, которая просматривается в некоторых комментариях японских экспертов, по поводу того, что США во имя установления стабильных отношений с Китаем и раздела с ним «жизненного пространства» в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) могут пренебречь интересами Японии, в том числе в отношении ее суверенитета над островами Сэнкаку. Так, газета «Санкэй» отмечает, что президент США Обама и председатель КНР Си Цзиньпин на упомянутой встрече в Калифорнии пришли к согласию о необходимости построения отношений сотрудничества «нового типа». Однако далее газета без обиняков пишет: «Было бы желательно, чтобы США, ставшие сверхдержавой после холодной войны, и быстро восходящий Китай поддерживали дружественные отношения, но это не должно вести к установлению мирового господства двух стран»².

Особую обеспокоенность японских наблюдателей вызвало заявление Си Цзиньпина на встрече с Обамой о том, что в Тихом океане достаточно пространства для двух стран. По мнению газеты «Санкэй», это заявление есть откровенное проявление морских амбиций Китая и должно вызвать настороженность тихоокеанских стран, включая Японию³.

Параллельно с укреплением военного альянса с США вследствие наступательных действий Китая в отношении спорных островов Токио намерен заручиться военной поддержкой и ряда других стран АТР. С этой целью администрация Абэ в первой половине 2013 г. направила высокопоставленных представителей Сил самообороны в Австралию и девять стран Азии (в том числе во Вьетнам, на Филиппины, в Таиланд, Индию и Пакистан). Японские СМИ не скрывают, что усилия правительства в этом направлении вызваны растущей озабоченностью усиливающейся морской деятельностью Китая.

Индия как противовес Китаю?

Во внешнеполитической стратегии Токио особое место отводится Индии — еще одному растущему экономическому гиганту Азии, чья политическая роль на международной арене в последнее время значительно увеличивается. Японское правительство рассматривает эту страну не только как экономический противовес Китаю, способный в определенной мере ослабить чрезмерную и ставшую уже опасной зависимость Японии от китайской экономики, но и как его военно-политический ограничитель. При этом японские политики делают ставку на схожую обеспокоенность Дели наращиванием военно-морской мощи Пекина, а также наличие собственного территориального спора между ними.

Однако, как показал официальный визит в Японию премьер-министра Манмохана Сингха в мае 2013 г., Индия не намерена давать ра-

зыгрывать себя в качестве карты в японской игре на сдерживание Китая. В совместном заявлении Абэ и Сингха говорится, что обе страны будут регулярно проводить совместные военно-морские учения, начнут переговоры об экспорте в Индию японских военных самолетов-амфибий. Кроме того, они намерены сотрудничать в противодействии кибератакам, обеспечении безопасности линий морского судоходства, а также в укреплении обороноспособности и береговой охраны обеих стран. Эти пункты, как очевидно, были включены в заявление ввиду растущего присутствия Китая на море, в том числе в Индийском океане.

Путем строительства сети морских портов в Пакистане, Бангладеш и Шри-Ланке Пекин осуществляет стратегию «жемчужного ожерелья», т.е. создания цепи собственных опорных пунктов вокруг Индии — своего главного геополитического соперника в Азии. К тому же с середины апреля по начало мая 2013 г. происходило очередное обострение противостояния вооруженных сил Китая и Индии в спорном районе Кашмира.

Однако, с другой стороны, как указывает «Иомиури симбун», Индия прохладно относится к политике в сфере безопасности, откровенно нацеленной на конкретную страну. Она больше заинтересована в таком сотрудничестве, которое обеспечит доступ к военным технологиям с целью усилить ее военные возможности. Как заявил высокопоставленный представитель МИДа Индии, высшим приоритетом страны является стабильность в Индийском океане. Он также сказал, что, хотя сотрудничество Индии с США и Японией является насущным, она не собирается участвовать во внешней политике США или Японии, нацеленной на создание сети окружения или сдерживания Китая⁴.

Япония и Южная Корея: территориальная проблема на фоне исторических обид

Еще накануне парламентских выборов в декабре 2012 г. ЛДП с целью демонстрации решительной позиции и готовности отстаивать японский суверенитет над островами Такэсима (кор. Токто), контролируемые Южной Кореей, в свою избирательную платформу включила обещание, что центральное правительство проведет 22 февраля на государственном уровне церемонию, посвященную «Дню Такэсимы». В этот день в 1905 г. острова были включены в состав префектуры Симанэ. С 2005 г. церемония проводилась лишь властями этой префектуры. Цель действия заключается в публичной демонстрации принадлежности островов Японии.

Однако 19 февраля 2013 г. генеральный секретарь ЛДП Сигэру Исиба заявил журналистам, что правительство переносит мероприятие, посвященное «Дню Такэсимы». Судя по всему, Токио не захотелшний раз обострять отношения с Сеулом в преддверии церемонии инау-

гурации избранной президентом Южной Кореи Пак Кын Хе, намечавшейся на 25 февраля.

Откладывание японским правительством церемонии, посвященной спорным островам, вызвало положительную реакцию в Сеуле, т.к. там, так же как и в Китае, Абэ считается сторонником «ястребиной» внешней политики. Более того, южнокорейские аналитики расценили это решение как желание Токио отвести территориальный спор в двусторонних отношениях на задний план.

Кроме того, судя по всему, оно было обусловлено замыслом Абэ использовать улучшение отношений с Сеулом как ступеньку на пути к налаживанию отношений с Пекином. Видимо, японское руководство полагает, что этого можно быстрее добиться в связях с Южной Кореей, чем с Китаем, который, по представлениям Токио, являет собой гораздо более серьезную угрозу национальным интересам Японии, чем Южная Корея. Как писала газета «Асахи», в условиях запуска ракет Северной Кореей и конфронтации с Китаем вокруг островов Сэнкаку неотложной задачей японской дипломатии является улучшение отношений между Японией и Южной Кореей, ухудшившихся из-за проблемы Такэсимы⁵.

Именно поэтому Абэ выразил желание лично посетить инаугурацию вновь избранного президента Южной Кореи 25 февраля. Однако южнокорейская сторона разъяснила, что в церемонии будут участвовать не главы иностранных государств, а их послы в Южной Корее. В связи с этим Синдзо Абэ направил в Сеул своего специального посланника в лице Фукусиро Нукага — члена ЛДП и генерального секретаря Ассоциации дружбы японских и южнокорейских парламентариев. Нукага передал Пак личное послание Абэ. Он также довел до ее сведения желание Абэ дать старт построению лучших отношений между двумя странами. Пак Кын Хе, со своей стороны, выразила надежду на улучшение отношений с Японией. Следует отметить, однако, что еще раньше она обещала твердо отстаивать суверенитет своей страны над островами Токто. Так или иначе, как отмечают японские СМИ, Абэ рассматривает начало работы новых правительств в обеих странах как хорошую возможность выправить отношения между Японией и Южной Кореей.

Но антияпонские настроения в Южной Корее очередной раз вспыхнули после того, как Сеул заявил официальный протест Токио в конце февраля в связи с тем, что впервые официальный представитель японского центрального правительства все же посетил церемонию, посвященную «Дню Такэсимы» в префектуре Симанэ 22 февраля. Министр иностранных дел Японии Фумио Кисида, со своей стороны, заявил на пресс-конференции по поводу указанного протеста, что хотя спор о принадлежности островов не может быть решен за одну ночь, Япония продолжает «ясно убеждать Южную Корею в том, что она не примет того, что не может принять»⁶.

На церемонию инаугурации Пак Кын Хе премьер-министр Абэ направил Таро Асо — своего заместителя и тоже бывшего премьер-министра. Судя по всему, в его задачу входило «наведение мостов» между главами правительств двух стран. Однако на встрече с ним только что ставшая президентом Пак Кын Хе заявила, что «историческое восприятие» является важным в развитии связей между Южной Кореей и Японией и японские политики должны стремиться понять чувства Южной Кореи в отношении колониального правления Японии в Корее. А политики в обеих странах должны воздержаться от раздувания национальных чувств при решении двусторонних проблем⁷.

Еще более резко Пак Кын Хе высказалась несколько дней спустя. Выступая 1 марта на церемонии, посвященной 94-й годовщине начала движения против колониального правления Японии на Корейском полуострове в 1910–1945 гг., она сказала: «Мы сможем открыть будущее совместное процветание с Японией только тогда, когда Япония честно оценит свое прошлое». Пак также заявила, что Япония всегда будет считаться агрессором, а Южная Корея — жертвой, даже по прошествии тысячи лет.

Новый министр иностранных дел Южной Кореи подчеркнул, что острова Токто являются южнокорейской территорией и их посещение в случае необходимости главой государства вполне возможно. И добавил, что так как проблема указанных островов «возникла в ходе империалистической агрессии, мы ее рассматриваем как историческую проблему»⁸.

Вместе с тем японские СМИ возлагают надежду на улучшение отношений между Японией и Южной Кореей ввиду того, что Пак Кын Хе является дочерью бывшего президента Пак Чжон Хи, который, как считается, симпатизировал Японии и сотворил «экономическое чудо», во многом опираясь на хозяйственные связи с ней. Правда, некоторые комментаторы полагают, что поскольку отец Пак Кын Хе слыл прояпонским политиком, то ее деятельность будет находиться под бдительным наблюдением «патриотической общественности» Южной Кореи. В любом случае многие японские аналитики уверены в том, что улучшение обострившихся в последнее время отношений между Японией и Южной Кореей в определяющей степени зависит от создания личных доверительных отношений между Синдзо Абэ и Пак Кын Хе.

Однако для нормализации отношений с Южной Кореей японскому премьер-министру, помимо трудно решаемой проблемы спорных островов, придется улаживать еще одну болезненную проблему в отношениях между Токио и Сеулом. Речь идет о так называемых «женщинах комфорта» — молодых кореянках и жительницах других стран Восточной Азии, которых японцы в ходе агрессии на материке в 30–40-е годы прошлого века насильно заставляли предоставлять сексуальные услуги офицерам и солдатам императорской армии в прифронтовых борделях. Японская сторона считает этот вопрос урегулированным послевоенными соглашениями.

Как полагают японские эксперты, проблема «женщин комфорта» намеренно поднимается в Южной Корее, как правило, в период обострения двусторонних отношений по другим поводам. Неслучайно бывший президент Южной Кореи Ли Мен Бак в момент эскалации напряженности по поводу спорных островов в Японском море потребовал, чтобы нынешний император Японии извинился за жертв колониального правления Японии на Корейском полуострове. Это, в свою очередь, вызвало взрыв возмущения в Японии, и южнокорейские власти вынуждены были смягчить заявление своего президента.

Со своей стороны Абэ, после того как в сентябре 2012 г. вновь возглавил ЛДП, дал понять, что он пересмотрит сделанные в 90-е годы прошлого столетия заявления тогдашнего премьер-министра Томиити Мураяма, извинившегося за агрессию Японии в Азии, и генерального секретаря кабинета министров Ёхэй Коно, признавшего проблему «женщин комфорта». Это намерение вызвало настороженность и опасения не только в Китае и Южной Корее, но и в США, где многие политики и общественность считают, что Япония не должна обелять свою агрессию на материке. Более того, ряд американских конгрессменов по проблеме «женщин комфорта» официально выражают свою поддержку Южной Корее. Многими зарубежными наблюдателями указанное высказывание Абэ, наряду с его намерением пересмотреть мирную Конституцию страны, было расценено как свидетельство «сдвига вправо» и самого Абэ, и его администрации.

Скорее всего, проблема «женщин комфорта» и другие исторические обиды, связанные с колониальным и милитаристским прошлым Японии на Корейском полуострове (к ним, например, также относится трактовка в японских школьных учебниках агрессии Японии в отношении стран Восточной Азии), еще долго будут омрачать межгосударственные и другие отношения между Японией и Южной Кореей.

ЮВА как антикитайская страховка Абэ

Наглядным проявлением «территориальной дипломатии» Абэ явилось его турне по трем странам Юго-Восточной Азии — Вьетнаму, Таиланду и Индонезии — в январе 2013 г. Оно стало первой зарубежной поездкой Абэ после вступления в должность премьер-министра во второй раз. Японские СМИ не скрывали, что целью поездки было укрепление связей со странами ЮВА ввиду усиливающейся наступательной политики Китая в регионе. В ходе визита Абэ подчеркивал важность использования международного права в решении территориальных споров, в которые вовлечены Китай и его соседи в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях.

На встрече с лидерами трех стран он, в частности, говорил, что Токио выступает против «изменения статус-кво с помощью силы». Очевидно, что его высказывание было обращено к тем странам ЮВА, кото-

рые сами имеют территориальные споры в Южно-Китайском море с Китаем, — прежде всего Вьетнаму и Филиппинам, а также Малайзии и Брунею. В своей речи, с которой Абэ планировал выступить в Джакарте, он собирался подчеркнуть, что связи Японии в регионе должны базироваться на универсальных ценностях, таких как свобода слова и сохранение морских путей открытыми в соответствии с международными законами.

Однако еще до своего выступления Абэ вынужден был вернуться в Токио из-за захвата японских заложников в Алжире. Японский премьер-министр надеялся найти понимание своей позиции, особенно с учетом того, что Вьетнам, Таиланд и Индонезия с их быстро растущими экономиками нуждаются в японских инвестициях и технологиях, прежде всего в области инфраструктурных проектов.

Все три указанные страны являются ключевыми членами АСЕАН, объединяющей десять государств с их огромным рынком, который в совокупности насчитывает 600 млн. потребителей и весьма привлекателен для японских компаний. Об этом свидетельствует тот факт, что в 2011 г. прямые инвестиции Японии в АСЕАН составили 1,55 трлн. иен, превзойдя инвестиции в Китай (1,01 трлн. иен)⁹.

Фактически указанная поездка Абэ означала возобновление активности японской дипломатии после пятилетнего периода ее застоя. Как отмечают японские эксперты, со времени последнего правительства во главе с Абэ, сформированного ЛДП (2006–2007), премьер-министры в Японии менялись практически ежегодно, что делало невозможным проведение эффективной внешней политики. По их мнению, страны Азии, которые сильно зависят от Японии экономически, возлагают надежды на восстановление влияния Токио в международном сообществе, чтобы эффективно выстраивать свою стратегию в отношении таких крупных держав, как Китай и США.

Следует отметить также, что возобновление внимания Токио к ЮВА после «турбулентного» трехлетнего периода пребывания у власти ДПЯ совпадает с азиатско-тихоокеанским «поворотом» Вашингтона под руководством Барака Обамы, который, как ожидается, будет усиливать военное и дипломатическое присутствие США во время его второго срока на посту президента.

Три указанные страны ЮВА неслучайно были выбраны Абэ в его стратегии формирования коалиции стран на базе теории «китайской угрозы». Ведь государства этого субрегиона имеют сложную историю взаимоотношений с «великим соседом», а Вьетнам, Филиппины и некоторые другие государства — еще и острые территориальные конфликты вокруг спорных островов в Южно-Китайском море. К тому же во Вьетнаме еще свежи воспоминания о кровопролитном приграничном столкновении с Китаем в 1970-х годах.

Видимо, именно поэтому Абэ наиболее теплый прием встретил в Ханое. Газета «The Japan Times» откровенно писала: «Премьер-ми-

нистр Синдзо Абэ и его вьетнамский коллега Нгуен Тан Зунг договорились укреплять двустороннее сотрудничество в сфере безопасности перед лицом растущей наступательной деятельности Китая на море»¹⁰. По заявлению высокопоставленного правительственного чиновника Японии, его страна и Вьетнам подтвердили свое неприятие «изменения статус-кво с помощью силы», имея в виду морские споры Китая с Вьетнамом и Филиппинами¹¹. А сам Абэ после встречи с премьер-министром Вьетнама подчеркнул, что Токио и Ханой «сталкиваются с общими вызовами в регионе и как партнеры дополняют друг друга экономически»¹².

Вместе с тем, очевидно, опасаясь негативной реакции Пекина на подобные высказывания, Абэ сказал своему вьетнамскому визави, что Япония рассматривает свои связи с Китаем как «одни из самых важных двусторонних отношений». Токио будет поддерживать и укреплять общение с Пекином, чтобы наладить эти отношения, которые обострились из-за спора в Восточно-Китайском море по поводу контролируемых Японией островов Сэнкаку.

По оценке вышеуказанного японского чиновника, премьер-министр Вьетнама выразил свое понимание и поддержку позиции Токио. Со своей стороны, видимо в целях материального закрепления достигнутого взаимопонимания, Абэ пообещал предоставить Вьетнаму 500 млн. долл. в виде новых иенных займов для финансирования ряда инфраструктурных объектов в этой стране¹³.

Что касается Филиппин, которые не вошли в ряд посещенных Абэ стран ЮВА, то примечательно, что еще до своей поездки Абэ направил туда министра иностранных дел Фумио Кисида. Этот визит, состоявшийся в первой декаде января, включал также Сингапур и Бруней и явился своего рода прелюдией к азиатскому турне самого Абэ. Цель посещения Филиппин заключалась в том, чтобы укрепить отношения с этой крупной страной ЮВА, также имеющей территориальный конфликт с Китаем, в области безопасности и сфере экономического сотрудничества.

Примечательной особенностью поездки Кисида явилась просьба к нему со стороны Филиппин предоставить патрульные корабли для укрепления своего потенциала береговой охраны в Южно-Китайском море. Филиппинское правительство выразило желание приобрести 10 патрульных кораблей 40-метровой длины примерно за 200 млн. долл. на иенные займы¹⁴. Очевидно, что подобный шаг вызван введением Китаем в строй незадолго до этого большого патрульного корабля, чтобы более эффективно проводить политику, направленную на обеспечение собственных интересов в акватории Южно-Китайского моря.

Что касается Таиланда, то, в отличие от Вьетнама и Филиппин, он занимает более осторожную позицию в отношении призывов Японии сотрудничать в деле сдерживания китайской «морской экспансии». В хо-

де визита в эту страну Абэ затронул проблему островов Сэнкаку и подчеркнул, что считает чрезвычайно важным урегулирование проблемы в соответствии с законом, а не при помощи силы. В ответ на это премьер-министр Таиланда Инглак Чинават выразила понимание японской позиции, но ограничилась обещанием, что Таиланд будет играть конструктивную роль в улучшении отношений между заинтересованными сторонами.

В Юго-Восточной Азии особое внимание Японии уделяет не входящей в АСЕАН Мьянме, которую правящий военный режим стал открывать внешнему миру лишь с 2011 г. Воспользовавшись длительной изоляцией этой страны Западом, Китай сумел завоевать в ней доминирующие позиции как в экономике, так и политике. Теперь Токио, получив «добро» из Вашингтона, полон решимости «подвинуть» китайского соперника в этой многообещающей азиатской стране и в политической, и в экономической сферах. Японский бизнес намерен не упустить свой шанс и в полной мере воспользоваться как богатейшими природными ресурсами Мьянмы, так и ее емким внутренним рынком в 60 млн. потенциальных потребителей. Во время своего визита в эту страну в конце мая 2013 г. японский премьер С. Абэ не только списал ее долг в размере 1,8 млрд. долл., но и пообещал новый заем в 500 млн. долл.

В общем, страны ЮВА, несмотря на их разнородность, все очевиднее рассматриваются Японией в качестве своего рода экономической и военно-политической страховки в отношении «китайской угрозы».

От «дуги свободы и процветания» к «ромбу безопасности»?

Таким образом, начало 2013 г. ознаменовалось возобновлением азиатской политики Токио. Более того, активизация дипломатической деятельности нового кабинета министров Японии в странах ЮВА уже получила название «Доктрины Абэ» по аналогии с «Доктриной Фукуда».

В 1977 г. тогдашний японский премьер-министр Такэо Фукуда выступил в Маниле с речью, в которой обрисовал контуры перспективной политики Японии в Азии. Фукуда призвал к окончательному примирению Японии и стран ЮВА, где все еще сохранялись воспоминания о японской агрессии и подозрительность к любым действиям Японии на материке. Он же пообещал указанным странам всестороннюю экономическую помощь и сотрудничество в целях их развития. Кроме того, в тот момент не было необходимости призывать к сплочению Японии и стран ЮВА на основе противодействия «китайской угрозе».

Вместе с тем следует отметить, что уже в период первого премьерства Абэ в 2006–2007 гг. Таро Асо, бывший тогда министром иностран-

ных дел, выдвинул внешнеполитическую концепцию «дуги свободы и процветания». Концепция включала в «дугу» обширные регионы мира от ЮВА до Восточной Европы и преподносилась ее авторами как намерение Японии оказать содействие странам, входящим в указанную «дугу», в деле продвижения по пути демократии и экономического развития.

Однако на самом деле, как представляется, по замыслам Асо, «дуга» должна была служить не столько для продвижения демократии в мире, сколько для сдерживания Китая, а заодно и России. Правда, концепция «дуги» на практике оказалась нежизнеспособной из-за чрезмерной глобальности замысла, огромной социально-экономической и политической разнородности, а также культурно-религиозной несовместимости ее многих потенциальных членов.

В свой второй срок руководства страной Абэ, судя по всему, намерен продвигать новую, более реалистичную геополитическую конфигурацию под именем «ромб безопасности». Подразумевается, что в него должны войти страны АТР, объединенные «общими демократическими ценностями». Ромб предполагается формировать из Японии, Австралии, Индии, а также США, которых в этой фигуре будут представлять их тихоокеанские островные территории.

«Ромб безопасности» есть не что иное, как геополитическое воплощение «дипломатии ценностей», которую Абэ провозгласил еще в первый срок своего премьерства (сентябрь 2006 — сентябрь 2007 гг.). Крупнейшая японская газета «Иомиури» откровенно писала на этот счет: «Взявшись за руки со странами, которые разделяют базовые ценности демократии и фундаментальных прав человека, Абэ явно стремится „окружить“ Китай, который остается под единоличной властью Коммунистической партии»¹⁵.

Вместе с тем следует отметить наличие беспокойства в странах ЮВА по поводу возможности участия в указанной стратегии. Так, одна из газет поместила на этот счет статью под заголовком «АСЕАН не должна быть вовлечена Японией в антикитайскую коалицию». В ней, в частности, говорится: «Третья по размерам экономика мира являлась и снова может стать главным фактором роста региона. Смотрящая более вовне и динамичная Япония потенциально может открыть новую фазу отношений с АСЕАН. Но если администрация Абэ будет агрессивно антикитайской, это станет негативным фактором в региональных отношениях, которые осложнились в последние годы»¹⁶.

В свете этого высказывания, а также учитывая тот факт, что в Индии, Австралии и даже США существуют серьезные сомнения в целесообразности участия этих стран в японской стратегии «окружения» или «сдерживания» Китая, можно полагать, что геополитическую концепцию «ромба безопасности» может ожидать та же участь, что и «дуги свободы и процветания».

Усиление европейского вектора

Важную роль во внешнеполитическом курсе, проводимом Абэ, занимает европейское направление. Его роль особенно возросла в свете «китайского фактора». Японские аналитики полагают, что Япония в деле «сдерживания Китая» может найти партнеров в лице как Европы в целом, так и ее отдельных частей и стран. Так, газета «Санкэй» в статье, посвященной визиту в Японию президента Франции Франсуа Олланда в начале июня 2013 г., выражает надежду на то, что лидеры двух стран разделяют беспокойство по поводу «китайской угрозы»¹⁷. Причем газета уверена, что «само расширение сотрудничества и диалога между Европой и Японией послужит сдерживанию Китая»¹⁸. Правда, издание не преминуло выразить беспокойство в связи с намерением Франции продать Китаю специальное оборудование для взлетов и посадок вертолетов на палубу кораблей. Оно предполагает, что оборудование может быть использовано на судах, которые Китай уже много месяцев подряд направляет в морские воды вокруг островов Сэнкаку.

Вместе с тем есть основания полагать, что Япония в обозримом будущем попытается наладить более тесные отношения с НАТО в целях укрепления своего военного положения на международной арене. Об этом свидетельствует подписание в Токио в апреле 2013 г. премьер-министром Японии Синдзо Абэ и генеральным секретарем НАТО Андерсом Фог Расмуссеном совместной политической декларации, которая, как они надеются, послужит основой для дальнейшего развития отношений между Японией и НАТО.

Это первая совместная декларация, подписанная между одной из крупнейших дальневосточных стран и мощнейшей военной организацией мира. Упомянутая декларация указывает на области, в которых сотрудничество между ее подписантами может быть усилено. Среди них значатся, например, более тесная координация при кризисном регулировании и противодействие кибератакам. Именно за кибератаки страны Запада в последнее время усиленно критикуют Китай. По сути, этот шаг означает завершение создания Западом глобальной военной структуры путем окончательного «закольцевания» японо-американского Договора безопасности и НАТО. Естественно, КНР остается за бортом этого геополитического построения, впрочем, как и Россия.

С прицелом на Китай Токио не оставляет без внимания и Восточную Европу. В ходе своего европейского турне в середине июня 2013 г. премьер-министр Абэ встретился в Варшаве с лидерами Вышеградской группы (Польши, Венгрии, Чешской Республики и Словакии). На встрече Абэ выразил готовность укреплять экономические отношения и связи в сфере безопасности с этими странами. Примечательно, что японский премьер также затронул вопрос о растущем присутствии КНР в Восточной Европе. Как отмечала «Иомиури симбун», в свете наращи-

вания Китаем своей деятельности в Восточно-Китайском море и других морских районах, в заявлении, принятом на встрече, подчеркивается важность соблюдения международных законов, таких как Конвенции ООН по морскому праву¹⁹.

Россия и Япония: успех «территориальной дипломатии» Абэ?

Визит президента РФ Д.А. Медведева 1 ноября 2010 г. на остров Кунашир, который в Токио считают японской территорией, обрушил российско-японские отношения до самой, пожалуй, низкой точки за весь постсоветский период. Очередная рокировка внутри «тандема» и возвращение Путина в кресло президента были встречены в Японии с энтузиазмом. Хотя японские СМИ весьма критически оценивают ситуацию в России после «второго пришествия» Путина, но, несмотря на весь негатив, выливаемый на него в японской прессе по поводу его якобы неэффективных и авторитарных методов управления страной (особенно здесь «преуспел» в ряде своих публикаций в газете «Санкэй» почетный профессор Хоккайдского университета Хироси Кимура), именно с его именем и его методами работы многие японские политики и эксперты снова связывают надежды на уступки со стороны России в территориальном споре по поводу южных Курил.

Выраженные Путиным намерение искать взаимоприемлемое решение территориального вопроса и стремление прийти в нем к «ничьей» порождают «территориальное дежавю» в российско-японских отношениях времен его президентства в нулевые годы. Они резко контрастируют с тем, что сейчас слышат в Токио из Пекина и Сеула по поводу их собственных территориальных конфликтов с Японией. Судя по всему, своей «территориальной дипломатией» Абэ надеется прорвать именно на российском направлении стихийно сложившийся к настоящему времени в Северо-Восточной Азии, хотя никак и никем не координируемый антияпонский территориальный фронт.

Выступая на заседании обеих палат парламента 28 февраля, Абэ выразил готовность к улучшению связей с Китаем и Южной Кореей, а по поводу отношений с Россией даже заявил, что они «являются одними из двусторонних отношений с самыми богатыми возможностями».

В ходе состоявшегося в феврале визита в Россию Ёсиро Мори бывший премьер-министр и спецпосланник нынешнего премьера Абэ стремился убедить Путина в том, что правительство Абэ продержится не менее трех лет, и уговорить его решить проблему «северных территорий» в течение пребывания Абэ у кормила власти. Другими словами, Мори на встрече с Путиным предложил установить «deadline» для решения указанной проблемы.

Миссия Мори также заключалась в том, чтобы выяснить, насколько далеко новый/старый российский президент готов идти на уступки

Японии в территориальном вопросе, и, в частности, узнать, что скрывается за заимствованным Путиным из дзюдо термином «ничья» в данном контексте. Мори, со своей стороны, подчеркнул, что для окончательного решения территориальной проблемы необходима решимость двух лидеров — Абэ и Путина. Как пишут японские СМИ, Мори тем самым подталкивал Путина к политическому решению вопроса. Вместе с тем, по оценке японских экспертов, поле для маневров Путина в сторону уступок Японии в настоящее время вследствие снижения его поддержки обществом значительно сузилось по сравнению с его предыдущим периодом пребывания в президентском кресле.

Официальный визит японского премьер-министра в Москву и его переговоры 29 апреля 2013 г. с президентом РФ В.В. Путиным явились важной вехой в отношениях между Россией и Японией. Значимость события определяется тем, что это был первый официальный визит главы японского государства в Россию за последние десять лет. Его сопровождала крупная делегация в составе 120 бизнесменов, в том числе 30 руководителей крупнейших японских корпораций.

В ходе визита был подписан ряд меморандумов об экономическом сотрудничестве в различных областях, в том числе о создании Российско-японской инвестиционной платформы. Примечательным итогом визита явилась договоренность о начале консультаций между министрами иностранных дел и обороны по формуле 2+2, а также подписание соглашения об открытии культурных центров в обеих странах на взаимной основе.

Наряду с этим одним из центральных вопросов, обсуждавшихся во время указанного визита, явилась территориальная проблема. Видимо, с учетом болезненного восприятия этой темы общественным мнением обеих стран термин «территориальная проблема» отсутствует в Совместном заявлении, опубликованном по итогам визита. В заявлении говорится лишь о том, что руководители двух стран разделили общее понимание важности проведения переговоров по мирному договору и договорились дать своим министерствам иностранных дел поручение ускорить переговоры по выработке взаимоприемлемых вариантов решения проблемы мирного договора и предоставить их руководителям двух стран для обсуждения.

Очевидно, однако, что мирный договор между двумя странами вряд ли будет подписан без решения территориальной проблемы, на чем последовательно настаивает японская сторона. Как откровенно отмечает японская пресса, во время визита Абэ в Москву была создана основа для нового старта территориальных переговоров между Японией и Россией.

Следует отметить, что именно территориальная тема красной нитью проходит через материалы японских СМИ, посвященные визиту японского премьера в Россию. Вместе с тем, как отмечают японские аналитики, в настоящее время позиции сторон по территориальному вопро-

су серьезно расходятся. По их мнению, российский президент полагает, что решение проблемы надо искать на основе Совместной советско-японской декларации 1956 г., предусматривающей передачу двух островов (Шикотан и Хабомаи) после заключения мирного договора. Токио же настаивает на том, что все четыре острова должны быть возвращены Японии.

Эту позицию подтвердил на пресс-конференции после окончания визита в Москву Абэ генеральный секретарь кабинета министров Ёсихидэ Суга. Он подчеркнул, что именно этой позиции будет придерживаться японская сторона в ходе предстоящих переговоров МИДов двух стран. Как отмечают японские СМИ, в Японии главным образом надеются на политическое решение указанной проблемы. В целом в Токио рассматривают итоги апрельского визита Синдзо Абэ в Россию как большой успех его «территориальной дипломатии», особенно на фоне нежелания новых руководителей Китая и Южной Кореи встречаться с Абэ и обсуждать с ним собственные территориальные споры.

Примечания

¹ Цит. по: The Japan Times. 06.04.2013.

² Санкэй симбун. 09.06.2013.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Асахи симбун. 21.12.2012.

⁶ The Japan Times. 02.03.2013.

⁷ Санкэй симбун. 28.02.2013.

⁸ Санкэй симбун. 28.02.2013.

⁹ The Japan Times. 20.01.2013.

¹⁰ The Japan Times. 18.01.2013.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

¹⁴ По сообщению NHK от 11.01.2013.

¹⁵ Иомиури симбун. 15.01.2103.

¹⁶ South China Morning Post. 29.01.2013.

¹⁷ Санкэй симбун. 08.06.2013.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Иомиури симбун. 18.06.2013.

К. О. Саркисов

ЯПОНИЯ: ВРЕМЯ СИСТЕМНЫХ ПЕРЕМЕН?

Выборы в верхнюю палату парламента 21 июля 2013 г. определили новый баланс политических сил в Японии. Правящая Либерально-демократическая партия (ЛДП) в обеих палатах теперь обладает достаточной политической силой, чтобы попытаться провести в жизнь радикальные реформы. На своей пресс-конференции после оглашения результатов выборов, которые принесли ему победу, Абэ перечислил главные из них. В первую очередь, это смелые решения в макроэкономической сфере — значительное сокращение налога на инвестиции и повышение потребительского налога. Другая часть еще более смелых решений относится к политической сфере — пересмотр Конституции и для этого ревизия ее 96-й статьи (исключение ее требования о необходимости изменения Конституции, чтобы за него проголосовали две трети депутатов парламента, и введение положения о том, что для этого достаточно простого большинства голосов), а также принятие правительством административного постановления о том, что действующая Конституция страны не отрицает права Японии на коллективную безопасность, а следовательно, позволяет использовать вооруженные силы страны вне ее пределов¹.

Пересмотр Конституции — давняя идея Синдзо Абэ, которую в своих речах он называет «сменой режима». Японский оригинал этого термина (рэдзиму-чэндзи) — калька с английского, что делает его смысл туманным, не говоря уже о неудобоваримом произношении. Но в японской прессе этот же термин порой фигурирует в нормальном японском варианте, и он звучит более определенно как «смена системы» (тайсэй хэнкаку)².

Попытки «сменить систему» предпринимались и прежде, особенно в 50-е и 60-е годы прошлого века, но каждый раз они не приносили результатов. Сможет ли Абэ, у которого теперь весомый мандат на проведение реформ, дерзнуть на смену системы, т.е. сделать то, на что у других консервативных лидеров послевоенного периода не хватало сил?

Чтобы ответить на этот вопрос, в первую очередь следует проанализировать проект новой Конституции, предложенный ЛДП, когда партия была еще в оппозиции. Опубликованный 27 апреля 2012 г., он дает

представление о том, в какой степени радикально ставшая правящей партия готова менять Основной закон страны.

В анализе этого проекта обычно главное внимание уделяется изменениям в статусе императора, а также ревизии 9-й («мирной») статьи. Но более внимательное рассмотрение позволяет сделать вывод о существенных переменах в самой идеологии Конституции. В преамбуле действующей Конституции в центре политической идеологии страны — суверенный народ. Ее первые слова: «Мы, японский народ, действуя через посредство наших должным образом избранных представителей в парламенте и исполненные решимости обеспечить для себя и для своих потомков плоды мирного сотрудничества со всеми нациями и благословение свободы для всей нашей страны, исполненные решимости не допустить ужасов новой войны в результате действий правительств, провозглашаем, что народ облечен суверенной властью, и устанавливаем настоящую Конституцию».

В проекте новой Конституции другая идеология. В ее основе не народ, а государство, а вся риторика о недопущении повторения войны вычеркнута: «Япония, государство с древней культурой и императором — символом единства нации, объединена на основе суверенитета народа и разделения трех ветвей власти...»³.

Оставляя императора в роли «символа единства нации», проект четко устанавливает, что он «глава японского государства». В проекте Конституции демократические устои сохранены, но акценты смещены в пользу государства, его властных атрибутов и символов. В проекте специально дано определение государственного флага и гимна и сформулировано обязательство граждан Японии «уважать» их.

Наиболее существенному изменению подверглась 9-я статья. В действующей Конституции она названа «Отказ от войны». В проекте ее название заменено на «Обеспечение безопасности». Впрочем, «отказ от войны» сохранен в проекте, но в урезанной редакции. Фразу первого абзаца 9-й статьи, которая звучит так: «...японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров», — предлагается заменить на: «Японский народ отказывается от войны как суверенного права нации и не применяет вооруженную силу или угрозу ею как средства разрешения международных споров». Из текста вычеркнуты слова «на вечные времена». Это означает, что отказ не имеет абсолютного значения, как это было прежде, и может быть пересмотрен при определенных обстоятельствах. Существенным является дополнение к этому абзацу, что отказ от войны не лишает страну «права на самооборону». Таким образом законодательно закрепляется положение, которое существует уже давно и на основании которого в Японии создана мощная боеготовая армия.

Если первый абзац «отредактирован», то второй написан заново. Сейчас он гласит: «Для достижения цели, указанной в предыдущем

абзаце, никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны. Право на ведение государством войны не признается». В проекте новой Конституции он имеет подзаголовок «Армия национальной обороны» и дополнен двумя новыми абзацами. Устанавливается, что Япония в целях обеспечения мира и независимости, а также безопасности страны и народа обладает «армией национальной обороны». Она действует в рамках законов страны и подчиняется решениям, принимаемым парламентом. Полным отходом от прежней Конституции является положение, дающее право использовать армию в деятельности по поддержанию международного мира в сотрудничестве с другими странами, а также для поддержания общественного порядка и защиты от посягательств на жизнь и свободу граждан. В ней есть положение о введении военных судов, рассматривающих вопросы охраны военной тайны. В отдельном, третьем абзаце устанавливается прямая обязанность армии во имя защиты суверенитета и независимости страны в сотрудничестве с ее гражданами, оберегать ее землю, водное и воздушное пространство.

В проекте Конституции есть и другие коррективы, но упомянутых достаточно, чтобы составить представление о характере системных перемен, предлагаемых правящей партией. Это уже упомянутое усиление роли и значения государства по отношению к обществу, его карательных функций при угрозе безопасности страны изнутри и извне, включая право на участие в военных конфликтах за пределами страны.

В течение всего послевоенного периода, вплоть до середины 90-х годов прошлого века, Конституция была своеобразной «священной короной». Но начиная с 1993 г. «замеры» общественных настроений показывали, что более половины японцев высказываются в пользу ее пересмотра, а против ревизии — только треть. Однако уже в новом веке, после того как японскую политику и власть ЛДП стало лихорадить и началась эпоха частой смены кабинетов министров, маятник вновь качнулся в сторону тех, кто против пересмотра Основного закона⁴. Это соотношение на сегодняшний день остается практически таким же.

За пересмотр Конституции без каких-либо оговорок выступают всего лишь две партии — ЛДП и партия Реставрации (Исин-но кай). Ближе всех к ним Ваша партия (Минна-но то). Но и она делает существенные оговорки. Союзница ЛДП партия Комэйто выступает не за пересмотр, а за добавления к Конституции. Партия народной жизни (Сэйкацу-но то) выдвигает существенные условия. Категорически против только коммунисты и социал-демократы. Из 78 кандидатов от ЛДП, зарегистрированных на выборы в верхнюю палату парламента, практически все заявляли о своей поддержке пересмотра Конституции. У демократов из 45 лишь 10% кандидатов открыто выступали за пересмотр⁵.

Примет ли японское общество предлагаемый ЛДП вариант нового Основного закона? Разобраться в этом сложнее, чем это было прежде, когда японское общество любые попытки пересмотра встречало в

штыки. Прежде был четкий идеологический водораздел между левыми и правыми политическими силами. Теперь, отражая глубокую трансформацию социальной структуры японского общества, обе эти силы сместились от краев к центру. За последние десятилетия японское общество стало менее чувствительным к идеологическим построениям и интересуется конкретными социальными проблемами. Опросы общественного мнения в июле 2013 г., накануне выборов в верхнюю палату японского парламента показали, что только 6% японских избирателей волнует позиция кандидатов в отношении пересмотра Конституции, а подавляющее большинство свой выбор связывало с их позицией по экономическим и социальным вопросам, таким как занятость, социальное страхование и повышение потребительского налога⁶.

Но это не безразличие общества к столь серьезному вопросу, как пересмотр Конституции. Скорее всего, большинство японцев считают, что все дискуссии пока просто разговоры. Теперь, когда закончились выборы и определился новый баланс сил в нижней и верхней палатах парламента, начнется реальное противостояние, которое определит шансы на пересмотр.

Предпосылки для пересмотра Конституции

Два года назад уступив Китаю второе место в мировой экономике, Япония активно ищет новые резервы экономического роста, внутренней стабильности и безопасности от внешних угроз и вызовов. Дело не только в феноменальном и психологически пугающем росте нового гиганта, к тому же еще и соседа, но и в ощущении, что страна теряет свои прежние потенции и способность к быстрому, опережающему средний общемировой уровень росту. Воспоминания о «славном прошлом» еще живы в сознании. В конце 80-х годов прошлого века номинальный ВВП Японии достигал 80% от ВВП США, а ее вес в мировой экономике — около 18% от мирового объема. Развитие в дальнейшем затормозилось, и на сегодняшний день ВВП страны меньше половины американского и около 8% мирового.

Означает ли это «закат» Японии и ее скатывание в разряд второстепенных держав, обреченных ютиться в тени другой великой державы? И можно ли рассматривать предлагаемую Абэ «смену режима» как радикальное средство избежать этого? На эти вопросы еще нет четкого ответа, а общественная реакция больше эмоциональная. Снижение удельного веса Японии и тех же Соединенных Штатов на глобальном рынке — результат не только падения темпов роста, но главным образом бурного роста других экономик, в частности влиятельной до последнего времени группы БРИКС. Это нормальный и закономерный процесс развития глобального рынка, когда меняются пропорции его сегментов. И наконец, по мере дальнейшей глобализации определяющим фактором влияния на нем становится не столько количество,

сколько качество. Например, Китай, вышедший по экономическим показателям на второе место в мире, сталкивается с серьезными проблемами (экология, коррупция, низкий уровень производительности труда, плохо решаемые социальные и политические проблемы), которые бросают тень на его будущее. Помимо естественного изменения баланса сил есть целый ряд новых экономических и внеэкономических факторов — экология, терроризм, борьба за ресурсы, техногенные катастрофы и другие, которые также меняют глобальный ландшафт.

Становится сложнее оценивать силу и мощь, а также способность той или иной страны добиваться успеха в своем развитии, но одно совершенно ясно — ушла в прошлое эпоха, когда Япония вместе с Европой и США составляла «триаду» экономических гигантов, контролировавших около 70% мирового ВВП. Все это отражается на международных отношениях. Прежнее доминирование горстки стран ослабевает. Эти страны вынуждены сдерживать свои амбиции и приспосабливаться к новым реалиям. В фокусе внутренней американской политики — стремление сохранить позиции США в мире через структурные реформы собственной экономики и социальной сферы, во внешней политике — реструктуризация или поиски нового баланса (rebalancing) своих обязательств и военного присутствия в мире. В Европе острый системный кризис вынуждает ЕС искать пути к совершенствованию сообщества.

В Японии за весь послевоенный период при качественных переменах в управленческих институтах и моделях экономического роста изменения в политической сфере существенно запаздывали. Это приводило к мысли, что для динамичного развития экономики в условиях глобализации и усиления конкуренции крайне необходимы радикальные перемены в политической сфере. Стране нужна сильная и авторитетная политическая власть, которая, опираясь на электорат, проводила бы нужные для экономики реформы и преодолевала косность государственных институтов и бюрократии.

В Японии в послевоенные годы сложилась «полупартийная» система, когда у власти практически беспрерывно находилась Либерально-демократическая партия, а вся оппозиция хотя и была реальной, а не декоративной, не получала поддержки электората. Казалось, что именно поэтому в стране отсутствовала необходимая для смелых решений политическая динамика. Приход к власти в 2009 г. Демократической партии создал иллюзию торжества двухпартийной системы. Но демократы потерпели сокрушительное поражение на выборах в декабре 2012 г., и к власти вернулись либерал-демократы.

Многим это показалось крахом идеи «двухпартийной» демократии в Японии. Но вполне возможно, что это не так. По крайней мере вряд ли повторится прошлое, когда пребывание ЛДП у власти на десятилетия было гарантировано. Власть можно легко потерять, если не оправдаются надежды на «абэномику». То же самое касается и попыток пересмотреть Конституцию, если они обнаружат чрезмерное поправление

политического курса, чреватого серьезными противоречиями внутри японского общества и резким ухудшением отношений с соседями. Японское общество пока отвергает этот курс, как показывает его реакция на высказывания радикалов типа осакского мэра Тору Хасимото.

К тому же политические позиции ЛДП не абсолютны, так как партия вынуждена опираться на союз с Комэйто, у которой иная платформа по ряду важнейших вопросов. Коалиция с Комэйто важна при голосовании в обеих палатах парламента. В нижней палате у ЛДП есть простое большинство (294 места из 480). Комэйто имеет 31 место. Июльские выборы в верхнюю палату не дали ЛДП абсолютного большинства. Здесь ей принадлежит 115 мест из 242. В этом смысле прошедшие выборы были скорее поражением, чем победой либерал-демократов. Очевидно, что 20 мест, завоеванных Комэйто в верхней палате, становятся для либерал-демократов решающими.

Разумеется, при проведении тех или иных законопроектов ЛДП может получить поддержку других партий. В первую очередь это может быть партия Реставрации, у которой в нижней палате 54 места и 9 в верхней. Но блокирование с другими партиями в случае отказа Комэйто в поддержке чревато распадом коалиции, которого либерал-демократы стараются избежать. Главное же в том, что, по некоторым оценкам, все эти комбинации с голосами не дают пока возможности получить в нижней, и тем более в верхней палате необходимые две трети голосов для изменения 96-й статьи. Тем более что во всех партиях есть значительное число колеблющихся с выбором в пользу пересмотра Основного закона страны⁷.

Эти колебания связаны с опасениями, что реальный процесс пересмотра Конституции может навредить тому, что в течение всего послевоенного периода было основой феноменального развития страны. Конечно, японская Конституция была написана в штабе оккупационных войск и, если говорить откровенно, была навязана стране — это, разумеется, затрагивает национальные чувства. Но, с другой стороны, может быть, именно благодаря ей было сделано то, что в обычных условиях требует многих лет мучительной внутренней борьбы и эволюции. В конечном счете она оказалась благом для страны. Что же касается Договора безопасности с США, заключение которого было в немалой степени обусловлено Конституцией, запрещавшей Японии иметь армию и вести войну, то отношение к нему удивительным образом трансформировалось от полного неприятия к нынешней ситуации, когда для ведущих политических сил он своеобразная икона, на которую они молятся.

Именно поэтому до сих пор в общественном сознании страны довольно сильны настроения в пользу того, чтобы не делать резких движений. Сказывается и унаследованная из глубины веков «генетика» общественного сознания, отвергающего революции как таковые. Из двух типов реформ, структурных и системных, как показывает историческая практика, в Японии отдавали предпочтение первым. Дважды,

в период антифеодальной революции (Мэйдзи) и в период оккупации (1945–1952), проводились радикальные системные преобразования, в первом случае сознательно, во втором — под давлением. Но эти изменения нельзя отнести к революционным, т.е. отвергающим всю предыдущую систему и начинающим с «белого листа». Преобразования периода Мэйдзи при всей их радикальности имели явные черты компромисса с Токугава и феодальными кланами, представители которых влились в структуры новой государственности. В середине следующего столетия в ходе реформ, проводившихся в условиях оккупации, удалось сохранить институт императора и некоторые другие черты мэйдзийской государственности, а Конституцию 1946 г. принять согласно юридическим процедурам мэйдзийской же Конституции, преемственность которой символически отразилась даже в нумерации послевоенных премьер-министров, восходящей к Ито Хиробуми, первому из них (1885–1888).

Переживает ли Япония сейчас тот самый момент, когда при сохранении преемственности необходим третий этап глубоких системных реформ? Является ли предложенный ЛДП проект пересмотра Конституции ключом к решению этой задачи? В Японии нет четких ответов на поставленные вопросы, и дискуссия по ним продолжается. Помимо чисто внутренних проблем они затрагивают ряд важнейших вопросов современного мира.

Глобальная экономика и региональный рынок

Япония остается одним из ведущих игроков в мировой экономике. По данным японского Министерства экономики, торговли и промышленности (МЭТП), ВВП Японии составляет 6,1 трлн. долл. В номинальном выражении — это 40,1% от ВВП США и 85,0% от ВВП КНР. Отставание от Китая на 15% впечатляет, так как три года назад ВВП двух стран был почти одинаковым. Но японская экономика — это все же третья экономика в мире, она почти вдвое (на 45%) больше, чем следующая за ней экономика Германии, и вдвое больше, чем экономики Франции и Англии вместе взятые, занимающие следующие позиции в этом списке.

По качественному параметру (ВВП на душу населения) японская экономика выглядит вполне прилично по сравнению с экономиками номер один и номер два: она немного отстает по этому показателю от американской (в 2011 г. 48,488 долл. в Японии, 45,903 долл. — в США) и в девять раз превосходит китайскую (5,430 долл.)⁸. В условиях глобализации экономика всех стран зависит от внешних рынков. Но если у Китая эта зависимость (процентное отношение внешней торговли к ВВП) составляет порядка 56% (2011 г.), то у Японии, как и у США, она менее трети (29% в 2010 г.)⁹.

Влияние японской экономики на мировую конъюнктуру тоже остается достаточно сильным. Колебания на японском фондовом рынке, пусть в меньшей мере, чем раньше, заметно влияют на рост и падение котировок на других рынках. На заседаниях «Большой восьмерки» (июль 2013 г.) финансово-экономические меры по оживлению японской экономики получили положительную оценку. Обострившиеся перед этим экономические отношения стран Евразии с Китаем выявили направление японской экономической стратегии — тесное взаимодействие со странами Европы и США, с тем чтобы заставить Китай и другие страны следовать общим правилам игры на глобальных рынках¹⁰.

Как и другие главные игроки на мировых площадках, Япония ищет новые ресурсы экономического роста. Особый энтузиазм в Японии вызвала «сланцевая революция». Разработка в США эффективной технологии переработки сланцевого газа вместе с огромными его запасами во всем мире внушает надежду на возрождение американской экономики, что, в свою очередь, вернет ей роль локомотива мировой экономики. Учитывая некоторое ослабление китайского фактора, это может иметь серьезные политические последствия. К тому же повысится спрос на передовые японские технологии, а курс иены закрепится на уровне 100–110 иен за доллар¹¹.

Но «сланцевая революция» — это «журавль в небе», а судьба японской экономики во многом зависит от бурно развивающегося регионального рынка. Здесь особенно высоки ставки, и главная из них — участие в ТТП (трансстихоокеанское партнерство). Еще до выборов в верхнюю палату Абэ твердо заявлял об участии в нем Японии, несмотря на сильное сопротивление внутри страны из-за опасений, что это нанесет смертельный удар по японскому сельскому хозяйству. По официальным подсчетам в Японии, при вступлении в ТТП ее сельскохозяйственное производство сократится на 3 трлн. иен, но при этом ВВП в реальном исчислении увеличится на 3,2 трлн. иен, главным образом за счет роста экспорта. Экспорт автомобилей должен увеличиться на 2,6 трлн. иен¹². К тому же вступление Японии в ТТП побуждает страны Евразии начать переговоры с Японией о заключении соглашений о свободной торговле. Такое соглашение ликвидирует таможенные пошлины на экспорт в Европу японской электротехнической продукции, увеличит объем ее продаж в условиях острой конкуренции со стороны южнокорейских производителей¹³.

Создается впечатление, что Абэ удастся преодолеть сопротивление внутри страны и войти в ТТП. В Японии все громче звучат аргументы в пользу такого выбора. В частности, считается, что ВТО не под силу сдерживать возросший после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. протекционизм, а «мегарынки» с более жесткими по своим стандартам правилам свободной торговли, наподобие ТТП, более перспективны¹⁴. К тому же, по оптимистическим прогнозам, участие в ТТП даст Японии прибавку ВВП даже большую, чем США (2,4% против 0,5%)¹⁵.

У ТТП есть одно «внеэкономическое» качество. Речь идет о КНР. Считается, что Китай с его гигантским рынком не сможет, по крайней мере в ближайшей перспективе, войти в эту структуру из-за высоких требований (в частности, по охране интеллектуальной собственности), которые предъявляются к участию в нем. Таким образом, первая и третья экономики мира «возьмут в клещи» вторую.

Но оптимизм в этом отношении явно преждевременный. Ставка на ТТП в стратегии «сдерживания Китая» пока вызывает больше вопросов. Китай слишком большой, динамичный и привлекательный рынок, чтобы его можно было легко исключить из регионального контекста. В 2011 г. в номинальном ВВП Восточной Азии (АСЕАН плюс Япония, Китай, Южная Корея, Тайвань и Гонконг) в размере 17,1 трлн. долл. доля КНР составляла 42,6%, Японии — 34,3%, АСЕАН — 12,5%, Южной Кореи — 6,5%. Сравнение с Китаем даже на рынках стран АСЕАН, у которых с ним сложные политические и дипломатические отношения, не в пользу Японии. На КНР приходится 12,9% всего экспорта этих стран и 14,4% импорта, а на Японию — соответственно 10,1 и 10,7%. В объеме же торговли стран АСЕАН без учета их взаимного товарооборота доля Китая в их экспорте составляет 17,1%, в импорте — 19,1%, а Японии — соответственно 13,3 и 14,1%. КНР превалирует в торговле всех стран Ассоциации, за исключением Индонезии и Таиланда, где доля Японии в 2011 г. была на 1-2% выше. Китай преобладает в торговле даже таких стран, как Вьетнам и Филиппины, имеющих напряженные отношения с Пекином из-за территориальных споров¹⁶.

Поэтому, как подчеркивал в интервью японской газете нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц, идея формирования азиатско-тихоокеанского рынка без Китая, чей рост долгое время служил локомотивом экономического развития не только Восточной Азии, но и мира в целом, достаточно сомнительна¹⁷. К тому же не следует недооценивать гибкости китайской политики. С приходом нового руководства Пекин скорректировал свое отношение к ТТП от открыто враждебного к спокойно-нейтральному и потенциально позитивному. Для Китая с огромной долей государственного капитала в экономике трудно будет принять условия этой организации, но он уже не только не отвергает их, но и, по выражению японской прессы, «строит ей глазки»¹⁸.

Следует учитывать, что вокруг китайского рынка могут появиться альтернативные рыночные структуры, которые включают страны, которые по тем или иным причинам не приемлют ТТП. Позиция Южной Кореи в этом смысле симптоматична. Сеул не торопится подключаться к транстихоокеанскому партнерству, а предпочитает вести с Китаем переговоры по соглашению о свободной торговле¹⁹. Лаос, Камбоджа и Мьянма, входящие, как известно, в АСЕАН, также не испытывают желания присоединиться. Но главное, не жаждет этого и Индонезия с ее огромным и перспективным рынком²⁰.

В этих условиях Япония проявляет прагматический подход и старается действовать по всем азимутам. Прежде всего — участвовать в ТТП, несмотря ни на какие минусы этого для внутренней экономики. Второе — развивать отношения с теми странами, на рынках которых доминирует Китай и которым Япония прежде не уделяла должного внимания. В этом отношении показательно поведение Японии в отношении Мьянмы, во внешней торговле которой доля Китая самая высокая — 31,7%²¹. И третье — идти на сотрудничество и поиски взаимопонимания с самим Китаем, активно участвуя в переговорах о создании структур экономического партнерства в регионе наряду с КНР.

Речь идет о КРЭП — Комплексном региональном экономическом партнерстве (Regional Comprehensive Economic Partnership — RCEP), цель которого — заключение соглашения о свободной торговле. Состав этой структуры воспроизводит старые идеи о «восточноевропейском сообществе» в варианте 13 плюс 3: 10 стран АСЕАН, Япония, Китай, Южная Корея плюс Индия, Австралия и Новая Зеландия. С инициативой формирования этого мегарынка свободной торговли выступили страны АСЕАН в ноябре 2011 г. Спустя год активных консультаций начались официальные переговоры. А в мае 2013 г. в Брунее состоялось первое заседание представителей 16 государств. КРЭП, как рекламируют этот проект источники из японского Министерства экономики, торговли и промышленности, при его реализации создаст рынок с населением в 3,4 млрд. человек (половина земного шара), с суммарным ВВП в 20 трлн. долл. (треть мирового ВВП) и объемом торговли в 10 трлн. долл. (треть объема мировой торговли)²². По официальным японским подсчетам, участие Японии в ТТП даст прибавку в 0,66% ВВП, а в КРЭП — 1,1%²³. Эта разница вполне символична. Во втором случае выигрыш больше, потому что здесь участвует Китай.

Участие Японии в КРЭП особенно важно потому, что переговоры в рамках некогда дружной «тройки» — Японии, Китая и Южной Кореи — о свободной торговле продвигаются туго. Комментируя ситуацию, сложившуюся в отношениях между тремя странами, китайская англоязычная газета поместила карикатуру, на которой китаец и кореец жмут друг другу руки, а японец сидит в одиночестве, снабдив ее многозначительным заголовком «Китай и Южная Корея должны стремиться к свободной торговле без Японии»²⁴. Имея весьма напряженные отношения и с Пекином, и с Сеулом, Токио при Абэ имеет мало шансов на радикальное улучшение отношений с обеими странами. Поэтому для него значительно комфортнее участие в более широком формате в составе 16-ти.

Союз с США

Это же стало причиной курса на усиление союзных отношений с США. Формулируя три главных направления внешней политики Японии, «голубая книга» МИД Японии (апрель 2013 г.) на первое место ставит

«усиление японо-американского союза», на второе — внимание к отношениям сотрудничества с соседними странами, а на третье — «усиление экономической дипломатии как вклада в возрождение японской экономики»²⁵.

Но усиление союза с США может решить кратковременную задачу сдерживания «китайской угрозы» в том виде, как ее представляют в Японии. В среднесрочной и длительной перспективе это путь тупиковый. Он тупиковый и в поисках новой глобальной роли. Союзные отношения с США, поставленные в центр внешней политики как «начало всех начал», резко ограничивают кругозор и сферу политических маневров, прежде всего потому, что этот союз не сбалансирован. Если для Японии отношения с США являются «стержнем» японской дипломатии, как это из года в год декларируется в «голубой книге» МИД Японии, то для США отношения с Японией всего лишь один из важных компонентов глобальной стратегии. Проблемы глобального характера — конфликты, особенно в Азии (Иран, Северная Корея, Израиль и Палестина), — Вашингтон решает в диалоге с Пекином, в европейских столицах и Москве. Возможности маневрирования на международной арене, голосование в международных органах не только против, но и иначе, чем США, существенно осложнены. Для США же заручиться поддержкой Токио не составляет труда. Она как бы сама собой разумеется.

Еще два года назад, когда Юкио Хатояма на заседании упомянутой «тройки» только заикнулся о том, что Япония чрезмерно зависит от США, это печально закончилось для него самого. Он был вынужден покинуть пост премьера, а затем и политику вообще. Все последующие премьер-министры от Демократической партии отвергли его курс и заверяли США в своей верности союзу, а последний из них, Ёсихико Нода, настолько преуспел, что некоторые американские политологи его ставили в пример С. Абэ.

В результате Япония в этом союзе выглядит как явно подчиненное и не очень самостоятельное звено, а Договор безопасности с США — и как щит, и как уздечка. Именно на это указывают те, кто выступал и выступает против принятия Японии в число постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Взаимоотношения с Китаем

После национализации японским правительством островов Сэнкаку Пекин заморозил большую часть контактов, а также демонстрирует агрессивную решимость добиться своего в этом споре. Но нынешнюю фазу напряженности нельзя рассматривать как долгосрочную. Это, скорее всего, промежуточное состояние, которое должно привести либо к нормализации отношений, либо к еще большей конфронтации. Первый вариант более вероятен, но и второй не исключен.

На пути к нормализации нужно будет найти какое-то решение или компромисс по главному вопросу — островам Сэнкаку. Сейчас налицо глухой тупик. А это значит, что в ближайшей перспективе «китайский фактор» будет определять многие шаги японской дипломатии, будь то усиление союза с США или повышенная активность в странах Юго-Восточной Азии, в Индии, Монголии, в Средней Азии, на Ближнем Востоке, Африканском континенте, на российском направлении. Ситуация осложняется явным сближением между Пекином и Сеулом, имеющими общий подход по целому ряду вопросов, и прежде всего по территориальному спору и «исторической памяти» (официальные посещения храма Ясукуни, вопрос о «насильственном использовании» женщин оккупированных стран в полевых борделях японской армии).

Противостояние с Китаем и Южной Кореей приводит к подъему национализма в самой Японии. Развитие этой тенденции может быть деструктивным и опасным. Если раньше национализм был присущ определенной части политически сил и ему противостояли так называемые левые силы, то сейчас, в частности в критике Китая, его настойчивости в территориальных претензиях к Японии, едины все политические партии страны. Наиболее левая из всех японских партий — Коммунистическая поддерживает курс правительства по островам Сэнкаку. «Твердую позицию» коммунисты занимают в споре с Южной Кореей по острову Такэсима. КПЯ — единственная политическая партия Японии, которая выступает за возвращение не четырех, а всех островов Курильской гряды. В последней, утвержденной 27-м съездом КПЯ 17 января 2004 г., программе партии во внешнеполитическом разделе среди общих целей борьбы за мир, против агрессий и пр., в числе которых уже нет призывов к борьбе против международного империализма, из старого багажа осталось одно конкретное требование — вернуть Японии все Курильские острова и острова Хабомаи и Шикотан²⁶.

Национальная безопасность

Напряженность отношений с КНР вызывает потребность в пересмотре вопросов национальной безопасности. Можно, конечно, утверждать, что паника в отношении Китая ложная и что эта страна не представляет никакой угрозы безопасности Японии. Однако это вряд ли звучит убедительно, пока рост военного потенциала Китая, чем бы он ни оправдывался, не сопровождается мерами доверия, а в перспективе — либо двусторонними соглашениями, либо договором о взаимной безопасности, либо вхождением обеих стран в систему коллективной безопасности. Усиление оборонного потенциала Японии неизбежно. Вопрос лишь в том, будет ли это происходить в рамках союза с США и конституционных ограничений или без них.

На сегодняшний день очевидно, что союз с США будет усиливаться, а конституционные рамки — ослабляться. Но необходим ли для этого

пересмотр Конституции? Ирония в том, что существующие конституционные ограничения были написаны американцами как раз для того, чтобы предотвратить превращение Японии в сильное военное государство. Поэтому их ослабление будет приветствоваться США только в ограниченных пределах. Эти пределы обусловлены задачами военного союза двух стран, который на сегодня определяет обязанность США защищать Японию, но не обязывает Японию делать то же самое в отношении США. Задача Абэ — добиться через пересмотр Конституции или, на худой конец, расширенное толкование нынешней права японских Сил самообороны или «армии национальной безопасности» участвовать наравне с США в совместных военных операциях²⁷.

Внешне такая задача кажется довольно странной. Разве плохо, если кто-то гарантирует безопасность страны и ей не нужно о ней заботиться и тратиться на это? Объяснить это можно несколькими причинами. Первое — угроза слишком велика, чтобы полагаться на чьи-то гарантии. Второе — на союзника нельзя надеяться полностью, так как при определенных обстоятельствах он не станет рисковать своими интересами ради выполнения союзных обязательств. Третье — это маневр, конечная цель которого — выход из-под опеки со стороны союзника и обладание полноценным военным потенциалом, который позволит Японии быть равной со всеми в военном противостоянии.

Поэтому, скорее всего, не будет никаких серьезных подвижек в вопросах национальной обороны. Речь идет прежде всего о реакции на те угрозы, которые обозначились в последнее время. В «Белой книге по обороне Японии» от 19 июля 2013 г. говорится о «проявлении, обострении и углублении ряда факторов нестабильности», которые затрагивают интересы безопасности страны и значительно осложняют условия обеспечения безопасности в районах, прилегающей к ней. К ним Министерство обороны Японии относит, в первую очередь, «провокационные действия» Северной Кореи, запускающей межконтинентальные ракеты и производящей испытания атомного оружия. Но, хотя это не подчеркивается, главная угроза исходит от Китая. Эскалация его военной активности в воздушном и морском пространстве вокруг Японии сопровождается нарушением ее границ. В качестве источника угрозы стабильности упоминается военная активность Китая в Южно-Китайском море. Угроза Китая выглядит особенно рельефно на фоне оценки военных усилий России на Дальнем Востоке. Отмечая рост числа военно-морских и других учений России в регионе, «Белая книга по обороне Японии» не квалифицирует это как угрозу национальной безопасности²⁸.

Для повышения боеспособности японских Сил самообороны и более эффективного управления в критических ситуациях по американскому образцу будет сформирован Совет национальной безопасности.

В дискуссии по вопросам национальной безопасности затрагивается и вопрос о трех безъядерных принципах. Но пока никто, включая

ЛДП и остальной консервативный лагерь, на них не посягает. В какой-то мере это связано с последствиями катастрофы 11 марта 2011 г. Абэ предстоит еще реализовать свое намерение восстановить работу части из полностью закрытых атомных электростанций. Только крайне радикальные националисты типа осакского мэра Т. Хасимото ставят под сомнение реализм одного из этих принципов — «не ввозить ядерное оружие», намекая, что вполне возможно было бы в нынешних условиях резкой конфронтации с Китаем и ставшего реальным военного столкновения с ним разрешить США держать в Японии наготове ядерное оружие²⁹.

* * *

Чтобы ответить на вопрос, поставленный в заголовке статьи, необходимо учитывать изложенное выше. Любая системная реформа, в отличие от структурной, проводится только в условиях крайней необходимости. В 1867 г. это была опасность потерять суверенитет и оказаться на положении Китая после опиумных войн. В 1945 г. — поражение в войне, которое доказало негодность существовавшей до этого системы. Что в 2013 г. доказывает такую необходимость?

С точки зрения нужд японской экономики, возрождения ее былой жизнеспособности пересмотр Конституции ничего не дает. Напротив, если он будет осуществлен по сценарию, написанному ЛДП, то не только в Китае, но и в других азиатских странах «сильная в военном отношении» Япония вызовет к жизни былую «аллергию». Политические последствия этого скажутся на экономических отношениях.

В условиях гонки и модернизации вооружений, которыми охвачен весь мир, усиление, особенно качественное, оборонного потенциала — вещь необходимая. Обладание армией, наличие которой отбивает у любого потенциального врага охоту посягнуть на территориальную целостность, — азбука международных отношений. Необходимо ли для этого пересматривать существующую Конституцию? Если же дальнейшее расширение трактовки нынешней Конституции в целях укрепления обороноспособности страны станет невозможным, есть выход, который предлагает партия Комэйто, — «дополнить» текст Конституции, вместо того чтобы его переписывать.

Новая расстановка политических сил не дает ЛДП оснований для крутых перемен. Как показывают опросы общественного мнения после выборов, те, кто обеспечил победу ЛДП, свои надежды возлагают на выполнение обещаний в области экономики, а не политики³⁰. Поэтому прогнозируемое поведение правительства Абэ после выборов — это политика постепенного движения к тем целям, которые ставит перед собой усилившийся в новых условиях консервативный лагерь страны, а вопрос в заголовке пока остается без ответа.

Примечания

- ¹ Асахи симбун. 23.07.2013.
- ² Иомиури симбун. 27.04.2013.
- ³ Нихонкоку кэмпо кайсэян. Дзиюминсюто (Предложения ЛДП о пересмотре Конституции). 27 апреля 2012 г. (<http://www.jimin.jp>).
- ⁴ Иомиури симбун. 08.04.2008.
- ⁵ Асахи симбун. Опрос (<http://www.asahi.com/senkyo/senkyo2013>).
- ⁶ Иомиури симбун. 07.07.2013.
- ⁷ Асахи симбун. 23.07.2013.
- ⁸ Кэйдзай сангёсё (Белая книга по торговле и промышленности). 2012 г. (<http://www.meti.go.jp/report/tsuhaku2012/2012honbun/index.html>).
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Иомиури симбун. 09.06.2013.
- ¹¹ AERA. 22.04.2013.
- ¹² Асахи симбун. 29.06.2013.
- ¹³ Иомиури симбун. 26.03.2013.
- ¹⁴ Асахи симбун. 29.06.2013.
- ¹⁵ Асахи симбун. 08.06.2013.
- ¹⁶ http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/asean/pdfs/sees_eye.pdf
- ¹⁷ Асахи симбун. 15.06.2013.
- ¹⁸ Асахи симбун. 23.06.2013.
- ¹⁹ Асахи симбун. 14.06.2013.
- ²⁰ Иомиури симбун. 16.03.2013.
- ²¹ Вага гайко-но кинкё (Внешняя политика Японии в минувшем году). МИД Японии. 2012 г. (http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/asean/pdfs/sees_eye.pdf).
- ²² http://www.meti.go.jp/policy/trade_policy/east_asia/activity/rcep.html
- ²³ Иомиури симбун. 19.03.2013.
- ²⁴ China Daily News. 22.07.2013.
- ²⁵ Вага гайко-но кинкё (Внешняя политика Японии в минувшем году). МИД Японии. 2013 г. (<http://www.mofa.go.jp/mofaj/files/000003009.pdf>).
- ²⁶ Акахата. 17.01.2004; 08.02.2005.
- ²⁷ The Daily Yomiuri. 17.01.2013.
- ²⁸ Белая книга по обороне Японии. 2013 г. (mod.go.jp/j/publication/wp/wp2013/pc).
- ²⁹ Иомиури симбун. 11.11.2011.
- ³⁰ Асахи симбун. 24.07.2013.

А.Н. Панов

**ЯПОНИЯ: ПОИСКИ «ДОСТОЙНОГО МЕСТА»
И «ВЛИЯТЕЛЬНОЙ РОЛИ» В НОВОЙ СИСТЕМЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОСЛЕ
«ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»**

После поражения Японии во Второй мировой войне и в результате радикальных политических, экономических и социальных реформ в оккупационный период к руководству страной пришла «правящая тройка», включая наиболее авторитетных политиков Либерально-демократической партии (ЛДП), представителей высшего эшелона государственных чиновников и ведущих деятелей делового мира, которых объединяло стремление «возродить Японию на новой основе».

В концептуальном виде стратегический курс новой правящей группировки был сформулирован одним из наиболее авторитетных представителей японской послевоенной политической элиты Сигэру Ёсида. Эта стратегия построения «новой Японии», которая стала незыблемой на многие десятилетия и в незначительно модифицированном виде осуществляется и поныне, состоит в том, что основные усилия страны должны концентрироваться на решении экономических задач. Поражение в войне не в последнюю очередь было связано с серьезным отставанием Японии в экономическом развитии, прежде всего от США. Необходимость приоритетного подъема экономики виделась в том числе за счет ограничения расходов на оборону, обеспечение которой было по существу передоверено американским вооруженным силам.

Довоенный лозунг «богатая страна, сильная армия» (фукоку кёхэй) был заменен лозунгом «обеспечить процветание страны уменьшением военной силы» (фукоку дзякухэй). Такой курс ставил Японию в зависимость от политики Вашингтона, в первую очередь в сфере внешней и военной политики. Однако в японских правящих кругах было достигнуто согласие относительно того, что для обеспечения стратегической цели «почетного возвращения Японии в качестве влиятельного государства в мировое сообщество» иного пути нет. При этом в перспективе предусматривалась возможность пересмотра отношений с Вашингтоном, выхода на более независимые позиции, когда для этого созреют соответствующие условия.

© Панов А.Н., 2014

«Японская политика в отношении Соединенных Штатов, — подчеркивал С. Ёсида, — должна измениться, как только положение экономики улучшится и соответственно повысится международный статус страны и ее самоуважение». «Однако, — настаивал он далее, — поддержание дружеских связей с Соединенными Штатами, основанных на глубоких взаимных интересах, должно быть одним из столпов японской основополагающей политики и всегда оставаться таковой»¹.

Приняв стратегическое решение в пользу союза с США, Япония отказалась, особенно в эпоху «холодной войны», от возможности выбора иного позиционирования страны на мировой арене. Хотя в конце 1950-х — начале 1960-х годов в левых кругах японского общества довольно широкие и острые масштабы приобрело движение против подписания модернизированного варианта японо-американского Договора безопасности и выдвигалась идея нейтралитета страны, в конечном итоге победила стратегия ориентации на тесный союз с США.

В Вашингтоне внимательно следили за даже самыми робкими японскими попытками проявить самостоятельность во внешнеполитических делах и решительным образом их пресекали. Как отмечали американские политологи в середине 60-х годов прошлого века, «Соединенные Штаты никогда не позволяли Японии осуществлять свой собственный выбор в отношении какого-либо международного присоединения, что могло бы наилучшим образом отвечать ее национальным интересам, как она их видит»².

Жесткая привязка к США поставила японскую дипломатию в незавидное положение. Самостоятельной активности по крупным международным проблемам Токио не проявлял. Неслучайно долгие годы, да и в настоящее время широко распространено мнение, что у Японии нет внешней политики, а есть только отношения с Соединенными Штатами. Весьма сложно вспомнить какие-либо действия японской дипломатии на международной арене, которые не были бы согласованы с Вашингтоном, а тем более шли вразрез с его позицией.

Напротив, по ряду крайне важных вопросов Токио под давлением или в результате вмешательства Вашингтона принимал решения, наносившие ущерб интересам Японии или не соответствовавшие национальным интересам страны. В 1956 г. США оказали неприкрытое воздействие на подход Японии к переговорам с Советским Союзом по нормализации двусторонних отношений. В результате «меморандума Даллеса» японское правительство фактически отказалось от подписания с Москвой мирного договора и переговоры завершились заключением лишь Совместной декларации. По сути дела, Вашингтон способствовал созданию в японо-советских отношениях территориальной проблемы, которая и по настоящее время является серьезным ограничителем на пути перевода связей Токио и Москвы на качественно новый уровень. Такая ситуация устраивает именно США, которые, с одной стороны, видят в наличии указанной проблемы средство контроля за

действиями Японии на советско/российском направлении, а с другой — ограничитель самостоятельности японской дипломатии.

В период переговоров о возвращении Японии о-ва Окинава США путем навязывания секретных договоренностей японскому правительству обеспечили себе право на завоз и фактически временное размещение на японской территории ядерного оружия, что противоречило официально принятой Токио политике «не создавать, не размещать, не ввозить» ядерное оружие.

«Доктрина С. Ёсида» об отношениях с США оказалась удивительно живучей. Причем та ее часть, которая предусматривала изменение политики в отношении Вашингтона в результате повышения экономического статуса Японии, так и не была реализована. А вот положение о центральном месте Соединенных Штатов в японской политике остается неизблемым и в настоящее время.

Со времен С. Ёсида не было ни одного японского премьер-министра, который бы не заявлял о том, что для возглавляемого им правительства «отношения Японии с США являются краеугольным камнем» дипломатической активности. Робкие попытки со стороны отдельных японских политиков претендовать «на более равноправные отношения с Вашингтоном» решительно пресекались либо американским партнером, создавшим глубоко эшелонированное проамериканское лобби в Японии, либо достаточно широким кругом японских политиков, общественных деятелей, бизнесменов, политологов, убежденных в том, что в интересах обеспечения безопасности страны альтернативы японо-американскому военно-политическому союзу не существует. В эпоху «холодной войны» главным аргументом в обосновании этого вывода являлась «угроза для Японии со стороны могущественного Советского Союза».

«Наркотическая» зависимость японской дипломатии от американской внешнеполитической стратегии породила в японской политической элите «американскую болезнь». Ее основные симптомы заключаются в проявлении страха потерять «расположение союзника», в боязни того, что могущественный патрон может однажды предать своего младшего партнера в пользу нового союзника и Япония окажется неготовой приспособиться к неожиданной для нее ситуации и противостоять возможным вызовам ее безопасности.

В начале 70-х годов прошлого века японское руководство пребывало в полной растерянности от неожиданных для Токио шагов Вашингтона. Администрация президента Р. Никсона, не поставив в известность японское правительство, предприняла радикальный внешнеполитический шаг — пошла на нормализацию отношений с Пекином. Поездка американского президента в Пекин в феврале 1972 г. была расценена японскими правящими кругами, которые до этого скрупулезно придерживались американского подхода в отношении Китая и Тайваня, как грубое игнорирование Вашингтоном своего «первостепенного», по

заявлениям Белого дома, союзника в Азии, как оскорбление, свидетельствующее об отсутствии у США намерения считаться с мнением «младшего партнера», его интересами.

Недовольство Токио действиями Вашингтона было тем более сильным, что они последовали за мерами американской администрации, имевшими в значительной степени антияпонскую направленность. 15 августа 1971 г. Р. Никсон в целях преодоления кризиса в американской экономике объявил об отмене золотого паритета доллара и введении дополнительного 70%-ного налога на импорт. В результате этих мер, получивших в Японии наименование «шоковых ударов Никсона», Токио пришлось дважды осуществить невыгодную для него в тех условиях ревальвацию иены и смириться с удорожанием японского экспорта в США.

Энергетический кризис конца 1973 — начала 1974 г. показал, к каким негативным последствиям для японской экономики может привести односторонняя ориентация на политику Вашингтона, в данном случае выразившаяся в поддержке ближневосточной стратегии США. Американская «шоковая терапия» побудила японскую правящую элиту скорректировать внешнеполитический курс страны. Речь не шла о пересмотре или тем более отказе от союза с США, но была поставлена задача начать проводить дипломатический курс, менее жестко ориентированный на Вашингтон и в большей степени учитывающий интересы собственно Японии. Этот курс, получивший оформление в виде концепции «многосторонней дипломатии», предусматривал более активную самостоятельную деятельность в международных делах, в первую очередь путем налаживания отношений с возможно более широким кругом государств, в том числе из социалистического лагеря.

В 1972–1973 гг. Япония пошла на установление дипломатических отношений с Монгольской Народной Республикой, с Китайской Народной Республикой, с Германской Демократической Республикой, с Демократической Республикой Вьетнам. Активизировался торговый обмен с КНДР. Стали налаживаться и некоторые полуофициальные контакты с Пхеньяном. Японское правительство пошло на односторонние, не согласованные с США прямые переговоры с арабскими странами, внесло коррективы в свою ближневосточную политику, поддержав требования о выводе израильских войск со всех оккупированных арабских территорий и заявив о признании и уважении законных прав палестинского народа. Были заключены соглашения о предоставлении арабским странам значительной экономической помощи. В середине 1970-х годов правительство Такэо Фукуда значительно активизировало внешнеполитическую и особенно экономическую деятельность в отношении стран Юго-Восточной Азии.

Были предприняты шаги к активизации отношений с Советским Союзом. В октябре 1973 г. после 17-летнего перерыва Москву с официальным визитом посетил премьер-министр Японии Какуэй Танака.

Торгово-экономические связи Японии с Советским Союзом обрели значительные масштабы. В 1970-е годы были реализованы крупнейшие проекты сотрудничества в Сибири и на Дальнем Востоке, в том числе по строительству морского порта в бухте Врангеля, освоению месторождения коксующихся углей в Якутии и поставках их в Японию, разработке лесных ресурсов и экспорте лесоматериалов на японский рынок. Начались работы по разведке и обустройству месторождений нефти и газа на шельфе острова Сахалин.

Фактически в тот период создавались предпосылки для реализации выдвинутой в середине 1960-х годов концепции, в соответствии с которой предусматривалось повысить международную роль Японии, привести ее в соответствие с достигнутым экономическим статусом страны — второй после США по экономическим показателям. Такой переход, естественно, предусматривал определенный отказ от жесткой зависимости от Вашингтона и проявление известной самостоятельности во внешнеполитических делах, но, конечно же, не выходя за рамки военно-политического союза с США.

Однако «самостоятельность» Японии продолжалась недолго. В результате серьезного обострения в начале 1980-х годов американо-советских противоречий, не в последнюю очередь после ввода советских войск в Афганистан, Япония подтвердила приоритетную преданность союзническим отношениям с США и готовность увеличить в них свой военный вклад. В мае 1983 г. премьер-министр Ясухиро Накасонэ на встрече с президентом Р. Рейганом более конкретно и четче, чем когда-либо ранее, определил место и задачи Токио в военно-стратегическом сотрудничестве с США, подчеркнув, что Япония должна выполнять роль «непотопляемого авианосца» в системе американской глобальной стратегии.

Заявляя о готовности увеличить свой вклад в японо-американский военно-политический союз, Токио стремился тем самым повысить свое положение в нем, обеспечить права равноправного партнера. Расчет делался на то, что США сложно «в одиночку» противостоять «вызову» СССР, и помощь в этом Японии будет по достоинству оценена Вашингтоном. Именно при Я. Накасонэ Япония в отношениях с Советским Союзом начала руководствоваться концепцией «неразрывности политики и экономики». Японское правительство присоединилось к политике «экономических санкций» в отношении Москвы, введенных американской администрацией.

В «Голубой книге» МИД Японии за 1983 г. было констатировано, что «основа внешней политики Японии — прочная солидарность и тесное сотрудничество с западными демократиями... Экономические отношения с восточным блоком должны развиваться с учетом интересов безопасности стран Запада, а не с беспринципных позиций разделения политики и экономики». На совещании «семерки» в Торонто в июне 1988 г. Япония выступила с концепцией «неделимости безопасности Запада»,

за «глобальный подход» к проблеме сокращения вооружений. Смысл состоял в том, чтобы в случае достижения договоренностей о сокращении вооруженных сил в Европе, в том числе ядерных, СССР не получил возможности передислокации вооружений и воинских соединений, выводимых из европейской части в азиатские районы своей территории.

Итак, к завершению «эпохи холодной войны» Япония подошла, придерживаясь традиционной для послевоенного времени стратегии опоры на тесный союз с США, дополненной «солидарностью с западными демократиями».

Вышеприведенный анализ главных ориентиров японской внешнеполитической стратегии до конца 90-х годов прошлого века хотя, конечно, далек от исчерпывающего, но важен для того, чтобы показать, на основе чего строилась дипломатия Японии после окончания «холодной войны». После того как Советский Союз прекратил свое существование, а тезис о «советской угрозе» Японии потерял какой-либо реальный смысл, японское руководство задумалось об оценке новой ситуации в мире, когда противостояние двух лагерей закончилось, а международная обстановка, как глобальная, так и региональная, начала серьезно перестраиваться.

Японская внешнеполитическая мысль, привыкшая и натренированная действовать в рамках устоявшихся, заданных координат, с трудом воспринимала и с немалой озабоченностью анализировала радикальнейшую перестройку всей системы глобальных международных отношений, начавшуюся с окончанием эпохи «холодной войны». Довольно широкое распространение получила теория возможной изоляции Японии от процессов формирования нового баланса сил. Она основывалась на предположении о развороте США и в целом Запада к сближению с бывшими социалистическими странами и к налаживанию «особых отношений» с демократической Россией. Соответственно, это означало потерю интереса Вашингтона к Азиатско-Тихоокеанскому региону, включая Японию, верного союзника периода американо-советского противостояния.

При этом прогнозировалось усиление нестабильности в регионе и осложнение отношений с Китаем. Поскольку надежность соблюдения США своих обязательств перед Японией по двустороннему военно-политическому союзу ставилась под сомнение, появилась идея начать формирование многостороннего механизма по поддержанию региональной стабильности.

15 июля 1991 г. в ходе конференции АСЕАН, проходившей в столице Малайзии Куала-Лумпуре, министр иностранных дел Японии Таро Накаяма выступил с предложением сформировать общерегиональный форум для проведения многостороннего политического диалога и обсуждения проблем в области безопасности. Это был весьма редкий случай, когда Япония выступила с важной внешнеполитической иници-

циативой без предварительного одобрения США. То, что дела обстояли именно таким образом, свидетельствовала американская реакция на японскую идею. Госсекретарь Дж. Бейкер заявил, что эта идея является «угрозой для существующих двусторонних отношений в регионе»³.

Асеановцы поддержали идею Японии и в 1993 г. высказались в пользу создания общерегионального форума по вопросам безопасности. По их заключению, хотя угроза столкновения двух сверхдержав — СССР и США на азиатско-тихоокеанских просторах ушла в прошлое, появились опасения о возможности ухода из региона США и создании в результате этого «вакуума силы», который будут готовы заполнить Япония и Китай.

Вместе с тем Региональный Форум АСЕАН (РФА) и по сей день не получил статуса организации, а остается, как определено в его концепции, местом «для открытого диалога и проведения консультаций по вопросам региональной политики и проблемам региональной безопасности». К тому же Японии не удалось занять в этом форуме сколь-либо влиятельные позиции. Следует также иметь в виду, что США «простили» Японию за ее инициативу и в последующем присоединились к заседаниям РФА, пытаясь направлять его деятельность в своих интересах.

Поиски новых ориентиров политики Японии после прекращения деления мира на два лагеря, в обстановке значительной подвижности международных отношений совпали с началом перестройки японской внутривнутриполитической структуры. После раскола в 1993 г. Либерально-демократической партии и прихода к власти весной того же года семипартийного коалиционного правительства во главе с лидером Новой партии Японии М. Хосокава в стране начался период внутривнутриполитической нестабильности. В июне 1994 г. ЛДП вернулась к власти, но уже в коалиционном правительстве совместно с Социалистической партией и партией Сакигакэ. При этом либерал-демократам пришлось согласиться на передачу поста главы правительства председателю ЦИК СПЯ Томита Мураяма, представлявшему левое крыло партии.

Увлеченная внутривнутриполитической борьбой, японская политическая элита мало внимания уделяла осмыслению новой ситуации в мире и роли в ней Японии, полагаясь на традиционную ориентацию на союз с Вашингтоном. Существенную роль играло и вступление японской экономики в начале 1990-х годов в «эпоху стагнации», которая продолжалась почти 20 лет.

Некоторый всплеск попыток сформулировать собственный курс Японии в новую эпоху последовал после того, как в январе 1996 г. правительство возглавил лидер ЛДП Рютаро Хасимото. 24 июля 1997 г., выступая в Ассоциации экономических единомышленников (Кэйдзай доюкай), он изложил разработанную под его руководством группой высокопоставленных сотрудников МИД Японии внешнеполитическую доктрину, получившую наименование «евразийской дипломатии» Японии.

Р. Хасимото начал с того, что заверил США в верности японо-американскому союзу, отметив, что дискуссии в Японии относительно отсутствия необходимости в японо-американской системе безопасности в постбиполярную эпоху остались в прошлом. Главная цель японской дипломатии была определена как обеспечение мира и процветания в Азиатско-Тихоокеанском регионе «на основе поддержания системы японо-американского Договора безопасности и формирования региональных структур через деятельность РФА и АТЭС». Однако основное внимание глава японского правительства уделил отношениям Японии с Россией и Китаем.

Из разъяснений Р. Хасимото следовало намерение японской дипломатии сформировать в АТР четырехстороннюю структуру, в которую на равноправной основе вошли бы Япония, США, Китай, Россия. Эта структура была призвана обеспечивать устойчивое бесконфликтное развитие обстановки в регионе и гарантировать безопасность и процветание Японии. При этом особо выделялась задача самым серьезным образом улучшить японо-российские отношения, поскольку в рамках взаимоотношений четырех государств «именно в этих отношениях» наблюдалось наибольшее отставание. Предполагалось, что путем установления отношений «нового сотрудничества» между Токио и Москвой появится возможность определить путь решения территориальной проблемы между двумя странами.

Что касается КНР, то в докладе Хасимото была определена цель всестороннего развития японо-китайского сотрудничества, а именно — «выход на совместные действия Японии и Китая в решении многих международных проблем». При этом было дано понять, что Япония выступает за вовлечение Китая «во взаимодействие с мировым сообществом, с тем чтобы закрепить за ним статус конструктивного партнера в АТР», и что Токио убеждает Вашингтон в целесообразности именно такой линии в отношении Пекина.

В отдельный блок было выделено среднеазиатское направление японской дипломатии — в отношении зоны «Шелкового пути», состоящей из бывших советских республик Средней Азии и Кавказа. Путем развития политического диалога и оказания экономического содействия этим странам имелось в виду «соединить» азиатско-тихоокеанскую политику Японии с европейской.

Фактически выдвижение «евразийской доктрины» означало намерение Токио, отдавая дань союзу с США, проявить самостоятельность в отношениях с Россией и Китаем и в целом в АТР. В результате ее реализации за весьма короткий срок японо-российские отношения получили ускоренное развитие во всех сферах и вышли на самый высокий уровень за весь послевоенный период взаимоотношений двух стран.

В отношениях Японии с Китаем картина получилась не столь однозначной. Не оправдался расчет на то, что экономическая помощь Пеки-

ну, в том числе путем предоставления масштабной финансовой поддержки в форме беспроцентных иенных займов (за 30 лет объем помощи составил 45 млрд. долл.), а также крупных инвестиций в китайскую экономику, будет способствовать формированию в китайском руководстве и обществе доброжелательных по отношению к Японии, а возможно, и прояпонских настроений. Лишенной оснований оказалась и надежда на то, что Китай станет проводить «ответственную региональную политику», учитывающую японские интересы.

По мере роста экономической мощи Китай начал демонстрировать претензии на региональное лидерство и все более критически относиться к проявлениям в Японии националистических настроений. Экономическая же помощь Японии воспринималась как «неизбежная плата» за ущерб, причиненный японской агрессией. Особо открыто китайское недовольство проявилось в связи с регулярными посещениями премьер-министром Д. Коидзуми храма Ясукуни, которые воспринимались в КНР как «оскорбление чувств китайского народа, пострадавшего от японской агрессии». Пекин продемонстрировал свое недовольство, отказавшись от проведения встреч на высшем уровне.

Следует отметить, что с приходом к власти Д. Коидзуми (2001–2006) «евразийская доктрина» была отставлена в сторону. Акцент был сделан на укрепление союза с США и проявление солидарности с Вашингтоном «в трудное для него время» после террористической атаки 11 сентября 2001 г.

Осенью 2001 г. парламент одобрил ряд законов, согласно которым правительство Японии впервые в послевоенной истории получило возможность направлять для оказания содействия американским войскам в военных операциях в Афганистане личный состав Сил самообороны в количестве 1500 человек, а также шесть кораблей и восемь военных самолетов. Японские Силы самообороны главным образом обеспечивали заправку топливом кораблей ВМС США и Великобритании. Правительство Д. Коидзуми поддержало решение президента США Дж. Буша развернуть в марте 2006 г. военную операцию против Ирака и направило в эту страну подразделения сухопутных, морских и воздушных Сил самообороны. Эти подразделения ограничились оказанием гуманитарной и медицинской помощи местным жителям и в боевых действиях задействованы не были.

Участие японских военных в афганской и иракской войнах, хотя весьма ограниченное, свидетельствовало о решимости японского правительства «не отставать» от других «западных демократий» в осуществлении важнейших международных миссий, шаг за шагом преодолевая «комплекс неполноценности», созданный конституционными ограничениями в сфере обеспечения национальной безопасности и в более широком плане — в области военной политики в целом.

В японских политических и общественных кругах участие японских военных в операциях за границей вызвало неоднозначную реакцию.

Особо критически было воспринято решение о поддержке американского вторжения в Ирак, так как оно осуществлялось без санкции Совета Безопасности ООН, без достаточных доказательств наличия у режима Саддама Хусейна оружия массового уничтожения, которое так и не было обнаружено. Ясуо Фукуда, который занимал пост генерального секретаря кабинета министров в период принятия решения о поддержке Вашингтона в той войне, отмечал, что решающим моментом стало намерение Д. Коидзуми тем самым укрепить отношения с президентом Дж. Бушем⁴.

Д. Коидзуми был убежден, что именно благодаря тесным отношениям с Вашингтоном Япония сможет решить все свои основные проблемы, так как только США способны защитить Японию и будут ее защищать, в том числе от ракетно-ядерной угрозы со стороны КНДР. Прочный союз с США, полагал Коидзуми, заставит Пекин, не говоря уже о Пхеньяне, с уважением относиться к Японии и учитывать ее интересы. Неслучайно кабинет Д. Коидзуми в декабре 2004 г. одобрил новые «Основные направления программы национальной обороны», в которых КНДР и впервые Китай были охарактеризованы как страны, представляющие потенциальную угрозу безопасности Японии.

Внешнеполитический курс Д. Коидзуми привел к значительному ухудшению отношений Токио с Пекином. Достаточно сказать, что за время его правления (а это почти шесть лет) китайские руководители отказывались проводить встречи и переговоры с японским премьер-министром на высшем уровне.

За «эпохой Коидзуми» последовал период практически ежегодной смены глав правительств: сформированных и ЛДП (С. Абэ, Я. Фукуда, Т. Асо), и Демократической партией Японии — ДПЯ (Ю. Хатояма, Н. Кан, Е. Нода). Стремительная смена власти не позволяла провести серьезный, комплексный анализ международной обстановки и разработать сколь-либо долгосрочный стратегический курс для японской дипломатии.

«Двойное возвращение» (победа ЛДП в ноябре 2012 г. и в июле 2013 г. на парламентских выборах и приход С. Абэ к руководству правительством), по преобладающим прогнозам, способно обеспечить политическую стабильность в стране и позволит сформулировать стратегические задачи японской военной политики на данном историческом этапе.

Синдзо Абэ является наиболее решительным и последовательным приверженцем философии «правого консерватизма», согласно которой Япония должна, следуя заветам С. Ёсида, продемонстрировать преданность союзу с США и вместе с тем решительно избавляться от «комплекса поражения во Второй мировой войне», «подвести черту под политикой послевоенного времени» и начать возрождение Японии «в качестве одной из ведущих держав мира». Публичные заявления С. Абэ, сделанные им накануне парламентских выборов осенью 2012 г.

и после занятия поста главы правительства, о необходимости пересмотра Конституции и традиционно негативной оценки действий Японии во Второй мировой войне совпадают с его высказываниями на обе эти темы в период первого премьерства в 2006–2007 гг. Это свидетельствует об устойчивости и последовательности политической позиции С. Абэ, которая соответствует взглядам других ведущих представителей правоконсервативного крыла японской политической элиты.

Среди тех, кто оказал основополагающее воздействие на формирование взглядов Синдзо Абэ — Ясухиро Накасонэ и, конечно же, дед нынешнего премьер-министра Нобусукэ Киси (премьер-министр Японии в 1957–1960 гг.), а отнюдь не его отец Синтаро Абэ, политик умеренно-либерального направления. До конца своих дней Н. Киси считал войну Японии «справедливой» и даже «священной» и высказывался за создание «новой Японии», подразумевая при этом не в последнюю очередь пересмотр Конституции.

Проамерикански настроенная правоконсервативная группировка в японских правящих кругах делает ставку на усиление союзнических отношений с США, поддержку «американского возвращения», прежде всего военного, в АТР, а также на увеличение собственно японских возможностей по наращиванию военного потенциала страны, для чего необходимо устранение соответствующих конституционных ограничений. При этом предусматривается проведение политики «твердого ответа» и на китайский вызов, особенно на китайские территориальные претензии на японские острова. Но, что более существенно, взят курс на осуществление мер по формированию «пояса сдерживания» КНР из азиатско-тихоокеанских стран, разделяющих, как заявлял премьер С. Абэ на пресс-конференции по итогам своего визита в Сингапур, «фундаментальные ценности», такие как верховенство права, права и свободы человека⁵.

С приходом к руководству японским правительством С. Абэ вышеизложенные основные направления политического курса Токио становятся определяющими. Тем не менее правоконсервативной группировке предстоит считаться с наличием в японских политических и общественных кругах и иных взглядов. Группировка, их выражающая, не имеет в настоящее время харизматичных лидеров, уступает правым консерваторам и в численности, и во влиянии. Среди американских политологов-япониистов она получила название «группировка автономистов». В эту группировку нередко включают и «пацифистов», т.е. сторонников «мирного, неагрессивного развития» страны, большей самостоятельности Японии в качестве суверенного независимого государства, обладающего военным потенциалом, достаточным для обеспечения обороны собственными силами.

Объединяют «автономистов» и «пацифистов», во-первых, сомнение в том, что США будут и впредь готовы применить военную силу для защиты Японии в случае вооруженного конфликта с Китаем или КНДР, а

во-вторых, уверенность, что Вашингтон склонен договориться с Пекином о разделе АТР на зоны влияния, причем Япония в таком случае окажется на «вторых ролях» и ее национальные интересы будут ущемлены.

Основания не доверять американцам, по мнению «автономистов», имеются. Заявив о превращении Азиатско-Тихоокеанского региона в «центральную опору» своей глобальной стратегии, США, как полагают «автономисты», не имеют достаточных ресурсов, в том числе финансовых, для ее полноценного осуществления. А следовательно, Вашингтону придется идти на уступки Пекину.

В Японии не прошло незамеченным, что на встрече в июне 2013 г. в Калифорнии президента Б. Обамы и председателя КНР Си Цзиньпина была провозглашена решимость двух стран строить «отношения нового типа». Что это конкретно означает, разъяснено не было, хотя два руководителя двух крупнейших в мире государств и экономик провели за беседами более восьми часов. В ходе этих марафонских разговоров речь, конечно, шла не только о торгово-экономических противоречиях и трениях, о чем сообщили СМИ. Очевидно, стороны обсуждали более важные, стратегические вопросы отношений и достигли определенных договоренностей, которые не были оглашены.

Японскую сторону мало успокоил телефонный звонок Б. Обамы С. Абэ после завершения американо-китайского саммита. Американский президент заверял, что решительно отвел критику председателем КНР «правонационалистического» курса японского правительства, подчеркнув союзнический характер американо-японских отношений и убежденность в демократическом характере демократическим путем избранного главы японского кабинета министров. Как сообщалось, он «предостерег Китай от нагнетания напряженности вокруг территориального спора с Японией»⁶.

Следует отметить, что и «проамериканисты» далеко не полностью доверяют Вашингтону. Неслучайно японские представители разного уровня, от высшего политического до рабочего бюрократического, вновь и вновь добиваются от американских партнеров заверений в том, что США сохраняют и будут сохранять приверженность своим обязательствам по Договору безопасности защищать японскую территорию, включая острова Сэнкаку, в случае попыток со стороны Китая силового решения территориальной проблемы.

Примечательно, однако, что США, признавая административный контроль Японии над островами Сэнкаку, не считают решенным вопрос о том, кому — Японии или Китаю — принадлежит суверенитет над ними, и предлагают Токио и Пекину урегулировать эту проблему мирным путем. Таким образом, занимая двойственную позицию, Белый дом фактически не разделяет точку зрения Японии об отсутствии проблемы островов Сэнкаку в ее отношениях с Китаем и об отказе по этой причине от каких-либо переговоров с Пекином на этот счет.

«Автономисты» полагают, что в сложившейся ситуации Японии следует вести собственную игру. Пока внешние угрозы со стороны Пекина реально не достигли критической стадии, следует налаживать и поддерживать корректные и даже дружеские отношения с КНР, используя двустороннее экономическое сотрудничество для «возрождения» японской экономики. Неслучайно японские деловые круги довольно настойчиво выступают за улучшение отношений с Китаем. Примечательно, что даже в условиях обострения японо-китайских отношений вокруг островов Сэнкаку в ходе опросов общественного мнения в Японии только 7% респондентов указали на рост китайского военного потенциала как на ключевую проблему двусторонних отношений⁷. Токио нужно также, по мнению «автономистов», втягивать КНР в региональные экономические группировки и деловые структуры по вопросам безопасности, с тем чтобы побудить Пекин к «ответственному поведению». Одним словом, на китайском направлении Япония должна одновременно использовать «экономический меч» и «военный щит».

Как считает Ричард Сэмьюэлс, директор Института международных исследований Массачусетского технологического института, «автономисты» предлагают создать группировку «G-3» (США, Япония, Китай), с тем чтобы избежать перспективы доминирования кондоминиума «G-2» в составе Вашингтона и Пекина или же подчинения Токио региональному гегемонизму Пекина⁸.

Наиболее последовательным выразителем философии «автономистов», как представляется, можно в определенной степени считать Юкио Хатояма, который возглавлял японское правительство в 2009–2010 гг. Он заявил о необходимости добиться более равноправного характера союза Токио с США, улучшить отношения с Китаем и Россией, придав японской внешней политике большую самостоятельность и сбалансированность. При премьерстве Ю. Хатояма японское правительство отказалось продолжать оказывать тыловую поддержку американским войскам в Афганистане, которая осуществлялась с 2001 г., был поставлен вопрос о передислокации американских вооруженных сил с Окинавы.

На 64-й сессии Генеральной ассамблеи ООН Ю. Хатояма высказался за создание Восточноазиатского сообщества в качестве организационно сплоченного объединения азиатских стран наподобие Евросоюза. При этом участие США в этом сообществе не предусматривалось.

Ю. Хатояма неоднократно заявлял, что рассматривает союз Японии с США в качестве основы японской внешней политики и выступает лишь за его адаптацию к новым реалиям. Тем не менее в Вашингтоне однозначно оценили нового главу японского правительства как антиамерикански настроенного и начали предпринимать усилия по дискредитации его деятельности. Примером демонстрации критического отношения к Ю. Хатояма стал инцидент с «холодным приемом» последне-

го со стороны президента США Б. Обамы: на саммите по ядерной безопасности в апреле 2010 г. американский президент уделил японскому премьеру всего 10 минут для беседы. Американские СМИ называли премьер-министра Японии «незадачливым политиком», «неудачником». Согласно раскрытым WikiLeaks дипломатическим документам, в том числе телеграммам посольства США в Японии, направленным в Вашингтон, в Белом доме не доверяли Ю. Хатояма с первых дней его нахождения на посту главы японского правительства.

Курт Кэмпбелл, помощник государственного секретаря США по делам Восточной Азии и Тихого океана, в ходе встречи в октябре 2009 г. с А. Нагасима, парламентским заместителем министра обороны, обратил внимание собеседника на то, что Ю. Хатояма в беседах с руководителями КНР и Республики Корея высказывался в том смысле, что Япония «зависит от Соединенных Штатов слишком сильно». К. Кэмпбелл предупредил, что подобные заявления «могут создать кризис в американо-японских отношениях». «Вообразите, — говорил американский дипломат с явным раздражением, — как бы реагировала Япония, если бы американское правительство публично сообщило, что хотело бы уделить больше внимания Китаю, чем Японии»⁹.

Вашингтон выразил недовольство намерением правительства Демократической партии во главе с Ю. Хатояма весной 2010 г. предать гласности документы, подтверждающие секретную японо-американскую договоренность, позволяющую американским военным ввозить ядерное оружие в Японию. Хотя внешне США демонстрировали как бы безразличное отношение к таким действиям, по закрытым каналам было заявлено об озабоченности тем, что это может нанести ущерб американской глобальной стратегии ядерного сдерживания¹⁰.

Против намерений кабинета Ю. Хатояма проявлять больше самостоятельности во внешнеполитических делах активно работали чиновники самого этого кабинета — дипломаты Министерства иностранных дел и сотрудники Министерства обороны. Как свидетельствуют документы, опубликованные WikiLeaks, именно они давали советы американцам, как успешнее работать против усилий японского политического руководства решить проблему передислокации американской базы Футэмма на Окинаве. Изучив эти документы, газета «Асахи симбун» в редакционной статье 6 мая 2011 г. сделала вывод о том, что японские политики и чиновники не думали о коренных интересах японского народа, а исходили из соображений необходимости поддерживать дружеские отношения с США¹¹.

После отставки Ю. Хатояма его политика была охарактеризована, в том числе соратниками по ДПЯ, как «отклонение от курса» и «заблуждение». Однако, даже покинув «большую политику» и выйдя из состава созданной им Демократической партии, Хатояма продолжает придерживаться мнения о чрезмерной зависимости Японии от США, в частности в вопросах национальной безопасности, а также о неоправданно-

сти иллюзий относительно того, что с помощью союза с США можно решить все японские проблемы¹².

Укэру Магосаки, в прошлом видный японский дипломат, а ныне профессор Академии национальной обороны, опубликовал книгу под заголовком, который говорит сам за себя: «Премьер-министры, которых сокрушила Америка» («Амэрика-ни цубасарэта соридайдзин»). Имеются в виду Итиро Хатояма и его внук Юкио Хатояма, которые стремились придать японо-американскому союзу более равноправный характер и выступали за большую самостоятельность Токио в вопросах внешней и оборонной политики.

Устранение от власти неопытных, малопредсказуемых политиков ДПЯ и возвращение к управлению страной проверенных, проамерикански настроенных деятелей ЛДП успокоили американскую политическую элиту относительно твердой приверженности Токио союзу с США. Однако оказалось, что далеко не все взгляды Синдзо Абэ, нового «старого» главы японского правительства, устраивают Вашингтон.

Решительный настрой С. Абэ начать процесс пересмотра Конституции, отказаться от утвержденной в 1995 г. премьер-министром Т. Мураяма позиции сожаления в связи с японским колониальным правлением и агрессией, позиции, подтвержденной в 2005 г. премьером Д. Коидзуми, был встречен в Вашингтоне первоначально настороженно, а затем с неодобрением.

США традиционно не высказывались публично за пересмотр послевоенной Конституции Японии, основные положения которой были сформулированы именно американцами. Вместе с тем они не препятствовали развертыванию внутрияпонской дискуссии по поводу изменения статей, ограничивающих или препятствующих японским вооруженным силам играть большую роль в военном сотрудничестве с американскими войсками. Особую заинтересованность американские военные проявляли в том, чтобы были устранены ограничения на осуществление Японией права на коллективную самооборону, т.е. на оказание прямой военной поддержки американским вооруженным силам.

С другой стороны, в американских политических и научных кругах нередко высказываются опасения, что процесс пересмотра Конституции, если он будет запущен, может не остановиться на корректировке отдельных положений, а привести к радикальной перестройке японской военной политики и даже к возвращению милитаристских настроений. Воспоминания о японском нападении на Перл-Харбор, о жестоких сражениях на Тихом океане сохраняются в американском общественном сознании и поныне. Неслучайно в Вашингтоне с неодобрением были встречены заявления С. Абэ о «нелегитимности, несправедливости» решений Международного трибунала для Дальнего Востока, осудившего японскую агрессию и преступления высших японских руководителей военного времени. Неприемлемыми для США, особенно с учетом союзнических отношений с Сеулом и наличием в Америке

серьезного корейского электората, явились высказанные С. Абэ намерения пересмотреть принесенные японским правительством в 1993 г. извинения за жестокое обращение с корейскими женщинами, использовавшимися японскими военными в качестве секс-рабынь.

С. Абэ рассчитывал, что эти заявления, схожие с его высказываниями семилетней давности, которые не вызвали тогда серьезного отторжения с американской стороны, не будут восприняты критически и на этот раз. Определенные основания для таких расчетов у С. Абэ были. По воспоминаниям Михаэля Грина, старшего вице-президента Центра стратегических и международных исследований и бывшего советника президента Джорджа Буша, по итогам обсуждения в августе 2006 г. возможной реакции на посещение премьер-министром Д. Коидзуми храма Ясукуни американский президент высказался против публичной критики «такого верного союзника, как Япония»¹³.

Однако японский премьер не учел изменения настроений американской администрации. Президент Б. Обама и его администрация, проводя политику «вовлечения и сдерживания» Китая, заинтересованы в том, чтобы, с одной стороны, не давать повода Пекину обосновывать жесткость своей региональной политики ссылками на «рост национализма и милитаризма» в Японии, а с другой — стремятся объединить своих азиатских союзников в создании «кольца окружения Китая». Ссоры Токио с Сеулом по поводу проблем исторического прошлого, а также настороженность азиатских стран, связанная с проявлениями японского национализма, препятствуют реализации этой цели. Ныне же ситуация такова, что и Пекин, и Сеул демонстративно отказываются проводить с С. Абэ встречи на высшем уровне.

Наконец, в Вашингтоне, как уже отмечалось, нет уверенности в том, что Япония не перейдет «красную черту» в стремлении наращивать свой военный потенциал и в конечном итоге не выйдет из-под американского контроля. Неслучайно в американских политологических исследованиях появились выводы о том, что Японии нет необходимости вносить изменения в Конституцию, касающиеся ее «мирных положений». В сфере безопасности, как отмечается, Япония уже делает больше того, что позволяет Основной закон, так как за последние 20 лет было принято немало законов и административных актов, касающихся сферы национальной безопасности, которые существенно изменили японскую оборонную политику. Другое дело, что Токио должен больше помогать США в их новой стратегии в АТР, проявлять больше солидарности и в большей степени интегрировать Силы самообороны с американскими войсками¹⁴.

Ряд американских политологов оценил «новую риторику» главы японского правительства как «провокационную и лишённую какой-либо практической необходимости». Обращал на себя внимание тот факт, что накануне визита премьер-министра С. Абэ в феврале 2013 г. в США американская сторона дала понять, что в ходе встречи на высшем уровне

японской стороне нецелесообразно поднимать тему намерения японского правительства вести дело к обеспечению возможности для осуществления права на коллективную самооборону¹⁵. В Токио же полагают, что это может стать своеобразным «подарком» американским партнерам.

Как начали признавать и в Японии, в США появилось недоверие к С. Абэ¹⁶. Недовольство намерениями С. Абэ «переписать историю» стали высказывать и в Великобритании и Голландии, где сохраняется память о зверском обращении японцев с военнопленными этих стран в Юго-Восточной Азии в период Второй мировой войны.

Как и следовало ожидать, жесткой критике за «поклонение военным преступникам» подвергли японское руководство КНР и Республика Корея, когда 22 апреля 2013 г. 168 депутатов японского парламента, включая заместителя премьер-министра Таро Асо, посетили храм Ясукуни. В ходе этой акции был побит прежний «рекорд», когда в 1997 г. в храм пришли 152 депутата.

Демонстративный массовый «поход» японских депутатов в храм Ясукуни на фоне известных высказываний премьера С. Абэ по историческим проблемам вызвали дополнительное недовольство в Вашингтоне и побудили Белый дом через посольство Японии в США довести до японского правительства обеспокоенность тем, что подобные действия могут вызвать критику Пекина и Сеула и других азиатских стран и привести к дестабилизации ситуации в Восточной Азии¹⁷.

Под воздействием массивной критической атаки со стороны азиатских соседей, а в первую очередь — «дружеского совета» Вашингтона японский премьер был вынужден скорректировать свои высказывания не только по «проблемам истории», но и в отношении пересмотра Конституции. 4 июля 2013 г. генеральный секретарь кабинета министров Ё. Суга публично заявил, что премьер-министр С. Абэ придерживается позиции, изложенной в заявлении 1995 г. главы японского правительства. Было объявлено, что «новое заявление» правительства планируется подготовить к очередной круглой годовщине окончания войны, т.е. к 2015 г.¹⁸.

В ходе дебатов, проходивших накануне выборов в палату советников в июле 2013 г., С. Абэ избегал затрагивать тему пересмотра Конституции, уходил от четкого изложения своей позиции относительно того, вела ли Япония агрессивную войну и аннексировала ли она силой Корею. Он утверждал, что интерпретация истории должна быть оставлена историкам, а он не в том положении, чтобы давать оценки историческим событиям. Как и можно было ожидать, такое «смягченное толкование истории» главой японского правительства не удовлетворило Пекин и Сеул. МИД Республики Корея характеризовал позицию С. Абэ как «легковесное восприятие истории».

Как представляется, японский лидер не изменил свои основные политические взгляды, даже приглушив риторику. Свидетельством тому

стало его заявление после победы ЛДП на выборах в палату советников в июле 2013 г. о том, что правящая партия намерена развернуть в стране дискуссию относительно целесообразности осуществления права на коллективную самооборону.

Итак, все более четко прорисовываются основные принципы и направления внешней политики Японии под руководством С. Абэ. Прежде всего можно ожидать, что усилится курс на дальнейшее укрепление союза с США. Движение к «большей самостоятельности» Токио в этом союзе вновь откладывается.

В ходе визита премьер-министра С. Абэ в Вашингтон и его переговоров с президентом Б. Обамой в феврале 2013 г. стороны договорились укреплять двусторонний союз, повышать уровень сотрудничества в сфере безопасности, добиваться мира и стабильности в Восточно-Китайском море, что подразумевает скоординированный ответ на действия Китая. США подтвердили обязательства защищать административные права Японии на острова Сэнкаку, а глава японского правительства пообещал, что Япония увеличит расходы на оборону¹⁹.

На второе место после отношений с США по важности для национальных интересов Японии выходит политика на китайском направлении. Японское правительство официально провозглашает тезис о том, что японо-китайские отношения, несмотря на наличие ряда спорных вопросов, и прежде всего территориального, являются одними из наиболее важных для Японии. Но значение этих отношений в реальности обуславливается не стремлением к партнерству с Пекином или к «вовлечению» «великого соседа» в международное сообщество, как это было 15 лет назад, а поиском адекватного ответа на «китайский вызов».

В целом вырисовывается многоярусность политики Токио на китайском направлении. При этом на первом месте для Японии, безусловно, стоит координация действий с США. Как отмечает бывший высокопоставленный японский дипломат, ныне проректор Киотского промышленного университета Кадзухико Того, Япония стремится избежать двух кошмаров: конфликта между США и КНР и сближения между США и КНР в обход Японии²⁰. Особое внимание планируется уделить «политическому сдерживанию» Пекина путем создания вокруг Китая пояса дружественных Японии стран, объединенных приверженностью общим принципам уважения международного права (прежде всего имеется в виду «поведение на морях»), а также обеспечения прав человека.

Для реализации этой цели кабинет С. Абэ действует весьма энергично с первых дней своего существования. Уже в январе 2013 г. С. Абэ совершил турне по трем странам Юго-Восточной Азии: Вьетнаму, Таиланду и Индонезии, в конце мая нанес визит в Мьянму, а в июле — в Малайзию, Сингапур и Филиппины. Кроме того, в Токио принимали премьер-министра Индии М. Сингха в мае 2013 г. На всех встречах на высшем уровне японская сторона стремилась к налаживанию двустороннего взаимодействия в военно-политической сфере и добивалась

поддержки своей позиции по территориальной проблеме с КНР путем выработки общей позиции относительно «важности использования международного права при решении территориальных споров».

Эти действия не остались незамеченными в Пекине. Газета «Жэньминь жибао» в передовой статье от 14 июня 2013 г., оценивая указанную японскую дипломатическую активность, охарактеризовала ее как попытку «привлечь некоторые страны к противостоянию, блокаде и принуждению Китая». При отсутствии у большинства стран АТР намерения осложнять свои отношения с Пекином очевидно, что японские усилия по их мобилизации в поддержку Японии будут иметь весьма ограниченный успех. Более существенно то, что этот курс будет лишь осложнять возможность конструктивного диалога Токио с Пекином и создавать условия для региональной изоляции Японии.

В то время как отношения Японии с КНР и Республикой Корея (РК) осложняются, эти страны демонстрируют готовность к сближению между собой. Новый президент РК Пак Кын Хе в июле 2013 г. нанесла четырехдневный визит в Китай, где ей был оказан весьма теплый прием. В совместном заявлении руководителей двух стран зафиксировано согласие развивать экономические отношения (торговый оборот РК с КНР уже превысил общий объем торговли РК и с США, и с Японией), а также активизировать диалог в политической сфере по вопросам безопасности. Хотя напрямую Япония в заявлении не упоминалась, но говорилось об углублении недоверия среди стран Восточной Азии «в связи с историческими и сопутствующими проблемами». Обращает на себя внимание то, что президент Южной Кореи предложила создать диалоговый формат в составе США–КНР–РК для решения северокорейской ядерной проблемы, не упомянув при этом Японию²¹.

Серьезное значение придается правительством С. Абэ разработке «военного ответа» как в целом на растущую китайскую военную мощь, так и конкретно в связи с защитой японских островов от территориальных притязаний Пекина. Одним из первых шагов нового кабинета министров стало увеличение на 0,8% оборонного бюджета — впервые за последние 11 лет. Объявлено, что к концу 2013 г. правительство примет новый вариант «Основных направлений оборонной политики». Как стало известно, в «промежуточных предложениях» к этому документу, разработанных в Министерстве обороны Японии, оно предлагает увеличить численность сухопутных Сил самообороны на 18 тыс. человек, создать корпус морской пехоты по типу американского, добавить к имеющимся двум крупным кораблям-вертолетоносцам еще два судна такого же типа, усилить контроль за морским и воздушным пространством вокруг островов на юго-западном направлении путем использования беспилотных самолетов-разведчиков, а также установки радаров раннего предупреждения. Появилась информация о проработке вопроса о покупке крылатых ракет средней дальности и конвертопланов типа «Оспрей», которые с 2012 г. США размещают на своей базе на Окинава.

Эти меры, что и не скрывается, направлены на то, чтобы не допустить силовой захват Китаем островов Сэнкаку. Однако, по заключению многих экспертов, в том числе военных, задача ускорить перевооружение Сил самообороны, для того чтобы иметь больше возможностей защищать удаленные острова и отразить возможное нападение КНДР, если таковое последует, невыполнима в краткие сроки, поскольку плохо соотносится с ограниченными бюджетными возможностями страны. Следовательно, в политике Японии неизбежно будет усиливаться курс на военное сотрудничество с США.

В «Голубой книге» по внешней политике МИД Японии за 2012 г. особое место занимает тезис об «угрозе японской территории, морскому и воздушному пространству, а также жизням ее людей», которая связана с тем, что «китайские суда постоянно заходят в акваторию вокруг островов Сэнкаку». В связи с наличием подобной угрозы, как подчеркивается в «Голубой книге», японское правительство «преисполнено решимости укреплять союз с США, который является краеугольным камнем политики национальной безопасности»²².

В июле 2013 г. в Калифорнии вооруженные силы двух стран провели масштабные учения, на которых отрабатывались совместные действия по «отражению попыток захвата территории». Нетрудно догадаться, что подразумевались в данном случае острова Сэнкаку. Именно по этой причине Пекин выразил недовольство проведением подобных учений, которые к тому же разворачивались во время китайско-американской встречи на высшем уровне, проходившей на территории штата Калифорния. Однако, несмотря на демарш КНР, учения состоялись.

Думается, США ведут двойную игру. С одной стороны, демонстрируется поддержка Японии, основанная на союзнических обязательствах США по Договору безопасности. Тем самым в адрес Токио направляется сигнал о том, что ему не стоит беспокоиться за оборону своих далеких территорий и начинать в этой связи масштабные военные приготовления, ведущие к росту напряженности. С другой стороны, Вашингтон опасается эскалации территориального спора и перерастания конфликта в «острую стадию» с применением боевого оружия, в результате чего США могут быть втянуты в вооруженные действия по вине своего союзника. Поэтому Вашингтон настойчиво призывает обе стороны к сдержанности и решению территориальной проблемы мирным путем.

Хотя острота «островного кризиса» несколько спала, Токио на данный момент явно не хочет выглядеть слабой стороной, уступающей Пекину, который, в свою очередь, озабочен тем, как бы не допустить ситуации, когда может создаться впечатление о его уступчивости в результате «решительной позиции Японии».

В политике Токио на китайском направлении присутствует и «российский фактор». Размышления на тему использования японо-российских отношений в качестве «противовеса» возвышению Китая и его ге-

гемонистских региональных амбиций присутствуют в японской политологической мысли с начала 90-х годов прошлого века. Как отмечал в то время один из авторитетных японских политологов Масаси Нисихара, хорошие отношения с Россией «весьма важны для стабильности в отношениях с КНР. Это полезно и в качестве сдерживания Китая»²³.

Согласно публикации WikiLeaks, в 2007 г. японские дипломаты обсуждали планы создания японо-российского партнерства с целью если не разъединить ось «Москва–Пекин», то хотя бы несколько отдалить Россию от Китая²⁴. Первые шаги к налаживанию контактов между новой японской администрацией и Москвой были сделаны уже в первой половине 2013 г. Вначале Москву в качестве спецпредставителя японского премьера посетил Ё. Мори, который был принят президентом В.В. Путиным, а в конце апреля глава правительства С. Абэ нанес официальный визит, в ходе которого состоялись переговоры на высшем уровне.

Намерение японского правительства поднять японо-российские отношения на более высокий уровень было позитивно встречено Москвой, которая выразила готовность предпринять в ответ адекватные меры. Вместе с тем вызывает серьезное сомнение реалистичность расчета (если он имеет место) относительно способности Токио «перетянуть на свою сторону» Москву, создав сложности для Пекина.

Если в официальных документах японского правительства китайская проблема определяется как «вызов», то «северокорейская» оценивается как «угроза». Для противостояния ракетно-ядерной угрозе со стороны КНДР (а на данный момент она носит, скорее, геополитический, нежели реальный характер) Токио намерен продолжать «полностью полагаться» на американский «ядерный щит», дополняя его приобретенным у США противоракетным комплексом как сухопутного, так и морского базирования.

Тем не менее идея создания собственного ядерного оружия периодически занимает умы японских военных и дипломатов, а также политических деятелей и политологов. По просочившимся в СМИ сведениям, накануне проведения КНДР 12 февраля 2013 г. третьего ядерного испытания в Министерстве иностранных дел Японии был подготовлен для закрытого внутреннего пользования доклад о «возможности создания Японией ядерного оружия». В докладе в числе прочего содержится вывод о том, что сама постановка вопроса в таком плане может послужить «важной дипломатической картой».

В аналитическом докладе, подготовленном после первого северокорейского ядерного испытания, было сделано заключение о том, что для производства ядерного оружия Японии потребуется от трех до пяти лет и от 200 до 300 млрд. иен²⁵. Несмотря на подобные «изыскания», принципиальный курс на отказ от превращения страны в ядерную державу сохраняется в том виде, как он принят в начале 70-х годов прошлого столетия, когда был решен вопрос о присоединении Токио к До-

говору о нераспространении ядерного оружия. В пользу указанного курса приводится немало аргументов, включая такие, как географическая уязвимость страны для ответных ядерных ударов и неспособность обеспечить возвратный ядерный потенциал. Но помимо этого японская правящая верхушка убеждена, что США будут решительно против ядерных амбиций своего союзника и что в случае ядерного вооружения Японии возникнут серьезнейшие осложнения в ее отношениях с азиатскими соседями, включая ядерные державы Китай и Россию.

С тем чтобы не давать Токио дополнительного повода думать о ядерном вооружении, Вашингтон регулярно официально подтверждает свои «ядерные гарантии» Японии. Так, государственный секретарь США Джон Керри, посетив в середине апреля 2013 г. Токио и Сеул, заверил руководство этих стран в том, что США твердо привержены своим обязательствам защищать Японию и Республику Корея в случае нападения на них КНДР²⁶.

Следует заключить, что внешнеполитическая стратегия Японии продолжает основываться на японо-американском военно-политическом союзе и останется таковой по крайней мере на обозримую перспективу.

В настоящее время два поколения высших эшелонов японской элиты насыщены многочисленными выходцами из американских университетов и бизнес-школ. Они фактически воспитаны в духе ориентации на американские ценности и идеологию, на одобрение априори американской внешней политики. Проамериканское лобби в Японии весьма влиятельно и регулярно выступает с разъяснениями необходимости «неустанно крепить военный союз с США». Более того, один из влиятельных представителей этого лобби — Хисахико Окадзаки, бывший посол в Саудовской Аравии и Таиланде, утверждает, что с учетом нынешней ситуации в Восточной Азии и важности в связи с этим усиления американо-японского союза у Вашингтона есть все основания «оказывать давление на японское правительство, с тем чтобы оно увеличивало расходы на оборону, начало осуществлять право на коллективную самооборону и сняло ограничения на экспорт ору» Рональд Дор, один из наиболее авторитетных американских японоведов, в начале 2013 г. отмечал, что «американская оккупация, которая началась в сентябре 1945 г., никогда в реальности не была завершена». По его мнению, дело не только в том, что американские войска находятся в Японии, но и в глубоко укоренившемся мнении американцев, что Япония была и будет их верным союзником в международных делах²⁸.

Примечательно, что координация действий Токио и Вашингтона проявляется даже тогда, когда по некоторым проблемам позиции стран могут и не совпадать. Так, на сессии Генеральной Ассамблеи ООН осенью 2012 г. США голосовали «против», а Япония «за» предоставление Палестине статуса наблюдателя при ООН. Министр иностранных дел

Коитиро Гэмба на пресс-конференции объяснил такое расхождение «разделением труда». США продолжают поддерживать и сохранять свое влияние на Израиль, а Япония своей позицией «смягчает» негативную реакцию арабских стран на американский подход к палестинской проблеме. Примечательно, что заявление японского министра было согласовано между японской и американской сторонами²⁹.

Приход в конце прошлого — начале нынешнего века в японскую «большую политику» нового поколения политиков, не отягощенных «послевоенным синдромом» и «зараженных амбициями возродить величие Японии на основе традиционных ценностей», не приводит к серьезному изменению подхода к союзу с США, а в большей степени сопровождается националистической риторикой, нежели практическими шагами по превращению страны в «нормальное государство».

Примечания

- ¹ *Yoshida Shigeru*. The Yoshida Memories. The Story of Japan in Crisis. L., 1961, p. 8.
- ² The United States and Japan. N.J., 1966, p. 42–43.
- ³ *Johnston A.L., Ross R.S.* Engaging China: The Management of an Emerging Power. L., 1999, p. 309.
- ⁴ Асахи симбун. 20.03.2013.
- ⁵ The Japan Times. 26.07.2013.
- ⁶ Майнити симбун. 14.07.2013.
- ⁷ Асахи симбун. 23.09.2012.
- ⁸ *Nau H.N., Olapally Deepa* (eds). Worldviews of Aspiring Powers. Oxford University Press, p. 146–180; см. также: <http://www.risingpowersinitiative.org>
- ⁹ The Japan Times. 06.05.2011.
- ¹⁰ Асахи симбун. 12.05.2011.
- ¹¹ Асахи симбун, 06.05.2011.
- ¹² Асахи симбун. 22.03.2013.
- ¹³ The Japan Times. 06.05.2011.
- ¹⁴ Пол Гиарра (Paul Giarra), бывший директор по Японии в офисе помощника министра обороны по вопросам международной безопасности ([http://ajw.asaki.com/article/forum/politics and economy|east asia a7.201310170080](http://ajw.asaki.com/article/forum/politics%20and%20economy/east%20asia/a7.201310170080)).
- ¹⁵ Майнити симбун. 02.02.2013.
- ¹⁶ Майнити симбун. 08.07.2013.
- ¹⁷ Майнити симбун. 26.04.2013.
- ¹⁸ The Japan Times. 05.07.2013.
- ¹⁹ Майнити симбун. 23.02.2013.
- ²⁰ *Rosman G., Togo K., Ferguson J.* Japanese Strategic Thought Toward Asia. N. Y., 2007.
- ²¹ Иомиури симбун. 30.06.2013.
- ²² The Japan Times. 06.04.2013.
- ²³ Aktion. 1993, № 30, Autumn.
- ²⁴ <http://wikileaks.ch/cable/2007/08/07/Tokyo2690.html>
- ²⁵ The Japan Times. 29.04.2013.
- ²⁶ Иомиури симбун. 16.04.2013.
- ²⁷ Санкэй симбун. 15.09.2011.
- ²⁸ The Japan Times. 01.01.2013.
- ²⁹ Ibid.

О.Г. Парамонов

**ЯПОНО-АМЕРИКАНСКАЯ ПРО — ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЙ
БАЗОВЫХ ПРИНЦИПОВ ПОЛИТИКИ ТОКИО В ОБЛАСТИ
БЕЗОПАСНОСТИ**

Япония не только является наиболее ценным и перспективным партнером Вашингтона в области противоракетной обороны, но и постепенно становится весьма значимым и авторитетным автором в этой крайне чувствительной для международной безопасности сфере. Японо-американская ПРО, предполагающая новый уровень взаимодействия между Вашингтоном и Токио, несмотря на серьезные изменения внутривнутриполитической ситуации в Японии, играет роль мощного катализатора процесса смягчения самоограничений Японии в военной области, связанных с запретом экспорта вооружений, участия в коллективной самообороне и использования космоса в военных целях.

Первые попытки сотрудничества США и Японии в создании совместной системы защиты Японии от ракетной угрозы начались еще в конце «холодной войны»¹. В 1987 г. между Вашингтоном и Токио было подписано Соглашение об участии Японии в исследованиях по стратегической оборонной инициативе². С начала 1990-х годов США и Япония по инициативе Вашингтона стали проводить исследования возможности создания системы противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД). В 1995 г. были начаты совместные исследования технологической возможности создания системы защиты от баллистических ракет, по результатам которых были сделаны положительные выводы³.

Развитие и размещение систем ПРО ТВД Соединенные Штаты первоначально планировали осуществлять в рамках положений Договора по ПРО⁴, заключенного между США и Советским Союзом в мае 1972 г., в соответствии с которым хотя и запрещалось создание систем для перехвата стратегических ракет на полетной траектории, но допускалось создание противоракетных систем для перехвата тактических ракет. При этом в Договоре по ПРО недостаточно четко были определены типы противоракет, предназначенных для перехвата стратегических и других типов баллистических ракет⁵.

© Парамонов О.Г., 2014

Эксперты Вашингтона и Токио рассматривали схему ПРО с двух-эшелонной архитектурой, предназначенной для отражения ракетных атак со стороны соседних государств. Исследования продвигались медленно, японская сторона проявляла сдержанность в данном вопросе. В целом, по мнению японского эксперта Масако Токи, демонстрируемый Японией в первой половине 1990-х годов интерес к новым американским инициативам был обусловлен, скорее, стремлением сгладить очередное обострение внешнеторговых противоречий между Вашингтоном и Токио⁶.

Основным политическим «катализатором», побудившим Японию приступить в декабре 1998 г. к совместным с США практическим шагам по проекту ПРО, послужил запуск Северной Кореей в августе 1998 г. баллистической ракеты средней дальности, которая пролетела над территорией Японии и упала в ее территориальных водах недалеко от побережья («шок 1998 г.»).

Через месяц после инцидента японский парламент принял резолюцию, требующую от правительства «принятия всех мер для обеспечения безопасности Японии». 19 августа 1999 г. начальник Управления национальной обороны Японии (УНО)⁷ и министр обороны США подписали меморандум о взаимопонимании, предлагавший двум странам провести совместную разработку и испытания определенных систем и компонентов⁸. За основу была принята концепция двухэшелонной структуры ПРО расширенного морского театра военных действий (ПРО МТВД).

В первый эшелон включены противоракеты морского базирования для уничтожения баллистических ракет на разгонном и основном участках траектории их полета. Противоракеты второго эшелона размещаются непосредственно на Японских островах для уничтожения на нисходящей траектории полета ракет, прорвавшихся сквозь первый эшелон. Первый эшелон организационно включен в структуру морских Сил самообороны, второй эшелон подчиняется командованию воздушных Сил самообороны.

Япония первоначально планировала закончить необходимые технические исследования до 2004 г., после чего должно было быть принято окончательное решение о возможности дальнейшей работы над данной системой и размещением ее компонентов. При этом на начальной стадии совместных исследований японская сторона продолжала проявлять заметную сдержанность. Причинами для подобной сдержанности являлись: нерешительность политиков, сомнения военных, а также незаинтересованность оборонной промышленности, не желавшей довольствоваться ролью поставщика второстепенных компонентов, связанных с технологиями двойного назначения. На большее японский оборонно-промышленный комплекс не мог рассчитывать в связи с наличием в то время в Японии предельно жестких самоограничений на экспорт продукции военного назначения.

Новый импульс японо-американскому сотрудничеству в области разработки ПРО придало выступление Дж. Буша-мл. 1 мая 2001 г., в котором американский президент провозгласил курс на принципиальные изменения ядерной доктрины США⁹. В частности, он заявил, что США и России следует отказаться от дальнейшего безусловного сохранения Договора ПРО тридцатилетней давности, являющегося одним из столпов ракетно-ядерного статус-кво. Учитывая изложенное, принцип разделения ПРО на ТВД и МТВД утратил свой смысл и с этого времени в названии японо-американской противоракетной системы постепенно перестают использоваться подобные уточняющие термины.

Проведенные в 2002 г. в США успешные запуски противоракет и поражение ими воздушных целей (баллистических ракет) на больших расстояниях убедили японских экспертов в наличии у Пентагона реальных возможностей для создания системы ПРО, и у Токио появились серьезные надежды защитить при помощи США свою территорию от запусков баллистических ракет со стороны Северной Кореи¹⁰. Окончательное решение о размещении в Японии двухэшелонной системы ПРО было принято кабинетом министров в конце 2003 г.

Система первого эшелона (upper-tier shield) включает в себя корабли с командно-управленческим комплексом «Иджис», имеющие в качестве основного вооружения противоракетные системы SM-3, способные уничтожать баллистические ракеты на среднем участке их траектории. Комплекс «Иджис» позволяет обнаруживать и идентифицировать самолеты и ракеты противника (более 10 целей одновременно), а также выбирать оптимальный вид оружия для их уничтожения¹¹. К настоящему времени в составе морских Сил самообороны Японии находятся шесть эсминцев УРО¹² (четыре типа «Конго» и два более крупных типа «Атаго»), оснащенных комплексом «Иджис» и противоракетами SM-3.

Прорвавшиеся через первый рубеж противоракетного щита к Японским островам головные части ракет уничтожаются на траектории снижения (lower-tier shield) комплексами ПРО PAC-3 «Пэтриот»¹³. Одним из преимуществ комплексов «Пэтриот» является их высокая мобильность, что позволяет при наличии упреждающей информации развернуть батареи PAC-3 вдоль предполагаемой траектории полета ракеты. Первые на территории Японии комплексы PAC-3 были развернуты американцами в 2006 г. на своей военной базе Кадэна (о-в Окинава) после очередных ракетных запусков Пхеньяна и его заявлений о проведении ядерных испытаний. В 2007 г. воздушные Силы самообороны разместили вблизи Токио собственное подразделение PAC-3.

Пентагон и Министерство обороны Японии полагают, что вероятность перехвата с помощью двухэшелонной системы ПРО запущенных по территории Японии ракет превышает 80%¹⁴.

Таким образом, действия Пхеньяна в значительной степени способствовали появлению и развитию в японо-американских отношениях в области безопасности принципиально нового вектора сотрудничества,

связанного с участием Токио в наиболее радикальном за последние десятилетия военном проекте Пентагона. Данная инициатива Вашингтона и Токио все еще плохо предсказуема с точки зрения влияния не только на региональную, но и на глобальную среду безопасности. Так, японо-американская ПРО еще с конца 90-х годов прошлого столетия стала восприниматься в КНР как инструмент для девальвации ее ракетно-ядерного потенциала и ослабления позиций Пекина в ходе возможного диалога с Вашингтоном и Токио по ряду чувствительных вопросов китайской внешней политики. Двухэшелонная конфигурация японо-американской ПРО наиболее эффективна для перехвата ракет промежуточной дальности, составляющих основу ядерного потенциала КНР, а ее морская составляющая может быть задействована в случае кризисной ситуации в Тайваньском проливе.

Совместные инициативы в области ПРО стали важным стимулом для активизации японо-американского диалога по проблемам безопасности. В рамках уже существующих форматов консультаций и встреч стороны начали рассматривать более широкий круг вопросов, связанных, в частности, с выработкой общих подходов к обеспечению региональной безопасности, с оптимизацией структуры американского военного присутствия в Японии, а также с возможностью перевода японо-американского партнерства с регионального на глобальный уровень.

Первые шаги по включению совместных планов в области ПРО в программную основу японо-американского союза безопасности были предприняты в феврале 2005 г., когда главы внешнеполитических и военных ведомств обеих стран¹⁵ провели в Вашингтоне встречу в формате заседания японо-американского Консультативного комитета безопасности¹⁶. По итогам встречи было подготовлено совместное заявление «Общие стратегические цели»¹⁷, ставшее первым программным документом союза безопасности, принятым в XXI в.

Во вступительной части «Общих стратегических целей» было заявлено, что «министры (в том числе и подписавший документ директор УНО Ё. Оно. — *О.П.*) выразили уверенность в том, что противоракетная оборона увеличит наши способности по противодействию распространению ядерных ракет и воздействию на другие страны с целью их отказа от разработки баллистических ракет. Принимая во внимание успехи, достигнутые в ходе сотрудничества по противоракетной обороне, в том числе и решение Японии участвовать в системе защиты от баллистических ракет и последующее заявление, касающееся (возможности частичного пересмотра. — *О.П.*) трех принципов военного экспорта, министры подтвердили обязательства по тесному взаимодействию по политическим и оперативным вопросам и продвижению японо-американского сотрудничества по системам ПРО, исходя из возможности их совместного производства»¹⁸.

Следующим программным документом США и Японии¹⁹, принятым Консультативным комитетом безопасности в период до поражения Ли-

берально-демократической партии Японии (ЛДП) на парламентских выборах 2009 г., стало совместное заявление «Трансформация альянса: развитие японо–американского сотрудничества по безопасности и обороне»²⁰, которое, по сути, являлось доработанным с учетом новых изменений региональной среды безопасности (ракетные и ядерные испытания Пхеньяна летом 2006 г.) вариантом «Общих стратегических целей». Данное заявление во многом отражало подходы Синдзо Абэ, возглавившего правительство Японии, к вопросам обеспечения безопасности страны, при этом планам в сфере японо-американской ПРО было уделено значительное внимание.

В ходе предвыборной кампании Демократической партии Японии (ДПЯ) 2009 г. и в первое время после ее прихода к власти преобладали критические оценки результатов и перспектив сотрудничества с США в области ПРО. Так, министр иностранных дел первого состава правительства ДПЯ Кацуя Окада настаивал на целесообразности открытого обсуждения реальной эффективности дорогостоящей системы противоракетной обороны. При утверждении в 2010 г. программы сокращения оборонных расходов было объявлено о приостановке до апреля 2011 г. дальнейших закупок в США комплексов РАС-3²¹. Произошедшее вскоре резкое ухудшение региональной среды безопасности убедило руководство ДПЯ в том, что вопросы безопасности страны, находящейся в регионе, где сильнее всего ощущаются последствия «холодной войны», являются приоритетными по отношению к предвыборным обещаниям, а также в целесообразности «бережного обращения» с внешнеполитическим наследием ЛДП.

17 декабря 2010 г. правительство Японии утвердило очередные «Основные направления программы национальной обороны»²² (предыдущие были приняты в конце 2004 г. и рассчитаны на пять лет). Из содержания данного документа можно сделать вывод о том, что участие в системе противоракетной обороны рассматривалось как одно из перспективных направлений оборонной политики Японии. Затем последовало решение закупить в США дополнительные комплексы РАС-3 для размещения их на Окинаве.

Разработка проекта «Основных направлений» 2010 г. началась в августе 2009 г. Ее осуществляли группа личных советников Таро Асо, известная как «комиссия Кацумата» (по имени возглавлявшего ее Цунэхиса Кацумата), и представители военного ведомства Японии. Принятие итогового документа, запланированное на конец 2009 г., было отложено из-за поражения ЛДП на парламентских выборах и отсутствия у нового правительства согласованной позиции по данному вопросу. Хотя до своей отставки в 2010 г. премьер-министр Юкио Хатояма и инициировал создание собственной экспертной группы, «Основные направления» 2010 г. в большей степени основаны на рекомендациях²³ «комиссии Кацумата», а также на положениях доклада от 2004 г. группы советников Дзюньитиро Коидзуми.

В процессе подготовки «Основных направлений» 2010 г. основная дискуссия развернулась вокруг вопроса о возможности пересмотра японским правительством трех базисных принципов экспортного контроля, запрещающих Японии осуществлять экспорт вооружений²⁴. Еще в конце 2004 г. правительство Японии заявило о готовности разрешить экспорт в США комплектов для вооружений, связанных с противоракетной обороной на стадии испытаний и производства²⁵. В середине 2010 г. американская сторона обратилась с просьбой о снятии соответствующего запрета в отношении экспорта разрабатываемой совместно с Японией новой модификации противоракет SM-3 Block IIA в дружественные США государства, в первую очередь в европейские страны²⁶.

В условиях жестких политических дебатов, а также давления со стороны Вашингтона и представителей японского ОПК появились основания предполагать, что в «Основных направлениях» 2010 г. будет упомянута возможность прогресса по данному вопросу. В частности, возглавлявший Пентагон Роберт Гейтс рассчитывал заручиться согласием Токио на экспорт совместно произведенных перспективных противоракет в третьи страны²⁷. Тосими Китадзава, занимавший пост главы японского военного ведомства, заявил: «Нам бы не хотелось сидеть и спокойно наблюдать, как производственная база и технологическая основа национальной оборонной промышленности стагнируют, потому что мы связаны по рукам и ногам»²⁸. В Федерации экономических организаций Японии (Кэйданрэн)²⁹ были сформулированы и в июле 2010 г. опубликованы «Предложения для основных направлений программы национальной обороны»³⁰. В них рекомендовалось создать новую систему экспортного контроля, где решения в каждом конкретном случае принимались бы в зависимости от возможных последствий для безопасности Японии и мирового сообщества в целом. Вместе с тем значительная часть ДПЯ, а также представители Социалистической партии Японии (СПЯ) возражали против отмены или серьезной корректировки запрета на экспорт продукции военного назначения.

Окончательный вариант «Основных направлений» 2010 г. содержал компромиссную формулировку, позволяющую вернуться к данному вопросу в случае «серьезных изменений в глобальной среде безопасности». Нерешенность данного вопроса начала негативно отражаться на темпах разработок в области ПРО не только в Японии, но и в США. В результате в 2011 г. именно правительство ДПЯ сделало два важных шага навстречу Вашингтону и собственному ОПК.

В июне 2011 г. японское правительство согласилось с тем, чтобы разрешить в порядке исключения передачу третьим странам совместно разработанных компонентов противоракет. В декабре 2011 г. вслед за разрешением для небольшой авиастроительной компании, находящейся в сложном финансовом положении, участвовать в тендерах на поставку спасательных гидросамолетов для ВМС Индии³¹, правитель-

ство утвердило «Порядок передачи иностранным государствам изделий военного назначения»³², предусматривающий возможность поставки другим государствам подобных изделий для осуществления международного сотрудничества и укрепления мира, а также для последующих совместных разработок и производства с целью обеспечения безопасности Японии. Фактически речь шла о серьезном ослаблении политики в сфере экспортного контроля, когда в условиях формального сохранения запрета на экспорт вооружений предприятия японского ОПК уже могли задумываться о выходе на внешние рынки и участии в международных консорциумах. В каждом конкретном случае правительством будет приниматься отдельное решение.

Резюмируя ситуацию, складывавшуюся вокруг ПРО за три года пребывания ДПЯ у власти, можно сделать вывод, что данное направление сотрудничества значительно продвинулось вперед, несмотря на существовавшие серьезные разногласия между Вашингтоном и Токио по ключевому для того периода моменту в их отношениях — передислокации американской военной базы Футэмма на Окинаве. В немалой степени это произошло благодаря усилиям японской бюрократии. Именно чиновники из Минобороны и МИДа смогли сохранить в своих руках контроль над противоракетным вектором японо-американского взаимодействия и взяли на себя ответственность при принятии важных решений.

В апреле 2012 г. в ответ на подготовку Северной Кореей запуска ракетносителя Ынха-3 Министерство обороны Японии привело в боевую готовность батареи РАС-3 в густонаселенных районах центральной части страны и на Окинаве. Два эсминца, вооруженных SM-3, были направлены в Восточно-Китайское море, один — в Японское море. Несмотря на то что запуск Ынха-3 в итоге оказался неудачным, экипажи японских кораблей не смогли своевременно определить момент старта, что вынудило командование морских Сил самообороны обеспечить постоянное присутствие эсминцев УРО в акватории, прилегающей к Желтому морю, с целью мониторинга ракетной обстановки. После заявления Северной Кореи о намерении запустить искусственный спутник в декабре 2012 г. японское правительство приказало уничтожить северокорейскую ракету в случае ее пролета над японской территорией, разместив батареи РАС-3 в столице и ее окрестностях и направив эсминцы УРО на позиции в Восточно-Китайском и Японском морях³³.

После победы на парламентских выборах в декабре 2012 г. правительство ЛДП заявило о своих планах подготовить до конца 2013 г. новые «Основные направления национальной обороны» (далее — новые «Основные направления»). Данное намерение премьер-министра Синдзо Абэ выглядит весьма амбициозным политическим шагом, учитывая, что «Основные направления» 2010 г. принимались в расчете на пятилетнюю перспективу и при их разработке активно использовались, как отмечалось выше, идеи «мозговых центров» ЛДП³⁴.

Рекомендации для новых «Основных направлений»³⁵ подготовлены двумя комитетами ЛДП под руководством бывших руководителей оборонного ведомства Сигэру Исиба и Гэн Накатани. В них предлагается переименовать Силы самообороны в Армию национальной обороны (Кокубогун) и внести для этого необходимые изменения в Конституцию, разработать и принять Основной закон о национальной безопасности, учредить Совет национальной безопасности, взяв за основу американский образец. Впрочем, многие из этих предложений встречались и ранее в докладах экспертных групп ЛДП и вызывали серьезные возражения со стороны ее умеренного крыла.

Наиболее дискуссионное предложение японских экспертов связано с планами предусмотреть возможность нанесения превентивного удара для уничтожения готовых к запуску ракет вероятного противника³⁶, дублируя возможности существующей ПРО. В частности, при подготовке рекомендаций рассматривались варианты использования штурмового варианта перспективного истребителя F-35 с возможностью дозаправки в воздухе³⁷ либо его палубной версии, для использования которой могут быть оборудованы два эсминца-вертолетоносца.

Что касается модернизации существующей системы ПРО, эксперты ЛДП предлагали усилить ее наземную составляющую, закупив у США новейшие противоракетные комплексы THAAD (Terminal High Altitude Air Defense) или модернизированные комплексы PAC-3 вместе с береговым вариантом системы «Иджис».

Многие представители экспертного сообщества США, а также Японии полагают, что в условиях, когда Япония начинает вносить значительный вклад в разработку совместной ПРО, придание Силам самообороны возможностей для нанесения превентивного удара нежелательно по многим причинам.

Брэд Глоссерман, директор Тихоокеанского форума Центра стратегических и международных исследований, выразил свою обеспокоенность возобновлением обсуждения в Японии подобных планов из-за их потенциально дестабилизирующего влияния на региональную среду безопасности³⁸. Нарусигэ Мацусита, руководитель программы в области политики безопасности и международных отношений японского Национального института политических исследований, оценивает идею превентивного удара как не соответствующую положениям Конституции Японии. По его мнению, для Японии не меньшую угрозу, чем баллистические ракеты, сегодня также начинают представлять крылатые ракеты³⁹.

Принятие доктрины превентивного удара означало бы значительное усиление роли Сил самообороны, которая в настоящее время жестко ограничена Конституцией. Синдзо Абэ рассматривает конституционную реформу в качестве одного из долгосрочных приоритетов своей политики, а в качестве первоочередной задачи ставит изменение действующей интерпретации Конституции, запрещающей участие Японии в коллективной самообороне⁴⁰.

Применительно к ПРО в соответствии с данным запретом Япония не имеет права использовать свои противоракеты для защиты территории США или какой-либо другой страны от ракетной атаки. Хотя в настоящее время Япония не обладает серьезными возможностями для уничтожения баллистических ракет, запущенных в направлении США, С. Абэ неоднократно подчеркивал, что подобный дисбаланс обязательств не способствует укреплению доверия между союзниками⁴¹.

С другой стороны, сотрудничество между США и Японией в области ПРО уже в прошлом десятилетии привело к достижению принципиально нового уровня координации между вооруженными силами США и Силами самообороны Японии, при котором стало очень сложно провести грань между участием Японии в коллективной самообороне и соблюдением запрета на подобные действия. Например, еще в 2005–2006 гг. стороны договорились о создании Координационного центра по совместным двусторонним операциям (Bilateral Joint Coordination Center — BJOC), впоследствии Вашингтон и Токио признали успешными результаты деятельности данного Центра во время мониторинга пусков северокорейских ракет. Кроме того, в конце 2010 г. было объявлено о переносе места дислокации командования воздушных Сил самообороны на американскую базу Ёкота с целью использования возможностей американских спутников для раннего обнаружения запусков ракет, представляющих угрозу для Японии.

В Кэйданрэн также подготовили собственные рекомендации⁴² для новых «Основных направлений». В них дана положительная оценка опубликованного в марте 2013 г. заявления секретаря кабинета министров о возможности исключения из запрета на экспорт вооружений для производимых в Японии компонентов перспективного истребителя F-35. В консорциуме на разработку этого самолета участвуют девять государств, включая США. В Кэйданрэн полагают, что данное заявление важно не только с точки зрения ценности F-35 для обеспечения безопасности Японии, но и с позиции сохранения и развития японского оборонно-промышленного комплекса и его технологической базы.

По мнению аналитиков Кэйданрэн, преимущества от возможного участия Японии в совместных с другими странами разработке и производстве вооружений обусловлены расширением сотрудничества с союзниками и дружественными государствами в вопросах внешней политики, получением доступа к новейшим зарубежным технологиям и сокращением стоимости научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

Хотя в Кэйданрэн рассматривают США в качестве основного партнера Японии в сфере ОПК, ожидания японского бизнеса здесь также связаны с сотрудничеством Японии со странами Западной Европы. На межправительственном уровне возможность такого сотрудничества обсуждалась с британской стороной, в ближайшее время ожидается начало реализации соответствующих совместных проектов. С целью

обсуждения возможности кооперации в сфере производства вооружений представители комитета Кэйданрэн по оборонной промышленности побывали в Италии, Франции, Германии, Швеции, а также встречались с представителями ЕС и НАТО. В Кэйданрэн надеются на содействие японского правительства в вопросах установления и осуществления сотрудничества с упомянутыми странами и организациями⁴³.

Возвращаясь к теме коллективной самообороны, необходимо упомянуть о решении С. Абэ возобновить работу группы советников по изменению законодательства в области безопасности, созданной им во время предыдущего пребывания в должности главы правительства. В своей приветственной речи 8 февраля 2013 г. С. Абэ заявил: «Я созвал это совещание для того, чтобы еще раз обсудить, что должна сделать Япония для обеспечения мира и своей безопасности в условиях постоянно меняющихся внешних обстоятельств, в том числе способы наиболее эффективного выполнения японо-американских договоренностей в области безопасности»⁴⁴. Премьер-министру была официально вручена копия экспертного доклада, подготовленного в 2008 г. и не вызвавшего интереса у Ясуо Фукуда, который сменил тогда С. Абэ на посту главы правительства.

В данном докладе рассматриваются четыре возможных сценария, подпадающих под понятие «коллективная самооборона». Первый — защита находящихся в радиусе действия морских Сил самообороны американских военных кораблей в случае нападения на них в открытом море; второй — перехват баллистической ракеты, запущенной предположительно для нападения на США; третий — использование Силами самообороны оружия для защиты военнослужащих других государств при проведении миротворческих операций; четвертый — логистическое обеспечение действий военнослужащих других государств, участвующих в миротворческих операциях.

Разработчики доклада полагают, что в первых двух случаях целесообразно разрешить Силам самообороны использовать имеющиеся у них военные возможности. Группа советников, по словам ее руководителя Сюдзи Янаи, бывшего посла Японии в США, планировала продолжить свою работу в прежнем составе для подготовки нового доклада, причем список возможных ситуаций, допускающих использование Японией права на коллективную самооборону, предполагалось расширить. Вместе с тем не все влиятельные японские политики разделяют энтузиазм С. Абэ, рассчитывающего на получение необходимой политической поддержки для изменения нынешней интерпретации Конституции. Лидер партии Новая Комэйто Нацуо Ямагути по этому поводу заявил: «Я не думаю, что планируется принятие каких-либо решений сразу после появления (новых. — *О.П.*) рекомендаций группы советников»⁴⁵.

Позиция Вашингтона, традиционно критикующего Токио за запреты, связанные с коллективной самообороной, в ближайшей перспективе также может оказаться более сдержанной. По мнению одного из ис-

точников в правительстве США, С. Абэ выбрал не самое подходящее время для продвижения данной темы, принимая во внимание эскалацию японо-китайского территориального спора вокруг островов Сэн-каку⁴⁶.

Необходимо также упомянуть о попытках Вашингтона добиться установления трехстороннего сотрудничества с Сеулом и Токио в области ПРО. Высокопоставленные чиновники Пентагона в ходе своих региональных турне неоднократно убеждали своих коллег из Японии и Республики Корея в преимуществах создания широкой региональной архитектуры ПРО для нейтрализации увеличивающихся ракетных возможностей Северной Кореи. Подобные предложения так и не получили должной поддержки прежде всего у Сеула из-за его противоречий с Токио вокруг исторических оценок действий Японии в ходе Второй мировой войны, а также из-за опасений вызвать нежелательную реакцию Пекина.

Вместо этого Республика Корея разрабатывает самодостаточную систему ПРО, предназначенную для защиты ее территории от ракет средней дальности. У США в настоящее время есть двусторонние соглашения как с Японией, так и с Республикой Корея, касающиеся таких вопросов, как обмен информацией, полученной с размещенных на их территории американских радаров и переданной с американских разведывательных спутников. По мнению Захари Хосфорда, эксперта Центра безопасности США в новых условиях (Center for a New American Security), в Вашингтоне заинтересованы в том, чтобы Токио и Сеул информировали друг друга об обнаруженных с помощью своих радарных станций ракетных угрозах. Это помогло бы в дальнейшем создать предпосылки для перехода к трехсторонней системе военного противодействия ракетным провокациям Пхеньяна⁴⁷.

Предыдущее руководство Республики Корея проявляло определенную заинтересованность в данном вопросе. Так, в 2012 г. ее тогдашний президент Ли Мен Бак пытался организовать подписание соглашения с Японией, которое позволило бы обмениваться информацией об оружии массового поражения, включая ракетную угрозу, но был вынужден отказаться от своего намерения из-за возражений оппозиции. З. Хосфорд полагает, что наличие подобного соглашения сделало бы возможным ускоренный обмен информацией от систем раннего обнаружения в случае осуществления Пхеньяном ракетного запуска, а это значительно повысило бы вероятность успешного перехвата цели. Гильберт Розман, профессор Принстонского университета, считает нежелание нового руководства Республики Корея рассматривать подписание соглашения с Японией об обмене военной информацией как проявление политической близорукости: «Соперничество Японии с Южной Кореей представляется мне одним из серьезных вызовов, с которым мы сталкиваемся в наших попытках разрешить региональные проблемы»⁴⁸.

В настоящее время надежды, связанные с подписанием подобного соглашения, становятся все более призрачными из-за нарастающего охлаждения в отношениях между Японией и Республикой Корея из-за серии высказываний премьер-министра С. Абэ и других влиятельных японских политиков по спорным вопросам истории. Что касается позиции представителей японской бюрократии, ответственных за практическое управление внешней политикой страны, то в неофициальных комментариях чиновники МИД Японии высказывают заинтересованность своей страны как в подписании вышеупомянутого соглашения, так и в развитии трехстороннего взаимодействия в области ПРО.

Несмотря на многочисленные критические замечания с американской стороны в адрес Республики Корея по поводу ее нежелания сотрудничать с Японией в области ПРО, перспективы подобного сотрудничества выглядят весьма неопределенными и вследствие имеющихся у японской стороны самоограничений на участие в коллективной самообороне. В случае возникновения у Сеула более конструктивного отношения к сближению с Японией в противоракетной сфере ситуация с коллективной самообороной выйдет за пределы отношений между США и Японией и потребует дальнейшего прояснения.

Вследствие участия Японии в ПРО серьезной коррекции подвергся еще один важный принцип оборонной политики Токио — запрет на использование космоса в военных целях.

Краткая история данного вопроса выглядит следующим образом. После того как Договор о космосе от 1967 г.⁴⁹ разрешил государствам-участникам использовать космическое пространство в военных целях, запретив лишь размещение в космосе оружия массового поражения, японский парламент в 1969 г. принял резолюцию, допускающую использование Японией космического пространства «исключительно в мирных целях». Поскольку в мире началось стремительное развитие космических технологий двойного назначения, постепенное смягчение Японией самоограничений в данной сфере стало выглядеть вопросом времени⁵⁰.

В 1985 г. японское правительство предложило новую интерпретацию принципа «использования космоса в мирных целях», допускающую использование Силами самообороны возможностей невоенных спутников. После «шока 1998 г.» в Японии началась программа создания разведывательных спутников для мониторинга северокорейских ракетных пусков, первые два из которых были выведены на орбиту 28 марта 2003 г. Несмотря на то что фактически речь шла о спутниках военного назначения, они официально не были отнесены к таковым, поскольку находились в ведении Центра спутниковой разведки при кабинете министров, а не командных структур Сил самообороны, отвечающих за противоракетную оборону. В силу организационных и технических причин (авария ракетносителя в ноябре 2003 г., отказы оборудования на выведенных на орбиту спутниках, плохое качество получаемого изо-

бражения и т.д.) первые результаты использования данных спутников были разочаровывающими: по состоянию на 2010 г. сеть из четырех японских спутников слежения практически утратила боеспособность⁵¹.

В 2008 г. в Японии был принят Основной закон о космосе (Утюки-хонхо)⁵², направленный, согласно его вводной статье, на создание условий для использования Японией космического пространства в целях «улучшения условий жизни населения и развития экономической и общественной сфер, а также укрепления всеобщего мира и подъема благосостояния человечества». Основной закон о космосе позволяет заинтересованным организациям Японии (частный бизнес, исследовательские структуры) участвовать в освоении и использовании космического пространства в соответствии с нормами международного законодательства. Кроме того, разрешаются все виды международного сотрудничества в данной сфере, в том числе по вопросам, затрагивающим национальные интересы Японии⁵³. Вместе с тем, по мнению представителей экспертного сообщества Японии, принятие данного закона в значительной степени было продиктовано необходимостью более эффективного использования космического пространства для решения задач, связанных с ПРО⁵⁴.

Данный закон предписывает использовать космос для укрепления безопасности Японии и обязывает государство принимать необходимые меры в сфере космической деятельности, связанные с возможностью для Японии играть позитивную роль в мировом сообществе и реализовывать национальные интересы. Закон также предусматривает проведение институциональных и структурных реформ в космической отрасли Японии.

Для реализации положений Основного закона о космосе в 2012 г. был принят ряд нормативных правовых актов, открывших дополнительные возможности для освоения космоса в военных целях. В соответствии с новым законодательством премьер-министр получил контроль над планированием и составлением бюджета. Кроме того, был отменен порядок, при котором Японское агентство по исследованию космического пространства (Japan Aerospace Exploration Agency, JAXA), японский аналог NASA, имело весьма ограниченные возможности участия в реализации военных программ, поскольку административно подчинялось Комиссии по космической деятельности при Министерстве образования, культуры, спорта, науки и технологии. Вместо этого была создана централизованная система управления деятельностью JAXA через аппарат премьер-министра при участии Министерства обороны и Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологии.

Кроме того, при кабинете министров были созданы Комитет по стратегии в космической отрасли (Утюсэнрякусицу), состоящий из представителей законодательной и исполнительной власти, и Комиссия по вопросам стратегии развития космической отрасли⁵⁵, в которую вошли представители научного сообщества и независимые эксперты⁵⁶.

С принятием данных изменений был сделан весьма решительный шаг на пути создания Японией институциональной основы для развития собственных космических программ и технологий, в том числе связанных с обеспечением безопасности страны в условиях возрастания напряженности в Восточной Азии, а также для развития международного сотрудничества в данной сфере. Японское агентство по исследованию космического пространства должно теперь, по мнению инициаторов данной реформы, перейти от научно-исследовательских программ к реализации проектов, имеющих прикладную направленность и способствующих дальнейшему развитию высокотехнологичных отраслей японской промышленности. В этой связи остается открытым вопрос: не будет ли принятие нового законодательства способствовать излишней «милитаризации» космической отрасли Японии? Кроме того, подобная реформа затрагивает такую чувствительную для японского общества тему, как опасения по поводу постепенной потери общественного контроля над деятельностью военных.

В качестве примера практической реализации новых подходов можно привести успешный запуск Японией 27 января 2013 г. двух разведывательных спутников. С их помощью Токио начинает восстанавливать свою космическую систему раннего обнаружения. Оба спутника, а также ракетоноситель H-2A произведены на заводах концерна «Мицубиси». Один из спутников (IGS-Radar 4) оснащен новейшим боевым радаром, на другом спутнике установлена экспериментальная оптическая система. На 2014 и 2016 гг. запланирован вывод на орбиту еще четырех разведывательных спутников (с радарным и с оптическим оборудованием), в 2017 г. должен быть запущен пятый спутник, оснащенный радаром. В случае успешной реализации данной программы значительно уменьшится зависимость японских Сил самообороны от американской системы раннего обнаружения ракетных запусков. В перспективе предполагается разработка военных спутников связи, новых разведывательных спутников, а также создание регионального аналога GPS⁵⁷.

* * *

Японо-американские инициативы в области ПРО за относительно короткий период способствовали изменению антивоенных принципов японской внешней политики, сформированных в эпоху «холодной войны» и долгое время являвшихся важной составляющей регионального статус-кво. В «неприкосновенности» пока остаются «три неядерных принципа»⁵⁸. Что касается оценок возможного влияния новых тенденций в политике Японии на состояние региональной среды безопасности, сегодня отношение соседних государств к планам Токио уже не выглядит солидарно негативным.

Гален Карпентер, старший научный сотрудник Института Катона, отмечает, что реакция многих стран Восточной Азии на более активное и напористое поведение Токио в сфере политики и безопасности за-

метно отличается от позиции двух Корей и Китая. Еще 20 лет тому назад такие государства, как Филиппины, Австралия и Сингапур, резко выступали против укрепления Сил самообороны и расширения их функций в вопросах безопасности с выходом за пределы чисто оборонительных задач. Лидеры стран Восточной Азии также настаивали на том, что Соединенные Штаты должны строго надзирать и жестко контролировать военную деятельность Японии. Первый премьер-министр Республики Сингапур Ли Куан Ю открыто и очень активно предупредил об опасности возрождения японского милитаризма, выражая при этом также мнение многих своих коллег из региона.

Сегодня некоторые страны Восточной Азии смотрят на Японию как на важный стратегический противовес Китаю. Когда корреспондент "Financial Times" спросил министра иностранных дел Филиппин Альберта дель Розарио, как его правительство отнесется к перевооруженной, отказавшейся от своего пацифизма Японии, он ответил: «Мы будем это всячески приветствовать». И добавил: «Мы ищем уравновешивающие факторы в регионе, а Япония может стать существенным уравновешивающим фактором»⁵⁹. И такая точка зрения находит практическое воплощение. В январе 2013 г. Токио и Манила договорились о развитии сотрудничества в вопросах обеспечения морской безопасности. Свои связи в этих вопросах Япония развивает и с такими странами, как Сингапур и Австралия. Мысль о необходимости создания противовеса растущей мощи Китая прослеживалась и в ходе недавней встречи С. Абэ и главы индийского правительства Манмохана Сингха. В повестке переговоров важное место заняли вопросы сотрудничества даже в таких деликатных областях, как ядерные технологии.

Китай и две Кореи вряд ли быстро согласятся с тем, что Япония играет военно-политическую роль, соразмерную ее статусу третьей в мире экономики. Но в других странах Восточной Азии такое согласие уже налицо. Роммель Банаой из манийского Института по изучению проблем мира, насилия и терроризма (Institute for Peace, Violence and Terrorism Research) так охарактеризовал эту новую перспективу: «Мы уже отложили в сторону наши кошмары времен Второй мировой войны из-за той угрозы, которую представляет Китай»⁶⁰. Теперь принципиальный вопрос заключается в том, насколько результативно Токио реагирует на возникновение этой благоприятной возможности?

Примечания

¹ Подробнее об истории японо-американского взаимодействия в области ПРО см.: *Парамонов О.Г.* Японо-американская система ПРО: политический и региональный аспекты. — Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политические, экономические и социально-культурные аспекты. Под ред. Д.В. Стрельцова. М., 2009, с. 100–101.

² Agreement Concerning Japanese Participation in Research for the Strategic Defense Initiative. См.: Guidelines for Increase of U.S.–Japanese Defense Technology Cooperation⁷

by Gregg A. Rubinstein, Heritage Foundation, Asian Studies Backgrounder #70, October 26, 1987 (<http://www.heritage.org/Research/AsiaandthePacific/asb70.cfm>).

³ Ikegami M. Missile Defense and Nuclear Deterrence in Post-Cold War Regional Conflicts. Center for Pacific Asia Studies, Stockholm University, 2003, p. 3.

⁴ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны 26 мая 1972 г. (<http://www.armscontrol.ru/START/Rus/docs/abm-treaty.htm>).

⁵ Бунин В.Н. Современное состояние оборонного потенциала Японии. М., 2002, с. 29.

⁶ Toki M. Missile Defense in Japan. — 2009 Bulletin of the Atomic Scientists (<http://www.thebulletin.org/node/5456>).

⁷ Управление национальной обороны Японии 9 января 2007 г. было преобразовано в Министерство обороны.

⁸ Бунин В.Н. Цит. соч., с. 29.

⁹ Remarks by the President to Students and Faculty at National Defense University, May 1, 2001 (<http://www.whitehouse.gov/news/releases/2001/05/print/20010501-10.html>).

¹⁰ Бунин В.Н. Цит. соч., с. 31.

¹¹ Is Missile Defense Useful? (<http://www.japantimes.co.jp/opinion/2013/05/13/commentary/is-missile-defense-useful/#.UdB1lDu-18E>).

¹² Эсминец, оснащенный управляемым ракетным оружием.

¹³ Patriot Advanced Capability-3.

¹⁴ Is Missile Defense Useful?

¹⁵ Кондолиза Райс и Дональд Рамсфельд — с американской стороны, Нобутака Матимура и Ёсинори Оно — с японской.

¹⁶ Заседания японо-американского Консультативного комитета безопасности с участием глав дипломатических и оборонных ведомств двух стран также часто называют «Встречи два плюс два».

¹⁷ Joint Statement of the US–Japan Security Consultative Committee. February 19, 2005 (<http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2005/42490.htm>).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Alliance Transformation: Advancing United States–Japan Security and Defense Cooperation. Joint Statement of the US–Japan Security Consultative Committee. May 1, 2007 (<http://www.mod.go.jp/j/news/youjin/2007/05/01e.html>).

²⁰ Ibid.

²¹ <http://www.nti.org/country-profiles/japan/delivery-systems/>

²² Хэйсэй нидзюсан нэндоико-ни какару бозэй кэйкаку-но тайко. Бозэйсе (Основные направления программы национальной обороны на период с 2011 г. Министерство обороны Японии). 17.12.2010.

²³ Андзэнхосё то бозэйрёку-ни кансүру конданкай (Совет по безопасности и оборонным возможностям), 08.2009 (<http://www.kantei.go.jp/jp/singi/ampoboue/200908houkouku.pdf>).

²⁴ Япония поддерживала общий запрет на экспорт вооружений с 1976 г., хотя в 1983 г. и было сделано исключение для передачи военных технологий Соединенным Штатам.

²⁵ Tang J. Japan New Defense Outline Names China, N. Korea as Concerns. Tokyo, December 10, 2004 (<http://www.japantoday.com/jp/news/321690>).

²⁶ Wolf J. U.S. Pushes Japan on Missile Interceptor Coproduction (<http://www.reuters.com/article/2011/02/15/japan-usa-missile-idUSN1410961920110215>); Toki M. Japan's Defense Guidelines: New Conventional Strategy, Same Old Nuclear Dilemma (<http://www.nti.org/analysis/articles/japans-defense-guidelines/>).

²⁷ Japan Could Allow Arms Exports. — Daily News on Nuclear, Biological & Chemical Weapons, Terrorism and Related Issues (<http://www.nti.org/gsn/article/japan-could-allow-arms-export>).

²⁸ Ibid.

²⁹ Считается «штабом» японского бизнеса и влиятельнейшей лоббистской структурой в Японии.

³⁰ Proposals for the New National Defense Program Guidelines. July 20, 2010 (<http://www.keidanren.or.jp/english/policy/2010/067.html>).

³¹ Япония смягчила запрет на экспорт военной продукции (<http://www.lenta.ru/news/2011/12/27/relax/>); Япония предложила Индии самолеты-амфибии (<http://www.lenta.ru/news/2011/11/17/amphib/>).

³² Statement by the Chief Cabinet Secretary on Guidelines for Overseas Transfer of Defense Equipment etc. (Provisional translation) December 27, 2011 (http://www.kantei.go.jp/foreign/others/201112/___icsFiles/afiedfile/2012/01/31/20111227DANWA_e.pdf).

³³ <http://www.nti.org/country-profiles/japan/delivery-systems/>

³⁴ Hayashi Y. Japan's Military Moves Toward Pre-Emptive Strike Capability. May 30, 2012 (<http://online.wsj.com/article/SB10001424127887324412604578514724087677686.html#printMode>).

³⁵ Син бэйкэйкаку-но тайко сакутэй-ни какару тэйгэн бэй-о торимодосу. Дзюминсюто (Рекомендации для новых «Основных направлений программы национальной обороны по укреплению обороноспособности». Либерально-демократическая партия). 04.06.2013.

³⁶ Kallender-Umezu P. Japan Eyes More Muscular Defense. — Defense News (japans-rascepolicy.com/tag/japan-rim-174/).

³⁷ В 2009 г. изучалась возможность закупок в США самолетов-заправщиков Боинг КС-46 для обеспечения воздушных Сил самообороны возможностями для нанесения удара по территории Северной Кореи с целью уничтожения полностью готовых к запуску ракет.

³⁸ Kallender-Umezu P. Op. cit.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Hayashi Y. Op. cit.

⁴¹ What is Abe's Real Motive for Collective Self-Defense? (<http://www.ajw.asahi.com/article/views/editorial/AJ201302090056>).

⁴² Бэйкэйкаку-но тайко-ни мукэта тэйгэн. Нихон кэйдзай дантай рэнгокай (Предложения для новых «Основных направлений программы национальной обороны». Кэйданрэн). 14.05.2013.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Abe Restarts Discussions on Collective Self-Defense Right (http://ajw.asahi.com/article/behind_news/politics/AJ201302090077).

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Oswald R. Efforts to Build East Asia Antimissile Framework Stymied by Distrust. — Daily News on Nuclear, Biological & Chemical Weapons, Terrorism and Related Issues (<http://www.nti.org/gsn/article/efforts-build-east-asia-antimissile-framework-stymied-distrust/>).

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml).

⁵⁰ Aoki S. Japan Enters a New Space Age (<http://atimes.com/atimes/Japan/JG03EDh01.html>).

⁵¹ Kallendar-Umezu P. With Launch, Japan Begins Rebuilding IGS Spy Satellite Network. Jan. 29, 2013 (<http://www.spacenews.com/article/military-space/33391with-launch-japan-begins-rebuilding-igs-spy-satellite-network#.UcBgX-e-18F>).

⁵² [http://www.stage.tksc.jaxa.jp/spacelaw/country/japan/date/a_japan_uchu_kihonhou\(jap\).pdf](http://www.stage.tksc.jaxa.jp/spacelaw/country/japan/date/a_japan_uchu_kihonhou(jap).pdf)

⁵³ До конца 90-х годов прошлого столетия в Японии существовало неофициальное табу на использование понятия «национальные интересы» (куни-но ризэки; кокуэки) применительно к внешней политике собственной страны. Использование данного термина в тексте закона представляет определенный интерес с точки зрения изменений в подходах Японии к вопросам политики безопасности.

⁵⁴ Aoki S. Op. cit.

⁵⁵ Strategic Space Development Commission.

⁵⁶ Kallendar-Umezu P. Japan Moves to Relax Restrictions on Military Space Development. Jan. 30, 2012 (<http://www.spacenews.com/article/japan-moves-relax-restrictions-military-space-development#.UdCqznu-18E>).

⁵⁷ Kallendar-Umezu P. With Launch, Japan Begins Rebuilding IGS Satellite Network.

⁵⁸ Не производить, не иметь и не допускать на свою территорию ядерное оружие. Эти принципы не имеют характера закона, сформулированы в их нынешнем виде в 1967 г. премьер-министром Японии Эйсаку Сато, а в 1971 г. нашли отражение в специальной резолюции парламента.

⁵⁹ Новая роль Японии в вопросах азиатской безопасности. — The National Interest, США (<http://www.inosmi.ru/world/20130531/209546469-print.html>).

⁶⁰ Там же.

С.В. Чугров

**«МЯГКАЯ СИЛА» ЯПОНИИ:
КИТАЙСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ***

**Япония и Китай между «мягкой»
и «жесткой» силами**

В результате резкого обострения спора вокруг островов Сэнкаку (Дяоюйдао) в сентябре 2012 г., когда китайские сторожевые корабли вошли в зону островов, стороны, не исключено, оказались в двух шагах от начала военных действий. Но это не причина, а следствие долгого развития негативных тенденций в японо-китайских отношениях. Причины же этого кроются в экономике, внешней политике и идеологическом противостоянии последних десятилетий. В сложившихся условиях японская «мягкая сила» приобретает особую важность, и мы постараемся доказать, что именно ориентация на «мягкую силу» способна вывести ситуацию из тупика.

Пожалуй, наиболее глубоко экономические причины. Стремительный рост экономики КНР воспринимается в Японии как угроза: «Японцы и китайцы, таким образом, стали смотреть друг на друга как соперники»¹. Интересен следующий вывод директора Института Ниссан в Оксфордском университете И. Ниари: «Международное влияние Японии, каким оно было раньше, достигнув своего пика к 1990-м годам, стало постепенно снижаться по мере того, как рос международный статус Китая»². Дополнительную остроту экономическим противоречиям придает обострение проблемы доступа к энергетическим ресурсам, «соперничество за нефтяные и газовые ресурсы на больших пространствах морского дна, а также проблема контроля за морскими коммуникациями»³.

Не менее взрывоопасным стал комплекс причин, связанных с негативными особенностями образовательных процессов в обеих странах. Как считает политолог Ё. Симидзу, восприятие Китаем Японии стало

* Настоящая статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 13-03-00282а. Автор также благодарит вице-президента Японского фонда Эйдзи Тагути и сотрудника фонда Масанори Такагути, которые обеспечили доступ к самым актуальным материалам по теме исследования.

ухудшаться главным образом из-за того, что правительство КНР внедряло патриотическое образование, и «равным образом японское восприятие Китая постепенно ухудшилось из-за роста национализма в Японии»⁴. Взаимные обвинения приняли характер порочного круга или восходящей спирали.

Суть проблемы сводится к тому, что китайцы не могут согласиться с японской интерпретацией эпизодов военной истории. В конце XIX и в первой половине XX в. Япония дважды инициировала военные операции против Китая, которые нанесли ему немалый материальный и моральный ущерб. Следует заметить, что некоторая часть правящих кругов Китая использует эти факты для манипулирования общественным мнением, желая в будущем, возможно, получить некую компенсацию за ущерб. В результате к чувствам нарушенной справедливости у населения присоединяются приемы манипулятивной стратегии.

Собственно в нынешнем усилении негативных установок в Китае нет ничего принципиально нового. Относительно новым феноменом является интенсивность их проявления. Обострения наблюдались с определенной регулярностью с каждым посещением японским премьер-министром памятников, которые китайское общественное мнение относит к разряду милитаристских, или выходом в свет очередного учебника истории. Например, Пекин всегда крайне энергично протестует против посещения высшими должностными лицами Японии храма Ясукуни, который часто воспринимается китайцами чем-то вроде «капища японского милитаризма». Справедливости ради стоит отметить, что достаточно многочисленны случаи, когда японские премьеры отказывались от участия в ежегодной церемонии явно в связи с протестными настроениями в Китае. После визита в 1985 г. в храм Ясукуни, вызвавшего антияпонские протесты в КНР, Я. Накасонэ послал Ё. Инаэми, главу «New Japan Steel», чтобы оценить ущерб образу Японии. В Пекине ему заявили, что премьерские походы в храм могут повредить Ху Яобану. В результате Накасонэ отказался от дальнейших визитов⁵. Характерно, что нынешний премьер С. Абэ отказался в 2013 г. от ритуального посещения храма. Но он олицетворяет переживания многих японцев, потерявших близких в войне и соблюдающих традицию почитания предков. Эти переживания также требуют деликатного обращения, и ни одно правительство Японии не решилось бы на резкое вмешательство в сложившееся положение вещей из нежелания оскорбить культовые традиции и тем самым разбалансировать расстановку политических сил. Правда, высокопоставленные деятели Японии, которые посещают храм Ясукуни, часто подчеркивают, что выступают как частные лица.

В самом начале 1970-х годов под влиянием широкомасштабной кампании за установление дипломатических отношений с КНР в японском обществе окончательно сформировался общенациональный дис-

курс относительно роли и места Китая во внешнеполитическом менталитете Японии и о психологической совместимости двух наций. В 1971–1972 гг., накануне нормализации дипломатических отношений, японцы начинают воспринимать Китай как «самую дружественную Японии страну». С другой стороны, дискуссия вокруг интерпретации истории в школьных учебниках стала стимулом для закручивания противоречий в тугую спираль.

Политические дебаты вокруг учебников имеют уже собственную историю. Уже сразу после войны началась и в 1950-е годы набрала силу дискуссия об ответственности за преступления, совершенные японской армией во время войны. Министерство просвещения в 1953 г. отказалось от выпуска «единых учебников» и сохранило лишь экспертно-цензорские функции, принимая, отклоняя учебники полностью или рекомендуя авторам вносить поправки в текст, подлежащий одобрению. Следует иметь в виду, что в Китае сохраняется система единых государственных учебников по национальной истории. Японская система гораздо либеральнее, хотя некоторые премьер-министры активно вмешивались в дискуссию об учебниках, как, например, Накасонэ, заявивший в 1985 г., что японцы не должны воспринимать национальную историю «с позиций Токийского трибунала». На волне националистических настроений в 1982 г. Министерство просвещения Японии запретило употреблять в учебниках слово «агрессия» в отношении японской армии и распорядилось впредь именовать военные действия в Китае «продвижением войск». Новые крупные конфликты вспыхнули в 2001 и 2005 гг., затем последовала волна менее значительных идеологических афтершоков. Консерваторы интерпретируют «отсутствие базовых понятий» как лазейку для «искажения исторического прошлого» и удар по национальной гордости японской нации, которую именуют жертвой послевоенной «промывки мозгов». Сторонники покаяния, в свою очередь, допускают явные передержки в определении числа жертв среди мирного населения на оккупированных территориях. Эти споры как бы подпитывают вспышки националистических чувств в Китае и новые внешнеполитические коллизии.

Расхождения в трактовке социокультурных ценностей

Япония и Китай прошли долгий путь параллельного и постоянно перекрещивавшегося развития, продемонстрировав всю возможную гамму нюансов взаимовосприятия. В чем же причины непонимания между нациями одного культурного ареала?

Среди этих причин следует назвать, как ни парадоксально, общие культурные ценности, точнее различия в их интерпретации сторонами. Безусловно, архетипы и культурная взаимозависимость — это квинт-эссенция конфигурации взаимоотношений стран Северо-Восточной

Азии, между которыми существовала и до сих пор существует сильная эмоциональная связь.

Средневековые представления японцев об окружении страны основывались на традиционной китайской схеме, согласно которой просвещенное Срединное государство, занимавшее доминирующее положение в регионе, находилось в окружении «варварской периферии». Что касается собственного статуса, то японцы в течение долгого времени и несколько туманно осознавали себя «провинциальным» государством в культурном ареале Китая. Все иные государства вне этого культурного ареала воспринимались как варварские, находившиеся за пределами этикета и цивилизации. Имидж изолированной Японии, жители которой почти полностью отрезаны от внешнего мира, определенно противоречит образу Японии, ориентированной на эталоны классической культуры континентального Китая. Хотя в Восточной Азии существовала целая история вертикального имперского порядка — системы *сакухо тайсэй*⁶, не было традиции отношений между равноправными суверенными государствами. Конфуцианство в наше время оказывает незначительное влияние на национальный менталитет, но тогда выступало как основа иерархии взаимоотношений стран и народов⁷.

Наблюдалось несколько волн масштабного заимствования Японией китайской культуры. Мощная волна такого заимствования пришлась на начальный этап становления японской государственности в VII–VIII вв., когда Япония перенимала технологии, впитывала многие элементы религиозного и политического сознания, меняла по китайскому образцу институциональное устройство, и даже первый судебный кодекс «Рицурё» был фактически «импортирован» из Китая, хотя японцы чуть перекроили его на свой лад.

Когда Поднебесная стала объектом экспансии «северных варваров», ее образ эталонного государства в глазах японцев существенно поубавился. В складывавшемся в период Токугава национальном менталитете начало формироваться воззрение, что статус Срединного государства более приличествует Японии, нежели Китаю, «утратившему дух совершенномудрых». Появились симптомы высокомерия и превосходства. Тем не менее осознание единого пространства дальневосточной цивилизации, несмотря на определенную девальвацию имиджа Китая, некоторое время оставалось, и миссия Японии усматривалась в хранении этого культурного эталона.

Капитуляцию Китая перед европейскими державами, начавшуюся с «опиумных войн» (1840–1842), беспорядков, порожденных восстанием тайпинов (1850–1864), можно объяснить тремя причинами. Во-первых, Китай не воспринял европейских технологий в полной мере, и поэтому его вооружение явно отставало от западных стандартов. Во-вторых, политическая система оказалась неэффективной и находилась в состоянии разложения. В-третьих, у Китая не было достаточно сил для отражения внешней агрессии.

Япония, в то время находившаяся в поиске матрицы модернизации, оказалась перед необходимостью пересмотреть свое отношение к Китаю, основанное на пиетете. Сходство и культурное родство между Китаем и Японией показали реформаторам эпохи Мэйдзи переоцененными. Обострение наметилось к концу XIX в., когда Японией была сделана заявка на односторонний контроль над большей частью региона. С тех пор векторы развития Китая и Японии стали расходиться все более заметно и к началу XX в., особенно ко второй половине 1930-х годов, достигли конфронтационного состояния. Кульминацией противоборства, своего рода «точкой невозврата» для той эпохи можно считать «нанкинскую резню» конца 1937 г.

Следует отметить, что некоторые заметные черты японской политической культуры, восходящие к кодексу самурайской чести, сыграли противоречивую роль в ходе колонизации Азии. (Особое отношение к понятиям чести действительно отличало японских воинов от крестоносцев и иных жестоких воителей Средневековья.) В конце 1930-х годов, чтобы оправдать агрессивные амбиции, выдвигалась идея гармонии и общности цивилизаций Северо-Восточной Азии, своего рода деформированная «мягкая сила». Такие характеристики использовались издавна, чтобы оправдать переход к употреблению Японией «жесткой силы» в рамках концепции цивилизационной общности. Пропаганда, лицемерие, искренность и заблуждения сплелись здесь в тугую и до сих пор не распутанный узел.

В свою очередь, китайцы на протяжении веков нередко относились к японцам как к нации эпигонов, а зачастую исследователи отмечают свойственную китайскому отношению к Японии «смесь высокомерия и неприязни». Для этого есть некоторые неизвинительные объяснения, в частности не существует сомнений, что нет сколько-нибудь существенного японского вклада в представления китайцев о себе и окружающем мире.

Все это вместе и составляет взрывоопасный фундамент взаимной подозрительности, переходящей во враждебность. Потенциал недоверия в наши дни накапливается, несмотря на то что прагматизм — это краеугольный камень менталитета как японцев, так и китайцев.

Тем не менее есть некоторые основания для воссоздания модели «особых отношений» между Китаем и Японией. Она опирается прежде всего на традицию культурной близости, взаимодополняемость экономик обеих стран и сопоставимое по модальности восприятие таких западных ценностей, как «свобода», «демократия», «права человека» и т.п.

Затянувшийся ритуал извинения

Возможно, одна из самых спорных и трудноразрешимых проблем в японо-китайских отношениях — это оценка моральной ответственности Токио за ущерб, причиненный в ходе военных конфликтов, а главное —

ритуал извинения. Безусловно, методы военных действий Японии в Азии создали в стране особый настрой, в основе которого — чувство некой неловкости перед соседями на континенте, которое в то же время трудно назвать в полном смысле осознанием вины. Без учета моральной ответственности Токио трудно в полной мере понять специфику использования им «мягкой силы», в частности объемы официальной помощи развитию (ОПР) и солидные объемы грантов, выплачиваемых различными фондами, склонными предоставлять странам Северо-Восточной Азии преференциальные условия.

«В общей для двух стран и народов культурной традиции точное и соразмерное принесение извинений — дело принципиальное и чрезвычайно тонкое. Имеет значение все: сам факт извинения, место и время, выбранное для его выражения, форма, в которую оно облечено, манера, в которой принято»⁸, — замечает Г.Ф. Кунадзе. Во всяком случае, в этом сложном контексте форма извинения, избранная К. Танака во время визита в Пекин в 1972 г., показала китайцам поверхностной и вызвала негативную реакцию в стране. Как результат, проблема извинения осталась неурегулированной константой в японо-китайских отношениях и, более того, стала ключевой. «Прошлое, достойное сожаления» — такую формулу использовал в октябре 1992 г. во время поездки по Китаю император Акихито, вызвав у населения КНР весьма смешанные чувства. Примеру императора последовали несколько лидеров, принося формальные извинения, лишь в малой степени удовлетворявшие пострадавшие народы. Среди исследователей китайско-японских отношений широко распространено мнение, что большинство китайцев чувствуют, что японское правительство не принесло искренних извинений, а большинство японцев полагают, что дальнейшие извинения излишни⁹. Короче говоря, проблема эта весьма трудноразрешима, поскольку затрагивает такую константу, как национальный менталитет, в основе которого глубинные пласты психологии обеих сторон, в первую очередь национальная гордость.

Территориальные проблемы: помогает ли «мягкая сила»?

Не исключено, что «проблема интерпретации истории» стала также своего рода деторатором для «мины замедленного действия» в японо-китайском территориальном споре. Сама «взрывная начинка», похоже, обусловлена неурегулированностью пограничного размежевания между Китаем и Японией. Токио считает архипелаг Сэнкаку (площадь около 5,45 кв. км) своим и провел морскую границу исходя из своей интерпретации принадлежности островов. Китай же не признает титула Японии на архипелаг и добивается пересмотра учрежденной в одностороннем порядке границы. Вообще, спор уходит корнями в конец XIX в.,

когда Япония установила контроль над островами в ходе войны с Китаем. После Второй мировой войны Сэнкаку контролировали США, но в 1972 г. вместе с Окинавой передали Токио и эти острова. А в 1974 г. Китай предъявил на них свои претензии.

Политическая подоплека событий оказалась связанной с экономической. Проблема островов Сэнкаку, титул владения которыми приходится отстаивать официальному Токио, оставалась в латентном состоянии до начала 1970-х годов, пока на шельфе Восточно-Китайского моря не были открыты весьма привлекательные месторождения углеводородных энергоносителей. Подписывая договор 1978 г. о мире и дружбе, стороны согласились оставить решение территориального вопроса на усмотрение «будущих поколений». При любого рода коллизиях и Япония и Китай руководствовались прежде всего прагматическими принципами, отдавая приоритет всеобъемлющим двусторонним отношениям перед «отложенными проблемами».

Особенно жарким оказался сентябрь 2012 г., чуть было не превративший регион в пороховую бочку. Правительство Японии приобрело тогда три из этих крошечных островков у японского частного владельца. Некоторые аналитики в Пекине, по свидетельству профессора Дж. Ная, автора термина «мягкая сила», считают, что «Япония вступает в период правого милитаристского национализма (курсив мой. — С.Ч.) и что покупка островов была попыткой начать подрыв послевоенных договоренностей»¹⁰. (Здесь мы никак не можем согласиться с тем, что вспышка национализма в Японии имеет милитаристский характер, но усиление национализма, похоже, действительно происходит.)

Именно переход островов в государственную собственность привел к драматическому повороту. В знак протеста группа жителей Гонконга высадилась на островах, была арестована и затем депортирована на родину. В ответ на действия китайцев на острова Сэнкаку/Дяюйдао прибыли два десятка яхт с 150 японскими активистами, включавшими членов парламента. Они установили на острове японский флаг. Сразу после этого японские флаги запыхали по всему континентальному Китаю — толпы возмущенных китайских граждан вышли на улицы городов, устраивая массовые погромы японских ресторанов и переворачивая автомобили, произведенные в Японии. Страсти достигли нового пика в феврале 2013 г., когда китайцы навели на японский боевой корабль свой радар, предназначенный для ракетного пуска.

Казалось, Китай загоняет Японию в угол. Однако демонстрация «жесткой силы» на грани войны может сыграть дурную шутку. Токио, вполне вероятно, будет вынужден пересмотреть свою военно-политическую стратегию. А новая оборонная стратегия Токио может оказаться весьма неприятной и болезненной для Пекина. Перерастание территориального конфликта в военное столкновение кажется маловероятным, но надо учитывать и этот «кошмарный сценарий». В случае более умеренного сценария Япония может пойти по пути отказа от мирной

9-й статьи Конституции и встать на рельсы перевооружения, а это будет уже совсем другая страна с другим менталитетом.

Серьезнейшей проблемой отношений в регионе остаются разночтения в интерпретации проблемы Тайваня. Отношение Токио к «тайваньскому вопросу» остается мощнейшим источником разногласий между Японией и Китаем. Несмотря на то что Пекин фактически принудил Токио расторгнуть официальные связи с Тайбэем, китайские руководители на деле были вынуждены пойти на отсрочку окончательного решения проблемы на неопределенный срок. Проводимая же Токио политика идет вразрез с одной из ключевых внешнеполитических задач Пекина — возвращения Тайваня в лоно исторической родины.

Широко распространена точка зрения, будто Япония признает суверенитет Пекина над Тайванем. Это не соответствует действительности. Справедливость требует отметить, что ни США, ни Япония никогда открыто не подталкивали Тайбэй к провозглашению независимости. Позиция Токио все же несколько двусмысленна. Пекин раздражен тем, что официальные круги Японии выражают «понимание и уважение позиции Китая», однако избегают прямых высказываний о принадлежности Тайваня, поскольку по Сан-Францисскому договору Япония отказалась от каких-либо претензий на Тайвань и тем самым отказалась от возможности весомерно высказываться по проблеме статуса этого острова. Обе стороны исключительно искусно демонстрируют способность «держаться паузы», стараясь не поставить партнера в дипломатически неловкое положение.

В результате Пекин стремится к мирному объединению, а Тайбэй — к «мирному расколу». А Вашингтон и Токио, естественно, хотели бы избежать такого развития обстановки, которое могло бы привести к столкновению между КНР, США и Тайванем. Это, конечно, не может не омрачать перспективы улучшения китайско-американских и китайско-японских отношений. Как и прежде, КНР придерживается принципа: «Мирное объединение, одна страна — два строя». Китайские специалисты справедливо считают, что любая ошибка в подходах к решению тайваньской проблемы, относящейся, безусловно, к внутренней политике КНР, препятствует улучшению не только китайско-американских, но и китайско-японских отношений. Токио, несомненно, учитывает это в своей тактике применения «мягкой силы».

Проблема ответственности за военные преступления в увязке с двойственной позицией Токио по вопросу о Тайване, несомненно, способствует сохранению в КНР довольно сильных антияпонских настроений, особенно обостряющихся с увеличением экономического могущества Китая. Националистическая идеология здесь постепенно вытесняет коммунистические догмы.

В Токио, в свою очередь, нарастают пока еще смутные, но обретающие все более четкую форму опасения, что континентальный сосед со временем станет серьезным соперником и постоянной головной

болью для Страны восходящего солнца. Японская пресса постоянно подчеркивает, что трансформирующийся Китай стал оказывать все более весомое воздействие на мировые процессы. В японских СМИ даже появился термин «китайская глобализация», «мировая китаизация» (тюоку дзэнкюка), в оправдание которого обычно приводятся данные, характеризующие продвижение КНР на рынке информационных технологий, бросающего вызов Японии, которая предчувствует свое отставание в этой области.

Как у всех соседей: дуализм восприятия

Согласно репрезентативному опросу 26 ноября 2012 г., симпатии японцев к Китаю снизились с 2011 г. с 26,3% до 18,0%, об отсутствии симпатий заявили не 71,4% опрошенных (2011 г.), а 80,6% (2012 г.). Оценка состояния двусторонних отношений тоже значительно изменилась (уже не 18,8% заявили, что «отношения хорошие», как в 2011 г., а только 4,8%)¹¹. (На этом фоне отметим, что симпатии к россиянам выросли за этот год с 17,0 до 24,9%.)

Подобного рода красноречивое падение положительных оценок политических отношений и рост негативизма зафиксированы в 1989 г. после трагических событий на площади Тяньаньмэнь. И это произошло, несмотря на то что Япония не входила в число стран, наиболее энергично осудивших антидемократические действия китайских властей. Кстати, наивысшие показатели симпатий к Китаю зафиксированы в 1979–1988 гг. (пик — 78,6% в 1980 г.)¹². Эти показатели прямо коррелируют с усилиями дипломатии по нормализации отношений с Пекином и расширением использования «мягкой силы».

Описанная коллизия разнообразных политических, экономических и психологических факторов представляет собой основную причину крайне затруднительного положения, в котором уже давно пребывают соседи по региону. Об этом свидетельствует динамика восприятия ситуации общественным мнением Японии, которому суждено оставаться между молотом и наковальней — раскаянием и гордостью, желанием урегулировать конфликт и силой традиции. Причем известная реактивность японского политического менталитета и стремление отложить решение проблемы «на потом» лишь обостряют и без того тяжелую ситуацию.

С красноречивым прогнозом, как обычно, выступил Ф. Фукуяма, отметивший, что непонимание и конфликты между Японией и Китаем «весьма вероятны в грядущие годы, однако степень этой опасности уменьшится, если использовать возможные каналы для международного диалога»¹³. Инциденты последнего времени несколько разбалансировали деликатные международные отношения в Северо-Восточной Азии. Все это не внушает оптимизма относительно наступления «эры гармонии» в Северо-Восточной Азии.

«Мягкая сила»: возможности не беспредельны

Какие же каналы возможно использовать для ослабления напряженности в регионе? Судя по всему, Япония возлагает большие надежды на «мягкую силу», прежде всего на влияние массовой культуры и финансирование обменов. Ситуация на первый взгляд кажется парадоксальной. Пока чучело премьер-министра Японии сжигали вместе с японским флагом, а транспаранты требовали «Повернитесь лицом к истории!», «Разгромим японский милитаризм!», «Бойкотируйте японские товары!», тут же на прилавках магазинов лежали японские комиксы «Детектив Конан», пачки журнала «Лейли», китайской версии японского модного журнала «Рэй», а сериалы с популярными японскими актерами не сходили с мониторов студенческих компьютеров. В Китае популярны известные «коммерческие иконы» *анимэ* — Покэмон, Дораэмон, Тоторо, а также голливудские блокбастеры на японские темы «Последний самурай» и «Мемуары гейши».

Японского туриста студенты могут проводить не книжным японским словом «Саёнара», а сугубо разговорным «Дзяя-нэ!», которое они слышат с пиратских дисков *анимэ*. Выросло уже целое поколение в Китае, воспитанное на японской поп-культуре: «Дети, которые проводили дни за просмотром японских *анимэ*, превратились в потребителей *анимэ* и *манга* для тинейджеров и взрослых, компьютерных игр, японских теледрам для одиноких женщин и мужчин, *сасими* из лосося, *рамэна* и шариков из осьминогов *такояки*, японских модных журналов... Японские певцы и актеры будоражат фантазию, глядят со страниц таблоидов и привлекают студентов в классы японского языка, только потому что они хотят понять слова японских песен или диалогов в сериалах»¹⁴. Тем не менее те же люди выходят на антияпонские митинги.

«Идет ли речь о том, что эти культурные иконы становятся силой, или просто о самостоятельных явлениях поп-культуры? Каких дипломатических целей удалось добиться благодаря мировому спросу на японскую крутость (*coolness*)?»¹⁵ — спрашивают японские политологи. Между тем ответ дал сам отец термина «мягкая сила», предупредив, что нельзя ставить знак равенства между нею и поп-культурой. В качестве примера он привел Иран: «Поп-культура может иметь противоречивые эффекты на различные группы внутри одной и той же страны. Она не представляет собой универсальный ресурс мягкой силы. Видеофильмы, которые привлекают иранских тинейджеров, оскорбляют мулл»¹⁶. Действие «мягкой силы» должно рассматриваться как психологический итог воздействия всех ее составляющих.

Любопытные результаты дает анализ содержания китайских медиа, позволяющий обнажить корреляцию между акциями Японии и пропагандистскими кампаниями Пекина, сопровождаемыми волнами массовой мобилизации, повышением уровня активности и сдвигами в обще-

ственном мнении. Так, в одном из японских исследований контент-анализ 12 китайских газет показал, что с обострением китайско-японских отношений на дипломатическом фронте значительно сокращается употребление в прессе положительных символов Японии (гора Фудзи, цветущая *сакура*, *анимэ*) или оценочных оборотов речи («культурный обмен», «дружеские отношения», «китайско-японская дружба»), позитивных политических лозунгов («стратегические, взаимовыгодные отношения», «весенний визит»). Наоборот, резко возрастает число негативных терминов — в историко-политическом аспекте («храм Ясукуни», «нанкинская резня», «агрессия японской армии», «женщины для комфорта»), для характеристики положения в Японии («национализм», «милитаризм», «шовинизм», «ультраправые») или в вопросах безопасности («ПРО», «изменение Конституции», «американо-японский альянс») и т.п.¹⁷. При этом увлечения молодежи японской поп-культурой практически не страдают.

Возникает ощущение, что политические антипатии как бы не пересекаются с культурными симпатиями, налицо контраст параллельного существования любви к японской поп-культуре и антипатии к японскому политическому курсу. (Равным образом горячая любовь к прозе Толстого, Чехова и Достоевского, к музыке Чайковского и Рахманинова не мешает японцам с недоверием и антипатией относиться к российской политике.)

В Японии ситуация более спокойная, но далека от того, чтобы говорить об отсутствии националистических вспышек, правда локализованных. «Патриотический национализм» разжигается в среде *такаха* — японских ястребов, считает японский дипломат Х. Митигами¹⁸. При этом признается, что японская повседневная культура, несомненно, целиком основывается на «китайской учености»¹⁹.

Ситуация обостряется растущим потоком эмигрантов, поскольку Япония вынуждена импортировать рабочую силу²⁰. Однако это грозит опрокинуть распространенное мнение о гомогенной Японии и дает пищу для националистических эксцессов. В Японии в 2012 г. постоянно (средне- и долгосрочно) проживало 2 038 159 иностранных граждан, что составляет 1,6% населения страны. Из них большинство (32%, или 653 004 человека) — выходцы из Китая. А если включить сюда зарегистрированных в Японии на краткие сроки, то это число составит уже около 700 тыс. человек. Катастрофа на атомной станции «Фукусима-1» оказала лишь самое небольшое влияние на процессы роста иммиграции²¹.

Культурное сотрудничество с Китаем: частные и общественные каналы

Частные каналы начинают играть все более заметную роль в применении Японией «мягкой силы» в отношении КНР. Японский бизнес пока осторожно проникает в Китай, опасаясь вспышек антияпонских настроений. Но идет процесс не только создания заморских дочерних

предприятий, не только перенос японских методов управления на китайскую почву. Серьезным вопросом стала передача корпоративной культуры и норм социальной ответственности бизнеса, являющихся одной из привлекательных черт японской «мягкой силы»²².

В середине 1990-х годов японские компании прониклись чувством тревоги, опасаясь «опоздать на поезд» и потерять возможность развития сотрудничества с китайскими партнерами. Так, в 1995 г. японский продюсерский дом «Амусэ» совместно с шанхайским телевидением снял 25 часовых серий драмы «Шанхайские люди в Токио» о жизни китайских студентов в Японии. Тем самым компания «Амусэ» предприняла шаги, чтобы заблаговременно «прописаться» на рынке китайской культурной сферы, пока не поздно. Иначе разрушительные силы культурной глобализации не только сделают японское ноу-хау ненужным и неоцененным другими азиатскими странами, но и полностью изолируют Японию от растущего рынка в Восточной и Юго-Восточной Азии, где доминирует Китай²³.

Роль общественных организаций, например Общества японско-китайской дружбы, ограничена довольно скромными финансовыми ресурсами. Развивают активность различные образовательные, научные и культурные организации. Были предприняты попытки китайских и японских ученых приблизиться к общей трактовке военной истории. Как показали многие конференции, совместные публикации и проект «общего учебника истории» помогли противодействовать ревизионистским тенденциям в Японии и позволяют сделать предположение, что Китай и Япония приблизились на шаг к созданию согласованной версии истории²⁴. Но решающего прорыва на этом направлении не достигнуто.

Деятельность Японского фонда на китайском направлении

Роль ключевого агента «мягкой силы» в культурных и научных обменах Страны восходящего солнца со странами мирового сообщества играет Японский фонд (Кокусай корю кикин, Japan Foundation), «один из государственных активно работающих с международной сфере агентов», «номинально независимое культурное агентство, действующее под началом Министерства иностранных дел Японии»²⁵. На протяжении всей своей истории Японский фонд работал и продолжает работать над повышением эффективности глобального межкультурного диалога, главная цель которого — развитие взаимопонимания между народами.

Штаб-квартира Японского фонда располагается в одном из особняков токийского района Ёцуя. Число его сотрудников составляет всего 250 человек, в том числе около 130 представителей за пределами Японии²⁶. До октября 2003 г. имел статус специального агентства (токусю

ходзин) при МИДе, затем был реформирован и номинально стал более независимым административным агентством (докурицу гёсэй ходзин), хотя ему еще нужно утвердить независимость от МИДа. Он не только является проводником «мягкой силы», но еще и старается действовать как «катализатор» улучшения образа Японии и отношений с другими странами посредством обменов людьми, идеями и информацией²⁷.

Китайское направление работы Японского фонда является одним из самых приоритетных. В 2012 г. Японский фонд потратил на развитие связей с КНР 661 750 тыс. иен, что составляет 5,36% бюджета организации. Китай занимает вторую строчку в расходной части бюджета. Первой строчкой идут расходы на американском направлении: в 2012 г. — 2 627 287 тыс. иен (21,27% бюджета), т.е. почти в четыре раза больше, чем на китайском направлении²⁸. Эти цифры красноречиво говорят о приоритетах японской внешней политики, по-прежнему ориентированной преимущественно на заокеанского союзника. (За США и КНР следуют Франция, Южная Корея, Индонезия, а Россия в 2012 г. находилась сразу же за Австралией — лишь на 7-м месте (311 650 тыс. иен, т.е. 5,2% бюджета)²⁹.)

Тем не менее цифра расходов на китайском направлении обнаруживает тенденцию к росту, что связано с необходимостью противодействия усилиям китайской официальной пропаганды и недоверию, порожденному зигзагами истории взаимоотношений близких соседей.

Насыщенность китайского массового сознания негативными стереотипами восприятия политического курса Токио не вызывает сомнений. Любопытнейшее исследование было закончено в 2013 г. молодым китайским ученым в Институте японского языка Японского фонда относительно межкультурных аттитюдов китайских студентов, изучающих японский язык. Исследователя интересовали стереотипные представления о Японии и ее народе, а также общезначимые культурные аттитюды. Исследователь опросил 799 студентов, из которых 276 изучали японский язык. Согласно результатам анкетирования, обнаружилось, что эти китайские студенты наиболее часто демонстрировали позитивные аттитюды к Японии и ее народу. Среди них преобладали такие аттитюды, как «японцы добрые и сердечные», «японцы вежливые», «Япония — страна с развитой наукой и техникой», «японцы — трудолюбивая нация», «японцы хорошо работают в команде». Но высказывались и негативные позиции, чаще всего следующие: «японцы двуличны (имеют лицо и изнанку)», «не признают превосходства», «японцы слишком раскрепощены в сфере секса», «с японцами трудно установить доверительные отношения», «жестоки», «японское общество благоволит к мужчинам и неблагоприятно относится к женщинам», «японцы изменчивы», «японцы поддаются сильным и давят на слабых»³⁰. Впрочем, эти стереотипные представления в большей степени характеризуют китайские представления о ценностях и довольно далеки от японских ценностных ориентаций.

Одно из ключевых мест в стратегии Японского фонда занимает распространение в мире японского языка. Именно это направление является наиболее ответственным и продуктивным, поскольку владение языком становится эффективным средством межкультурного диалога. Японский фонд проводит каждые три года «Исследование преподавания японского языка за рубежом», отслеживающее статус преподавания национального языка по всему миру. Последний такой мониторинг проводился в 2012 г. Согласно его результатам, число изучающих японский увеличилось с 2009 г. на 9,1%, достигнув 3,98 млн., а число преподавателей — на 28,0% (с 49 803 до 63 771). При этом количество изучающих японский в Китае (самое большое в мире) выросло за три года на 26,5% — с 827 171 до 1 046 490. В результате Поднебесная обогнала удерживавшую первенство Южную Корею, которая перешла на третье место в списке, пропустив вперед еще и Индонезию. Согласно мониторингу, прирост произошел за счет студентов китайских колледжей, интересующихся японской поп-культурой и озабоченных проблемой трудоустройства³¹.

Кризис, вызванный китайско-японским спором о принадлежности островов Сэнкаку, разразившийся в сентябре 2012 г., нанес чувствительный удар по конструктивным отношениям между двумя странами. Китай сразу же заявил, что японские суда не будут допущены к участию в ближайшем мероприятии — речном параде, который по традиции проводится 1 октября в Шанхае по случаю образования КНР. Удар был нанесен и по растущему сотрудничеству в рамках программ Японского фонда. Оказались свернутыми многие культурные мероприятия в рамках года обменов между Китаем и Японией, который проводился в связи с 40-летием нормализации китайско-японских отношений.

Как утверждается в отчете Японского фонда за 2012 г., в результате китайских санкций из 163 мероприятий были свернуты или перенесены 27. Пострадали 12 из 43 проектов по обмену в области культуры и искусства, 4 из 50 проектов по изучению японского языка, 11 из 68 проектов по изучению Японии и интеллектуальным обменам. По утверждению авторов доклада, все мероприятия, спланированные Японским фондом и готовившиеся совместно отделением Фонда в Китае с китайскими местными органами, были отменены или перенесены исключительно по предложению китайской стороны³².

Пострадала не только общественность, достаточно ощутимый урон понесли и специалисты, вовлеченные в различные программы преподавания японского языка, изучения Японии и интеллектуальных обменов. Приведем лишь один пример. Проведение в Пекине симпозиума «Будущее Азии и японо-китайские отношения» столкнулось с непредвиденными трудностями. В день открытия мероприятия улица, где располагался Центр японской культуры в Пекине, как раз напротив японского посольства, оказалась заперуженной тысячами демонстрантов. Только благодаря тому, что информация о манифестации оказалась

в распоряжении организаторов симпозиума заранее, удалось предотвратить срыв совместного мероприятия³³. Программа обменов студентами, аспирантами и докторами наук с Пекинским университетом практически не пострадала от кризиса³⁴.

Некоторые замечания

Японская версия «мягкой силы» представляет несомненный интерес для исследования.

Во-первых, идея мягкости заложена в японском национальном сознании. Вспоминается поэтический образ: ветка дуба под тяжестью снега отламывается, а ветка сливы гнется и, распрямившись, сбрасывает с себя груз. Припомним, что в названиях некоторых видов японских единоборств (дзюдо, дзюдзюцу–джиу-джитсу) входит иероглиф *дзю*, который означает «мягкость».

Во-вторых, Япония воздерживается от прямого применения «жесткой силы» из-за ограничений, налагаемых Конституцией.

В-третьих, Япония успешно эксплуатирует образ «особенной и непревзойденной страны», подернутый флером загадочности и неповторимой привлекательности. Удивительные пейзажи, живописные праздники, интереснейшие традиции — все это стало своего рода визитной карточкой японской «мягкой силы», привлекающей иностранцев к изучению японского языка и культуры, в том числе и в Китае. Усиливаются призывы японских специалистов более эффективно использовать культурное своеобразие во внешнеполитических целях³⁵. Особое внимание уделяется привлечению молодежи к ценностям японской культуры. Именно на молодежь направлен глобальный проект Cool Japan («Крутая Япония»), призванный пропагандировать за рубежом японский образ жизни и молодежную субкультуру (*анимэ, манга, поп-музыка, мода, кухня и пр.*)³⁶.

На китайском направлении японские агенты «мягкой силы», в первую очередь Японский фонд, испытывают особые трудности, учитывая весь спектр вышеописанных противоречий, накопившихся между двумя странами. Среди задач Фонда не только ознакомление китайцев с японской культурой, образом жизни, но и освобождение от наслоений исторических обид, исправление негативного образа страны в китайском массовом сознании, находящемся под влиянием стереотипов прошлого и пропагандистских усилий китайских медиа.

Особую остроту вносит усугубившаяся ситуация вокруг островов Сэнкаку. Кризис, однако, почти не отразился на финансировании китайского направления. Япония по-прежнему рассчитывает на «мягкую силу», магнетизм и очарование японской культуры и действенность усилий по ее продвижению. Однако накал антияпонских настроений в КНР показывает, что притягательная сила культуры, а в китайском случае — в первую очередь поп-культуры, не связана непосредственно с политическими симпатиями и антипатиями.

Сведения, почерпнутые из отчетных документов Японского фонда, дают возможность утверждать, что кризис вокруг островов Сэнкаку оказал явственно негативное влияние на программы обменов и проекты Фонда, но тем не менее не смог сорвать программы сотрудничества. При всей ограниченности возможностей «мягкой силы», очевидно, ей нет альтернативы, если рассчитывать на улучшение отношений в обозримом будущем. Японские специалисты считают, что терпение и целенаправленная работа помогут сохранить тот фундамент, на котором удастся построить подлинно добрососедские отношения.

Безусловно, японский опыт заслуживает самого тщательного изучения в России, не имеющей такой эффективной организации, как Японский фонд. Однако со временем подобную деятельность на международной арене могли бы осуществлять Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) и Фонд «Русский мир»³⁷. Более существенные инвестиции в инструменты «мягкой силы», ее действенное и целенаправленное использование жизненно необходимы для того, чтобы постепенно за рубежом складывался более привлекательный образ современной России, что облегчит достижение внешнеполитических целей на мировой арене. И опыт, наработанный Японией, тут может стать серьезным подспорьем.

Примечания

¹ Sudo S. It Takes Two to Tango: The Conflict as Japan Sees It. — China and Japan at Odds. Deciphering the Perpetual Conflict. Ed. by J.C. Hsiung. N.Y., 2007, p. 44.

² Neary I. The State and Politics in Japan. Cambridge, 2002, p. 174.

³ Hsiung J. C. Sea Power, Law of the Sea and Sino-Japanese East China Sea “Resource War”. — China and Japan at Odds. Deciphering the Perpetual Conflict. Ed. by J.C. Hsiung. N.Y., 2007. p. 133

⁴ Симидзу Ё. Тююку ва надзэ ханнити-ни натта но ка? (Почему Китай стал антияпонским?). Токио, 2003, с. 44.

⁵ Jing S. Japan and China as Charm Rivals. Soft Power in Regional Diplomacy. Ann Arbor, 2012, p. 37-38.

⁶ Сакухо тайсэй (яп.) — международный порядок, сложившийся в Восточной Азии еще со времен династий Западная и Восточная Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.), наминавший средневековые отношения между сюзереном и вассалами. Китай как средоточие цивилизации и этикета выступал в роли политического и культурного центра, а все остальные окружавшие его малые страны занимали подчиненное положение. Их правители получали от императоров Китая официальные титулы и специально изготовленные печати (нечто вроде «жалованных грамот»), были обязаны платить подати. Подробнее см.: Карелова Л.Б., Чугров С.В. Япония и окружающий мир: контакты с древности до «открытия» страны в 1853 г. — Внешняя политика Японии. Учебное пособие. М., 2008, с. 6–8.

⁷ Мысль, высказанная ректором Государственного университета префектуры Ниигата Т. Иногути 27 июня 2013 г. в беседе с автором.

- ⁸ Кунадзе Г. Япония и Китай: Бремя «особых отношений». — Японский калейдоскоп. М., 2006, с. 227–246.
- ⁹ Rose C. Sino-Japanese Relations. Facing the Past, Looking to the Future? Oxon, 2005, p. 125.
- ¹⁰ Nye J., Jr. Japanese Nationalist Turn. — Project Syndicate (<http://www.inosmi.ru/fareast/20121110/202001718.html>).
- ¹¹ Найкакүфу дайджин камбо сэйфу кохосицу. Гайко-ни кан сүру ёрон тэса (Информационное бюро при канцелярии кабинета министров. Опрос общественного мнения по вопросам внешней политики). — <http://www8.cao.go.jp/survey/h24/h24-gaiko/zh/z06.html> - z014.html
- ¹² Там же.
- ¹³ Фукуяма Ф. Новый взгляд на Азию. — Россия в глобальной политике. 2005, № 1 (www.globalaffairs.ru).
- ¹⁴ Nakano Yo. Shared Memories. Japanese Pop Culture in China. — Soft Power Superpowers. Cultural and National Assets of Japan and the United States. Ed. By Ya. Watanabe and D. L. McConnell. N.Y., 2008, p. 111–112.
- ¹⁵ Ясино К., Мацумото Д. Кигё бунка идэн-но тамэ-но кигёнай комюникэсен: анкэ-то тэса-кара (Коммуникация для передачи корпоративной культуры: результаты анкетирования). — Reitaku Journal of Interdisciplinary Studies. 2002, vol. 10, No. 2, Autumn, p. 13.
- ¹⁶ Nye J., Jr. Soft Power. The Means to Success in World Politics. N. Y. — Public Affairs. 2004, p. 52.
- ¹⁷ Reilly J. Strong Society, Smart State. The Rise of Public Opinion in China's Japan Policy. N. Y., 2012, p. 35, 230–231.
- ¹⁸ Подробнее см.: Митигами Х. Гайкокан га мита «Тюгокудзин-но тайнити кан» («Антияпонские чувства китайцев» глазами японского дипломата). Токио, с. 133–143.
- ¹⁹ Танака К. Нихондзин ва гайкокудзин кирай? (Японцы не любят иностранцев?). — Кайро (Морские пути). 2008, № 6, с. 90.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Токи Х. Ниттү-но хасама-ни икиру дзайнити тюгокудзин-но омои (Что думают проживающие в Японии китайцы о своей жизни между Китаем и Японией). — Кокусай бунка кэнкю (Изучение международной культуры). 2013, т. 80, с. 11.
- ²² Ясино К., Мацумото Д. Кигё бунка идэн-но тамэ-но кигёнай комюникэсен: анкэ-то тэса-кара (Коммуникация для передачи корпоративной культуры: результаты анкетирования). — Reitaku Journal of Interdisciplinary Studies. 2002, vol. 10, No. 2, Autumn, p. 3.
- ²³ Iwabuchi K. Recentring Globalization. Popular Culture and Japanese Transnationalism. Durham — London, 2002, p. 212, 214.
- ²⁴ Rose C. Op. cit., p. 124.
- ²⁵ Uptal V. The Japan Foundation in China. An Agent of Japan's Soft Power? — Japanese Strategic Thought Toward Asia. Ed. by G. Rozman, K. Togo, J.P. Ferguson. N. Y., 2007, p. 11.
- ²⁶ Энциклопедия Японии (<http://www.japantoday.ru/entsiklopediya-yaponii-ot-a-do-ya/yaponskiy-fond.html>).
- ²⁷ Uptal V. Op.cit., p. 14.
- ²⁸ Кокусай корю кикин. Хэйсэй 24 нэндо комоку бэцу гёму дзиссэй хококусё (Японский фонд. Годовой отчет за 2012 год). Токио, 2013, с. 3.
- ²⁹ Там же, с. 14.
- ³⁰ Цзян Юн. Нихонго гакусюся-но ибунка нодо-ни кан-сүру исёку тэса (Исследование кросс-культурных аттитюдов студентов, изучающих японский язык в Китае). — Нихонго кёику (Преподавание японского языка). 2013, № 154 (04), с. 100–114.
- ³¹ 2012 нэн кайгай нихонго кёику кикан тэса (Исследование преподавания японского языка за рубежом за 2012 г.). — Нихонго кёику. 08.07.2013 (<http://www.jpf.go.jp/j/japanese/survey/result/survey12.html>).

³² Кокусай корю кикин, с. 3.

³³ Там же, с. 22.

³⁴ Там же, с. 83.

³⁵ *Акаха Ц.* Выбор между «мягкой» и «жесткой» силой в политике национальной безопасности Японии. — Тихоокеанское обозрение: 2008–2009. М., 2010, с. 42.

³⁶ *Катасонова Е.Л.* Япония: вызов западной цивилизации? — Япония: мифы и реальность. М., 1999, с. 186.

³⁷ *Романова И.* Японский язык как инструмент «мягкой силы» (<http://ru-japan.livejournal.com/2081939.html>).

О.А. Добринская

**КОНЦЕПЦИЯ «БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА»
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЯПОНИИ**

Изменение парадигмы международной безопасности в начале 1990-х годов обозначило необходимость выработки новых подходов к ее обеспечению. Либерализация торговли и инвестиций, глобализация мировой экономики не только привели к экономическому росту, но и усугубили такие проблемы, как бедность, разрушение окружающей среды, рост международной организованной преступности, ставящие под угрозу жизнь и достоинство человека. Возросло число внутренних конфликтов, на первый план вышли глобальные проблемы человечества. Расширение понятия «безопасность», включение в него невоенных аспектов нашли отражение в выработке концепции «безопасности человека».

Эта концепция получила распространение после выхода в свет доклада Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) 1994 г. В отличие от ранее принятой «узкой» трактовки безопасности как защиты от военной агрессии, новая концепция предполагала широкий подход к этому понятию. Во-первых, речь шла об отказе от приоритета территориальной безопасности в пользу безопасности людей. Основным объектом защиты становился человек, индивидуальная личность. Во-вторых, обеспечение безопасности должно было достигаться не посредством вооружения, а посредством устойчивого человеческого развития¹. В докладе были перечислены основные аспекты безопасности человека: безопасность экономическая, продовольственная, безопасность здоровья, окружающей среды, личная безопасность, безопасность сообщества, политическая безопасность. В основе новой концепции лежали два ключевых понятия — свобода от страха, т.е. защита от непосредственных угроз физической безопасности, и свобода от нужды, т.е. защита от угроз экономического и структурного характера.

Новизна этой концепции также заключалась в том, что она объединила в себе идеи безопасности и развития. В докладе ПРООН 1994 г. подчеркивалось, что безопасность человека и развитие взаимосвязаны, но не тождественны: в то время как «развитие» означает процесс рас-

ширения возможности выбора для людей, «безопасность человека» означает обеспечение условий, при которых люди могут свободно пользоваться этим выбором.

Концепция, предполагающая обеспечение свободы от страха и свободы от нужды, была по-разному принята в разных странах и в силу своего широкого охвата и расплывчатости формулировок стала предметом продолжающихся по сей день дебатов среди политиков и ученых. Например, Канада изначально сделала акцент на «свободе от страха» как предотвращении физического насилия над людьми, что предполагает возможность гуманитарной интервенции и ограничения государственного суверенитета в случаях необходимости защиты населения от угроз. Канадский подход исходит из того, что конфликты случаются из-за слабости и неспособности государства осуществлять управление. Благодаря усилиям Канады была разработана концепция «ответственности по защите», которую несет каждое суверенное государство и которая оправдывает международное вмешательство в случае невыполнения государством своих обязательств перед населением.

В Японии идеи защиты людей от различного вида угроз сразу были взяты на вооружение, однако некоторые аспекты концепции «безопасности человека» ставились под вопрос. В частности, канадский подход был неприемлем для Японии, которая давно отказалась от применения военной силы в международных отношениях. Это предопределило выработку собственной позиции и дальнейшие усилия по ее признанию и продвижению в международном масштабе.

После окончания «холодной войны» Япония оказалась перед новыми вызовами и возможностями. Завершение биполярного противостояния, с одной стороны, означало диверсификацию угроз безопасности, с другой стороны, стало стимулом для поиска Японией новой роли в мировом сообществе. Эта роль подразумевала отказ от ориентации сугубо на узко национальные интересы, более активное участие в международных делах.

Немаловажное влияние на развитие политики в области обеспечения безопасности оказал кризис в Персидском заливе. Япония отказалась направлять Силы самообороны в Персидский залив и вместо этого выделила крупную сумму для покрытия расходов многонациональных сил. Ее финансовый вклад размером в 13 млрд. долл. не был по достоинству оценен, и Токио подвергся критике за то, что устраняется от участия в международных усилиях по обеспечению безопасности, ограничиваясь «дипломатией чековой книжки». После кризиса в Персидском заливе правительство начало поиск альтернативных путей, чтобы продемонстрировать более активное вовлечение Японии в решение международных проблем, при этом избегая отправки Сил самообороны в места ведения военных действий. Такое стремление могло быть реализовано с помощью продвижения парадигмы безопасности, которая делала бы акцент на важность невоенного вклада с целью пре-

дотворачивания войн и урегулирования проблем постконфликтного восстановления². С этой точки зрения концепция «безопасности человека» стала оптимальным выбором для Токио.

Кроме того, еще задолго до окончания эпохи биполярного противостояния в Японии сформировалось широкое видение понятия «безопасность». Так, в конце 1970-х — начале 1980-х годов по поручению премьер-министра М. Охира была разработана концепция «комплексной безопасности», которая включала не только военный, но и экономический, энергетический, продовольственный аспекты. Можно сказать, что идея «комплексной безопасности» получила развитие и расширилась за счет включения «безопасности человека». Вместе с тем политика обеспечения безопасности человека имеет существенное отличие от политики комплексной безопасности. В то время как последняя подразумевает обеспечение национальной (государственной) безопасности, первая ориентирована на индивидуальную личность. Тем не менее общим является то, что обе концепции учитывают экономические и социальные факторы, делают акцент на широком, невоенном подходе к безопасности³.

Соотношение безопасности человека и национальной безопасности стало одним из главных вопросов, находящихся в центре академических дебатов, в том числе и в Японии. С одной стороны, зачастую государство может выступать как угроза безопасности личности (например, во внутригосударственных конфликтах). В то же время государство является необходимым условием обеспечения безопасности человека, потому что никакой другой институт не может действовать от имени индивида.

Конфликт между государственной и индивидуальной безопасностью может возникать и во внешне благополучных демократических странах. Так, профессор А. Ватанабэ приводит в пример ситуацию с военными базами на Окинаве. Она демонстрирует, что интересы жителей префектуры, их личная безопасность приносятся в жертву интересам обеспечения национальной безопасности⁴.

Японский политолог С. Сато выступает против расширения понятия «безопасность» за счет включения в него глобальных проблем человечества. Он считает, что деградация окружающей среды, расширение экономического разрыва между Севером и Югом, нарушение прав человека или дискриминация этнических меньшинств являются серьезными проблемами, но они должны рассматриваться вне общепринятых рамок понятия «безопасность»⁵.

По мнению К. Мусякодзи, одного из первых японских ученых, занявшихся изучением рассматриваемой проблематики, напротив, «безопасность человека» должна быть включена в новое определение понятия «безопасность». Оно включает продовольственную безопасность, экологическую безопасность и другие формы безопасности человека, которые подвергаются угрозе вследствие нерегулируемой конкурен-

ции неолиберальной глобальной экономики, насильственной киберкультуры и деятельности по обеспечению военной безопасности⁶.

Идея необходимости обеспечения безопасности человека, выдвигавшая ПРООН, вскоре была взята на вооружение японским руководством. Уже в марте 1995 г. на Всемирном саммите по социальному развитию премьер-министр Т. Мураяма заявил о необходимости создания «общества, ставящего в центр человека», в котором к каждому индивиду будут относиться одинаково и он будет наделен возможностью полностью развить свой потенциал и реализовать способности посредством работы или участия в общественной жизни, т.е. фактически озвучил суть политики обеспечения безопасности человека. В октябре 1995 г. на Генеральной Ассамблее ООН премьер-министр выразил поддержку концепции «безопасности человека», подчеркнув, что новый образ мышления основан на уважении к правам каждого человека и направлен на защиту от бедности, болезней, насилия, репрессий. Японский премьер-министр стал одним из первых государственных лидеров, поддержавших недавно появившуюся концепцию⁷.

Тематика безопасности человека присутствовала и в риторике Р. Хасимото, хотя в основном в контексте защиты окружающей среды. В июне 1997 г., выступая на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по окружающей среде и развитию, Р. Хасимото отметил необходимость прилагать усилия в двух направлениях: ответственность за судьбу будущих поколений и безопасность человечества. Как и Т. Мураяма, Р. Хасимото сделал акцент на нетрадиционных аспектах понятия «безопасность», однако в фокусе его внимания был не конкретный человек, а человечество в целом.

Концепция стала частью официальной японской внешней политики при премьер-министре К. Обути. Еще занимая пост министра иностранных дел в кабинете Р. Хасимото, К. Обути обозначил намерение Японии оказывать помощь азиатским странам, переживающим экономический кризис, делая акцент на таких областях, как социальное развитие, здравоохранение, занятость населения. Выступая в мае 1998 г. в Сингапуре, К. Обути особо отметил необходимость уделять внимание наиболее уязвимым слоям общества, заявив, что Япония намерена расширять содействие социальному развитию азиатских стран⁸.

К. Обути впервые обнародовал свои взгляды на безопасность человека в декабре 1998 г., выступая на открытии Интеллектуального диалога, посвященного строительству будущего Азии. По словам премьер-министра, безопасность человека относится ко всему комплексу угроз выживанию, повседневной жизни и достоинству людей и направлена на укрепление усилий по борьбе с этими угрозами. Для обеспечения безопасности человека необходимы согласованные действия мирового сообщества, в том числе имеет важное значение укрепление связей между правительствами, международными и неправительственными организациями⁹.

В качестве первого практического шага К. Обути объявил о решении учредить в ООН Тростовый фонд безопасности человека, с первым взносом в размере 500 млн. иен (около 4,2 млн. долл.), для оказания финансовой поддержки международным организациям, желающим реализовывать проекты в Азии¹⁰. Кроме того, были предприняты меры по повышению роли негосударственных игроков в процессе реализации концепции. В частности, в 1998 г. был принят закон о неправительственных организациях (НПО) и вскоре была запущена программа партнерства Японского агентства международного сотрудничества (ЯАМС) с НПО, местными властями и институтами, позволившая доверять им реализацию проектов агентства. Упоминание о безопасности человека впервые появилось в среднесрочной программе официальной помощи развитию (ОПР), принятой в 1999 г.

Включение «безопасности человека» в философию оказания официальной помощи развитию означало пересмотр последней в сторону принятия «подхода, ориентированного на людей». В то время как эффективность ОПР подвергалась сомнению и в связи с экономическим спадом в Японии надвигалась перспектива сокращения расходов на этом направлении, использование концепции стало новым основанием для продолжения оказания помощи развитию.

Одновременно следует отметить, что использование Японией новой концепции на первоначальном этапе имело четко выраженный региональный аспект и исходило из практических соображений. Спасение азиатских стран от последствий финансового кризиса было не только «ориентировано на человека», но и соответствовало национальным интересам, поскольку поддержание сильных рынков в Азии имело важнейшее значение для восстановления экономики Японии. Кроме того, внимание к судьбе населения азиатских стран благоприятно повлияло на отношение к Японии в регионе¹¹.

В связи с тем что первые японские инициативы в сфере безопасности человека стали ответом на финансовый кризис в Азии, они отражали философию «свободы от нужды», т.е. делали акцент на экономической составляющей понятия «безопасность человека». При том что официальным инструментом сотрудничества оставалась ОПР, Токио постарался сделать акцент на ее политической значимости за счет определения вопросов безопасности человека как угроз стабильности и процветанию региона¹².

Многие ученые отмечают, что концепция во многом являлась отражением личных взглядов К. Обути, поэтому он так активно взялся за ее имплементацию. К. Обути подчеркивал персональную приверженность концепции и предпринимал инициативы, которые позволили воспринимать его как в Японии, так и за рубежом как ведущего защитника идей безопасности человека¹³.

Видение концепции «безопасности человека», выдвинутое К. Обути, и усилия по ее закреплению в числе внешнеполитических приоритетов

Японии продолжил Ё. Мори, заменивший на посту премьер-министра скоропостижно скончавшегося К. Обути.

Выступая на «саммите тысячелетия» в сентябре 2000 г., Ё. Мори назвал безопасность человека одним из столпов японской дипломатии и заявил, что «Япония приложит все усилия для того, чтобы XXI век стал веком, ставящим в центр человека». При этом он подчеркнул, что ООН должна играть более активную роль в продвижении такого подхода¹⁴. С этой целью премьер-министр предложил учредить международную комиссию по безопасности человека, которая бы занялась дальнейшей разработкой и углубленным изучением этого понятия.

Реализация концепции «безопасности человека» позиционировалась как направление деятельности, которое повысит статус Японии как мировой державы, в полной мере несущей ответственность за поддержание глобальной безопасности. Таким образом Япония стремилась обосновать свою заявку на место постоянного члена СБ ООН, что было особенно актуально в разгар обсуждения путей реформирования организации. По мнению японского ученого Н. Акияма, внедрение концепции «безопасности человека» повышало важность деятельности в сфере социального и экономического развития до уровня проблем традиционной безопасности, что способно компенсировать недостатки японской политики в отношении коллективной безопасности и привести к относительному увеличению японского присутствия в ООН¹⁵.

Несмотря на то что в речи в ООН Ё. Мори назвал концепцию одним из столпов японской дипломатии, с 2000 г. в «Голубых книгах» МИД Японии безопасность человека была определена только как «ключевое направление» внешней политики страны. По мнению профессора А. Фукусима, такое изменение формулировок может являться отражением внутренних дебатов о том, что «безопасность человека» как таковая не является самостоятельным направлением, но скорее представляет собой новые вопросы безопасности.

После ухода Ё. Мори с поста премьер-министра концепции «безопасности человека» уже не уделялось первостепенное внимание. Количество речей премьер-министров на тему безопасности человека, достигавшее максимума с 1999 по 2001 г., постепенно снизилось. Это могло свидетельствовать о том, что концепция закрепила позиции в японской внешней политике и получила признание за рубежом, таким образом, необходимость главе государства акцентировать на ней внимание исчезла и эта тематика чаще стала присутствовать в выступлениях министров иностранных дел¹⁶. Некоторые ученые (например Ё. Ёкота) связывают постепенный уход концепции с первых позиций внешнеполитической повестки дня с неудачной кампанией Токио по получению статуса постоянного члена СБ ООН.

Отношение к концепции во многом объяснялось изменением среды международной безопасности после событий 11 сентября 2001 г., которое было воспринято мировым сообществом как признание расту-

щей значимости военной силы в международных делах. С повышением внимания к «жесткой силе» безопасность человека стала пониматься как еще более неопределенная концепция, если не сказать неактуальная. Это повлияло и на внешнеполитические приоритеты правительства Японии, которое было гораздо более озабочено тем, как поддержать военные акции США в Афганистане и Ираке, а также угрозой безопасности, исходящей от КНДР. В «Голубой книге» за 2003 г. безопасность человека появилась только в подсекции по глобальным вопросам. Это создавало впечатление, что МИД или не может полностью использовать полезность концепции, или не находит ее применимой.

В то же время необходимо отметить, что Токио стремился использовать существующий внешнеполитический инструментарий для повышения своей роли в обеспечении мира и стабильности, минимизируя необходимость участия Сил самообороны в военных акциях США. Уже в декабре 2001 г., выступая на международном симпозиуме, Д. Коидзуми подчеркнул связь между японским вкладом в борьбу с терроризмом и обеспечением безопасности человека. По его словам, для того чтобы решить эту проблему, необходимо бороться не только с терроризмом как таковым, но и с другими разнообразными угрозами личности. «Вооруженные конфликты, бедность и другие социально-экономические факторы ведут к созданию очагов терроризма. Это означает, что мы должны построить и поддерживать общество, где индивиды могут в полной мере реализовать свои возможности. На это направлена „безопасность человека“, и этому придает значение японская внешняя политика».

Участие в восстановлении Афганистана, которое курировала бывший Верховный комиссар ООН по делам беженцев и сопредседатель Комиссии по безопасности человека С. Огата, стало стимулом для выработки нового подхода к обеспечению безопасности в постконфликтный период. В частности, в мае 2002 г. министр иностранных дел Ё. Кавагути в преддверии визита в Афганистан выдвинула концепцию «консолидации мира», предусматривающую участие Японии в политическом процессе, содействии обеспечению безопасности и оказание гуманитарной помощи. Эта концепция стала основой японского подхода к миростроительству, что впоследствии было отражено в новом курсе оказания официальной помощи развитию.

Новая программа ОПР и политика обеспечения безопасности человека формировались с учетом результатов доклада Комиссии по безопасности человека, выпущенного в начале 2003 г. Доклад определяет безопасность человека как «обеспечение защиты людей от серьезных и широко распространенных угроз и ситуаций путем укрепления их сил и расширения возможностей»¹⁷. В документе были рассмотрены основные сферы безопасности человека, которые включали защиту населения в конфликтах, защиту от распространения вооружений, вопросы здравоохранения, образования и др. Важным результатом док-

лада стало то, что были объединены понятия «безопасность человека» и «миростроительство». Благодаря инициативам Комиссии по безопасности человека спектр направлений японской дипломатии в сфере безопасности человека расширился за счет включения таких проблем, как вооруженные конфликты и постконфликтное миростроительство. При этом Япония сделала акцент на угрозы, выходящие за традиционные рамки контекста, связанного с конфликтами. В Уставе ОПР от 2003 г. впервые присутствует понятие «миростроительство». Оно подразумевает консолидацию мира и содействие в государственном строительстве в постконфликтных ситуациях. Оно может включать помощь в разоружении, расформировании и реинтеграции бывших боевиков, а также в разоружении нелегальных бандформирований, т.е. распространяется на сферу безопасности.

С пересмотром Устава ОПР и появлением в нем такого направления, как помощь в постконфликтном миростроительстве, была затронута тематика японского участия в урегулировании конфликтов. Япония рассматривает усилия в сфере миростроительства через призму безопасности человека¹⁸, придавая основное значение повышению уровня жизни населения, искоренению бедности. Реализация концепции «безопасности человека» позволяла Японии избавиться от репутации финансового донора, расширить свою роль в постконфликтном восстановлении. В ОПР, традиционно ставящей в центр проблематику «свободы от нужды», появилась тематика «свободы от страха», что сделало постконфликтное миростроительство значимой темой в рамках ОПР¹⁹.

Концепция «безопасности человека» стала ключевым элементом обновленной программы ОПР. В Уставе ОПР, утвержденном в августе 2003 г., говорится, что с целью обеспечения безопасности человека на всех этапах, начиная со стадии конфликта до стадий восстановления и развития, Япония будет оказывать помощь в деле защиты и расширения прав и возможностей²⁰. Среднесрочная программа ОПР, принятая в 2005 г., определяет, что основные приоритеты помощи (борьба с бедностью, устойчивое развитие, решение глобальных проблем, миростроительство) должны реализовываться с точки зрения безопасности человека. Таким образом, эта концепция стала ключевым понятием, определяющим принципы предоставления помощи развитию.

Дальнейшее закрепление философии безопасности человека как составляющей помощи развитию состоялось с реформой Японского агентства международного сотрудничества (ЯАМС), которое курирует оказание ОПР. В октябре 2003 г. ЯАМС стало независимым юридическим лицом, которое возглавила С. Огата. В выдвинутом ею плане реформ ЯАМС деятельность по обеспечению безопасности человека стала одним из трех основных направлений.

Осуществление политики обеспечения безопасности человека также должно было происходить в соответствии с положениями доклада Комиссии. Он предлагает две стратегии обеспечения безопасности

человека: защиту и наделение его силой. Стратегия наделения силой была охотно воспринята в Японии, поскольку позволяла Токио делать акцент прежде всего на проблемах структурного характера, придавая большое значение укреплению сообществ как основного элемента обеспечения безопасности человека²¹. Такой подход отводит важную роль неправительственным организациям, рассматривает население не только как объект обеспечения безопасности, но и как ее субъект, предполагает повышение ответственности общества за свою судьбу.

После публикации доклада в Японии много внимания стало уделяться «наделению силой» как преимущественной стратегии обеспечения безопасности человека. По словам представителя Японии в ООН Ю. Такасу, безопасность человека делает акцент на предотвращении угроз людям через наделение силой индивидов и сообщества. Эта концепция подчеркивает необходимость создания среды, в которой индивиды могут развивать свой потенциал, с тем чтобы вести здоровую и счастливую жизнь, а сообщества станут более устойчивыми по отношению к внезапному кризису. Вместе с тем это предполагает культуру «наделения силой» и «предотвращения», чтобы избежать гуманитарного кризиса²².

Таким образом, Япония придерживается широкого подхода к безопасности человека, объединяющего понятия «свобода от нужды» и «свобода от страха», однако принимая второе понятие исключительно в той мере, в которой оно не требует вмешательства во внутренние дела другого государства, в том числе участия в гуманитарных интервенциях. Японский подход ориентирован преимущественно на содействие развитию, основываясь на стратегии наделения силой, однако не исключает участия в предотвращении конфликтов и миростроительстве.

В основе японского подхода лежит не только пацифизм, обусловленный 9-й статьей Конституции, но и особенности положения Японии в АТР, ее идентичность как азиатской страны. В регионе до сих пор жива тема милитаристского прошлого Японии, поэтому любые шаги, имеющие отношение к возможности применения военной силы, вызывают пристальное внимание соседей.

Кроме того, в Азии отношение к вопросам национальной безопасности и национального суверенитета подразумевает их приоритет по отношению к безопасности индивида, поэтому и некоторые идеи безопасности человека, диктующие необходимость вмешательства во внутренние дела, не находят в регионе отклика.

Несмотря на то что Япония подчеркивает общность «универсальных ценностей», таких как права человека и демократия, отношение к этим понятиям у Японии несколько иное, чем у западноевропейских стран и США. Япония предпочитает осуществлять демократизацию с помощью содействия развитию, а не с помощью прямого вмешательства во внутренние дела. Поэтому любые концепции, спорные с точки зрения нарушения принципа национального суверенитета, вряд ли найдут

распространение в Японии. Неслучайно Япония позиционирует себя как «мост» между развитыми и развивающимися государствами²³, что способствует укреплению ее положительной репутации в «третьем мире» и создает благоприятные условия для реализации ее национальных интересов. Под этим углом зрения можно рассматривать особенность японского подхода к безопасности человека. Так, японские ученые Ё. Минэ и С. Фукуда предлагают Токио продвигать идею безопасности человека «в азиатском стиле», т.е. ориентированную на подход, предусматривающий принятие решений от низов к верхам, вовлекающий в этот процесс участников на местном и региональном уровне, что, по их мнению, соответствует духу сотрудничества по модели «Юг — Юг»²⁴.

Приняв концепцию «безопасности человека», содержание которой во многом соответствовало тому, чем длительное время занимается Япония (борьба с бедностью, инфекционными болезнями, изменением климата и т.п.), она постаралась по-своему интерпретировать часть, касающуюся «свободы от страха», и предприняла максимум усилий для закрепления собственного видения «безопасности человека» на глобальном уровне, т.е. в рамках ООН.

По мнению ученого Н. Хайнека, японские чиновники добились в этом значительных успехов, сумев наладить управление процессом реализации политики обеспечения безопасности человека в рамках ООН, что позволяет говорить о формировании «связки Япония–ООН в области безопасности человека». Это видно на примере Трастового фонда по безопасности человека и Комиссии ООН по безопасности человека²⁵.

Трастовый фонд ООН был основан по инициативе К. Обути в 1999 г. С этого времени по 2008 г. Япония была его единственным донором. Первоначально о его образовании было заявлено в контексте политики восстановления Азии после кризиса, и фонд был ориентирован на азиатские страны, однако вскоре сфера его ответственности распространилась на другие регионы. Так, уже вскоре после его учреждения Япония сделала дополнительный взнос для реализации проектов постконфликтного строительства в Косове и в Восточном Тиморе. С 2005 по 2010 г. значительно возросли взносы, направленные на проекты в Африке, которая даже обошла Азию по количеству затраченных средств.

Существование Трастового фонда играет важную роль в осуществлении японской политики безопасности человека. Во-первых, он представляет собой японский вклад в работу ООН, способствует поддержанию репутации Японии как лидера в решении социально-экономических проблем. Во-вторых, благодаря сильным позициям в сфере реализации политики обеспечения безопасности человека Япония имеет больше дипломатических возможностей продвигать свое видение этой концепции. В-третьих, он повышает эффективность реализуемых по линии ОПР проектов. Участие в работе Фонда, где Токио имеет право голоса по рассматриваемым проектам, позволило Японии закрепиться в системе ООН и через нее проводить необходимую ей политику. МИД

и ЯАМС определяют региональные приоритеты при распределении помощи через Фонд, таким образом дублируя региональные приоритеты японской ОПР²⁶.

Если Трастовый фонд прежде всего занимается практической реализацией обеспечения безопасности человека, то роль Комиссии по безопасности человека важна в контексте участия Японии в глобальном обсуждении содержания концепции. Работа Комиссии финансировалась японской стороной, а ее сопредседателями стали бывший Верховный комиссар ООН по делам беженцев Садако Огата и профессор Амартья Сен. Доклад Комиссии был завершен в феврале 2003 г., причем первоначально он был показан премьер-министру Д. Коидзуми и только через несколько месяцев представлен генеральному секретарю ООН.

Несмотря на завершение работы, Комиссия не была расформирована. Благодаря усилиям С. Огата в сентябре 2003 г. она была преобразована в Экспертный совет по безопасности человека с целью выработки рекомендаций генеральному секретарю ООН по реализации положений доклада и по использованию Трастового фонда по безопасности человека. Работа Совета, который возглавила С. Огата, еще раз продемонстрировала, что Япония постаралась сохранить контроль над работой Трастового фонда²⁷.

Дальнейшие усилия Японии на международной арене связаны с деятельностью по привлечению внимания к концепции, уточнению ее формулировок, а также обеспечению того, чтобы споры о формулировке концепции не привели к ее уходу из международной повестки дня. Важным шагом в этой связи стало упоминание безопасности человека в Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г. Впервые в официальном документе ООН была упомянута безопасность человека. В нем говорится: «Мы осознали, что все индивиды, в особенности уязвимые люди, имеют право на свободу от страха и свободу от нужды, а также равные возможности пользоваться своими правами и полностью развивать свой потенциал». В документе было отражено намерение продолжить обсуждение и определение понятия «безопасность человека» в рамках Генеральной Ассамблеи ООН. Такое внимание к концепции означало, что она не теряет своей актуальности и, напротив, получит развитие в будущем, что стало важной вехой для Японии, активно занимающейся продвижением концепции.

В октябре 2006 г. Япония учредила неформальную группу под названием «Друзья безопасности человека». Группа включает ряд стран-членов ООН, в том числе Канаду, США, а также международные организации, поддерживающие концепцию. Ее цель — продолжение дискуссии о безопасности человека, обсуждение усилий по утверждению концепции, а также формулирование совместных инициатив для представления в ООН²⁸.

Создание этой группы еще раз продемонстрировало тесную связь между японской и ооновской политикой в сфере безопасности челове-

ка. Кроме того, по мнению Н. Хайнека, создание «Друзей безопасности человека» отчасти преследовало цель нейтрализовать влияние другой группы — «Сети по безопасности человека», полуформального клуба государств под руководством Канады и Норвегии, отстаивающих приоритет «свободы от страха» и продвигающих понятие «ответственность по защите». Такая политика позволила Японии «занять пространство» безопасности человека в ООН с целью продвижения своего подхода²⁹.

В этом контексте успехом японской дипломатии можно считать принятую на 66-й сессии ГА ООН резолюцию, дополняющую 143-й параграф Итогового документа Всемирного саммита. Япония выступила одним из инициаторов этой резолюции. В ней содержатся уточнения понятия безопасности человека. В частности, отмечено, что «безопасность человека» отличается от понятия «ответственность по защите», она не предусматривает применение силы или угрозы силой либо насильственных мер.

Концепция «безопасности человека» остается неоднозначной, в разных обществах ее приоритеты различны. Например, большинство развивающихся стран на первое место ставят экономическое развитие, в то время как страны Запада чаще всего главное значение придают эффективному управлению и гражданским свободам. Япония в обеспечении безопасности человека делает акцент на экономической безопасности (свободе от нужды), а не на гражданских свободах и защите индивидов и групп (свободе от страха).

Япония воспринимает миростроительство и социально-гуманитарное развитие как одно целое и рассматривает развитие как важнейший компонент философии миростроительства. Таким образом, на идее «безопасности человека» базируются и политика содействия развитию, и политика обеспечения глобальной безопасности.

Видение обеспечения безопасности человека как одной из основ внешней политики со временем потеряло свою актуальность. При К. Обути и Ё. Мори безопасность человека позиционировалась как стержень долгосрочной внешней политики Японии. В 2001–2003 гг. концепция рассматривалась как приоритет японской внешней политики. С 2004 по 2006 г. концепция «безопасности человека» играла роль одного из столпов политики по оказанию официальной помощи развитию. С 2007 г. это направление является одной из пяти составляющих политики предоставления ОПР³⁰.

В то же время нельзя умалять значение концепции «безопасности человека» как инструмента для реализации глобальной роли Токио как лидера в решении социально-экономических проблем. Она занимает важное место в японской внешней политике, способствует развитию ее глобального (в рамках ООН) и регионального направления (например, помогая решать проблемы, имеющие отношение к безопасности человека, в Юго-Восточной, Центральной и Южной Азии, на Ближнем Вос-

токе и в других регионах), а также играет позитивную роль с точки зрения японо-американского альянса, позволяя поддерживать и дополнять действия США в районах возникновения конфликтов или проблем беженцев³¹.

Можно предположить, что перспективы концепции будут во многом зависеть от вектора развития внешней политики Токио. Так, японский ученый Ё. Соэя считает, что Япония движется в направлении достижения и закрепления статуса полноценной «средней державы», а не традиционной великой державы. Он рассматривает международную безопасность (миротворчество и гуманитарную помощь) и безопасность человека как основу японской среднедержавной дипломатии, которая составляет важный аспект стремления Японии стать «нормальной страной»³². Таким образом, роль концепции «безопасности человека» во внешней политике Японии в перспективе должна возрастать.

С другой стороны, Т. Иногути отмечает, что использование концепции «безопасности человека» соответствовало статусу Японии как «глобальной невоенной державы» в 1990–2005 гг., поскольку стало ориентиром ее участия в миротворческих операциях и проектах экономического восстановления во многих частях «третьего мира». По мнению политолога, в 2005 г. Япония из фазы «глобальной невоенной державы» вступила в новую фазу — «глобальной обычной державы», т.е. придающей большее значение военной силе³³. Исходя из этой логики, можно предположить, что чем выше будет роль военной силы во внешней политике Японии, тем меньше внимания будет уделяться концепции «безопасности человека».

* * *

Концепция «безопасности человека» вскоре после появления была охотно воспринята Японией. Этому способствовали устоявшиеся нормы пацифизма, отказ от применения военной силы для решения международных споров, а также разработанные в 1980-е годы установки концепции «комплексной безопасности». Региональная специфика, память о японском милитаризме, обусловившая особую чувствительность азиатских стран по отношению к любым подвижкам в сфере деятельности Сил самообороны, необходимость повысить доверие со стороны соседей также стали факторами, объясняющими привлекательность данной концепции в глазах Токио.

Изменения в международной среде безопасности после окончания «холодной войны» стали стимулом для Японии начать поиск особой роли в формировании нового миропорядка. Опыт кризиса в Персидском заливе продемонстрировал, что отныне она не может продолжать дипломатию «чековой книжки» и должна вносить существенный вклад в обеспечение мира и стабильности на Земле.

Концепция «безопасности человека» стала оптимальным выбором, позволившим закрепить за Японией роль лидера в решении глобаль-

ных проблем человечества. Она соответствовала установкам активного пацифизма, т.е. инициативной международной роли без опоры на военную силу. Это также позволило внести элемент новизны в политику оказания официальной помощи развитию, увязав ее с философией обеспечения безопасности человека.

Ориентация на помощь развитию и отказ от применения военной силы обусловили японский подход к столь широкой и неоднозначной концепции, как «безопасность человека». В отличие от канадского подхода, подразумевающего прежде всего защиту человека от вооруженных конфликтов, в том числе за счет гуманитарного вмешательства извне, японский подход больше внимания уделяет защите от социально-экономических потрясений. Токио придает большое значение реализации стратегии «наделения силой», поддержке индивидов и их обществ не только как объектов, но и как субъектов обеспечения безопасности человека.

В то же время проблематика «защиты от страха» не осталась вне поля зрения японского подхода. Напротив, Токио активно участвует в предотвращении конфликтов, а также постконфликтном восстановлении, т.е. на тех этапах, которые не требуют применения военной силы. Задача миростроительства, или «консолидации мира», прочно закрепилась в политике предоставления ОПР как основного механизма реализации концепции «безопасности человека». Японский подход ставит в центр предотвращение конфликтов и постконфликтное восстановление, позволяя избежать вопроса об оправдании международной интервенции во внутренние конфликты, который является основной причиной разногласий вокруг понятия «безопасность человека».

Видение концепции в Японии со временем претерпело изменения. Если в 1998–2001 гг. концепция фигурировала как один из элементов дальнейшего развития японской дипломатии и даже как столп японской внешней политики, то со временем ее статус изменился. Сегодня она лежит в основе оказания помощи развитию и определяет участие Японии в решении глобальных проблем, том числе в таких сферах, как борьба с терроризмом, постконфликтное восстановление.

Содействие безопасности человека является неотъемлемой составляющей международной роли Японии, определяет ее вклад в обеспечение мира и процветания. Реализация концепции позволяет укрепить позиции Японии на мировой арене, становится ее «визитной карточкой», что немаловажно прежде всего в контексте амбиций относительно получения места постоянного члена Совета Безопасности ООН. Осуществление политики обеспечения безопасности человека способствует также формированию благоприятного образа Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в развивающихся странах и, таким образом, может рассматриваться как элемент «мягкой силы», направленной на обеспечение национальных интересов.

Примечания

¹ Human Development Report 1994, p. 24 (http://hdr.undp.org/en/media/hdr_1994_en_chap2.pdf).

² *Honna Jun.* Japan and the Responsibility to Protect: Coping with Human Security Diplomacy. — *The Pacific Review*. 2012, vol. 25, No. 1, March, p. 102.

³ *Yamamoto K.* International Relations Studies and Theories in Japan: A Trajectory Shaped by War, Pacifism, and Globalization. — *International Relations of the Asia Pacific*. 2011, vol. 11, p. 272.

⁴ Кокка-но андзэн хосё-кара нингэн-но хосё-э (От безопасности государства к безопасности человека). Дзаданкай (Круглый стол). — Гайко форуму. 1999, № 1, с. 24.

⁵ *Sato S.* From National Defense to Security. — *Gaiko Forum* (English edition). Summer 2000 (<http://www.gaikoforum.com/essay/seizaburoato.htm>).

⁶ From Hegemonic Insecurity to Peoples' Security. — An Overview-Kinhide Mushakoji (<http://www.jca.apc.org/ppsg/oifps/okinawa/mushakoji-en.html>).

⁷ *Bert E.* Japan and the Challenge of Human Security. The Founding of a New Policy, 1995–2003. Institute for Security and Development Policy, 2008, p. 77.

⁸ Statement by Foreign Minister Keizo Obuchi on Japan and East Asia: Outlook for the New Millennium. May 4, 1998. (<http://www.mofa.go.jp/announce/announce/1998/5/980504.html>).

⁹ An Intellectual Dialogue on Building Asia's Tomorrow. The Asian Crisis: Meeting the Challenges to Human Security. Tokyo, Japan. December 2–3, 1998. Opening Remarks by Prime Minister Keizo Obuchi (<http://www.jcie.or.jp/thinknet/tomorrow/1obuchi.html>).

¹⁰ Policy Speech by Prime Minister Keizo Obuchi at the Lecture Program Hosted by the Institute for International Relations. Hanoi, Vietnam. December 16, 1998. Toward the Creation of A Bright Future for Asia (<http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/asean/pmv9812/policyspeech.html>).

¹¹ *Shinoda H.* The Concept of Human Security: Historical and Theoretical Implications. — IPHSU English Research Report Series. 2004, No. 19. Conflict and Human Security: A Search for New Approaches of Peace-Building, p. 18.

¹² *Akiyama N.* Human Security at the Crossroad: Human Security in the Japanese Foreign Policy Context. — *Ibid.*, p. 261.

¹³ *Bert E.* *Op. cit.*, p. 84.

¹⁴ Statement by H.E. Mr. Yoshiro Mori, Prime Minister of Japan at the Millennium Summit of the United Nations. 7 September 2000 (<http://www.mofa.go.jp/policy/un/summit2000/pmstate.html>).

¹⁵ *Akiyama N.* *Op. cit.*, p. 265.

¹⁶ *Ibid.*, p. 144.

¹⁷ Human Security Now. — Final Report of the Commission on Human Security (<http://www.unocha.org/humansecurity/chs/finalreport/English/chapter1.pdf>).

¹⁸ Address by H.E. Mr. Naoto Kan, Prime Minister of Japan at the Sixty-Fifth Session of the United Nations General Assembly. 24.09.2010. New York.

¹⁹ *Муротани Р.* Нингэн андзэн хосё-но дзиссэки-э-но торикуми то соно кадай (Обеспечение безопасности человека: результаты и задачи). — *Кокусай мондай*. 2012, № 616, ноябрь, с. 9.

²⁰ ODA Charter, p. 2 (www.mofa.go.jp).

²¹ *Nishikawa Y.* Human Security in Southeast Asia. Routledge, 2010, p. 23.

²² Statement by Ambassador Yukio Takasu, Permanent Representative of Japan to the United Nations at the General Assembly Thematic Debate on Human Security. N.Y., 22 May 2008.

²³ Diplomatic Bluebook 2010. Summary, p. 18.

²⁴ *Mine Y., Fukuda S.* Mainstreaming Human Security Education and Research: Lessons from the Networking Activities in Japan. — *Mainstreaming Human Security: Asian Perspectives*. Bangkok. 2012, p. 213.

²⁵ *Hynek N.* Japan's Return to the Chequebook? From Military Peace Support to Human Security Appropriation. — *International Peacekeeping*. 2012, vol. 19, No. 1, February, p. 67.

²⁶ *Ibid.*, p. 68.

²⁷ *Ibid.*, p. 72.

²⁸ <http://unocha.org/humansecurity/about-human-security/human-security-un>

²⁹ *Hynek N.* *Op. cit.*, p. 74.

³⁰ *Bert E.* Japan and Human Security, p. 46.

³¹ Нихон гайко-но кидорёку то ситэ. Надзэ нингэн-но хосё нанока. Дзаданкай. (Почему безопасность человека можно рассматривать как движущую силу японской дипломатии? Круглый стол). — Гайко форуму. 2003, № 12, с. 24.

³² *Soeya Y.* A 'Normal' Middle Power: Interpreting Changes in Japanese Security Policy in the 1990s and after. — *Japan as a 'Normal Country'? A Nation in Search of Its Place in the World*. Ed. By Y. Soeya, M. Tadokoro, D. Welch. Toronto, 2011, p. 91.

³³ *Inoguchi T., Bacon P.* Japan's Emerging Role as a 'Global Ordinary Power'. — *International Relations of the Asia-Pacific*. 2006, vol. 6, No. 1, p. 4.

О.И. Казаков

АТОМНЫЙ ФАКТОР КЛИМАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ЯПОНИИ

Землетрясение 11 марта 2011 г. силой 9 магнитуд и вызванное им мощное цунами привели к природно-техногенной аварии на АЭС «Фукусима-1», остановке почти всех реакторов на японских АЭС и пересмотру правительством Японии норм ядерной безопасности в стране. Парализованный сектор ядерной энергетики Японии, который давал стране около трети электроэнергии, не только привел к ее дефициту, но и ударил по обязательствам Японии по Киотскому протоколу о сокращении выбросов парниковых газов, и прежде всего — по взятым в 2009 г. повышенным обязательствам правящей Демократической партии Японии (ДПЯ) сократить антропогенные выбросы парниковых газов на 25% к 2020 г. по сравнению с базовым 1990 г.

С победой 16 декабря 2012 г. на выборах в нижнюю палату парламента Японии Либерально-демократической партии (ЛДП) решение о перезапуске атомных реакторов и принятии новых обязательств по выбросам парниковых газов легло на новое руководство страны. В настоящее время обе проблемы тесно связаны, а дальнейшее выстраивание Японией своей климатической политики будет во многом опираться на введение в строй энергетических мощностей с нулевыми выбросами парниковых газов. При этом никаких альтернатив атомной энергетике пока не просматривается.

Обязательства по Киотскому протоколу

Для решения проблемы глобального потепления, вызванного антропогенными выбросами в атмосферу парниковых газов, в декабре 1997 г. в дополнение к Рамочной конвенции ООН об изменении климата был принят Киотский протокол, который обязывает развитые страны и страны с переходной экономикой сократить или стабилизировать выбросы парниковых газов¹. По Киотскому протоколу Япония взяла на себя обязательство сократить выбросы парниковых газов к 2020 г. на 6% по

© Казаков О.И., 2014

сравнению с базовым 1990 г. Ниже представлена динамика выбросов двуокиси углерода (CO₂) в Японии начиная с базового 1990 г. и по 2011 г., который запомнился прежде всего Великим бедствием на Востоке Японии (млрд. т CO₂ в год)²:

Год	Объем выбросов	Год	Объем выбросов
1990	1,16	2001	1,26
1991	1,17	2002	1,30
1992	1,18	2003	1,31
1993	1,18	2004	1,31
1994	1,23	2005	1,32
1995	1,25	2006	1,30
1996	1,26	2007	1,33
1997	1,26	2008	1,25
1998	1,22	2009	1,18
1999	1,26	2010	1,26
2000	1,28	2011	1,24

Киотский протокол вступил в силу 16 февраля 2005 г. в том числе и благодаря тому, что его ратифицировала Россия — 5 ноября 2004 г., президент России В.В. Путин подписал закон о ратификации протокола. Протокол был ратифицирован 192 странами мира.

Ратификация Киотского протокола привела к формированию мирового углеродного рынка, функционирование которого сводится к тому, что странам-участницам выделяется определенный допустимый объем выбросов парниковых газов — квоты. В случае превышения допустимого объема выбросов страна обязана приобрести право на такое превышение.

При реализации Киотского протокола были предусмотрены три гибких рыночных механизма: торговля квотами, механизм чистого развития и проекты совместного осуществления. В итоге у стран-участниц появилась возможность покупать квоты на выбросы парниковых газов, а также реализовывать совместные проекты, направленные на снижение уровня выбросов в атмосферу. Кроме того, они получили возможность реализовывать экологические проекты в развивающихся странах, засчитывая себе сгенерированные от их эффекта углеродные единицы. Япония, которая всячески способствовала принятию Киотского протокола и использовала его для повышения своего имиджа «зеленой сверхдержавы»³, оказалась вынуждена покупать квоты на выбросы парниковых газов у других стран, поскольку предпринимаемые меры не могли решить задачу за счет лишь национальных сокращений выбросов.

Первый период осуществления Киотского протокола (Киото-1) начался 1 января 2008 г. и закончился 31 декабря 2012 г., после чего начался второй период (Киото-2) — с 2013 по 2020 г. Но к концу 2012 г.

стало ясно, что поставленную глобальную задачу по сокращению выбросов к 2020 г. решить не удастся, поскольку из Протокола вышли ряд стран, включая Японию, Россию и Канаду, а основные эмитенты парниковых газов — Китай и США — так и не стали участниками Протокола.

По данным Объединенного центра исследований Европейской комиссии, мировые выбросы CO₂, являющегося основной причиной возникновения глобального потепления, в 2011 г. увеличились на 3%, достигнув рекордного уровня в 34 млрд. т⁴. Основными эмитентами стали: Китай (29%), США (16%), Европейский союз (ЕС-27, 11%), Индия (6%), Россия (5%) и Япония (4%). Примечательно, что глобальные выбросы продолжали расти в 2011 г., хотя во многих странах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), выбросы CO₂ сократились (в Европейском союзе — на 3%, в США — на 2%, в Японии — на 2%) в основном из-за слабых экономических условий, мягкой зимы в ряде стран и высоких цен на нефть. Но выбросы CO₂ в странах ОЭСР в настоящее время составляют лишь одну треть глобальных выбросов — такую же долю, что и Китай и Индия, где выбросы в 2011 г. увеличились соответственно на 9 и 6%.

В то же время Министерство по делам окружающей среды Японии заявило⁵, что в 2011 фин. г. Япония произвела более 1,3 млрд. т парниковых газов, а объемы их выбросов выросли на 4% по сравнению с предыдущим годом. По информации министерства, несмотря на 5%-ное снижение годового объема потребления электроэнергии, авария на АЭС «Фукусима-1» привела к более активному использованию ТЭЦ, тем самым вызвав рост выбросов CO₂.

Фактически с 1 января 2013 г. мировое сообщество сняло с себя ограничения по выбросам парниковых газов, которые бы регулировались международным законодательством, понизив статус решения проблемы глобального изменения климата до уровня национальных законодательств. Таким образом, страны с высокой экологической ответственностью продолжают учитывать фактор парниковых газов, создавая и внедряя национальные механизмы стимулирования процесса уменьшения выбросов, например в рамках своей энергосберегающей политики, а другие страны могут вести эгоистическую с точки зрения экологии политику, игнорируя вред, наносимый парниковыми газами антропогенного происхождения климату всей планеты⁶.

Считается, что особо тяжелые последствия ждут нашу планету, если потепление превысит планку 4° C (7,2° F). Моделируя сценарий потепления на 4° C, ученые подтверждают хорошо знакомую уже сегодня картину климата: экстремальные штормы, длительные периоды жары (а в результате, добавим, критическая нехватка продовольствия и воды и масштабные социальные и экономические потрясения). Сочетание этих последствий будет вызывать мощные климатические явления, такие как значительное повышение уровня моря и интенсивные циклоны, что приведет к колоссальному повсеместному ущербу⁷.

Неудивительно, что, по данным компании “Pew Research Center”, опрос общественности в различных странах мира показал: проблема глобального изменения климата воспринимается как одна из самых животрепещущих⁸. За важность именно этой проблемы проголосовало в США 40% респондентов, в Канаде — 54%, в Европе — 54%, в странах Среднего Востока — 42%, в странах АТР — 56%, в Латинской Америке — 65%, в Африке — 54%, а всего на эту проблему указало 54% респондентов. Отметим, что в тройке угроз, которые отметили граждане Японии, оказались следующие проблемы: северокорейская ядерная проблема (77%), возрастание мощи и влияния Китая (74%) и глобальное изменение климата (72%).

Как представляется, осознание народами важности такого вызова современности, как глобальное изменение климата, которое в текущий исторический период проявляется в его потеплении, входит в противоречие с действиями тех стран, которые в своей политике не ставят национальных целей, направленных на решение данной проблемы. Однако Япония, даже оказавшись в весьма сложных экономических условиях, продолжает предпринимать усилия по уменьшению антропогенного воздействия на природу, включая сокращение выбросов парниковых газов.

«Инициатива Хатояма»

Всплеск интереса в Японии к проблеме глобального потепления климата возник при правлении демократов⁹. После победы ДПЯ на выборах в нижнюю палату парламента Японии 30 августа 2009 г. ее лидер, ставший чуть позднее — 16 сентября — премьер-министром страны, Юкио Хатояма выступил с новым предложением по сокращению выбросов парниковых газов, которое было названо «Инициатива Хатояма»¹⁰. Она опиралась на предвыборные обещания ДПЯ, в которых предполагалось сократить выбросы парниковых газов к 2020 г. на 25% по сравнению с уровнем 1990 г.¹¹. (Для сравнения: в Киотском протоколе ставилась цель сократить выбросы парниковых газов к 2020 г. на 6%, а правительство либерал-демократов говорило о 8%.) Для реализации этой задачи Япония, помимо традиционного повышения энергоэффективности и внедрения «зеленых» технологий в энергоемких секторах экономики, решила, в частности, сделать ставку на развитие атомной энергетики и электромобильного транспорта¹², которые обладают «нулевым» выбросом парниковых газов.

Показательна реакция мирового сообщества на победу ДПЯ в Японии, которая, например, выразилась в том, что Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун дал интервью японской телерадиовещательной корпорации NHK, в котором поздравил ДПЯ и ее лидера с победой на выборах и сказал, что ему известно о предвыборном обещании ДПЯ сократить эмиссию парниковых газов к 2020 г. на 25% по сравнению

с уровнем 1990 г.¹³. 24 сентября 2009 г. премьер-министр Хатояма, выступая на 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, подтвердил это намерение¹⁴. Накануне своего выступления Хатояма встретился с Пан Ги Муном¹⁵ и сказал, что поставил себе высокую цель, которая, по его мнению, необходима для выживания человечества. Хатояма выразил пожелание, чтобы Япония играла ведущую роль в области науки и технологии.

Японским обществом «Инициатива Хатояма» была воспринята положительно, поскольку японцы очень внимательно относятся к экологическим проблемам. Например, по данным телефонного опроса NHK¹⁶, 42% респондентов поддержали «Инициативу Хатояма», тогда как 39% сказали, что не имеют по этому вопросу определенного мнения.

Однако бизнес-сообщество Японии, испытавшее на себе негативные последствия финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., отнеслось к этой инициативе весьма настороженно. Так, 2 сентября 2009 г. в интервью NHK¹⁷ председатель Федерации экономических организаций Японии (Кэйданрэн) Фудзиро Митараи призвал ДПЯ разъяснить планы по сокращению выбросов парниковых газов и его возможному влиянию на жизнь людей, поскольку, в частности, реализация этой цели может привести к выносу за рубеж производств японских компаний. Митараи сказал, что проблема глобального потепления должна решаться путем международного сотрудничества. Он подчеркнул необходимость изучения мер с учетом международной справедливости, разумности бремени для общества и реальности выполнения поставленной задачи.

Бизнес, недовольный «Инициативой Хатояма», поддержали эксперты. Так, по оценкам правительственных специалистов, для достижения 25%-го сокращения необходимо увеличить мощности по выработке солнечной энергии в 55 раз по сравнению с нынешним уровнем. Для этого потребуется установить солнечные панели во всех новых домах. Также необходимо запретить продажу обычных автомобилей, для того чтобы увеличить число экологически чистых моделей до 90% от общего числа новых автомобилей. Помимо этого, потребуется сокращение производства в таких отраслях, как стальная и химическая промышленность, где отмечается высокий уровень потребления энергии¹⁸.

В то же время «Инициативу Хатояма» поддержал министр по делам окружающей среды Тэцуо Сайто, который заявил: поставив перед собой такую смелую цель, Япония примет на себя лидирующую роль в усилиях мирового сообщества в борьбе с глобальным потеплением. Коснувшись опасений по поводу того, что при этом домохозяйства и частные предприятия должны будут взять на себя большее бремя, Сайто выразил уверенность, что Япония сможет преодолеть эти трудности и активизировать экономику посредством «зеленых технологий» мирового класса¹⁹.

В декабре 2009 г. Хатояма провозгласил свою инициативу в Копенгагене на 15-й Конференции рамочной конвенции ООН по изменению

климата (15th Conference of the Parties to the United Nations Framework Convention on Climate Change, COP-15)²⁰. Япония также пообещала выделить помощь в размере 11 млрд. долл. до 2012 г. развивающимся странам, которые уже предпринимают усилия по сокращению выбросов парниковых газов. Однако в целом эксперты-экологи оценивают результаты COP-15 как провальные.

4 июня 2010 г. на пост премьер-министра избирается новый лидер демократов Наото Кан. С приходом к власти нового руководства «Инициатива Хатояма» в публичной сфере отходит на второй план, однако Япония продолжает работу по сокращению выбросов. Например, в январе 2011 г., накануне бедствия на Востоке Японии, правительство страны объявило о принятии к 2012 фин. г. стандартов эффективности использования энергии для промышленных двигателей, устанавливаемых в кондиционерах, насосах и бытовых приборах. Эти стандарты, стоимость разработки которых около 1 трлн. иен, должны помочь сократить выбросы парниковых газов на 5 млн. т в год, что составляет 0,4% всей эмиссии в Японии²¹.

В сентябре 2009 г. ДПЯ заявила, что планирует создать комитет по сокращению эмиссии парниковых газов. В конце 2010 г. правительство Японии приняло решение отложить на неопределенное время введение системы торговли CO₂, и вошедшие в состав комитета министры, включая Наото Кан и министра по делам окружающей среды Рю Мацумото, обсудили будущую правительственную политику в борьбе с глобальным потеплением, включая систему торговли CO₂. Планировалось, что будут установлены максимальные уровни эмиссии для японских предприятий и им позволят торговать между собой излишками выбросов. Новая система, а также налоговые и другие стимулы для снижения загрязнения будут применены в отношении корпораций, являющихся крупными эмитентами парниковых газов. Должны быть изучены возможное негативное влияние принимаемых мер на занятость, тенденции развития торговли квотами за рубежом, а также вопрос о том, будет ли создана структура-преемница Киотского протокола, включающая в себя страны, являющиеся крупными эмитентами парниковых газов²².

Великое бедствие на Востоке Японии

Сокрушительный удар по «Инициативе Хатояма», которая оставалась в повестке дня ДПЯ и после его ухода с постов лидера партии и премьер-министра страны, нанесло землетрясение, из-за которого были остановлены действовавшие до 11 марта 2011 г. реакторы на японских АЭС, обеспечивавшие выработку порядка 30% электроэнергии в стране. И если в 2010 г. в энергобалансе страны доля атомной энергии составляла 30,8%, а доля возобновляемых источников энергии — 1,2%, то в 2011 г. — 14 и 3,2% соответственно²³. Природно-техногенная авария на АЭС «Фукусима-1», сопровождавшаяся выбросами радиоактив-

ного облака пара и утечками радиоактивной воды в почву и воду, привела к первой в истории страны серьезной катастрофе, связанной с «мирным атомом», что вызвало в стране рост антиядерных настроений, которые проявились в многочисленных митингах по всей стране и заявлениях известных деятелей Японии против «мирного атома».

В табл. 1 показаны результаты опросов общественного мнения, которые проводились разными СМИ в Японии в 2011 г. и газетой «Иомиури» в 2013 г. За этот период существенно увеличилось число японцев, которые считают необходимым сократить атомную энергетику (в 2011 г. такой точки зрения придерживалось приблизительно 30% респондентов, а в 2013 г. — более 50%) и даже полностью ликвидировать ее (10% в 2011 г. и 20% в 2013 г.), доля же тех, кто полагает, что атомную энергетику нужно развивать или хотя бы оставить на том же уровне, упала с 55% в 2011 г. до 22% в 2013 г. При таком отношении подавляющей части японцев к атомной промышленности быстрое восстановление и запуск остановленных реакторов АЭС в Японии оказались невозможными.

Таблица 1

Результаты опросов о развитии атомной энергетики Японии, %*

Источник, дата	Атомная энергетика должна				
	расширяться	сохранять статус-кво	сокращаться	быть ликвидирована	другое
Иомиури симбун, 04.03.2013.	4	18	53	20	5
ННК, 28.11.2011.	2	23	42	24	9
Иомиури симбун, 03.07.2011.	2	29	46	19	4
ННК, 16.06.2011.	1	29	47	18	4
Иомиури симбун, 02.06.2011.	2	27	45	16	7
Никкэй, 29.05.2011.	3	35	42	12	8
Иомиури симбун, 16.05.2011.	4	34	44	15	3
ННК, 16.05.2011.	3	32	43	14	8
Санкэй / Фудзи-ТВ, 26.04.2011.	4	49	33	11	3
ННК, 18.04.2011.	7	42	32	12	7
Асахи симбун, 18.04.2011.	5	51	30	11	3
Иомиури симбун, 04.04.2011.	10	46	29	12	3

* Гэнсирёку сангё кёкай (Ассоциация атомной промышленности). — <http://www.jaif.or.jp>

С марта 2011 г. в Японии происходило последовательное отключение реакторов АЭС, в том числе и для профилактического осмотра (по закону профилактика происходит раз в 13 месяцев), но даже уже прошедшие осмотр реакторы так и не смогли вступить в строй. 5 мая

2012 г. был остановлен для ремонтных работ на срок более 70 дней последний действующий в стране реактор № 3 на АЭС «Томари» (Хоккайдо). Впервые с 1966 г. Япония осталась без атомной энергетики.

9 июля 2012 г. реактор № 3 АЭС «Ои», который не работал 15 месяцев и был запущен 1 июля, достиг полной операционной мощности. 25 июля 2012 г. реактор № 4 АЭС «Ои», который был запущен 18 июля, также заработал на полную мощность. А 17 июля 2012 г. эксперты Агентства по атомной и промышленной безопасности Японии заявили о необходимости дальнейшего изучения 900-метровой подземной трещины, которая проходит с севера на юг между реакторами № 2 и № 3 АЭС «Ои» в преф. Фукуи, с целью выяснить, являются ли подземные трещины активными разломами²⁴, поскольку правила правительства Японии по сейсмической устойчивости не разрешают строительство ключевых ядерных объектов над ними. Отметим, что в 2012 г. эксперты провели два исследования, но прийти к единому мнению относительно активности разлома не удалось, поэтому в июле 2013 г. Агентство по ядерному регулированию (Nuclear Regulatory Agency) Японии наметило провести третье расследование разлома. В свою очередь, «Кансай дэнрёку», компания–оператор АЭС «Ои», также занималась изучением разлома. Ее эксперты пришли к заключению, что разлом неактивен. Они провели геологическое исследование пласта возле реактора № 3, раскопав ров около 70 м в длину и 40 м в глубину²⁵.

Таким образом, в 2012 и 2013 гг. в стране из 50 реакторов²⁶, способных вырабатывать общую мощность 46,148 гВт, работали лишь единицы (см. табл. 2), вынуждая правительство Японии проводить жесткую политику экономии электроэнергии как в летнее, так и в зимнее время.

Таблица 2

Коэффициент использования мощности АЭС в Японии, %*

Месяц	Год		
	2010	2011	2012
Январь	70,8	66,1	10,3
Февраль	69,9	70,8	6,1
Март	66,0	58,3	4,2
Апрель	66,9	50,9	2,0
Май	62,1	40,9	0,3
Июнь	66,1	36,8	0,0
Июль	70,0	33,9	2,9
Август	70,2	26,4	5,1
Сентябрь	66,7	20,6	5,2
Октябрь	72,3	18,5	5,2
Ноябрь	71,3	20,1	5,3
Декабрь	67,9	15,2	5,3
За год	68,3	38,0	4,4

*Гэнсирёку сангё кёкай (Ассоциация атомной промышленности). — <http://www.jaif.or.jp>

Например, кампания под названием “Cool Biz” («прохладный бизнес») была запущена еще в 2005 г. премьер-министром Японии Дзюньитиро Коидзуми с целью сокращения потребления электроэнергии и выбросов в атмосферу CO₂. До 2011 г. она проходила в период с июня по сентябрь включительно. В 2011 г., после бедствия на Востоке Японии, начало кампании “Cool Biz” было перенесено на месяц раньше и продлено на месяц позже с целью еще большей экономии электроэнергии по причине возникшего ее дефицита. 1 мая 2013 г. с целью экономии электроэнергии на рабочих местах правительство Японии объявило о начале ежегодной кампании “Cool Biz”, которая продлится до 31 октября 2013 г. Кампания предполагает более свободный дресс-код для офисных служащих — без галстуков и пиджаков с открытым воротом и рубашками без рукавов. Правительство также призывает выключить кондиционеры и установить температуру в помещениях на уровне 28°C (82,4°F). Кроме того, кампания 2013 г., получившая еще и название “Super Cool Biz”, предусматривает ношение служащими на работе даже более неформальной одежды, включая гавайские рубашки, джинсы, обычные футболки и сандалии. Эта летняя кампания заметным образом повлияла на корпоративный стиль японского служащего, положив начало новой моде и связанному с ней бизнесу.

На фоне общего снижения доверия к парламентским партиям и роста антиядерных настроений в обществе в 2011–2012 гг. возникли новые партии, которые обозначили свое негативное отношение к «мирному атому» и стали выступать за денуклеаризацию энергетики. Парламентские партии также вынуждены учитывать желание части электората ликвидировать АЭС на территории страны. Некоторые из партий уже включили в свои политические заявления цель — «ноль атомной энергетики». Например, Социал-демократическая партия Японии предлагает программу действий по денуклеаризации, в которой ставятся цели ликвидировать атомную энергетику к 2020 г., а к 2050 г. перейти к 100%-ному использованию возобновляемых источников энергии²⁷.

Правительство Японии также занялось вопросом более широкого использования возобновляемых источников энергии и повышения их доли в энергетическом балансе страны. В 2012 г. Министерство по делам окружающей среды Японии огласило новую стратегию в области развития энергетики, предусматривающую увеличение масштабов использования возобновляемых источников энергии к 2030 г. примерно в шесть раз²⁸. План ставит целью к 2030 г. довести производство электроэнергии за счет энергии прибрежного ветра примерно до 8 млн. кВт, за счет использования биомассы — до 6 млн. кВт, геотермальной силы — до 3,9 млн. кВт, а волн океана — до 1,5 млн. кВт. В общей сложности эти четыре вида источников должны будут в 2030 г. обеспечить 19,4 млн. кВт, что примерно в 6 раз превысит уровень, достигнутый в 2010 фин. г.

По причине остановки АЭС японские электроэнергетические компании в целях пополнения нехватки энергии перешли на выработку те-

пловой энергии, что привело к увеличению эмиссии CO₂. Например, девять японских электроэнергетических компаний заявили, что за 12 месяцев по конец июня 2012 г. их генераторы выпустили в атмосферу в целом 430 млн. т CO₂ — на 17% больше, чем за предыдущий период. Разумеется, это осложнило поставленную перед ними задачу по сокращению эмиссии CO₂: по планам, к марту 2013 г. они должны были добиться сокращения на 20% по сравнению с уровнем 1990 г. В других секторах экономики, генерирующих CO₂, также не было достигнуто серьезного прогресса по сокращению выбросов. В то же время в стране остро стоит вопрос о необходимости повышении цен на электричество.

Выход Японии из Киотского протокола

В преддверии COP-17 Япония выступила против простого продления Киотского протокола и призвала к созданию новых международных рамок, которые будут охватывать и других ведущих эмитентов парниковых газов, прежде всего США и Китай. Первой страной, которая официально заявила о своем выходе из Киотского протокола, стала Канада. Министр окружающей среды Канады Питер Кент подчеркнул, что, поскольку Протокол не охватывает США и Китай, он не будет эффективным. По мнению Канады, Протокол представляет собой прошлое²⁹.

На COP-17, состоявшейся в ноябре 2011 г., посланник Японии Ма-сахико Хориэ выразил несогласие своей страны по поводу продления срока действия Киотского протокола, указав на то, что им регулируется лишь 26% общего объема эмиссии в мире. Он призвал к созданию более справедливых и эффективных соглашений, которые включали бы всех основных производителей парниковых газов. В то же время он отметил, что пока правительство пересматривает дальнейшую энергетическую политику Японии, среднесрочная цель страны по сокращению эмиссии на 25% по сравнению с уровнем 1990 г. остается неизменной.

Но уже в ноябре 2012 г. при подготовке к COP-18 позиция Токио свелась к констатации того факта, что Японии не удалось достичь первоначальной цели сокращения выбросов из-за отключений реакторов АЭС, а потому ей необходимо выдвинуть перед международным сообществом новые цели по сокращению выбросов парниковых газов.

С 26 ноября по 7 декабря 2012 г. в г. Доха (Катар) прошла 18-я Конференция рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP-18). Главными вопросами повестки дня стали продление Киотского протокола, а также новые рамки для мер в области экологии, которые должны вступить в силу к 2020 г. На COP-18 была заявлена следующая позиция Японии, оговоренная ранее на встрече премьер-министра Японии Нода с министром охраны окружающей среды Хироюки Нагахамы и другими членами кабинета³⁰: Япония не присоединится к Киотскому

протоколу в случае его продления. Она вряд ли добьется сокращения эмиссии на 25% к 2020 г., как обещала, по причине изменений в энергетической политике в результате аварии на АЭС «Фукусима-1» в 2011 г., но отказываться от заявленного сокращения на 25% не будет. Вместе с тем Япония постаралась сохранить за собой роль ключевого игрока во время дебатов, поскольку она оказала помощь развивающимся странам на сумму 17 млрд. 400 млн. долл., что превышает те 15 млрд. долл., которые она обещала три года назад³¹.

Характерно, что на открытии COP-18 пять стран получили антипремию «Ископаемое дня»³²: США, Япония, Канада, Россия и Новая Зеландия. Ежедневно в ходе конференции группа из представителей около 700 неправительственных организаций всего мира присуждает эту антипремию странам, которые «плохо себя ведут» на переговорах по изменению климата. Делегаты, присудившие на COP-18 данную антипремию, отметили, что Япония стала ее получателем из-за того, что решила выйти из Киотского протокола, но у нее еще есть возможность присоединиться к единственной в мире правовой рамочной основе в вопросе борьбы с глобальным потеплением³³. Япония начала получать такие антинаграды после того, как заявила о неприсоединении ко второму этапу Киотского протокола.

По завершении COP-18 оказалось, что обязательства в рамках Киото-2, который начался 1 января 2013 г. и завершится к 1 января 2020 г., намерены соблюдать Европейский союз, Австралия, Казахстан, Украина, Белоруссия, Норвегия, Швейцария, Исландия, Лихтенштейн и Монако³⁴. Выбросы парниковых газов этих стран оцениваются в 15% от мировых³⁵. Рынок квот на выбросы парниковых газов «сжался» и «обрушился».

В 2013 г. Всемирный банк отказался от общих количественных оценок состояния и динамики глобального «киотского» рынка, поскольку, по мнению экспертов, условия работы международных механизмов сокращения выбросов парниковых газов оказались настолько неблагоприятными, что рынок очень сильно потерял в прозрачности, и обеспечить необходимое качество данных и их сопоставимость оказалось просто невозможно³⁶. Свой традиционный отчет Всемирный банк посвятил «инициативам на местах», т.е. национальным системам торговли выбросами CO₂. В частности, по данным Всемирного банка, основным региональным рынком выбросов парниковых газов остается запущенная в 2005 г. Европейская система торговли выбросами (The European Union Emissions Trading System). Эта система охватывает почти половину всех источников парниковых газов в ЕС, и «потолок» выбросов в ней постепенно опускается — на 1,74% в год. Таким образом, по замыслу регуляторов, в 2020 г. крупная промышленность и энергетика снизят выбросы на 21% по сравнению с 2005 г. Однако в 2013 г. в центре всеобщего внимания оказались крайне низкие цены одной тонны сокращений выбросов, которые упали ниже 5 евро, а в случае «киотских» единиц — почти до нуля. Еврокомиссия предложила целый ряд

мер по спасению «тонущего» рынка, но пока Европарламент их не поддержал.

Либерал-демократы запускают АЭС

Одной из важных тем, поднятых на выборах в нижнюю палату парламента Японии 16 декабря 2012 г., стал вопрос о возобновлении работы атомных реакторов. Так, правящая ДПЯ предлагала ликвидировать атомную энергетику к 2040 г. Победившая на этих выборах ЛДП говорила о поддержке ядерной энергетики, обещала, что примет решение о запуске реакторов в течение трех лет, а в течение десятилетия примет меры, чтобы обеспечить наилучший энергетический баланс. Оппонируя в ходе выборов партиям, которые заявляли о необходимости ликвидации ядерной энергетики в Японии, лидер ЛДП Синдзо Абэ сказал, что такая цель нереальна и «безответственна»³⁷.

Настоящий прорыв в восстановлении атомной промышленности произошёл после принятия Японией 8 июля 2013 г. новых правил безопасности для АЭС. Теперь компании–операторы АЭС обязаны по закону принять меры по предотвращению аварий, подобных той, что произошла на АЭС «Фукусима-1» в 2011 г. В частности, эти правила требуют оснащения всех АЭС дополнительными и дублирующими системами энергоснабжения и охлаждения на случай стихийных бедствий. Компании–операторы АЭС должны принимать во внимание возможность более высоких волн цунами и более мощных землетрясений, чем предусматривалось старыми нормами. Кроме того, срок использования АЭС устанавливается в 40 лет, хотя в порядке исключения после нового, особо тщательного технического осмотра, этот срок может быть продлен еще на 20 лет. Правила предусматривают также меры по усилению охраны объектов атомной энергетики от вылазок террористов и падения самолетов.

По мнению премьер-министра Абэ и правящей ЛДП, работу АЭС, которые удовлетворяют новым стандартам безопасности, следует возобновить, руководствуясь заключениями, вынесенными соответствующими специалистами. Однако лидеры всех оппозиционных партий выступают за полный отказ от ядерной энергетики в будущем, хотя никому из них не удалось представить конкретных путей достижения этой цели.

8 июля 2013 г. четыре компании подали заявки о возобновлении работы 10 реакторов на пяти АЭС: на АЭС «Томари» — компания «Хоккайдо дэнрёку», на АЭС «Ои» и «Такахама» в преф. Фукуи — компания «Кансай дэнрёку», на АЭС «Иката» в преф. Эхимэ — компания «Сикоку дэнрёку» и на АЭС «Сэндай» в преф. Кагосима — компания «Кюсю дэнрёку». 16 июля 2013 г. Комиссия по ядерной безопасности (Nuclear Safety Commission) Японии начала рассмотрение этих заявок тремя группами экспертов, каждая из которых отвечает за три-четыре реактора. На оче-

реди — АЭС «Гэнкай» в преф. Сага (компания «Кюсю дэнрёку») и АЭС «Касивадзаки-карива» в преф. Ниигата (компания «Токио дэнрёку»).

Что касается двух работающих реакторов на АЭС «Ои», то Агентство по ядерному регулированию подтвердило их безопасность, а его представители заявили, что реакторы № 3 и № 4 могут продолжать работу до следующей плановой проверки технического состояния, которая намечена на сентябрь 2013 г. Компания «Кансай дэнрёку» — оператор АЭС «Ои» намерена получить одобрение продолжения эксплуатации реакторов этой АЭС и после сентябрьской плановой проверки их технического состояния³⁸.

19 мая 2013 г. NHK сообщила³⁹, что правительство Японии официально откажется от своего международного обязательства сократить к 2020 г. выбросы CO₂ на 25% от уровня 1990 г. Позднее в секретариат Рамочной конвенции ООН об изменении климата, расположенный в Германии, был представлен документ, в котором говорилось, что Япония рассчитывает зарегистрировать новый целевой показатель к началу работы COP-19, которая состоится в ноябре 2013 г. Кроме этого, официальные представители Японии разъяснили позицию страны в ходе переговоров на уровне рабочих групп, которые прошли 3–14 июня 2013 г. в Бонне (Германия).

В то же время в связи с поданными 8 июля 2013 г. заявками на возобновление работы нескольких ядерных реакторов, Министерство по делам окружающей среды и другие ведомства Японии заявили о намерении подготовить новый план сокращения выбросов к сентябрю, а его окончательный вариант — к намеченной на ноябрь 2013 г. COP-19, которая пройдет в Варшаве (Польша). Предположительно, именно на COP-19 Япония может заявить новые цели по выбросам парниковых газов.

Несмотря на неопределенность ситуации, Япония продолжает заключать соглашения о реализации киотской системы «механизма чистого развития» (Clean Development Mechanism). Например, в июне 2013 г. Япония заключила соглашение с Мальдивами о внедрении системы, которая даст Японии возможность получать углеродные зачеты путем предоставления этому островному государству в Индийском океане технологии по сокращению выбросов парниковых газов⁴⁰. Отметим, что 25 марта 2010 г. Япония предоставила Мальдивам грант в размере 1 млрд. иен (около 11,1 млн. долл. США) для проекта содействия развитию чистой энергии в Мале, который был выделен в рамках японской программы помощи по вопросам окружающей среды и изменению климата (Program Grant Aid for Environment and Climate Change). Данная программа, стартовавшая в Японии в январе 2008 г., нацелена на помощь развивающимся странам в реализации мер по адаптации к изменению климата путем сокращения выбросов парниковых газов и улучшения доступа к чистой энергии.

Если говорить о российско-японских отношениях, то после ратификации Киотского протокола Россия и Япония имели возможность со-

трудничать по вопросу квот, поскольку Россия была и остается потенциальным продавцом квот, а Япония — покупателем. Однако из-за провальной политики в этом вопросе правительства России в стране до 2010 г. так и не была создана национальная система продажи квот, а потому сотрудничества с Японией в этой области не получилось⁴¹.

В настоящее время обе страны оказались вне Киото-2, что предполагает возможность ведения двусторонних или многосторонних переговоров на тему новых рамочных условий, относящихся к началу 2020 г., для предотвращения такого изменения климата, которое представляет угрозу человечеству. В частности, для дальнейшего развития российско-японских отношений представляется целесообразным в рамках какой-либо межгосударственной структуры организовать проведение консультаций на уровне экспертов-экологов и климатологов по данной проблеме, а также о повышении уровня энергосбережения и энергоэффективности энергоемких отраслей экономики, в чем Япония, как известно, заметно преуспела и по многим направлениям является признанным мировым лидером.

* * *

Великое бедствие на Востоке Японии заставило правительство пересмотреть климатическую политику страны, которая до 11 марта 2011 г. была активным сторонником и мировым лоббистом Киотского протокола. Из-за остановки почти всех ядерных реакторов после природно-технологической аварии на АЭС «Фукусима-1» Япония оказалась не в состоянии выполнить предложенные ДПЯ в 2009 г. повышенные обязательства по сокращению выбросов парниковых газов на 25% к 2020 г. по сравнению с 1990 г., что по совокупности причин привело к выходу Японии из Киото-2. Вернувшаяся в декабре 2012 г. к власти ЛДП проводит линию на восстановление атомной индустрии и создает условия для запуска прошедших проверку реакторов АЭС, что позволит сформулировать более конкретные и реализуемые целевые установки в области климатической политики страны. Однако процесс перезапуска реакторов встречает сопротивление со стороны значительной части общественности, выступающей против «мирного атома», а другие источники энергии с нулевой эмиссией CO₂ пока не способны обеспечивать страну электроэнергией в промышленных масштабах. Тем не менее Япония планирует заявить новые цели по выбросам парниковых газов на ноябрьской 2013 г. Конференции рамочной конвенции ООН по изменению климата и продолжает прилагать усилия по преодолению накопившихся проблем.

Примечания

¹ Вопросы, связанные с причинами глобального потепления, в этой статье не рассматриваются. Однако есть немало экспертов, которые скептически относятся к антропогенному объяснению потепления климата и к Киотскому протоколу, который ставит целью сокращение антропогенных выбросов парниковых газов. Россия вышла в 2012 г. из Киотского протокола в том числе и под влиянием такой группы отечественных скептиков.

² Trends in Global CO₂ Emissions. 2012 Report (<http://edgar.jrc.ec.europa.eu/CO2REPORT2012.pdf>).

³ Стрельцов Д.В. Япония как «зеленая сверхдержава». М., 2012, с. 212.

⁴ Global CO₂ Emissions Continue to Increase in 2011, with Per Capita Emissions in China Reaching European Levels. Joint Research Centre. European Commission. 18.07.2012 (<http://edgar.jrc.ec.europa.eu>).

⁵ NHK World. 12.04.2013.

⁶ Казаков О. Кто ответит за климат? — Россия в АТР. 2012, № 4 (25), декабрь, с. 54–61.

⁷ Warmer World Will Keep Millions of People Trapped in Poverty, Says New Report. The World Bank Group. 19.06.2013 (<http://www.worldbank.org>).

⁸ Climate Change and Financial Instability Seen as Top Global Threats. Survey Report. Pew Research Center. 24.06.2013 (<http://www.pewglobal.org>).

⁹ Казаков О.И. Зигзаги климатической политики Японии в 2009–2012 гг. — Сб. докладов Общероссийской научной конференции «Три года правления Демократической партии Японии: итоги и перспективы». Информационные материалы. Серия И: «Япония: история и современность». Вып. 1. М., 2013, с. 139–156.

¹⁰ Казаков О.И. Япония охлаждает к глобальному потеплению и Киотскому протоколу. — Япония наших дней. 2011, № 3 (9). М., 2012, с. 112–121.

¹¹ Об этом, в частности, говорилось в партийном «Манифесте 2009». См.: Минсюто-но сэйкэн сэйсакү. Manifesto2009 (<http://www.dpj.or.jp/download/325.pdf>).

¹² С июля 2009 г. в Японии началась продажа электромобилей. А 4 сентября 2009 г. в г. Иокогама была открыта первая заправочная станция для электромобилей. Город подготовил план создания примерно ста таких заправочных станций, которые будут располагаться у круглосуточных супермаркетов или на платных парковках (см.: NHK World. 04.09.2009).

¹³ NHK World. 01.09.2009.

¹⁴ <http://www.un.org/en/ga/64/generaldebate/JP.shtml>

¹⁵ NHK World. 23.09.2009.

¹⁶ NHK World. 22.09.2009.

¹⁷ NHK World. 02.09.2009.

¹⁸ NHK World. 08.09.2009.

¹⁹ NHK World. 08.09.2009.

²⁰ Кико хэндо вакугуми дзёяку дай 15 тэйкэцу коку кайги сёнокю кайго Хатояма сори сутэтомэнто (Официальное заявление премьер-министра Хатояма на заседании глав стран на 15-й Конференции рамочной конвенции ООН по изменению климата). 18.12.2009 (<http://www.kantei.go.jp>).

²¹ Азиатский репортер. 24.01.2011.

²² NHK World. 28.12.2010.

²³ 2011 Annual Report on Energy. Energy White Paper 2011. — Ministry of Economy, Trade and Industry. October 2011.

²⁴ NHK World. 19.07.2012.

²⁵ NHK World. 09.07.2013.

²⁶ До природно-техногенной аварии на АЭС «Фукусима-1» в Японии действовали 54 реактора, размещенные на 17 АЭС. После аварии четыре реактора из шести, находящихся на АЭС «Фукусима-1», были повреждены и выведены из строя. Поэтому стали говорить о 50 потенциально работоспособных атомных реакторах.

²⁷ Дацу гэмпацу акусён пурогураму. Сякай синсюто (Программа действий по денуклеаризации. Социал-демократическая партия). 25.05.2011 (<http://www5.sdp.or.jp/policy/policy/energy/data/energy2011.pdf>).

²⁸ NHK World. 31.08.2012.

²⁹ NHK World. 13.12.2011.

³⁰ NHK World. 27.11.2012.

³¹ Ibid.

³² Антипремия «Ископаемое дня» («Fossil of The Day» Awards) была впервые представлена на переговорах по изменению климата в 1999 г. в Бонне по инициативе германского форума неправительственных организаций (<http://www.climatenetwork.org/fossil-of-the-day>).

³³ NHK World. 27.11.2012.

³⁴ РИА «Новости». 08.12.2012.

³⁵ Japan Today. 09.12.2012.

³⁶ Mapping Carbon Pricing Initiatives: Developments and Prospects. Working Paper 77955. — The World Bank. Wash., May 2013.

³⁷ Japan Today. 14.12.2012.

³⁸ NHK World. 03.07.2013.

³⁹ NHK World. 19.05.2013.

⁴⁰ NHK World. 30.06.2013.

⁴¹ Казаков О. Кто ответит за климат? — Россия в АТР. 2012, № 4 (25), декабрь, с. 54–61.

И.Л. Тимонина

**ЯПОНИЯ НА МИРОВОМ РЫНКЕ:
ОТ ПРОМЫШЛЕННОГО ЭКСПОРТА
К ЭКСПОРТУ СИСТЕМ**

Начало XXI в. ознаменовалось глубокими качественными изменениями глобальной экономической системы — ее структуры, динамики, трендов, а также самих моделей производства, потребления, форм и методов международного обмена товарами и услугами.

Мировая экономика приобрела новое свойство: она стала многополярной. На мировой экономической арене, и прежде всего в Восточной Азии, появились новые «полюсы роста». Целый ряд наиболее успешных стран развивающегося мира, активно проводя индустриализацию, демонстрирует высокие и сверхвысокие темпы роста, занимает все новые ниши на мировом рынке товаров и услуг. На развивающиеся страны Азии, по оценкам, приходится около 60% глобального экономического роста¹. В то же время развитые постиндустриальные экономики, ориентированные на качественные показатели роста, вынужденно переходят от умеренных к низким темпам. В результате глобальная экономическая система «распадается» на разнотемповые сегменты.

Отличительной чертой новой экономической реальности становится формирование достаточно успешных национальных социально-экономических моделей, во многих отношениях альтернативных моделям стран с развитой рыночной экономикой. Речь идет о новых индустриальных странах (экономиках) первой и второй волн, а также о крупных развивающихся экономиках, в частности китайской и индийской. Такие экономики отличаются довольно высокой конкурентоспособностью целого ряда отраслей промышленности, имеют значительный потенциал роста в кратко- и среднесрочной перспективе. Растет и их экспортный потенциал, в результате чего товары и услуги, произведенные в этих странах, занимают все новые сегменты рынка.

Во многом эти изменения обусловлены стратегией транснациональных корпораций (ТНК), которые передают часть своих бизнес-функций в страны с низкими издержками и используют местные компании в качестве поставщиков и подрядчиков. Однако постепенно компании-

© Тимонина И.Л., 2014

подрядчики превращаются в производителей все более сложной продукции, а наиболее успешные из них впоследствии выводят на мировой рынок товары под собственными брендами. Происходит это благодаря как реализации потенциала роста национальной промышленности, так и сотрудничества местных компаний с ТНК, которые фактически возвращают себе конкурентов.

В результате компании развитых стран постепенно вытесняются с традиционных для них рынков готовой продукции, в том числе и высокотехнологичной. Набирает силу тенденция деиндустриализации развитых экономик (тесно связанная также с объективным процессом сервисизации), их промышленные комплексы теряют свою конкурентоспособность на тех рынках, где еще недавно они, казалось бы, были безусловными лидерами. Все это делает более чем актуальными вопросы о новом глобальном позиционировании экономик развитых стран и, в более широком контексте, об обеспечении потенциала роста на длительную перспективу.

Тенденции развития мирового рынка в XXI в.: вызовы для Японии

Для Японии вызовы XXI в. и новая ситуация на мировом рынке актуальны, пожалуй, даже в большей мере, чем для других развитых стран. Во-первых, Япония пережила «потерянное десятилетие» 1990-х годов, наследством которых стал огромный государственный долг и хроническая дефляция. В период финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. экономический спад в Японии был более глубоким, нежели в других развитых странах, и восстановление экономики после кризиса шло медленнее. По темпам экономического роста в 2011–2012 гг. Япония существенно уступала и другим развитым странам, и азиатским соседям (см. табл. 1).

Таблица 1

Темпы роста ВВП в мире, отдельных странах и группах стран в 2004–2012 гг. (% к предыдущему году)*

Страны, группы стран	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.**
Все страны мира	4,1	3,5	4,1	4,0	1,5	-2,3	4,1	2,7	2,3
Развитые страны	3,0	2,4	2,8	2,6	0,0	-3,9	2,8	1,4	1,1
В том числе:									
Япония	2,4	1,3	1,7	2,2	-1,0	-5,5	4,4	-0,7	2,2
США	3,5	3,1	2,7	1,9	-0,4	-3,5	3,0	1,7	2,0
ЕС27	2,6	2,0	3,3	3,2	0,3	-4,4	2,1	1,5	-0,3
В том числе:									
Франция	2,5	1,8	2,5	2,3	0,1	3,1	1,7	1,7	0,3
Германия	1,2	0,7	3,7	3,3	1,1	-5,1	3,7	3,0	0,9

Продолжение табл.1

Страны, группы стран	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.**
Развивающиеся страны	7,4	6,8	7,6	7,9	5,3	2,4	7,5	5,9	4,9
Восточная Азия	8,3	8,6	10,0	11,1	7,0	5,9	9,4	7,6	6,3
В том числе:									
Китай	10,1	11,3	12,7	14,2	9,6	9,2	10,4	9,2	7,9
Южная Азия	7,5	8,2	8,5	8,9	5,8	5,5	7,3	6,0	5,2
В том числе:									
Индия	8,3	9,3	9,6	9,7	7,5	7,0	9,0	7,0	6,0

*Составлено по: UNCTAD Trade and Development Report 2012, p. 2.

**Оценка.

Во-вторых, экономика Японии была и в значительной мере остается ориентированной на внешний рынок, как по экспорту, так и по импорту, несмотря на то что ее внешнеторговая квота (сумма экспорта и импорта товаров, деленная на ВВП страны) не столь высока по сравнению с другими развитыми странами, за исключением США (28,6% в 2011 г., США — 25,0%, Германия — 75,7%, Великобритания — 43,4%)². Так же обстоит дело и с торговлей услугами: объем «невидимой» торговли по отношению к ВВП составляет в Японии 5,3%, в то время как в США — 6,8%, в Германии — 16,8, в Великобритании — 19,0%³. Однако очевидно, что в наши дни зависимость от внешнего рынка не может измеряться только на основе торговых квот. Необходимо принимать во внимание тот факт, что все большая часть продукции производится компаниями за пределами своей страны (для японских компаний обрабатывающей промышленности эта доля составляет около 25%) и реализуется ими на рынках третьих стран, что не отражается в национальной торговой статистике. С учетом же «внешнеторговых квот» компаний уровень зависимости экономики страны от зарубежных рынков гораздо выше значений «национальной» торговой квоты (которая, как мы указывали выше, рассчитывается по объемам экспорта и импорта товаров, прошедших таможенную границу), и вклад внешнеторговых операций в экономический рост Японии на протяжении последних десятилетий оставался значительным.

На этом фоне тенденция к снижению доли Японии в мировой торговле (хотя она характерна для всей группы развитых стран), несомненно, должна рассматриваться как негативный фактор экономического роста. В 2011 г. страна занимала 4-е место в мировом торговом обороте (и по экспорту, и по импорту), а ее доля в мировом товарном экспорте составляла 4,5% (для сравнения доля Китая в том же году достигла 10,4%) против 10,3% в 1986 г.⁴.

Принципиально важными в данном контексте представляются и сдвиги в структуре экспорта Японии, и изменения самой модели экс-

портных операций. С тех пор как страна после Второй мировой войны встала на путь экспортно ориентированной реиндустриализации, она всегда поставляла за рубеж готовые изделия, причем техническая сложность и наукоемкость продукции постоянно повышались. В настоящее время и японская экономика в целом, и японские промышленные компании сталкиваются со все более жесткой конкуренцией со стороны развивающихся стран (в том числе и в первую очередь стран Восточной Азии, многие из которых более или менее успешно реализовали японскую экономическую модель). Конкуренция эта обостряется и на рынках развитых стран — США, Европы, самой Японии, и на быстро растущих рынках Азии. При этом важно подчеркнуть, что азиатские государства во все большей степени рассматриваются японскими компаниями именно как рынки сбыта, а не только и не столько как источник дешевой рабочей силы и других ресурсов. Так, согласно данным опроса японских компаний, работающих в странах Азии и Океании, 70,4% фирм рассчитывают на увеличение роста прибыли на этих рынках в 2013 фин. г. именно за счет роста объема продаж на местном рынке⁵. Результаты того же опроса показали, что в 10 странах региона (в их числе Республика Корея, Китай, Тайвань, Индия, Малайзия) японские компании считают своими главными конкурентами местные фирмы⁶.

В условиях, когда производственные системы компаний, в том числе, конечно, и японских, представляют собой разветвленные международные сети, основными субъектами международной (а правильнее сказать, трансграничной) торговли становятся не столько страны, сколько компании, растет доля внутрифирменных торговых операций, а предметом международной торговли все больше становятся не товары и услуги, а добавленная стоимость⁷. В 1998–2011 гг. вклад промежуточной продукции в рост экспорта Японии составлял около 75%, для Китая этот показатель равнялся примерно 40%, для стран Восточной Азии (за исключением Китая) — 60%, для стран АСЕАН (Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Вьетнам) — около 77%⁸. Разделение труда между Японией и странами Восточной Азии в настоящее время определяется межрегиональным движением промежуточной продукции, в рамках которого Япония занимает доминирующие позиции. Япония имеет положительное сальдо в торговле промежуточной продукцией с Республикой Корея, Китаем, Тайванем, странами АСЕАН⁹. В результате между Японией и странами Восточной Азии формируется следующая модель разделения труда: Япония сохраняет свое конкурентное преимущество в экспорте частей и компонентов, материалов и другой промежуточной продукции, импортируя первичную продукцию и потребительские товары. Однако при этом складывается такая ситуация, при которой Япония «отдает» значительную часть добавленной стоимости странам, где размещаются производства японских корпораций, что и становится одним из факторов снижения доли страны в мировой торговле¹⁰.

Итак, Япония, как и другие развитые страны, оказалась перед необходимостью своего перепозиционирования на мировом рынке, поиска новых сегментов, где японские компании могут реализовать свой потенциал и добиться конкурентного преимущества на средне- и долгосрочную перспективу. При этом заметим, что в данном контексте понятие «поиск» часто означает не только и не столько занятие существующих ниш, сколько создание таковых, т.е. формирование нового спроса. Попробуем выделить те новые или относительно новые рыночные ниши, которые Япония могла бы занять с учетом ее потенциала и конкурентных преимуществ.

Экспорт систем в новой экономической стратегии Японии

Проблема поиска своего места в мировой экономической системе является для Японии, как, впрочем, и для других стран, перманентной. Залог успеха любой экономической системы — это гибкость и адаптивность, и эти качества японская экономика не раз демонстрировала на протяжении второй половины XX в. Однако динамика всех процессов, происходящих в мировой экономике в XXI в., ускорила, и количественные изменения перешли в качественные, о чем мы и говорили в начале статьи. Поэтому и в Японии взгляды правительственных и деловых кругов на пути дальнейшего развития японской экономики и способы поддержания ее международной конкурентоспособности претерпели определенную трансформацию по сравнению с первым десятилетием 2000-х годов. (Конечно, здесь сыграла свою роль и частая для Японии смена кабинетов.)

Напомним, что в 2005 г. Советом по экономической и финансовой политике Японии был обнародован документ под названием “Japan’s 21st Century Vision”, в котором определялись основные факторы и направления развития Японии на ближайшую четверть века, а также намечался курс дальнейшего реформирования экономики и социальной сферы¹¹.

В мае 2006 г. при премьер-министре Д. Коидзуми был создан Совет по комплексной финансовой и экономической реформе, который совместно с существовавшим ранее Советом по экономической и финансовой политике и при активном участии различных министерств и ведомств¹² разработал Новую стратегию экономического роста (New Economic Growth Strategy), нацеленную на достижение устойчивого экономического развития в условиях долгосрочной тенденции сокращения населения.

Эта Стратегия стала частью Фундаментальных принципов стратегии экономического роста страны и вместе с Новой национальной энергетической стратегией (New National Energy Strategy) и Глобальной экономической стратегией (Global Economic Strategy)¹³ была положена в основу экономической политики правительства. В этих документах международная специализация Японии рассматривается преимущественно сквозь призму инноваций и создания «виртуального цикла» инноваций и спроса, предполагающих, что в перспективе Япония должна

стать мировым инновационным центром и в качестве такового предлагать новые товары и технологии на мировой рынок, т.е. создавать «виртуальный цикл» в глобальном масштабе¹⁴. При этом, как подчеркивали авторы Стратегии, особенно важным является создание такого цикла в Азии на основе сотрудничества с азиатскими странами — «центром роста XXI в.». Азиатские страны, в свою очередь, могут постепенно открывать свои рынки, повышать производительность, используя и быстро распространяя японские технологии¹⁵.

В Новой стратегии роста 2010 г. была подтверждена нацеленность на инновации и одновременно в качестве приоритетных сфер развития экономики и общества назывались развитие социальной инфраструктуры и решение экологических проблем. Там же была обозначена и идея продвижения инфраструктурных проектов и решений за рубеж как одно из приоритетных направлений совместной деятельности государственного и частного секторов¹⁶.

В новейших стратегических разработках, представленных правительством С. Абэ в феврале–июне 2013 г., в качестве целевой предлагается модель «гибридной экономики», ориентированной и на торговлю (внешнюю), и на внутренние инвестиции¹⁷. Иными словами, проблема удержания позиций на внешних рынках и завоевания новых сегментов остается для Японии одной из приоритетных.

В плане позиционирования Японии в мировой экономике в правительственных разработках предлагается Стратегия глобального превосходства (Strategy of Global Outreach)¹⁸. По мнению авторов Стратегии, Япония имеет несомненное превосходство в сфере инфраструктуры (электроэнергетика, дороги, водоснабжение, ИТ), в сфере организации здравоохранения. Кроме того, предполагается, что государство будет содействовать продвижению японского культурного контента, в том числе распространяемого через сети (музыка, фильмы, *анимэ* и т.п.) и воплощенного и в материальной, и в нематериальной форме (мода, дизайн, японская кухня), а также способствовать развитию туризма. Во всех этих сферах компании (не только крупные, но также и малый и средний бизнес) и государство должны, как полагает правительство, координировать усилия и действовать сообща¹⁹. Таким образом, в подходах действующего кабинета министров Японии к решению проблем, связанных с поиском места Японии в современной структуре мировой экономики и мирового рынка, наблюдается определенная преемственность по отношению к идеям и концепциям предшественников, конечно с поправками на современные реалии.

Обозначая пути достижения «глобального превосходства», правительство предлагает компаниям делать упор на диверсификацию форм зарубежной активности, а именно на продвижение за рубеж «интегрированных систем», т.е. реализацию комплексных проектов в области производственной и социальной инфраструктуры²⁰. Подобный подход предполагает не просто поставки оборудования и других товаров и осу-

ществование, например, строительных работ, но и разработку дизайна, проектирование, предоставление технологий и ноу-хау, инжиниринговые и образовательные услуги в одном «пакете». Подобный «пакетный» подход (“package-type infrastructure”), который, как мы указывали выше, был обозначен уже в 2010–2011 гг., по мнению правительственных экспертов, позволит увеличить добавленную стоимость, получаемую японскими компаниями от зарубежных операций. От себя еще раз заметим, что последнее особенно актуально в ситуации, когда японские компании отдают все большую часть добавленной стоимости другим странам, перенося сборочные производства на их территорию.

Конечно, практика реализации крупных производственных и инфраструктурных проектов за рубежом появилась не сегодня и не вчера. Проекты «под ключ», экспорт технологий, предоставление консультационных и образовательных услуг наряду с поставками различного оборудования и материалов — все эти формы зарубежной деятельности использовались японскими компаниями (как и корпорациями других стран) и раньше. Новизна состоит в том, что все эти формы приобретают характер стратегических интегрированных проектов на основе частно-государственного партнерства и со все большим вовлечением не только крупного, но также малого и среднего бизнеса.

Инклюзивный рост в развивающихся странах и рынок инфраструктурных проектов

Стратегия продвижения за рубеж систем и системных решений имеет вполне реальные предпосылки. Во-первых, рынок общественных товаров и услуг, непосредственно обеспечивающих качество жизни населения (образование, здравоохранение, чистая энергетика, экология, градостроительство), растет во всем мире, и особенно динамичен этот рост в развивающихся странах, а в региональном разрезе — в Азии. Поэтому выбор японским правительством и компаниями целевого региона понятен. И здесь необходимо сделать небольшое отступление и прокомментировать последнее утверждение. Смещение динамизма мировой экономики в сторону Азии — факт общепризнанный. Однако если говорить о перспективе, нельзя не учитывать и фактор изменения стратегий и моделей роста в ряде стран региона, которые реализуют концепцию так называемого «инклюзивного роста» (inclusive growth), которая в настоящее время продвигается во многих развивающихся странах, активно изучается экспертами международных организаций и консалтинговых агентств, поддерживается самими этими организациями, в частности Всемирным банком, Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Экономической и социальной комиссией ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), Азиатским банком развития (АБР)²¹.

«Инклюзивный рост», по определению АБР, это экономический рост, обеспечивающий равные возможности и равный доступ к экономиче-

ским возможностям для всех (для отдельных людей и групп людей, для регионов) и ориентированный не только на внешний, но и на внутренний спрос (что означает определенную смену приоритетов для экспортно ориентированных экономик). Фактически переход к инклюзивному росту означает переориентацию экономической стратегии ряда стран, в первую очередь развивающихся (хотя и не только), с «экономики статистических достижений», когда целью было догнать развитые страны по основным макроэкономическим показателям на основе проведения политики активной индустриализации, к «экономике качества».

В значительной мере это удалось Китаю. Однако успех был достигнут в том числе и ценой отставания социальной инфраструктуры, загрязнения окружающей среды, углубления региональных диспропорций, сохранения (а возможно, и увеличения) разрыва в уровне и качестве жизни между городом и деревней. С подобными проблемами в той иной мере сталкиваются и новые индустриальные экономики первой и второй волн.

В результате при впечатляющих темпах роста и достижении не менее впечатляющих объемов ВВП некоторых стран огромные массы их населения оказываются «на обочине» экономического прогресса: не могут воспользоваться его плодами и не имеют доступа к его возможностям — качественному образованию и здравоохранению, достойному трудоустройству, комфортному жилью, интересному досугу. В результате даже наиболее успешные страны Восточной Азии (а они признаются экспертами наиболее динамичными и продвинутыми в развивающемся мире), являясь лидерами, например, в экспорте целого ряда высокотехнологичных товаров, одновременно сталкиваются с проблемами, казалось бы, совершенно других эпох — недостатком пресной воды, высокой младенческой смертностью, гендерным неравенством и др. Эти проблемы для многих стран усугубляются демографическими особенностями, а также активизацией международных миграционных потоков.

Концепция инклюзивного роста как раз и может стать для некоторых стран основой новой экономической стратегии и даже альтернативной парадигмой роста, которая позволит им развиваться в большей степени на основе эндогенных факторов, снижая зависимость от внешних рынков и расширяя свой внутренний рынок за счет роста доходов граждан и создания и/или совершенствования производственной и социальной инфраструктуры.

Для нас важно понимание и принятие того факта, что переход стран Восточной Азии к новой парадигме роста и даже некоторые, пусть небольшие сдвиги в данном направлении создают для Японии новые условия и новые возможности на рынках развивающихся и других быстро растущих экономик.

Япония, которая во второй половине XX в. также проходила этап догоняющего развития, сумела добиться и высокого качества жизни,

успешно решив многие из тех проблем, с которыми сейчас (конечно, в новых исторических условиях) сталкиваются развивающиеся страны. И японские технологии, и системные решения в области социальной и производственной инфраструктуры, как представляется, востребованы развивающимися (и не только) экономиками.

Целый ряд инфраструктурных проектов уже реализуется японскими компаниями в других странах (см. табл. 2).

Таблица 2

Зарубежные инфраструктурные проекты с участием японских компаний (2011 г.)*

Сфера	Страна/регион	Название проекта	Примечания
Высокоскоростной железнодорожный транспорт	Великобритания	План обновления подвижного состава высокоскоростных линий	Реализуется консорциумом с участием компании «Хитати». Стоимость проекта 4,5 млрд. фунтов
Теплоэнергетика	Индонезия	Высокоэффективная теплоэлектростанция на угольном топливе в Центральной части Явы	Проект строительства и эксплуатации двух ТЭС (мощностью 1 млн. кВт каждая). Начало коммерческой эксплуатации — 2017 г. Стоимость проекта — 4 млрд. долл. Реализует консорциум с участием «J-Power» и «Итотю»
Водоснабжение	Саудовская Аравия	Проект строительства водопроводных и канализационных сетей	Подписан меморандум о сотрудничестве между правительством Саудовской Аравии, муниципалитетом Иокогамы и корпорацией JGC
Портовая инфраструктура	Вьетнам	Строительство порта Лач Хуэн (Lach Huyen)	Проект строительства и эксплуатации порта в Северном Вьетнаме. Получено разрешение на совместные инвестиции «Mitsui OSK Lines LTD.», «Ниппон юсэн», «Итотю» и государственной Вьетнамской судоходной компанией
Освоение космоса	Турция	Организация агентства по освоению космоса/поставка спутника связи	«Мицубиси дэнки» получила контракт на поставку двух спутников связи. Правительство Японии намерено оказывать содействие в организации космического агентства в Турции

Продолжение табл. 2

Сфера	Страна/ регион	Название проекта	Примечания
Освоение космоса	Вьетнам	План мероприятий по предотвращению стихийных бедствий и изменения климата с использованием информации, полученной со спутников	Развитие космического центра в высокотехнологичном парке «Хоа Лак», поставка двух спутников наблюдения из Японии, получение технологий и строительство инфраструктуры, необходимой для использования искусственных спутников Земли. Общая стоимость проекта 54,4 млрд. иен
Инфраструктура	АСЕАН	Обеспечение взаимодействия стран АСЕАН	План совершенствования инфраструктуры стран АСЕАН (порты, коммуникации, логистика, энергосистемы и др.). Предложен в ноябре 2011 г. премьер-министром Нода на встрече лидеров стран АСЕАН. Стоимость проекта — 2 трлн. иен. Финансирование: ОПР Японии, Японский банк экономического сотрудничества, Азиатский банк развития

*White Paper on International Economy and Trade 2012. Section 2 Support for Overseas Business Activities in Response to Changing Needs, p. 688 (<http://www.meti.go.jp/english/report/data/gWT2012fe.html>).

В целом ряде азиатских стран японские корпорации при содействии правительства Японии (которое выражается, в частности, в предоставлении странам кредитов и/или финансовой помощи по линии Официальной помощи развитию) и в сотрудничестве с местными властями и бизнесом реализуют одновременно несколько крупных проектов, что свидетельствует о системном и комплексном подходе Японии к освоению «инфраструктурных рынков» этих стран. Например, среди проектов, осуществляемых в Индии, «индустриальный коридор» Дели–Мумбаи, проект использования солнечной энергии в индустриальном парке провинции Раджастан, строительство портов, высокоскоростных железных дорог. В Мьянме — развитие транспортной, рыночной, производственной инфраструктуры, энергетики, образования²².

Всего, по расчетам правительственных экспертов, японские компании, которые обладают технологиями «экстра-класса» и могут предлагать услуги с высокой долей добавленной стоимости²³, к 2020 г. смогут

увеличить свои продажи на международном инфраструктурном рынке до 30 трлн. иен (в настоящее время 10 трлн. иен), а на рынке медицинских технологий и услуг — до 1,5 трлн. иен против 500 млрд. в настоящее время. При этом в Новой стратегии экономического роста 2013 г. определяются конкретные цели — не менее 10 зарубежных инфраструктурных контрактов в год, открытие к 2020 г. 10 японских медицинских центров за рубежом, преимущественно в развивающихся странах. Для содействия компаниям в данной сфере правительство предлагает использовать механизм кредитования Японского банка международного сотрудничества (JBIC's Loan Facility Enhancing Global Business Development), систему страхования экспорта и инвестиций (NEXI), инструменты Официальной помощи развитию (ОПР), в том числе по линии Японского агентства международного сотрудничества (JICA)²⁴.

Примером реальной поддержки правительством страны инфраструктурного экспорта может служить оказание финансовой помощи Мьянме. В ходе визита С. Абэ в эту страну в конце мая 2013 г. премьер-министра сопровождали представители ведущих японских универсальных торговых компаний («Мицубиси», «Мицуи», «Марубэни», «Сумитомо»²⁵) и корпораций, действующих в сфере инфраструктуры («Тайсэй» и JGC). Японская сторона представила правительству Мьянмы план развития энергетической инфраструктуры страны до 2030 г. (предусматривающий в том числе и использование передовых «зеленых технологий»), в реализации которого готовы участвовать японские компании «Мицубиси дзюкогё», «Тосиба», «Хитати». По заявлению премьер-министра С. Абэ, выступившего в роли «главного продавца» японских инфраструктурных проектов²⁶, Япония может оказать Мьянме помощь в таких сферах, как технологическое развитие, банковское дело, создание валютного рынка, развитие человеческих ресурсов, сельское хозяйство, инфраструктура и др.²⁷.

Что касается планов, намерений и конкретной деятельности самих японских компаний, то здесь совершенно очевиден их растущий интерес к инфраструктурной сфере. Многие корпорации, которые изначально действовали в отраслях обрабатывающей промышленности, диверсифицируют свой бизнес, проникая в инфраструктурные отрасли. А экспорт систем и решений в области инфраструктуры становится одним из приоритетов их стратегического развития.

Типичным примером, иллюстрирующим данную тенденцию, может служить развитие бизнеса корпоративной группы «Хитати», бренд которой ассоциируется прежде всего с электротехникой, промышленным оборудованием, приборами. В 2011 г. в составе группы «Хитати» была создана отдельная компания систем производственной и социальной инфраструктуры (Industrial & Social Infrastructure Systems Company), которая не только занимается поставкой оборудования, но и предоставляет инженеринговые услуги и системные решения в сфере инфра-

структуры. Показательно, что в качестве приоритетных и перспективных рынков для экспорта систем водоснабжения и канализации компания рассматривает Азию и Ближний Восток, а для реализации проектов производственных комплексов — Китай и Индию. Компания «Хитати» часто осуществляет свои проекты в других странах в кооперации с местными партнерами. В частности, на такой основе реализуется проект в сфере водоснабжения в 12 регионах Китая и проект в Даляне. Одним из интересных проектов в области создания интеллектуальной системы водоснабжения может служить AQUAMAP на Мальдивских островах. Система, предлагаемая «Хитати», обеспечивает управление водоснабжением на всех островах, составляющих территорию страны, из единого центра в г. Мале. Перспективным направлением деятельности «Хитати» является также организация экологически чистого производства (eco factory solutions). В целом же компания планирует увеличить долю доходов от экспорта инфраструктуры (во всех доходах, получаемых в инфраструктурном подразделении компании) с 29% в 2012 г. до 40% в 2015 г.²⁸.

«Смарт-города» и экспорт городской инфраструктуры

Одним из направлений «системного» экспорта японских компаний стали проекты «умного города» («смарт-город», smart city). Концепция «умного города», которая активно разрабатывается и уже реализуется в Японии (и в ряде других стран), нацелена на создание экологически дружелюбной и комфортной для людей жилой среды в масштабах городского района или небольшого города. Проект «умный город», если рассматривать его как предмет экспорта, включает дизайнерские, архитектурные и инженерные решения городской среды, комплексное планирование, создание базовой и интеллектуальной инфраструктуры (в том числе с использованием энергосберегающих технологий и современных систем организации транспорта), создание и обеспечение функционирования комплекса бытовых услуг, инфраструктуры для обеспечения культурного досуга и возможностей для творческой реализации людей (стиль жизни, искусство и т.д.). Иными словами, это современный город «под ключ».

Главной идеей «умного города» в Японии стали интеллектуальные энергосистемы, и национальный координационный орган для содействия реализации концепции «умного сообщества» — Японский альянс смарт-сообщества (Japan Smart Community Alliance — JSCA)²⁹ был создан по инициативе Организации новых энергетических и промышленных технологий (New Energy and Industrial Technology Development Organization — NEDO)³⁰. В составе руководящих органов Альянса представители компаний «Тосиба», «Хитати», «Итотю», «Кансай электрик пауэр», «Мицубиси дэнки», «Панасоник», «Тоёта», «Токио гэс», JGC. Всего

же в альянс входит 355 компаний, занятых в разных отраслях, что свидетельствует о комплексном характере проектов «смарт-городов» и значительном интересе к таким проектам со стороны японского бизнеса³¹.

Японские компании, занимающиеся практической реализацией проектов «умного города» и заинтересованные в участии в таких проектах в Японии и за рубежом, в 2009 г. объединились в консорциум Smart City Planning Inc. (SCP)³², деятельность которого поддерживается Министерством земель, инфраструктуры, транспорта и туризма Японии. По оценке консорциума (со ссылкой на Nikkei BP Clean Tech Institute), мировой рынок проектов «умного города» быстро растет и к 2030 г. его объем может достичь 42,7 трлн. долл. В 2012 г., по оценке того же института, самым крупным был азиатский рынок (Китай — 7,45 трлн. долл., Индия — 2,58 трлн., Япония — 1,17 трлн., другие страны Азии — 4,27 трлн. долл.), в то время как рынок США и Канады оценивался в 6,85 трлн. долл., а западноевропейский — 6,76 трлн. долл. Рынок бывших советских республик и стран Восточной Европы был оценен скромнее — в 1,36 трлн. долл., но тем не менее он больше японского³³.

В самой Японии в настоящее время реализуются четыре полномасштабных проекта «смарт-городов» — Иокогама, Тоёта, Кэйханна и Китакосю. Японские компании, безусловно, заинтересованы и в экспорте таких проектов. И такие компании, как «Хитати», «Мицубиси дэнки», уже выполняют заказы на оборудование «умных городов» в Китае и Индии³⁴.

В целях более активного продвижения за рубеж комплексных градостроительных проектов, а также отдельных систем, решений, технологий и оборудования корпорации при поддержке правительства Японии организуют различные маркетинговые и пропагандистские мероприятия в Японии³⁵ и других странах.

Не остается без внимания и российский рынок. В октябре 2012 г. в рамках выставочного форума «Матидзукури: умные города нового поколения»³⁶ три российские девелоперские компании — ООО «Северо-Запад Инвест», «Монолит Холдинг» и «Квартстрой» подписали Меморандум о сотрудничестве с японским консорциумом Smart City Planning (SCP). Цель сотрудничества — анализ современных технологий и их применимость в реализации проектов «умных городов». Первым большим совместным российско-японским проектом в данной сфере может стать «Новый берег» под Санкт-Петербургом³⁷. Во время визита С. Абэ в Россию в апреле 2013 г. в числе других направлений экономического сотрудничества России и Японии обсуждался и вопрос о возможности реализации в нашей стране проектов городской инфраструктуры (в первую очередь транспортной) в Москве и других российских мегаполисах.

Экспорт «креативного продукта»: проект “Cool Japan”

Системный подход, который, на наш взгляд, стал в настоящее время ключевой идеей экспортной стратегии японских компаний и самой Японии, находит свое отражение и в таком «совместном проекте» японского бизнеса и правительства, как “Cool Japan”. Образно говоря, проект нацелен на содействие экспорту элементов японского образа жизни и культуры. Осуществляется он под эгидой Министерства экономики, торговли и промышленности Японии и целого ряда других министерств и в практическом плане предполагает коммерциализацию и продвижение за рубеж продукции «креативных» отраслей, которые обладают значительным экспортным потенциалом, — мода, сетевой (вещательный) контент, дизайн, изделия традиционных промыслов, т.е. всего того, что наряду с автомобилями и электроникой может определять образ Японии, ее дух и ассоциироваться с брендом «Япония». По замыслу правительства, продвижение такого продукта за рубеж может способствовать не только развитию соответствующих видов деятельности в Японии, но и привлекать в Японию все больше туристов. Как и в случае с экспортом инфраструктуры, правительство всячески поддерживают компании, которые действуют в «креативных» отраслях. В данном случае это особенно актуально, поскольку многие, если не большинство таких компаний, относятся к категории малого и среднего бизнеса. Так, например, в 2011 г. в Сингапуре были организованы дни массовой молодежной моды Японии (Harajuku Street Style³⁸) и фестиваль *анимэ*. Недели японской моды также проводилась в Индии и других странах.

За рубежом также активно пропагандируются японская кухня и японские продукты питания и напитки как элементы национальной культуры и образа жизни. Интересно, что для содействия продвижению на зарубежных рынках национальных японских алкогольных напитков *саке* и *сёсю* разработана специальная программа “Kokushu Export Promotion Program”, имеющая целью сделать японские напитки глобальным брендом, увеличить их экспорт, развивать специализированный туризм («*саке*-туры»)³⁹.

Важнейшим элементом стратегии “Cool Japan” является, конечно же, продвижение вещательного контента (фильмы, музыка, *анимэ*, игры). В соответствии с планами правительства экспорт этого контента к 2018 г. должен утроиться по сравнению с нынешним уровнем⁴⁰.

Экспорт медицинских, образовательных, «экологических» услуг

Многие развивающиеся страны, в том числе и географически близкие к Японии страны Восточной Азии, в последние десятилетия активно инвестируют в сферу здравоохранения. Особенно эти сдвиги заметны в Малайзии, на Филиппинах, в Таиланде, НИЭ первой волны. Японская

фармацевтика, медицинское оборудование, в том числе диагностическое, технологии и сами медицинские услуги, а также опыт и знания в сфере организации эффективного и качественного медицинского обслуживания, которыми обладают японские компании и медицинские учреждения, могут быть очень востребованы в азиатских странах. Вместе с тем необходимо принимать во внимание и тот факт, что на данном рынке японские компании уже сталкиваются с серьезной конкуренцией, причем со стороны не только западных компаний, но и локальных. Например, сектор медицинских услуг активно развивается в Малайзии, и ценовая конкурентоспособность таких услуг весьма высока⁴¹. Тем не менее средний и высокий ценовой сегменты рынков медицинских услуг восточноазиатских стран или, по крайней мере, их часть вполне могут быть заняты японскими компаниями. В частности, Япония вполне может быть конкурентоспособна в сфере оказания услуг (кстати, не только медицинских, и не только услуг, но и различных товаров) престарелым гражданам, а этот рынок в азиатских странах расширяется по мере роста продолжительности жизни и в результате проведения политики ограничения рождаемости (в Китае). Так, например, компания ТОТО (крупный японский производитель сантехники и оборудования для различных помещений, работающий в премиальном сегменте), которая еще в 1980-е годы начала производить специальное сантехническое оборудование для пожилых людей, успешно работает и в Китае: ее операционная прибыль в этой стране в 2004–2010 гг. выросла в 2,6 раза⁴².

Что касается сектора **образовательных услуг** Японии, то его экспортные возможности ограничиваются недостатком англоязычных программ в японских университетах. Хотя движение в направлении интернационализации образования в Японии, конечно, есть. Примерами могут служить и международные программы Азиатско-Тихоокеанского университета Ритсумэйкан (Ritsumeikan Asia Pacific University), и многочисленные курсы и тренинги по инженерным специальностям для специалистов из азиатских стран⁴³. В то же время и в этой сфере у Японии уже есть сильные конкуренты — Малайзия, Гонконг, Сингапур, Китай.

Большим потенциалом для японских компаний обладает международный, в том числе азиатский рынок **экобизнеса**. По оценкам ДЖЕТРО, объем мирового рынка такого бизнеса составляет около 3044 млрд. фунтов, в том числе 411 млрд. фунтов приходится на Китай (13,5%), 191 млрд. (6,3%) — на Индию⁴⁴.

Потребительский рынок и услуги населению: системные решения

Еще одной заметной тенденцией продвижения японских компаний за рубеж стал рост экспорта услуг населению (торговля, ресторанный бизнес, салоны красоты и т.п.). И здесь снова мы наблюдаем явный

интерес японских компаний к рынкам стран Восточной Азии. И это не удивительно.

По мере роста подушевого дохода во многих странах Восточной Азии расширяются и масштабы **потребительского рынка**, и в первую очередь его высокий и средний ценовые сегменты (что связано с увеличивающимся разрывом в уровнях доходов населения в этих странах)⁴⁵. По оценке консалтингового агентства McKinsey, к 2025 г. численность среднего класса Китая и Индии может составить около 600 млн. человек⁴⁶. В ряде стран формируются и емкие рынки премиального ценового сегмента и предметов роскоши. Так, по прогнозу консалтинговой фирмы The Boston Consulting Group (BCG), в ближайшие пять-семь лет крупнейшим в мире рынком предметов роскоши может стать Китай⁴⁷. Например, в 2011 г. 54% зарубежных продаж компании TOTO (которая работает преимущественно в высоком ценовом сегменте) приходилось на Китай (для сравнения доля Северной Америки составляла 24%, Европы — 3%, других стран Азии и Океании — 19%)⁴⁸. Рост потребительского рынка в азиатских странах открывает возможности для продвижения в эти страны японских розничных торговых сетей различного формата — от знаменитых японских универмагов до «удобных магазинов» круглосуточного обслуживания, что, собственно, уже и происходит. По данным ДЖЕТРО, из 44 628 «удобных магазинов», принадлежащих японским торговым сетям за рубежом, 34 972 действуют в странах Азии. 42% общего числа филиалов японских сервисных компаний расположены в Китае⁴⁹, и, по данным ДЖЕТРО, почти 70% опрошенных компаний сферы услуг рассматривают китайский рынок в качестве экспортного, а около половины опрошенных намерены расширить там свое присутствие⁵⁰.

Таким образом, наряду с экспортом потребительских товаров, этой традиционной формой международной торговли, японские компании переносят за рубеж и систему организации обслуживания, т.е. формат японских универмагов, ресторанов и других заведений. И высочайшее качество обслуживания в них (которое, по крайней мере, стремятся поддерживать японские предприниматели за рубежом) представляет самостоятельную ценность для потребителей (и увеличивает добавленную стоимость, реализуемую компаниями). В этом и заключается системный подход в рамках традиционных экспортных стратегий. Примерами в данном случае могут служить и роскошные японские универмаги (уровня, например, «Мицукоси»), опыт и практику которых изучают менеджеры и маркетологи в бизнес-школах многих стран, и демократичная сеть магазинов одежды «Уникло», предлагающая самый обычный товар, но в модной дизайнерской обстановке⁵¹.

Заключение

Объем данной статьи не позволяет подробно рассмотреть все направления современной экспортной стратегии Японии, тем более что некоторые из них требуют обстоятельного анализа и могут стать темой самостоятельного исследования (например, экспорт промышленных технологий, энергетические проекты, экобизнес). Однако мы постарались показать специфику нового современного подхода Японии к реализации своего потенциала на внешнем рынке, что по замыслу японского правительства должно стать и основой роста самой японской экономики. Этот подход можно назвать системным, имея в виду не только экспорт инфраструктурных проектов, хотя, конечно, в правительственной стратегии им отводится роль одного из драйверов экономического роста в стране. Системный подход заметно модернизирует формы и методы традиционного экспорта товаров и услуг, придавая им более комплексный и долгосрочный характер. Например, реализация инновационного энергетического проекта будет сопровождаться поставками на постоянной основе оборудования и расходных материалов, а также оказанием консультационных услуг. А реализация товаров в универмагах, работающих по японским стандартам качества обслуживания, обязательно будет способствовать росту популярности и соответственно продаваемости японских брендов.

Экспорт «систем» и решений тесно связан с политикой продвижения национального бренда «Япония». Иными словами, новые вызовы правительство и бизнес Японии принимают вместе, опираясь на отработанные и апробированные механизмы «экономической дипломатии», всегда отличавшейся, как известно, прагматизмом. При этом активно используется «имиджевый капитал» страны, под которым мы подразумеваем восприятие Японии в мире, и прежде всего азиатском, как страны с высоким уровнем и качеством жизни, и всего того, что она создает, как страны, которая, не являясь уже самой крупной азиатской экономикой, все-таки остается самым развитым в социально-экономическом отношении государством и может служить образцом для других азиатских (и не только) стран.

Черты такой экономики и общества обозначены в документе кабинета министров "Basic Policies for Economic and Fiscal Management and Reform. Ending Deflation and Revitalizing the Economy" (июнь 2013 г.). Это — общество, которое предоставляет каждому возможности обеспечить высокое качество жизни — защиту и безопасность, удовлетворенность жизнью, возможности трудоустройства, саморазвития и самореализации, высокий уровень и качество потребления, доступность современного образования, здравоохранения, здорового питания, возможности приобщения к культуре, спорту, здоровому образу жизни⁵².

В практическом смысле экспорт такого образа жизни, такой модели общества Япония будет осуществлять (и это уже делается) в том числе

на основе экспорта систем, решений, образов. Фактически формируется новая комплексная форма международных экономических связей, включающая экспортные операции, инвестиции, техническое и гуманитарное сотрудничество. Выстраивается своего рода цепь поставок товаров и услуг с высоким значением экспортного мультипликатора. Все это подкрепляется экономической помощью правительства Японии (в том числе по линии ОПР), кредитами Японского банка экономического сотрудничества.

Отличительной чертой нового формата зарубежной деятельности японских компаний является его стратегический характер: реализация и последующее сопровождение проектов в отличие от обычных экспортных поставок охватывает более длительную временную перспективу. Конечно, большинство элементов «системного экспорта» осуществлялось японскими компаниями (как и компаниями других стран) и раньше, но новизна нынешнего момента состоит в комплексном и долгосрочном характере этой формы и в том, что она становится ведущей в деятельности корпораций.

Спрос на системы и системные решения, обеспечивающие высокий уровень и качество жизни людей, растет, и особенно быстро в развивающихся странах, странах СНГ, многие из которых сейчас разрабатывают и/или уже осуществляют программы развития инфраструктуры и социальной сферы, что стало особенно актуальным в свете осознания достижения рядом стран пределов экспортно ориентированной индустриализации и перехода к «инклюзивному росту». Вместе с тем стоит признать, что за эти рынки уже идет борьба, причем японские компании вынуждены конкурировать не только с западными корпорациями, но и с местными, которые зачастую предлагают услуги, например медицинские или образовательные, по гораздо более привлекательным для местного рынка ценам, используя при этом передовые методы и технологии.

Примечания

¹ Japan Repositioning in Face of a Challenging World Economy, Oct. 2012, p. 7 — JETRO Focus Newsletter (<http://www.jetro.go.jp/en/reports/survey/other/>).

² <http://data.worldbank.org/indicator/TG.VAL.TOTL.GD.ZS/countries>

³ Данные для Японии — 2011 г., для других стран — 2012 г. (<http://data.worldbank.org/indicator/BG.GSR.NFSV.GD.ZS>).

⁴ Trade Profile WTO 2011 (апрель 2013) (<http://stat.wto.org/CountryProfile/WSDBCountryPFView.aspx?Language=E&Country=JP>).

⁵ Survey of Japanese-Affiliated Companies in Asia and Oceania (FY 2012 Survey) December, 2012, p. 15 (<http://www.jetro.go.jp/en/reports/survey/biz/>).

⁶ Ibid, p. 35.

⁷ Для введения в контекст данной проблематики адресуем читателя к исследовательскому проекту Всемирной торговой организации (ВТО) под названием “Made In The World”, участники которого анализируют проявления и последствия изменения структуры мировой торговли, связанные с прогрессирующей транснационализацией

бизнеса. В рамках данного проекта ВТО был подготовлен и опубликован целый ряд докладов и статей, в том числе: "The Shifting Geography of Global Value Chains: Implications for Developing Countries and Trade Policy" 2012; "Trade in Value Added: What is the Country of Origin in an Interconnected World?" 2011; "Measuring Value-Added Trade: What's in It for Developing Countries?" (http://www.wto.org/english/res_e/statis_e/miwi_e/miwi_articles_e.htm).

⁸ Попутно заметим, что во внутрирегиональном экспорте стран АСЕАН в 2000–2011 гг. увеличилась доля потребительских товаров — с 17 до 27%, в то время как доля промежуточной продукции снизилась в тот же период с 26 до 20%, что свидетельствует о росте потребительского рынка в этих странах. — *Regional Economic Outlook: Asia and Pacific*. April 2013, p. 8, 18 (<http://www.imf.org/external/pubs/ft/reo/2013/APD/eng/areo0413.htm>).

⁹ 2011 JETRO Global Trade and Investment Report. *International Business as a Catalyst for Japan's Reconstruction*, p. 79–80.

¹⁰ Заметим, что ситуацию экономических отношений Японии со странами Восточной Азии в данном случае мы рассматриваем в качестве примера, однако наиболее ярко и полно характеризующего проблемы международной конкурентоспособности Японии и ее компаний. В принципе, подобная ситуация характерна в той или иной мере и для других географических направлений внешнеэкономической активности Японии.

¹¹ Разработка новой модели и стратегии долгосрочного роста активно велась при правительстве Д. Коидзуми, занимавшего пост премьер-министра в 2001–2006 гг. Эта работа была продолжена кабинетами его преемников. — *Japan's 21st Century Vision* (http://www.keizai-shimon.go.jp/english/publication/pdf/050419visionsummary_fulltext.pdf).

¹² Основы Стратегии были разработаны Министерством экономики, торговли и промышленности Японии (опубликованы в июне 2006 г.).

¹³ *FY 2007 Economic and Industrial Policy: Key Points*. Aug. 2006. Ministry of Economy, Trade and Industry, p. 1.

¹⁴ *New Economic Growth Strategy*. June 2006. Ministry of Economy, Trade and Industry, p. 4.

¹⁵ Подробнее см.: *Тимонина И.Л.* Япония в глобальной экономике: настоящее и будущее. — *Глобальные вызовы: японский ответ*. М., АИРО-XXI, 2008; *Тимонина И.Л.* Международное измерение экономической политики либерал-демократов. — Япония: полвека правления социал-демократов. М., АИРО-XXI, 2010.

¹⁶ *New Growth Strategy*. June 2010 (<http://www5.cao.go.jp/keizai/index-e.html>).

¹⁷ *Fiscal 2013 Economic Outlook and Basic Stance for Economic and Fiscal Management*. February 28, 2013

Cabinet Decision (<http://www5.cao.go.jp/keizai1/2013/0228mitoshi-e.pdf>).

¹⁸ *Basic Policies for Economic and Fiscal Management and Reform. Ending Deflation and Revitalizing the Economy* (June 2013), p. 11 (<http://www5.cao.go.jp/keizai/index-e.html>).

¹⁹ *The Basic Concept of the Growth Strategy. Japan Revitalization Strategy*, p. 7–8 (June 14, 2013 Cabinet decision).

²⁰ *White Paper on International Economy and Trade 2012.*, p. 687–688.

²¹ В апреле 2013 г. президент Всемирного банка Джим Ен Ким заявил, что для реализации к 2030 г. цели по базовой ликвидации крайней нищеты в мире главное значение будет иметь быстрый и инклюзивный экономический рост в развивающихся странах. Он также высказал мнение, что для ликвидации бедности, во-первых, необходимо, чтобы развивающиеся страны еще больше увеличили темп продолжавшегося в последние 15 лет быстрого экономического роста; во-вторых, необходимы превращение экономического роста в средство для ликвидации бедности и увеличения занятости, содействие инклюзивному росту, сокращение разрыва между богатыми и бедными; наконец, все страны также должны уменьшать последствия климатических бедствий, продовольственных, энергетических и финансовых кризисов (<http://russian.cri.cn/841/2013/04/19/1s465319.htm>).

Идеи инклюзивного роста как основы новой модели макроэкономической политики в развивающихся странах активно поддерживаются и ООН. Инклюзивный и экологически чистый рост является ключом к созданию новых центров экономического динамизма среди сохраняющейся глобальной неустойчивости, отмечается в ведущем издании ЭСКАТО (http://news.headline.kz/mneniya_i_kommentarii/vremya_korrektirovat_makroekonomiku.html)

<http://www.econews.uz/index.php/item/1974-forward-looking-macroeconomic-strategy-for-inclusive-and-sustainable-development.html>). Сама же концепция (как и пути ее практического воплощения) в наиболее полном виде была разработана экспертами АБР и стала одной из трех частей Стратегии развития до 2020 г. — Strategy 2020: The Long-Term Strategic Framework of the Asian Development Bank, ADB 2008. Две другие составляющие — экологически устойчивое развитие и региональная интеграция. — Framework of Inclusive Growth Indicators 2012. Key Indicators for Asia and the Pacific Special Supplement. 2nd Edition, p. 3.

²² White Paper on International Economy and Trade 2012, p. 688–693.

²³ Speech of the Second Round of Policies under the Growth Strategy by Prime Minister Shinzo Abe at Japan Academia (www.kantei.go.jp/foreign/96_abe/statement/201305/17speech_e.html).

²⁴ New Growth Strategy. The Formulation of Japan Revitalisation Strategy — Japan is Back (Important Documents). Prime Minister of Japan and His Cabinet (http://www.kantei.go.jp/foreign/96_abe/documents/2013/1200485_7321.html).

²⁵ Напомним, что одной из ключевых сфер деятельности японских универсальных торговых компаний является инвестирование за рубежом, а также организация консорциумов японских компаний для реализации крупных зарубежных проектов, их информационная и консультационная поддержка.

²⁶ Из статьи-комментария агентства Рейтер: «Promising to be a “top salesman” for Japanese infrastructure exports, Abe vowed to promote private-sector investment at home and asked corporate Japan to do its bit to pass on the benefits of Abenomics» (<http://www.reuters.com/article/2013/05/17/us-japan-economy-arrow-targets-idUSBRE94G07L20130517>).

²⁷ “Salesman-in-Chief” Abe Heads to Myanmar in Historic Visit (<http://english.sina.com/world/2013/0523/593193.html>).

²⁸ Industrial & Social Infrastructure Systems Business Strategy (www.hitachi.com/.../20110616e_03_IS_present).

²⁹ Одна из главных задач альянса — координация усилий с подобными организациями в других странах в области стандартизации.

³⁰ <https://www.smart-japan.org/english/tabid/103/Default.aspx>

³¹ <http://www.smart-japan.org/english/member/tabid/104/Default.aspx>

³² В настоящее время участниками консорциума являются 27 компаний, в том числе корейская LG и американская «Хьюлетт Паккард» (<http://www.smartcity-planning.co.jp/en/outline/index.html>).

³³ Приведенные оценки являются очень приблизительными, поскольку здесь учитывались только энергетический и информационный компоненты «умного города» и не включалась транспортная и городская инфраструктура. Исходя из этого можно предположить, что реальные и потенциальные размеры данного рынка гораздо значительнее (<http://www.smartcity-planning.co.jp/en/outline/index.html>).

³⁴ <http://news.bcm.ru/auto/2013/4/18/695991/1>

³⁵ Например, в октябре 2013 г. в г. Иокогаме пройдет международная специализированная выставка SMART CITY WEEK 2013 (SCW), цель которой представить японские разработки и технологии и найти партнеров для реализации проектов (<http://expo-asia.ru/exhibitions/scw2013jp>).

³⁶ Мероприятие было организовано посольством Японии в России и консорциумом Smart City Planning при спонсорской поддержке Банка международного сотрудничества Японии (JBIC) (<http://stroy-obozrenie.ru/release/4728.html>).

³⁷ <http://www.stroy-puls.ru/building/detail.php?ID=57986>

³⁸ Харадзюку — район в Токио, где сосредоточено большое число модных молодежных магазинов. Сам район можно считать неформальным центром молодежной моды.

³⁹ Efforts to Promote Japanese Alcoholic Drinks to Global Consumers. JETRO. January 2013 (jetro.go.jp/en/earthquake/pdf...alcoholic_drink.pdf).

⁴⁰ http://www.kantei.go.jp/foreign/96_abe/documents/2013/1200485_7321.html

⁴¹ Приведем выдержку из рекламы медицинского туризма. «Малайзия входит в пятерку стран — лидеров медицинского туризма и занимает среди них почетное третье место. Экономические успехи страны позволили создать одну из лучших в Юго-Восточной Азии систему здравоохранения и на ее базе развивать индустрию международного въездного медицинского туризма. В последние годы эта отрасль получает поддержку правительства, а ассоциация частных клиник Малайзии, куда входят 35 медицинских учреждений, успешно продвигает Малайзию на международном рынке медицинских услуг. В 2008 г. местные медицинские центры приняли более 295 000 иностранных пациентов. Ожидается, что этот показатель будет ежегодно увеличиваться на 30%. Малайзия привлекает иностранных пациентов широким спектром медицинских услуг на уровне мировых стандартов, стоимость которых значительно ниже, чем в США, Израиле и Германии, а также великолепным сервисом» (<http://medvoyage.info/countries/malaysia.html>).

⁴² JETRO Global Trade and Investment Report 2011, p. 99 (http://www.jetro.go.jp/en/reports/white_paper).

⁴³ JETRO Global Trade and Investment Report 2012, p. 15 (http://www.jetro.go.jp/en/reports/white_paper).

⁴⁴ JETRO Global Trade and Investment Report 2010, p.112 (http://www.jetro.go.jp/en/reports/white_paper).

⁴⁵ Оценка АБР (Framework of Inclusive Growth Indicators 2012. Key Indicators for Asia and the Pacific Special Supplement. 2nd Edition, p. 27–28).

⁴⁶ Fischer P. Eurasia' Emerging Megamarkets. Building Your Tomorrow in China, India and Russia. — Booksurge. 2010, p. 64–65.

⁴⁷ <http://www.meta.kz/371685-krupnejshim-v-mire-rynkom-predmetov-roskoshi-k.html>

⁴⁸ TOTO Corporate Report 2012 (http://www.toto.co.jp/company/profile_en/library/index.htm).

⁴⁹ JETRO Global Trade and Investment Report 2012. Overview, p. 13 (http://www.jetro.go.jp/en/reports/white_paper).

⁵⁰ JETRO Global Trade and Investment Report 2012, p. 44.

⁵¹ Торговые точки «Уникло» работают в 13 странах мира. При этом примечательно, что, например, в Лондоне целых два магазина размещаются на престижной торговой улице Оксфорд-стрит.

⁵² <http://www5.cao.go.jp/keizai/index-e.html>

Е.Б. Ковригин

**ЭВОЛЮЦИЯ ЯПОНСКОЙ ОПР
В 1960–2010-е ГОДЫ
(НА ПРИМЕРЕ ПОМОЩИ СТРАНАМ ЮВА)**

Японская официальная помощь развитию (ОПР) принадлежит к числу важных феноменов современной мировой экономической истории и жизни. В последней четверти XX в. Япония зарекомендовала себя как супердержава по линии помощи, превосходя по ее ежегодным оттокам даже США. По официальным данным, с 1954 г., когда Япония присоединилась к пулу государств-доноров, 189 суверенных стран и зависимых территорий в то или иное время входили в число бенефициаров японских низкопроцентных кредитов и грантов¹. По подсчетам экспертов, ни одна другая страна-донор не обладала таким диапазоном государств-получателей ОПР². Фактически японская ОПР охватывала всю развивающуюся часть планеты. В настоящее время кумулятивная сумма выделенных Токио развивающимся странам льготных средств приближается к 300 млрд. долл. Можно без обиняков сказать, что без японских льготных трансфертов условия жизни во многих странах развивающегося мира, особенно в ЮВА, были бы хуже.

Предыдущая статья автора — о японской помощи Китайской Народной Республике — появилась на страницах ежегодника «Япония 2012»³. КНР в течение длительного времени (с 1979 г.) была фаворитом Японии по линии экономического сотрудничества, получив около 45 млрд. долл., но с 2008 г. отношения по этой линии (кроме сферы экологии) фактически прекратились. Напротив, Юго-Восточная Азия, помощь которой началась раньше, чем Китаю, еще с 1950-х годов, является фаворитом и поныне. В наши дни практически все государства ЮВА (кроме Восточного Тимора и Папуа–Новой Гвинеи) входят в состав Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, поэтому в данной статье АСЕАН и ЮВА употребляются как синонимы. Правда, строго говоря, часть государств региона (Бруней, Вьетнам, Бирма, Лаос и Камбоджа) присоединилась к Ассоциации позже ее основания. Однако поскольку Япония оказывала этим «новым» членам (кроме Брунея) помощь и до их вхождения в АСЕАН, то имеет смысл рассматривать их в истори-

© Ковригин Е.Б., 2014

ческой ретроспективе воедино. Главное внимание уделяется тем новым явлениям, которые происходят в японской ОПР странам ЮВА с конца XX в., т.е. с тех пор как Япония утратила позицию донора № 1, удерживавшуюся ею до этого в течение 12 лет (1989–2001).

Под понятием «ОПР» в работе используется определение Комитета помощи развитию (КПР, английская аббревиатура — DAC) при Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которое отличает ОПР от других видов внешнеэкономической деятельности по трем критериям: 1) она должна исходить от правительственных организаций, 2) в качестве своей главной цели она должна способствовать прогрессу экономического развития и благосостояния стран-реципиентов и 3) ее «грант-элемент» должен составлять не менее 25%⁴.

1. К вопросу о мотивации японской ОПР

Вопрос, во имя чего оказывается ОПР вообще и Японией в частности сложен, зависит от конкретной ситуации и от времени. За почти шесть десятилетий (с 1954 г.) мотивы и цели японской помощи развивающемуся миру менялись, переплетались и по-разному интерпретировались. По словам известного эксперта Д. Тринидада, японская сторона использовала ее как репарации бывшим жертвам агрессии, как средство продвижения экспорта товаров и услуг, как стратегические инвестиции, как способ укрепления доверия, как средство решения двусторонних проблем, как манифестацию экономической мощи и регионального лидерства, как орудие покупки влияния в различных международных организациях и т.д.⁵. В литературе имеется и более четкая мотивированная, т.е. нацеленная на извлечение материальной выгоды, 2) диктуемая политическими мотивами — для покупки влияния или для «ингейджмента» стран-реципиентов⁶ и 3) стратегическая (например, обусловленная борьбой с мировым коммунизмом в XX в. или исламским экстремизмом в нынешнем столетии).

В зависимости от преобладания указанных мотивов западные ученые на данном этапе различают четыре основные модели ОПР: американскую, японскую, шведскую и французскую. Американская модель характеризуется преобладанием соображений геополитики, безопасности и поддержания роли США как сверхдержавы. Японская помощь пока еще большей частью концентрируется (несмотря на подвижки) на коммерческих и неомеркантилистских целях. Шведскую модель характеризуют как «социал-демократическую», для которой сильны соображения гуманитарного порядка. Наконец, Франция (частично также Голландия и Бельгия) путем ОПР поддерживает узы со своими бывшими колониями во имя продолжения взаимозависимости и распространения своих культуры и языка⁷.

На самом деле такие классификации достаточно условны, и мотивы оказания помощи встречаются в чистом виде редко (хотя каждый из них может преобладать). Приведем пример из уже далекого прошлого, а именно крупнейший по тем временам пакет помощи (500 млн. долл.), который был предоставлен Японией Южной Корее в контексте восстановления дипломатических отношений в 1965 г. Авторы британской монографии справедливо пишут, что эта программа была предназначена: 1) для строительства молодой Республики Корея как союзника США и бастиона против коммунизма в регионе; 2) для обеспечения экономических возможностей работы японского бизнеса на южнокорейском рынке, 3) в длительной перспективе для политической и экономической стабилизации страны и смягчения авторитарного характера ее режима⁸. Как видно, предоставление полумиллиарда долларов было мотивировано и экономическими, и политическими, и стратегическими соображениями и провести между ними грань в денежном отношении вряд ли возможно.

Помимо вышеприведенной классификации на практике фигурируют два дискурса японской ОПР, которые можно сформулировать так: гуманитарное измерение и интересы Японии. По мысли японского дипломата и ученого К. Того, налогоплательщикам страны-донора необходимо четкое и понятное осознание целей, задач, рациональности помощи развивающемуся миру. Их, в частности, нужно убедить, что деньги, которые могли бы быть с пользой потрачены внутри страны, тратятся за границей не напрасно⁹.

На вопрос, зачем выплачиваются деньги каким-то далеким развивающимся странам, японское руководство выработало два основных ответа: «гуманитарные соображения» и «соображения пользы». «Гуманитарные соображения» формулируются так: за рубежом огромное число людей страдают от социальных лишений и экономических трудностей, и Япония, как богатая страна, которая в тяжелые годы получала материальную поддержку от США и Всемирного банка, в свой черед обязана помогать более бедным. В течение длительного времени этот аргумент встречал понимание со стороны большинства японской общественности.

Вторая причина ОПР объясняется «соображениями пользы», т.е. тем, что, помогая развивающемуся миру, Япония действует в собственных интересах. Другими словами, в нашем взаимозависимом мире развитие отстающих стран в конечном итоге должно принести крупные дивиденды государствам-донорам, т.е. в данном случае Японии. Такая интерпретация, в свою очередь, налагается на «политический» аргумент о том, что создание стабильного и процветающего общества в странах-партнерах усилит национальную безопасность самой Японии.

С практической стороны ОПР предоставляет уникальный шанс близко познакомиться с культурой страны-реципиента, а также «про-

щупать», как нужно вести себя с каждой из них, повлиять на ее складывающуюся инфраструктуру, узнать поглубже ее экономический потенциал, ознакомиться с деловыми традициями и т.д. Такого рода информация имеет большую ценность для японской дипломатии и корпораций, а добывание ее посредством реализации ОПР можно уподобить легальной политико-экономической разведке.

Сверх того, по мнению К. Того, для предоставления ОПР существует еще один важнейший стимул — вопрос престижа Японии как страны-донора. Раньше статус великих или по крайней мере влиятельных государств определялся наличием или отсутствием у них заморских колоний. В послевоенное время, после тотальной деколонизации развивающегося мира, статус развитых держав стал определяться тем, в какой мере они оказывают помощь новым, освободившимся государствам. Неслучайно в числе ведущих доноров оказались преимущественно бывшие метрополии, стремящиеся к поддержанию уз со своими бывшими колониями.

Становление Японии как колониальной державы произошло сравнительно поздно — в результате аннексии Тайваня в 1895 г., Кореи в 1910 г. и китайской Маньчжурии в 1930-е годы. Она в основном уладила отношения с Тайванем, Южной Кореей и КНР по поводу их бывшего колониального угнетения. Тайвань, под американским давлением, отказался от послевоенных репараций и вскоре начал быстро развиваться главным образом за счет иностранных инвестиций под американским «военным зонтиком»¹⁰. Основные вопросы с Южной Кореей были решены путем предоставления двух крупных пакетов помощи (льготные и коммерческие займы, а также гранты) в 1965 и в 1982 гг. Китай отказался от репараций, и ему в 1979–2008 гг. было выделено по линии ОПР около 45 млрд. долл., т.е. порядка 1/5 всех фондов для развивающегося мира. (Правда, как показало дальнейшее развитие событий, несмотря на помощь, Япония не добилась установления здоровых политических отношений ни с Сеулом, ни с пекинским руководством.)

В данной статье объектом анализа является другой важнейший регион — Юго-Восточная Азия, которая практически целиком (кроме «дружественного» Таиланда) была оккупирована японскими вооруженными силами в первой половине 1940-х годов. Хотя японская оккупация была относительно кратковременной, ущерб от нее оказался весьма серьезным, а оставленные шрамы — глубокими.

2. Что стоит за размерами японского экономического сотрудничества?

По официальным данным Японии и ОЭСР, с начала нынешнего столетия снижение размеров ОПР происходило при всех кабинетах Либерально-демократической партии (ЛДП) вплоть до кратковременного (2009–2012) правления Демократической партии Японии (ДПЯ). Соб-

ственно, такая тенденция проявилась еще раньше, со второй половины 1990-х годов. До этого Японии нужно было куда-то направлять растущий актив торгового баланса, и помощь развивающимся странам представлялась обоснованной и удобной для этой цели. Однако в «потерянное десятилетие» (как называют 1990-е годы и начало нынешнего века) свободные финансовые ресурсы существенно сократились. Страна, находясь в тисках затяжной экономической стагнации, ощущала нарастающий кризис государственных финансов. Вследствие этого у Японии возникла необходимость искать менее затратные меры по отстаиванию своих интересов в развивающемся мире. В 1997 г. премьер-министр Р. Хасимото объявил, что ОПР развивающимся странам будет сокращаться на 10% каждый год. Его кабинет принял базовое решение, согласно которому в дальнейшем программы помощи должны концентрироваться не на количественном росте ассигнований, а на их эффективности¹¹. Необходимость урезания объяснялась сокращением налоговой базы и бюджетным дефицитом, тем, что помощь плохо доходит до бедных слоев населения в принимающих странах и т.д. Кроме того, жизнь показала, что растущие потоки субсидий и кредитов отнюдь не гарантируют рост японского влияния в странах-реципиентах. Правда, запланированное правительством ощутимое сокращение пакетов ОПР было прервано (вернее сказать, отложено) ввиду экстренной необходимости вывести ряд стран Азии (Индонезия, Таиланд, Малайзия и Южная Корея) из финансового кризиса 1997–1999 гг.

В 1990-е годы западные державы-доноры охватила «усталость от помощи» (aid fatigue). Япония сопротивлялась этой негативной тенденции дольше других, но в конечном итоге устоять не смогла. Разочарование в льготных трансфертах развивающемуся миру, в особенности в займах Китаю, в конце концов достигло и Японии. Пик «усталости от помощи» пришелся на самое начало XXI в., когда влиятельный депутат от правящей ЛДП С. Камэй предложил урезать объем помощи сразу на 30%, т.е. примерно на 5 млрд. долл.

В результате в 2001 г. Японию обогнали США, потом Великобритания, Германия и Франция. Япония сейчас занимает непрестижное пятое место как донор. Более того, в середине 2010-х годов Япония по такому чувствительному показателю, как доля ОПР в валовом национальном доходе (0,19%) заняла лишь 20-е место среди 22 стран-членов Комитета помощи развитию. В превращении Японии из бесспорного лидера в «аутсайдера» нет ничего драматического: статистически ОПР — просто одна из статей бюджета. Страна исходит из собственных финансовых и других обстоятельств. Тем не менее этот факт, конечно, ослабляет международное влияние и дипломатические позиции Японии. Рассмотрим динамику японской правительственной помощи (в том числе на двусторонней основе) в первом десятилетии XXI в. (млрд. долл.)¹²:

Финансовый год	Вся помощь	Двусторонняя помощь
1999	15,358	10,498
2000	13,508	9,640
2001	9,847	7,452
2002	9,283	6,726
2003	8,880	6,014
2004	8,922	5,956
2005	8,584	5,899
2006	8,358	7,420
2007	7,747	5,840
2008	9,720	6,939
2009	9,551	6,250
2010	11,021	7,428
2011	10,750	6,511

Из приведенных цифр понижательная тенденция, казалось бы, вполне очевидна. Однако со статистикой все оказывается не так просто. Откат Японии на второстепенные позиции основывается на сугубо официальных данных, публикуемых японским МИД. Между тем имеются сомнения в том, что великая экономическая держава Япония выделяет сейчас развивающемуся миру лишь ненамного больше, чем такие малые европейские страны, как Голландия. Шведский ученый Б. Эрстрем объясняет, что проблема частично связана с дефиницией понятия «ОПР». По методике КПР официальной помощью могут считаться только те ресурсы, в которых «грант-элемент» составляет минимум 25%, а в японской ОПР во многих случаях этот показатель находится на уровне 18–20%¹³. Такие выплаты можно условно назвать «недопомощью» или «почти-помощью». «Недопомощь» не включается в официальную статистику, вследствие чего страдает международный имидж Японии. По-видимому, с конца XX в. занижение реальных объемов помощи (с точки зрения внутренней политики) было выгодно японскому правительству, которому приходилось учитывать настороженно-негативное отношение своей общественности к финансированию развивающихся государств. Обнародуя официальную (не совсем полную) статистику, правительство демонстрировало своему населению, что оно делает все возможное для экономии налоговых поступлений.

Есть еще один серьезный фактор, который «тянет вниз» обнародуемые размеры льготных выплат развивающимся странам. Япония десятилетиями выделяла в качестве *займов* миллиарды и миллиарды долларов, сумма которых намного превышала кумулятивную сумму *грантов*. Хотя эти кредиты были весьма льготными, с невысокими го-

довыми процентами, но все-таки правительство рассчитывало на их возврат впоследствии.

С конца 1990-х такие займы начали «созревать» и, соответственно, возвращаться в Японию из столиц развивающихся стран, а в XXI столетии этот процесс стал усиливаться с каждым годом. В официальной статистике возврат займов вычитается из общей суммы новых трансфертов за данный год. В результате получается картина, при которой отток займов за год может оказаться меньше притока возвращаемых средств. Например, в 2008 г. Япония выделила новых льготных кредитов на сумму 6,2 млрд. долл., а получила с государств-должников почти 7 млрд. долл.¹⁴. При таком раскладе получается, что Япония сейчас вообще не одалживает средства, а, наоборот, «стрижет купоны» с ранее выплаченных займов, а ее помощь (та часть, которая приходится на займы) превращается в отрицательную величину. Данный «парадокс» практически является сугубо японским феноменом. У таких держав-членов «Большой восьмерки», как США или Великобритания, доля займов была с самого начала традиционно намного ниже, чем у Японии; соответственно, у них была выше доля *грантов*, невозврат которых был уже заложен даже в их названии. Япония же при предоставлении щедрых *займов* (но с «нелюбовью» к грантам) рассчитывала, что по прошествии оговоренного времени деньги (причем с небольшим процентом) вернутся в Токио.

В результате возникают следующие коллизии. Например, в 2006 фин. г. Индонезия, Таиланд и Индия получили от японского правительства соответственно 1035 млн., 782 млн. и 576 млн. долл., т.е. они должны были бы войти в первую тройку реципиентов японской ОПР. Однако, согласно официальной статистике, эти азиатские страны не вошли даже в их первую десятку, ибо возврат долгов в Токио превысил объем новых займов. Вот как выглядели размеры японской ОПР за несколько последних лет с учетом («нетто») и без учета («брутто») возвращаемых должниками средств (млн. долл.)¹⁵:

Финансовый год	«Нетто»	«Брутто»
2004	8 922	14 407
2005	8 584	17 100
2006	8 358	16 730
2007	7 747	13 566
2008	9 720	15 491

Без учета возвращаемых средств размеры льготных трансфертов Японии вполне сопоставимы с американскими. Конечно, обнародование данных о нетто-помощи (вместо брутто-помощи) ухудшает имидж Японии за рубежом, но в глазах своего общественного мнения, на-

строеного на рачительное использование финансов, японское правительство в первом десятилетии нового века выигрывало, и, видимо, это соображение оказывалось важнее, ибо иностранцы не голосуют на японских выборах в парламент. Опросы, проводившиеся в Японии, раз за разом показывали постоянное снижение энтузиазма населения относительно ОПР: в 1991 г. за расширение помощи выступало 42% опрошенных, в 1994 г. — 33%, в 1998 г. — 28%, а к 2004 г. этот показатель вообще упал до 14%¹⁶. (К 2008 г. поддержка населением количественного роста ОПР вновь повысилась — до 30%. Специалисты ОЭСР объясняют этот сдвиг либо «стыдом» японцев за то, что их страна откатилась на второстепенные позиции, либо агитацией в пользу увеличения объемов помощи со стороны правительства¹⁷.)

В любом случае мировая общественность оперирует официальными цифрами (из которых исключены «недопомощь» и погашаемые развивающимися странами долги). С международной точки зрения нынешние скромные официальные (нетто) размеры несопоставимы с ролью Японии как третьей экономики в мире. Как следствие, японскому правительству, когда речь заходит об ОПР, приходится лавировать между международными ожиданиями и общественным мнением в стране. В информационно-статистическом плане помогает реструктуризация долга (например, отсрочка погашения крупных займов Индонезией) или списание долга вообще (Ираку и Нигерии). Даже если бы Токио сейчас перешел преимущественно на безвозмездные ссуды, еще не менее 10–15 лет массовый возврат долгов с процентами из столиц развивающихся стран будет нелестно отражаться на международном восприятии страны. По-видимому, забота об имидже страны влияет на то, что в 2000-х годах в новых трансфертах ОПР безвозмездные субсидии (гранты, включая техническое сотрудничество) уже несколько превышают по объему иеновые займы.

3. От послевоенных репараций к добровольной помощи странам ЮВА

Как отмечалось выше, с 1960-х годов стала складываться специфическая, сугубо «японская» модель, резко отличающаяся от экономического сотрудничества, практикуемого западными донорами. Ее основными отличительными чертами являлись следующие. Во-первых, главным (на начальном этапе до 80% общего объема) объектом деятельности стали Восточная и Юго-Восточная Азия, что обусловлено переплетением факторов исторического, внешнеэкономического и географического характера. В этой связи Японию постоянно критиковали за региональную несбалансированность, за уклон в сторону стран, от которых ожидалась наибольшая экономическая выгода. Во-вторых, основным каналом перекачки средств являлись не гранты, а льготные правительственные («иеновые») займы, что объяснялось собственным

японским опытом тех времен, когда она сама была получателем международной помощи. В-третьих, займы главным образом направлялись на возведение экономической инфраструктуры в странах-реципиентах, поскольку с японской точки зрения она является «основой национального строительства» в развивающемся мире¹⁸. «Помощь во имя самопомощи» стала как бы официальным детерминантом и лозунгом японских программ сотрудничества. Дух «самопомощи», которую Япония считает критически важной для развития любой страны, отражал ее собственный опыт и рабочую этику: «занять деньги, произвести товары или услуги за счет этих денег, генерировать прибыль и вернуть деньги заимодавцу»¹⁹.

Особый акцент японской ОПР на ЮВА стал следствием послевоенных репараций (и квазирепараций), выплачивавшихся Японией с 1950-х годов странам региона, почти все из которых впоследствии стали членами АСЕАН. После Тихоокеанской войны на все ранее (кратковременно) завоеванные Японией территории вернулись западные державы-метрополии, которые через некоторое время были вынуждены предоставить им независимость. Независимыми стали Индонезия, Филиппины, Бирма, несколько позже страны Индокитая (Северный и Южный Вьетнам, Камбоджа и Лаос), Малайская Федерация и т.д. Таким образом, при становлении своей торговой сети Японии приходилось иметь дело с новыми государствами, причем с абсолютно расстроенными финансами. Между тем везде память о гигантском людском и материальном ущербе, нанесенном милитаристской Японией, была очень свежа. Решение союзных держав о выплате Японией репараций за этот ущерб (статья 14 Сан-Францисского мирного договора) было несколько расплывчатым; в частности, не были определены ни конкретные страны, ни размеры репараций²⁰. Однако лидеры японского истеблишмента сами понимали, что без обоюдной согласованной компенсации установление нормальных отношений с этими новыми, но бедными странами Юго-Восточной Азии невозможно.

В октябре 1954 г. было подписано соглашение с Бирмой о выплате ей Японией репараций и оказании «прочей помощи». За этим последовала серия аналогичных соглашений о репарациях с Филиппинами, Индонезией и Южным Вьетнамом. Помимо репараций в чистом виде с середины 1950-х годов стали также осуществляться не совсем добровольные программы безвозмездной помощи, известные как «квазирепарации»²¹. Такие же квазирепарации выплачивались Камбодже, Лаосу, Таиланду (хотя он и не был оккупирован), Малайзии, Сингапuru и островам Микронезии. Общая сумма таких «добровольно-принудительных» выплат составила около 1,68 млрд. долл. (по курсу 1 доллар = 360 иен).

Репарационные и квазирепарационные платежи молодым государствам ЮВА решали как минимум три задачи. Во-первых, они хорошо вписывались в стратегию «холодной войны» (в «план Даллеса») как японский вклад в экономический подъем в антикоммунистических

странах Востока. Во-вторых, они как бы демонстрировали раскаяние и извинения Японии за Тихоокеанскую войну и военные преступления. В-третьих, и это, видимо, самое главное, они выплачивались не в денежной форме, а товарами и услугами. Японское правительство стало заключать контракты со своими частными компаниями на поставки товаров и возведение инфраструктуры в странах-жертвах японской агрессии — за счет госбюджета. Токио сумел уникально воспользоваться этими трансфертами: вместо того чтобы ослабить побежденную в войне нацию (как, например, Германию после Первой мировой войны), они, наоборот, способствовали ее хозяйственному возрождению за счет экспорта услуг и товаров. Очевидно, что безвозмездно передаваемые в ЮВА машины и оборудование в дальнейшем требовали запасных частей и комплектующих, ремонта, обслуживания, обучения персонала, за что нужно было уже платить²². К тому же местные компании, их менеджеры и рабочие просто привыкли работать на японском оборудовании. Ремонтные платежи помогли проложить на этапе послевоенного возрождения путь для японского товарного экспорта в ЮВА, обогащая японские же корпорации.

Впрочем, еще до начала реальной выплаты репараций Япония, заботясь о повышении международной репутации, осознала необходимость добровольного донорства. В частности, она согласилась принять участие в «Плане Коломбо», т.е. в соглашении о техническом сотрудничестве с молодыми странами АТР. В японо-бирманском мирном договоре (1954 г.) наряду с военными репарациями уже фигурировало и безвозмездное *экономическое сотрудничество*. В 1958 г. Япония начала предоставление реальных *займов* за рубеж (льготные кредиты Индии). Это олицетворяло переход уже к полноценной экономической помощи — вне проблемы репараций как средства искупления национальной вины за войну и оккупацию.

В начале 1960-х годов Япония уже «примеряла» на себя статус третьего полюса развитого капиталистического мира, войдя в число членов ГАТТ, Международного валютного фонда (МВФ) и (что важнее всего) в ОЭСР — эксклюзивный клуб индустриальных западных стран. Между тем для многих в мире конец 1950-х и начало 1960-х годов казались периодом успехов социализма в связи с технологическими прорывами в СССР и высокими темпами роста в социалистических странах. В условиях борьбы двух систем Соединенные Штаты возглавили крестовый поход против коммунизма, причем не только путем демонстрации военной силы, но и путем помощи развитию. Однако уже с конца 1950-х годов американский платежный баланс стал хронически отрицательным, и Вашингтону становилось труднее ассигновывать средства на обе цели сразу.

Для противостояния коммунизму требовались новые доноры, особенно после начала американской войны во Вьетнаме, которая поглощала все больше материальных средств. В регионе на роль такого до-

нора лучше всех подходила Япония, которая с точки зрения США и сама была заинтересована в содействии соседям в Азии для исправления своего имиджа. Политическая солидарность с Западом в борьбе с коммунизмом в развивающемся мире оказалась даже более важным стимулом, чем обязательства по возмещению ущерба в регионе. На долгое время помощь стала главным (а фактически единственным) инструментом японской дипломатии, в особенности применительно к АТР. По большей части именно вокруг вопросов финансового и технического содействия вращались (и вращаются) японские межправительственные отношения с «новыми» и «старыми» членами АСЕАН, Китаем (1979–2008), государствами Центральной Азии и островными мини-государствами Южной Океании. Как ведущий донор помощи в АТР Япония обогнала США еще в 1978 г., а в 1989 г. заняла это место уже в глобальном масштабе. Нередко можно было услышать, что в то время сложилось своего рода международное разделение труда: за военные аспекты «порядка» в развивающемся мире отвечали Соединенные Штаты, а за финансовую сторону — Япония²³.

В 1960-х годах среди стран ЮВА в качестве «суперфаворита» Японии по линии сотрудничества выделилась наиболее богатая природными ресурсами Индонезия. С гуманитарной точки зрения особое внимание к этой стране было вполне оправданно, ибо Индонезия являлась самым населенным из некоммунистических государств в АТР, в то время как ВНП на душу населения там был чрезвычайно низок. Обозреватели, однако, отмечали, что дело заключалось не в альтруизме, а в прямой коммерческой выгоде и стратегических соображениях. В частности, Индонезия является единственным хозяином пролива Ломбок и (вместе с Малайзией) владельцем Малаккского пролива, через которые проходит подавляющая часть японского импорта нефти и других товаров. Тайский ученый писал, что, если бы вследствие возможного конфликта с Индонезией «эти проливы были заперты, Япония испытала бы настоящий экономический кризис»²⁴. Еще важнее то, что Индонезия более других стран региона обещала Японии благоприятные возможности с точки зрения импорта сырья, как оптимальная площадка для «выноса» обрабатывающих предприятий со своей территории и т.д. В то же время переносу производств, загрязняющих среду и требующих больших земельных площадей, мешало отсутствие адекватной промышленной инфраструктуры, которую без помощи Токио создать было нереально²⁵. Особого внимания заслуживала концентрация проектов по линии ОПР на островах Риау (Батам и Бинтан), где впоследствии стал формироваться индонезийско-малайзийско-сингапурский «треугольник роста». Собственно, с 1990-х годов острова Риау стали пилотным объектом «девелопменталисткой» деятельности японского государства в Индонезии. За счет помощи Индонезия, как и большинство других стран региона, довольно быстро оказалась экономически привязанной к Токио больше, чем к какой-либо другой развитой нации.

Естественным выглядел вывод, что Япония создает свой «хинтерланд» в Юго-Восточной Азии, в то время как другие развивающиеся регионы земного шара ею, объективно говоря, дискриминируются.

Именно в ЮВА в 1960-е годы складывалась в качестве «модели помощи» триада «внешняя торговля — прямые зарубежные инвестиции — ОПР», в которой ОПР действовала как трамплин для коммерческой экспансии японских корпораций²⁶. Вначале она прокладывала путь для японского товарного экспорта, а потом для инвестиций частных корпораций. Такая помощь, ложащаяся на плечи японских налогоплательщиков, обычно была двояко выгодна частным компаниям. Во-первых, она обеспечивала необходимую производственную инфраструктуру (дороги, электростанции, водоснабжение, связь и т.д.), без которой японские предприятия просто не могли бы функционировать. Во-вторых, подрядчиками при выполнении инфраструктурных объектов выступали преимущественно японские же компании, получая за это прибыль (так называемая «связанная помощь»). В то время многие в Японии стали полагать, что если ОПР является добровольным предприятием, то выгоды от нее должны получать не только страны-реципиенты, но и Япония-донор. В Токио крепла уверенность в том, что правительственные контракты должны приносить пользу и собственным частным компаниям. Важным стратегическим мотивом являлось также обеспечение лояльности топливно-сырьевых стран-экспортеров, от которых зависело снабжение природными ресурсами японской промышленности и транспорта.

Меркантильный подход японского правительства к помощи долгое время вызывал критику мировой общественности, в частности, Токио укоряли за низкий уровень грантов и слишком высокую долю займов в структуре ОПР; более жесткие условия займов, чем у западных стран-доноров; преференциальную заботу о собственных частных компаниях, «связанный» характер ОПР в интересах своих подрядчиков. В результате Япония заслужила нелестную международную репутацию державы, «наживающейся на помощи» (*profiteer on aid*). М. Иокибэ, знаток вопроса и профессор Университета Кобэ, без обиняков писал в этой связи: «Бессовестная погоня за прибылью в интересах частного сектора, вместо более широкого и просвещенного понимания национальных интересов, лишала японскую политику в области ОПР гибкости и утонченности»²⁷. В целом в отличие от помощи США, Западной Европы и Всемирного банка, где была популярна концепция «базовых нужд человека» (*basic human needs*), разработанная Абрахамом Маслоу, Япония в основном следовала принципам девелопментализма, причем с акцентом на экономическую пользу для самой себя.

Очень важной вехой на пути Японии к желанному лидерству в АТР явилось создание Азиатского банка развития (АБР) в 1966 г. Он известен как творение кабинетов Х. Икэда и Э. Сато, мечтавших о том, чтобы Япония наряду с двусторонней помощью участвовала и в управлении

международной финансовой организацией. Первоначальный взнос Японии в банк составил ту же сумму, что и американский взнос (обе страны инвестировали по 200 млн. долл.), т.е. Япония впервые выступила на паритетных с США началах. В Японии, правда, были расстроены, что не в Токио, а в филиппинской столице Маниле была размещена штаб-квартира АБР²⁸. Тем не менее все последующие японские кабинеты использовали банк для повышения престижа и статуса своей страны. С первых дней деятельности АБР и по сегодняшний день его директорами (governors) служат выходцы из Японии, точнее, из ее Министерства финансов.

Вначале ареалом деятельности АБР была определена Юго-Восточная Азия, пять государств которой на следующий год (1967) объединились в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В дальнейшем деятельность банка распространилась на всю Азию (включая бывшие республики СССР) и на страны Океании. Внутри банка появился также специализированный Азиатский фонд развития (АФР), который выделяет беспроцентные ссуды наиболее бедным странам. Для развивающихся государств трансферты из международных организаций предпочтительнее, чем двусторонняя помощь, ибо в таком случае они свободны от политических и моральных обязательств перед конкретной страной-донором. В любом случае, Япония имела свою выгоду от патронирования такого финансового института, как АБР. Неоднократно выплывали на поверхность случаи его использования для лоббирования интересов японских компаний-подрядчиков²⁹. Доминирующие позиции в банке обеспечивали Японии косвенный контроль над распределением потоков помощи по всему Азиатско-Тихоокеанскому региону, а временами возможность обходить политические препятствия для своей двусторонней помощи.

4. АСЕАН и Япония в 1970–1990-х годах

Соединенные Штаты в 1960–1970-е годы полностью одобряли рост японских займов и грантов странам АСЕАН, тем более что последние поддерживали Вашингтон в войне против Демократической Республики Вьетнам. Известно, что с конца 1960-х годов японские трансферты антикоммунистическим правительствам ЮВА были увеличены кабинетом Э. Сато именно под американским давлением, в обмен на обещание возвратить Окинаву под японскую юрисдикцию. По меткому выражению исследовательницы С. Фарр, новые японские платежи можно было назвать «помощью американской помощи»³⁰. Уход американцев из Индокитая оставил в регионе серьезный вакуум силы, который некому было заполнить (со стороны западного лагеря), кроме Японии.

Однако, по мнению большинства авторов, Япония тем не менее долго не могла выработать последовательную стратегию и философию оказания помощи региону. Думается, причина этого состоит в «реак-

тивном характере» японской дипломатии, в том, что она менялась в зависимости от геополитических и геоэкономических обстоятельств. Так, внезапно с 1973 г. (когда перед Японией замаячила тень нефтяного эмбарго) Токио пришлось срочно поменять политическую ориентацию, заняв проарабскую позицию и подкрепить ее обещаниями массивной финансовой и технической помощи нефтяным странам Ближнего Востока в ущерб Юго-Восточной Азии³¹. Сугубо прагматический подход привел к тому, что доля далекого региона резко возросла: с 0,8% в 1972 г. до 24,5% в 1977 г. Через несколько лет, когда Япония смогла освободиться от последствий энергетического кризиса, наступило время для того, чтобы обозначить новый акцент на ЮВА.

Реперной точкой в этом смысле стал 1977 год, когда тогдашний премьер-министр Т. Фукуда совершил официальное турне по АСЕАН. Хотя к тому времени в ряде стран Ассоциации уже появились признаки экономического роста, им не хватало налоговых поступлений для создания производственной инфраструктуры. Вместе с тем они все более отчетливо осознавали свое стратегическое значение для Японии. Пресса тогда отмечала, что АСЕАН не просила о сотрудничестве, не прибегала к моральным увещаниям, а просто потребовала у Японии помощи³². Для Японии же насущной задачей стала необходимость исправить неблагоприятное впечатление, которое произвели ее частные компании в ходе своей инвестиционной экспансии, в частности в Индонезии и Таиланде. Кроме того, многие развивающиеся сырьевые страны склонялись к сырьевому протекционизму, который мог угрожать японской сырьевой безопасности³³. Для того чтобы обеспечить бесперебойный приток сырья, было просто необходимо закрепить имидж дружественной нации, готовой поделиться тем, что она имеет: деньгами и технологиями.

В ходе поездки Т. Фукуда договорился об установлении между регионом и Японией «особых» отношений, основанных по преимуществу на ОПР. «Доктрина Фукуда» утверждала, что Япония навсегда обязывается быть равноправным партнером стран АСЕАН и защищать их интересы. Конечно, такого рода декларации должны были быть подкреплены материальными мерами. В результате членам АСЕАН были даны смелые обещания льготного финансирования и субсидий на сумму свыше 1,5 млрд. долл. — для начала. Был объявлен «первый план» удвоения объема ОПР (позже за ним последовало еще несколько таких планов). С поездки Фукуда началась и «дипломатия подарков» (омиягэ гайко), которую впоследствии широко использовали японские главы кабинетов в зарубежных турне. Обращает на себя внимание, что первые торжественные обещания были сделаны японским правительством перед всем блоком АСЕАН. Ряд авторов видят в этом доказательство начала регионалистского подхода Токио к странам ЮВА³⁴.

С 1977 г. финансовое содействие стало рассматриваться как «волшебная палочка» для поддержания дружественных отношений с членами

Ассоциации, рассматриваемыми как единое целое. Через год после провозглашения «доктрины Фукуда» Япония стала для ЮВА донором номер один, обогнав США. В дальнейшем статус «особых отношений» с АСЕАН подчеркивался не раз, в частности, в 1997 г. «доктрина Хасимото» (тогдашнего премьера) декларировала необходимость для Ассоциации и Японии «работать вместе» во имя решения глобальных проблем. Своими финансами и техническим сотрудничеством Япония помогала расширять узкие места в инфраструктурном обустройстве стран ЮВА, после чего туда шел новый поток частных инвестиций с Японского архипелага, а это, в свою очередь, в определенной степени помогало искоренению бедности и экономическому росту указанных государств. С точки зрения японского правительства непропорционально высокая доля АСЕАН в распределении помощи являлась естественной и определялась интересами национальной безопасности. Даже всемирно известный японский ученый и политический деятель С. Окита (несмотря на свои широкие взгляды) оправдывал этот подход и предрекал, что регион «долго будет получать львиную долю японской помощи»³⁵.

Для большинства государств АТР Япония стала незаменимым источником финансирования. Во всем притоке внешних фондов в Индонезии, на Филиппинах, в Таиланде доля Японии составляла выше 60%³⁶. В начале 1990-х годов по своему объему японская ОПР превосходила американскую помощь в Индонезии в 20 с лишним раз, в Таиланде — в 15 раз, на Филиппинах — в 2 раза³⁷. В 1980–1990-е годы Джакарта получала от японского правительства в среднем в 10 раз больше льготных трансфертов, чем от всех международных организаций, вместе взятых. По подсчетам зарубежных ученых, в указанный период в Индонезии за счет японских льготных займов финансировалось 55% издержек на водоочистные сооружения, 20% стоимости строящихся электростанций, 15% стоимости шоссежных дорог, 12% издержек на прокладку железнодорожных путей, 50% затрат на проведение телекоммуникаций и т.д.³⁸.

Режим Сухарто в Индонезии являлся одним из самых одиозных и коррумпированных в мире, что, однако, не мешало ему постоянно оставаться первым или вторым (после Китая) по объему получателем японских преференциальных займов и даров. На этот статус не повлияли ни убийства борцов за независимость в Восточном Тиморе в 1991 и 1993 гг., ни преследования профсоюзов в 1993 г. В мае–июне 1998 г., когда в Индонезии бурлили антиправительственные выступления, Япония приостановила выплату займов Джакарте, но только на один месяц. По словам «Джапан таймс», экономический кризис привел к свержению режима Сухарто, который правил в течение 32 лет, несмотря на гигантскую японскую помощь (здесь интересно слово «несмотря»)³⁹. В 1999 г. в Токио опять не сумели оказать давление на Индонезию в связи с новыми жестокостями в том же Восточном Тиморе

перед обретением им независимости. Нельзя сказать, что, отказываясь вводить санкции (замораживая помощь), даже когда это было оправданно (Индонезия, Китай, Камбоджа, Бирма и т.д.), Япония намеренно поддерживала деспотические режимы. Частично на нарушения прав человека глаза закрывали из-за давления собственных японских корпораций, частично из-за нежелания нанести ущерб отношениям со странами-нарушителями. В любом случае, однако, оппозиционные силы имели основание интерпретировать ОПР Японии как поддержку ею антидемократических властей.

Вскоре после обнародования «доктрины Фукуда» у стран ЮВА по части деления японского пирога помощи возник мощный конкурент — Китайская Народная Республика. В 1978 г. были нормализованы дипломатические отношения между Пекином и Токио, и премьер-министр М. Охира предложил председателю Дэн Сяопину первый пакет низкопроцентной помощи на сумму около 1,4 млрд. долл., за которым последовало еще несколько. Строго говоря, на том этапе Китаю не на кого было опереться, кроме Японии. Превращение КНР в главного реципиента японской ОПР вызвало опасения в столицах государств-членов АСЕАН, что «новый фаворит» лишит их значительных средств, на которые они могли рассчитывать. Правда, японский руководитель пообещал, что объем помощи, направляемой в КНР, не будет превышать суммы, ассигнуемые ведущему «клиенту» из стран АСЕАН, т.е. Индонезии. Однако за два года после ухода Охиры из жизни его обещание было забыто, и Китай, отодвинув Индонезию на второе место, на несколько десятилетий стал бенефициаром номер один, потребляя ежегодно более 10% общего объема японской помощи⁴⁰. Впрочем, в 1980-е годы Япония находилась в расцвете своего экономического могущества и могла позволить себе ежегодно растущие суммы помощи и государствам АСЕАН, и Китаю. В эти два адреса, вместе взятые, стало направляться от 2/3 до 3/4 всех финансовых потоков, идущих в развивающийся мир (отметим, что в суммарной помощи со стороны США на этот регион приходилось не более 5–6%).

Тем не менее в связи с глобализацией японской экономики географическая структура ее ОПР стала заметно диверсифицироваться. Японский МИД пообещал постепенно переориентировать льготную помощь на более бедные районы, такие как Африка южнее Сахары, Индостанский полуостров, ряд обнищавших государств Центральной и Южной Америки и др.⁴¹. Частично такая диверсификация стала следствием давления со стороны других держав-доноров, которые требовали от Японии увеличить трансферты наиболее бедным, хотя и далеким от нее странам. Однако по большей части процесс региональной диверсификации японского экономического сотрудничества предстает естественным процессом. Он отражал экономическое «созревание» ряда стран Восточной и Юго-Восточной Азии, которые стали постепенно выпадать из категории наций, нуждающихся именно в помощи.

(Миниатюрные, но богатые Сингапур и Бруней в финансовой помощи не нуждались вовсе.)

В Японии долгое время не было официального документа, отражавшего принципы выделения помощи развивающимся государствам. Между тем необходимость его назревала, ввиду того что при планировании ОПР недостаточно учитывались различные аспекты внутренней и внешней политики реципиентов. Так, например, отсутствовали легальные основания прореагировать санкциями на события на площади Тяньаньмэнь в Пекине (1989 г.), на оккупацию Кувейта саддамовским Ираком (1991 г.) и т.д. В июне 1992 г. кабинетом Т. Кайфу была принята Национальная хартия ОПР, разработанная Советом по международному экономическому сотрудничеству под руководством С. Окита. Она призывала к учету как отрицательных (нарушения прав человека, гонка вооружений, испытания ядерного оружия и т.д.), так и положительных политических факторов (например, развитие демократии, прогресс рыночных реформ) в странах-реципиентах при оказании им помощи⁴².

По содержанию Хартия представляла собой вполне продуманный документ. Однако с самого начала не предполагалось строгое соблюдение ее положений. Тот факт, что нарушавшие права человека Индонезия и Китай остались главными получателями японской ОПР и после вступления Хартии в действие, явно свидетельствовал о том, что отнюдь не только официальные «параметры» стали определять решения, оказывать помощь или нет⁴³. Хартия в основном представляла собой декларативный перечень благих пожеланий, предназначенный, скорее, для общественного мнения. Сам министр иностранных дел Ё. Коно откровенно пояснил, что скрупулезное применение требований Хартии лишит японскую дипломатию гибкости и в некоторых случаях было бы нереалистично связывать помощь непосредственно с конкретной политикой партнеров-реципиентов⁴⁴. Многие страны-реципиенты в АТР настолько привыкли к финансовым потокам из Японии, что могли бы воспринять санкции как недружественный акт или даже «вмешательство во внутренние дела». В какой-то степени Япония стала заложницей собственных программ помощи. В ЮВА санкции, упомянутые в Хартии и связанные с нарушением прав человека, в 1990-е годы затронули, пожалуй, лишь военную диктатуру в Мьянме (Бирме).

Ближе к концу 1990-х годов доля и объем средств, предназначенных для стран ЮВА, взятых вкуче, вновь стали подниматься. Новое внимание к региону объяснялось поэтапным вхождением в АСЕАН Вьетнама, Лаоса, Мьянмы и Камбоджи, крайне бедных стран, которые необходимо было «подтянуть» в инфраструктурном отношении хотя бы до уровня «старых» членов Ассоциации, чтобы «новые» члены могли бы принимать у себя японские инвестиции и быть более эффективными партнерами. Сверх того, к «антидиверсификации» японской помощи подталкивала необходимость вызволить страны ЮВА (Индонезию, Таиланд,

Малайзию, а также Южную Корею) из беспрецедентного финансового кризиса, который обрушился на них в 1997–1999 гг.

Бесспорно, японские меры против финансового развала указанных государств были продиктованы собственными интересами Токио. К этому времени экономики Японии, с одной стороны, и жизненно важных для нее стран Восточной и Юго-Восточной Азии — с другой, стали настолько взаимозависимы, что, если бы последние рухнули, Японию могла бы постигнуть та же судьба. В 1998 фин. г. помощь со стороны Японии (которая сама находилась в состоянии рецессии) региону возросла на 71% (!) по сравнению с предыдущим годом. Изнемогающая от кризиса Индонезия в 1999 г. получила в общей сложности примерно 2,4 млрд. долл. — абсолютный рекорд для одной страны в истории японской ОПР. Таиланду были выделены 1,9 млрд. долл., Малайзии — 2,2 млрд. и Филиппинам — 1,6 млрд. долл.⁴⁵. (Отдельной строкой проходит Южная Корея, которая как страна с гораздо большей экономикой, чем страны-члены АСЕАН и получила больше — около 5 млрд. долл.) План преодоления кредитного «кранча» в азиатских странах был разработан под руководством министра финансов К. Миядзава («план Миядзава»). В рамках этой инициативы Япония была готова выделить около 30 млрд. долл., причем под исключительно низкий годовой процент (0,95). «План Миядзава» включал также передачу новой технологии, которая бы позволила странам АСЕАН модернизировать свою промышленность и подняться выше в иерархии восточноазиатской «стаи гусей». В результате этих действий доля ЮВА во всей японской экономической помощи возросла с 46,5% в 1997 фин. г. до 63,2% в 1999 фин. г., т.е. вернулась к уровню конца 1980-х годов. Поведение Японии во время «азиатского кризиса» еще раз продемонстрировало приверженность Японии к «особым отношениям» с АСЕАН. В рамках упорядочения всех программ помощи в 2006 г. в МИД был создан специальный Департамент по делам Юго-Восточной и Юго-Западной Азии⁴⁶. Главным образом это было связано с выпадением КНР из числа реципиентов японских средств, растущей конкуренцией со стороны того же Китая в ЮВА, а также с превращением Индии в крупнейшего получателя японских трансфертов.

5. Нелегкий выбор: «соображения пользы» или «гуманитарные соображения»?

На стыке веков японское руководство столкнулось с двумя противоречивыми тенденциями в японском обществе, о которых упоминалось ранее, «соображениями пользы» и «гуманитарными соображениями». Официально помощь из Токио к тому времени была почти целиком «развязана», т.е. японские компании не могли рассчитывать на то, что автоматически станут подрядчиками и консультантами в инфраструктурных проектах, возводимых за японский счет в странах

АСЕАН и за их пределами. По состоянию, например, на 1998 г. японские подрядчики реализовывали лишь 21% таких проектов, в то время как в американской ОПР доля «связанной» помощи достигала 70%⁴⁷.

Японские частные компании настойчиво требовали от правительства придать сотрудничеству с развивающимися странами «японское лицо». М. Иокибэ, которого часто в качестве эксперта приглашали государственные органы, пишет, что «всюду он чувствовал возрастающую критику и гнев со стороны частных компаний, которые из-за развязывания ОПР были лишены правительственных контрактов за рубежом — именно в то время, когда японская экономика испытывала депрессию»⁴⁸. Правительство в конце концов пошло навстречу частному бизнесу и инициировало «специальные иеновые займы» (на сумму около 600 млрд. иен), предназначенные только для проектов, руководящую роль в которых будут играть японские фирмы. В новых директивах правительства от 1999 г. открыто указывалось, что необходимо обеспечить японским корпорациям более широкий доступ к международным проектам, осуществляемым за японский счет.

Параллельно в Японии стала пробивать себе дорогу иная, «гуманитарная» мотивация, которая раньше существовала больше на словах, чем на деле. Это произошло по ряду причин. К концу прошлого века доля инфраструктурных объектов в объеме японской двусторонней помощи составляла около 1/3, тогда как в целом по ОЭСР на эти цели приходилось лишь около 12% выделяемых средств. Трата денег на бесчисленные инфраструктурные проекты за границей стала вызывать нарастающую критику в парламенте, СМИ и среди избирателей. Кроме того, нарастало прямое и косвенное давление со стороны ОЭСР, где Япония еще не изжила имидж донора, «наживающегося на помощи». Улучшение условий предоставления ОПР, «развязывание займов», увеличение доли грантов в общем объеме трансфертов развивающимся странам бесспорно являются результатом оглядки на общемировые тенденции. В эту же сторону Японию толкала и программа «Цели развития тысячелетия» (Millennium Development Goals), принятая в ООН в 2000 г., которая ставила главной целью чисто гуманитарные задачи — искоренение нищеты и голода в развивающемся мире.

К тому же японское руководство нуждалось в собственной новой и впечатляющей инициативе, для того чтобы как-то поддержать блекнущий имидж Японии в мире. Среди японских элит появился и стал все громче звучать термин «безопасность человека» (human security) в качестве одной из целей внешней политики страны. В 2003 г. «политика во имя безопасности человека» была официально закреплена в новой редакции «Хартии ОПР»⁴⁹. Концепция «безопасности человека» объединила концепции «свободы от нужды» и «свободы от страха». Если под «свободой от нужды» подразумевается использование иностранной помощи для борьбы с бедностью и нищетой, то «свобода от страха» включает в себя целый комплекс насущных проблем, таких как разру-

шение окружающей среды, демографические проблемы, инфекционные болезни (СПИД), наркотрафик, организованная преступность, проблема беженцев, униженное положение женщины, ликвидация наземных мин и т.д., многие из которых имеют непосредственное отношение к ЮВА, в особенности к «новым» членам АСЕАН⁵⁰.

Указанное новшество продемонстрировало частичный отход от девелопментализма как основы японской экономической помощи. Многочисленным японским кабинетам, когда дело доходит до ОПР, приходится лавировать между противоположными силами: девелопментализмом и «безопасностью человека», внешним давлением и позицией собственного бизнес-сообщества. В новой редакции Хартии главной целью ОПР провозглашалось «внесение вклада в мир и развитие международного сообщества и тем самым обеспечение безопасности и процветания самой Японии». Провозглашенные цели представляются вполне достойными, однако документ содержит противоречие. Получается, что, с одной стороны, Япония разделяет глобальные цели, т.е. ставит свою помощь на службу мировому сообществу, как бы отказываясь от нее как от инструмента экономической экспансии. С другой стороны, учитывая интересы собственного бизнеса (и, видимо, в соответствии с мнением большинства населения), во главу угла ставится польза от помощи именно для Японии. Похоже, что авторы Хартии-2003 не сумели (если это вообще было возможно) добротной состыковать эти два краеугольных, но противоположных принципа. Характерно противоречивое высказывание Т. Асо в его бытность министром иностранных дел (2006 г.): «ОПР в основном предназначена для того, чтобы другие страны распоряжались драгоценными деньгами японского народа, имея в виду, что впоследствии это принесет пользу самому японскому народу»⁵¹. Таким образом, в смысле конечной ориентации своей ОПР японские власти действительно оказались «на перепутье».

В какую конкретную форму выливается «сдвиг от вещей к людям» (как еще именуют новую парадигму)? Прежде всего меняется соотношение между возвратными займами и грантами в общем оттоке средств⁵². Япония — в отличие от западных государств-доноров — традиционно считала свои «мягкие» займы более адекватной формой помощи, чем прямые гранты. Такой подход основывался на ее собственном опыте, когда именно займы от США и международных организаций помогли восстановить японскую экономику из послевоенной разрухи. Так, по словам А. Нисигаки, который возглавлял Фонд экономического сотрудничества с зарубежными странами в 1990-х годах, необходимость возвращать кредиты повышает чувство ответственности со стороны государств-реципиентов и побуждает их более эффективно использовать внешние фонды, отбирая наиболее приоритетные проекты⁵³. В идеале с японской точки зрения развивающиеся страны ЮВА сами должны со временем стать донорами помощи, и им следует помогать исходя из этой предпосылки.

С середины 1990-х годов в Японии определились с необходимостью проводить различие между общерегиональным и «пострановым» (country-wise) подходом к оказанию ОПР. В 1998 г. «пострановый» подход был конкретизирован, итогом чего явился переход к программам сотрудничества с *каждой* страной-реципиентом с намерением подвергать ревизии эти планы каждые пять лет. Как говорилось в важном докладе «Комиссии Кусано», «Япония предоставляет помощь более чем 150 странам... Для того чтобы сделать ее наиболее эффективной и высококачественной, потребуется, образно говоря, 150 отдельных политик помощи для 150 стран»⁵⁴. В таких программах прописываются конкретные цели японской помощи каждой из стран и ее приоритетные направления, а также заложена идея координации займов, финансовых даров и технического сотрудничества вместо реализации этих форм по отдельности через различные бюрократические ведомства. Условия предоставления помощи стали более справедливо дифференцироваться в зависимости от степени бедности адресатов.

До перехода Японии к комплексным программам власти развивающихся стран сами выдвигали наиболее приоритетные для них проекты. Их предложения вполне могли отличаться от оптимального выбора. Государственные деятели или чиновники могли заботиться в первую очередь о своих личных карманах или неверно оценить очередность нужд своих стран. При новом, «комплексном» подходе уровень системности планирования повышается, но оно осуществляется с точки зрения японских чиновников и связанных с ними частных компаний, которые, правда, тоже не склонны забывать собственные интересы. В любом случае «индивидуальный» подход, конечно, усиливает японский контроль над тем, насколько эффективно расходуются фонды помощи.

По логике МИД Японии, о качестве помощи нельзя судить по соотношению между грантами и займами; главным критерием является то, в какой степени она способствует прогрессу в том или ином государстве-реципиенте. Внешнеполитическое ведомство считает, что скорее следует гармонизировать оба вида ОПР и что Япония уже немало сделала на этом пути. При этом подход к одной и той же стране по мере ее прогресса может и должен меняться, а к такому разнообразному региону, как ЮВА, вообще единый подход неприменим. В Японии считается, что на начальном этапе строительства современного общества, когда для государств-реципиентов внешняя помощь является условием выживания, наибольшую пользу приносят безвозвратные гранты. По мере развития экономики, когда партнер обретает способность возвращать долги, следует постепенно расширять долю займов в общем объеме помощи и повышать ежегодный процент. В ЮВА из числа получателей безвозмездных субсидий давно уже практически вышли «продвинутые» Малайзия и Таиланд. В помощи Вьетнаму в 1997 г., когда эта страна причислялась к очень бедным, 57% трансфертов из Японии составляли безвозвратные субсидии. Семью годами позже, в

2004 г., когда вьетнамская «перестройка» уже дала ощутимые плоды, в общем потоке помощи Ханюю на гранты пришлось только 29,1%. Наряду с этим в 1991–2004 гг. в японской помощи Камбодже и Лаосу, странам крайне бедным и отягощенным тяжелым военным прошлым, доля безвозвратных субсидий составила 99%. «Японский путь», таким образом, предполагает, что наилучшие результаты должна принести хорошо продуманная комбинация даров и займов — применительно к каждому реципиенту. Не секрет, однако, что за рубежом такая философия воспринимается, скорее, как апология займов в ущерб грантам. Соотношение между безвозмездной помощью (грантами) и иеновыми займами в японской ОПР в 2004–2008 гг. было таким (%)⁵⁵:

Год	Займы	Гранты
2004	45,9	54,1
2005	42,8	57,8
2006	42,0	58,0
2007	48,7	51,3
2008	47,2	52,8

Как видно из приведенных данных, иеновые займы, требующие от должников их возврата, продолжают занимать почти половину общего объема японской ОПР. Нельзя сказать, что условия японских кредитов слишком обременительны для должников. В среднем ставка по иеновым займам не превышает 1% годовых, а срок погашения составляет более 30 лет с отсрочкой выплат до 10 лет. Таким образом, и плательщиками (в развивающихся странах) и бенефициарами (в Японии) становятся уже следующие поколения граждан и тем более другие, грядущие правительства.

Тем не менее проблема соотношения между кредитами и грантами не перестает являться предметом серьезных разногласий между странами-донорами. С точки зрения многих, понятия «помощь» и возвратные трансферты с трудом сочетаются между собой. По «доле грантов», важнейшему показателю качества помощи, Япония занимает последнюю строчку среди стран-членов Комитета помощи развитию (в среднем по КНР доля грантов составляет 87–88%). При этом у Японии объем грантов превзошел размеры займов только в нынешнем веке. В значительной степени это связано с тем, что в категорию «гранты» начиная с середины первого десятилетия 2000-х годов стали переводить существенную часть безнадежных кредитов «беднейшим странам с крупной задолженностью»⁵⁶, выданных ранее частными японскими банками и корпорациями с использованием схем государственного страхования⁵⁷. Принадлежат ли эти операции к реальной помощи развитию, это еще большой вопрос; их можно охарактеризовать и как помощь японским юридическим лицам-кредиторам.

Правда, в структуре займов произошли положительные подвижки, прежде всего в сторону от девелопментализма. Издавна финансирование физической инфраструктуры (мосты, дороги, ЛЭП и т.д.) в странах АСЕАН для Японии было главным приоритетом. Помощь в развитии секторов «мягкой» (социальной) инфраструктуры, таких как соцобеспечение, просвещение, охрана окружающей среды, играла подчиненную роль. В рамках физической инфраструктуры ведущая роль уделялась транспортным объектам. По мнению японских планировщиков, для внешней торговли развивающихся стран неразвитость транспортных путей является барьером на пути продвижения их продукции даже более серьезным, чем тарифные барьеры. Длительное время такой подход оставался доминирующим, ибо считалось, что он наилучшим образом обеспечивал экономический рост стран-реципиентов.

На этом фоне благоприятным изменением предстает увеличение доли заемных средств, выделяемых на нужды охраны окружающей среды. Со стороны международного сообщества и неправительственных организаций недооценка экологических аспектов в структуре японского сотрудничества издавна вызывала неудовольствие. Во-первых, доля трансфертов, приходящихся на экологические цели, была явно ниже, чем в помощи западных стран-членов ОЭСР. Во-вторых, сами инфраструктурные проекты, случалось, наносили вред природе или нарушали сложившийся на местах уклад жизни.

Помощь со стороны развитого «севера» ради защиты окружающей среды важна еще и потому, что лишь немногие развивающиеся страны достигли уровня доходов, который позволяет им самим осуществлять экологический контроль. Для большинства из них инвестиции в экологию до сих пор представляются либо роскошью, либо приоритетом, более низким, чем экономический рост. Неслучайно в регионе (помимо Китая) наиболее загрязненными странами признаны Филиппины, Вьетнам и Индонезия. В Маниле реки, обеспечивающие питьевой водой миллионы людей, переполнены опасными для здоровья сточными водами. Заводы по производству сахара, тапиоки и пальмового масла по всей ЮВА сбрасывают в реки и море тонны опасных для жизни отходов. В некоторых случаях состояние среды не только вредит здоровью населения, но и представляет собой проблему национального выживания. Островное государство Кирибати в прямом смысле тонет в океане, и населению пришлось сконцентрироваться на крупнейшем из островов — Тарава. Поскольку затонуть может и Тарава, правительство Кирибати обратилось с просьбой к руководству Фиджи продать 2 тыс. гектаров земли для переселения своих граждан. Такая же печальная судьба может постигнуть Маршалловы острова, Тувалу и Соломоновы острова⁵⁸.

Вероятно, именно в сфере экологии Япония способна наиболее ярко проявить международное лидерство, по крайней мере в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Ее особая роль в этой сфере как бы продиктована собственным уникальным опытом. За десятилетия бурного

экономического роста она сама прошла через опасный период загрязнения окружающей среды (достаточно вспомнить «болезнь Минамата») и сумела добиться исключительных успехов.

В принципе курс на определенную «экологизацию» японской ОПР был обозначен уже давно, еще в 1989 г., когда были опубликованы директивы правительства по охране окружающей среды при реализации японских проектов в развивающихся странах, а с правительств последних стали братья обязательства по соблюдению установленных стандартов. В обеих редакциях Хартии ОПР (1992 и 2003 гг.) прямо говорилось о том, что экологические проблемы должны стать главным отраслевым направлением сотрудничества с государствами–получателями помощи в Азии. К концу 1990-х годов правительством стали применяться особые, очень льготные ставки по займам, предназначенным для борьбы с деградацией среды (0,75% годовых, срок возврата 40 лет с льготным периодом 10 лет)⁵⁹. Весьма высоко поднялась доля займов, связанных с экологией, в общей сумме займов: до 21% в 1997 г. и 29% в 1998 г.

Конкретные сферы «природоохранного» измерения японской ОПР включают в себя борьбу с выбросами парниковых газов и планетарным потеплением, озеленение и восстановление лесов, борьбу с эрозией почвы, с исчезновением тропических лесов и многое другое. Такие проблемы обычно не ограничиваются национальными рамками, а имеют поистине глобальные, в крайнем случае общерегиональные характер и масштабы. Помимо прочего, они касаются и самой Японии (например, кислотные дожди и микроскопические частички грязи «PM 2,5», приносимые ветрами из Китая). В связи с заявленной Японией ролью флагмана борьбы за окружающую среду в структуре ее ОПР должна заметно возрасти доля «экологической помощи» и технического сотрудничества в развивающихся странах. «Экологическая помощь» призвана в конечном итоге служить долгосрочным японским интересам, и, видимо, с ней в связано будущее японских программ помощи⁶⁰.

6. Географическое измерение: назад в Юго-Восточную Азию?

Динамика ОПР странам АСЕАН и ее доли во всей японской двусторонней помощи отражена в следующей ниже таблице.

Японская ОПР государствам Юго-Восточной Азии в 1980–2000-х годах*

Финансовый год	Помощь странам АСЕАН	
	объем, млн. долл.	доля во всей ОПР, %
1985	800	46
1990	2 299	56
1995	2 229	39
1998	2 356	44

Продолжение табл.

Финансовый год	Помощь странам АСЕАН	
	объем, млн. долл.	доля во всей ОПР, %
2000	3 126	59
2002	1 748	43
2004	897	35
2009	4 144	43
2010	4 089	27
2011	3 489	32

*Составлено по: Japan's Official Development Assistance White Paper. Tokyo (за соответствующие годы).

Из таблицы видно, что доля помощи для ЮВА из Токио в последние 10–15 лет была достаточно неравной. В одном случае это связано с выделением огромных субсидий Ираку и Афганистану для послевоенного восстановления, в другом случае — с выпадением Китая из числа реципиентов ОПР, в третьем — с мировым финансовым кризисом 2008–2009 гг. В любом случае уровень 30–40%, которые приходились на страны АСЕАН в последнее десятилетие, по-прежнему непропорционально велик; ни у одного другого донора доля ЮВА даже не приближается к японским показателям.

Конечно, традиционные японские партнеры в ЮВА все еще нуждаются в финансовом содействии или технической помощи извне. Им нужны новые фонды для модернизации инфраструктуры в перенаселенных городах, для воспитания квалифицированных трудовых ресурсов и т.д. Однако в самых бедных регионах, включая и Азию, жажда во внешнем финансировании еще более кричаща. Между тем наиболее продвинутые члены АСЕАН продолжают «созревать» — в том смысле, что и сами могут помогать менее удачливым соседям.

Поэтому тот факт, что с 1990-х годов высокая доля ЮВА (АСЕАН) в общем объеме японской ОПР стала сокращаться, является закономерным результатом объективных процессов. К середине первого десятилетия 2000-х годов объемы двусторонней помощи Таиланду, Индонезии и Филиппинам уменьшились в среднем вдвое по сравнению с началом 1990-х годов, а с учетом возврата ими прежних долгов займы в их адрес даже превратились в отрицательную величину. Ряд государств стал богаче, а их экспорт в Японию (более зрелая и равноправная форма экономических связей) существенно возрос. Неслучайно в течение первого десятилетия XXI века Япония почти со всеми странами ЮВА и с АСЕАН (как с единой организацией) заключила соглашения о свободной торговле (ССТ) или об экономическом партнерстве (СЭП).

Однако появились не менее объективные обстоятельства, из-за которых японский курс можно в какой-то степени трактовать как политику

«назад в Юго-Восточную Азию». Во-первых, внутренние экономические неурядицы в Японии потребовали уделять больше внимания инвестициям, локализованным в близлежащем регионе. Во-вторых, стали возникать новые партнеры, взыскующие японских денег, к числу которых принадлежат объявившие о своей прорыночной ориентации Вьетнам, Лаос и Камбоджа (так же как и Монголия). Многонаселенная Бирма с 2010 г. встала на путь демократизации, перестав быть страной-изгоем. Крайне низкий стартовый уровень каждого из государств превратил их в естественных кандидатов на роль просителей фондов из Токио. В ту же сторону работает интерес японских частных корпораций к инвестированию в этом недостаточно развитом субрегионе. 20 лет назад австралийский ученый предрекал, что «принятие Японией на себя новой ответственности... существенно поднимет японские ставки в определении будущего экономического развития в Индокитае»⁶¹. И действительно, в начале нового столетия Вьетнам быстро перебрался на 1–2-е места в списке получателей трансфертов из Японии, обогнав даже КНР. Для всех индокитайских государств очень скоро Япония превратилась в донора номер один.

«Новые члены» АСЕАН (Вьетнам, Камбоджа, Лаос и Мьянма), а среди них в первую очередь Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ), заслуживают особенно пристального внимания. Так, Вьетнам занимает исключительно важное место и по численности населения, и по богатству природных ресурсов (включая редкоземельные металлы), и по стратегическому положению. В свое время, в 1979 г., под очевидным американским давлением после ввода вьетнамских войск в полпотовскую Камбоджу помощь Вьетнаму была заморожена. Позднее Япония могла только сожалеть об этом шаге, который политически был неоправдан, а экономически противоречил ее интересам. В результате по объему частных капиталовложений она отстала от западных стран⁶². Финансовые вливания в СРВ из Токио были разморожены в 1992 г. под давлением частных корпораций, но и после этого долгое время выглядели весьма скромно⁶³.

Когда в 1995 г. СРВ стала полноправным членом АСЕАН, в Токио поняли, что исходя из собственных интересов Японии следует радикально увеличить содействие Вьетнаму, с тем чтобы модернизировать его инфраструктуру. Как уже упоминалось, такой скачок действительно произошел, и по размерам трансфертов из Японии Вьетнам вышел на первое-второе место. Многочисленные японские кабинеты заключили с Вьетнамом соглашения о строительстве на безвозмездной или льготной основе новой железной дороги между севером и югом страны, зоны высокотехнологичных производств, атомной электростанции с двумя реакторами, нового порта на юге страны и т.д.⁶⁴. Токийские власти также обязались принять на учебу и в дальнейшем на работу вьетнамских медсестер и сестер-сиделок (ранее такое право получили лишь Индонезия и Филиппины). Во время визита в Токио вьетнамский президент

Нгуен Минь Триет (2007 г.), отдавая должное японской помощи, сообщил, что за предыдущие 15 лет она составила треть всех льготных выплат из-за рубежа⁶⁵. СРВ стала своего рода полигоном, на котором Япония испытывает комплексную программу развития экономики, включающую сферы финансов, инвестиций, налоговой политики и т.д. В настоящее время прогресс во Вьетнаме по сравнению с соседними странами виден невооруженным глазом, и в этом есть немалый вклад и японской помощи.

Наиболее политически трудным участком для Японии являлась Бирма (Мьянма), десятилетиями управлявшаяся бесчеловечной военной хунтой. Япония обязана была проявлять солидарность со странами Запада и поддерживать санкции против этой страны-изгоя. С другой стороны, с Бирмой Японию издавна связывала общность буддийской религии, а кроме того, эта страна вообще была самым первым объектом японской ОПР в 1950-х годах. В 1990–2000-х годов сюда тек очень небольшой, можно сказать, символический ручеек помощи в размере 25–50 млн. долл. на конкретные объекты. Оказывать более крупную поддержку правительству-изгою, заведомо зная, что она не дойдет до населения, было бы, в общем, абсурдно.

Однако, когда Бирма с 2010–2011 гг. встала на путь быстрых демократических преобразований, не менее быстрым оказался процесс ее международного признания, включая и официальную помощь со стороны Японии⁶⁶. Договоренность о помощи Бирме была достигнута во время визита президента Тейн Сейна в Токио в апреле 2012 г. Она включает в себя прощение бирманского долга Японии в размере 3,8 млрд. долл. и возобновление займов на цели развития. В частности, японское правительство обязалось выделить деньги на создание инфраструктуры в крупной индустриальной зоне в районе Тхилава (близ Рангуна-Янгона), в которой частному консорциуму «Марубэни»–«Мицубиси»–«Сумитомо» будет принадлежать 49% акций. Бирма почти наверняка войдет в японскую производственную цепочку в ЮВА, поэтому японские планы предусматривают ее транспортное и телекоммуникационное соединение с соседним Таиландом. Страну придется «подтягивать» до среднего по АСЕАН уровню весьма долго, а это будет удерживать высокую долю АСЕАН в суммарном объеме японского экономического сотрудничества⁶⁷.

Как видно на примере Вьетнама и Мьянмы (то же самое можно сказать также про Камбоджу и Лаос), девелопменталистский подход к помощи при освоении новых территорий продолжает превалировать в японской стратегии в бедных странах. Вместе с тем Япония не может позволить себе игнорировать и природоохранное направление при оказании ОПР. В этом плане заслуживает внимания крупномасштабный проект, направленный на развитие инфраструктуры в бассейне реки Меконг, где сталкиваются интересы пяти членов АСЕАН — Лаоса, Камбоджи, Таиланда, Бирмы и Вьетнама.

Еще премьер-министр Д. Коидзуми выразил готовность выделить на развитие инфраструктуры в указанном районе около 1,5 млрд. долл. в течение трех лет. После победы Демократической партии на выборах (2009 г.) новый премьер Ю. Хатояма немедленно пригласил в Токио руководителей всех пяти государств бассейна реки Меконг, для того чтобы разъяснить свою собственную инициативу, озвученную им чуть ранее в ООН. В соответствии с ней он пообещал отныне делать особый упор на борьбу с парниковыми газами и изменением климата. Одновременно Хатояма подтвердил обещания своих предшественники из ЛДП расширить инфраструктурное и техническое содействие беднейшим странам в преддверии создания на базе АСЕАН «восточноазиатского сообщества», в котором уровень развития участников должен быть более или менее одинаков⁶⁸.

«Меконгская инициатива» получила продолжение при последнем премьер-министре из ДПЯ Ё. Нода. В апреле 2012 г. Нода провел четвертый саммит с руководством пяти государств, на котором произнес важные слова: «Во всем восточноазиатском регионе не может быть стабильности без стабильности и развития в бассейне реки Меконг». Японская печать отмечала, что многие фирмы мечтают о прибыльных возможностях в регионе и что правительственная помощь на сумму 600 млрд. иен (около 7 млрд. долл.) в 2013–2015 гг. должна этому способствовать⁶⁹. Нода перечислил 57 проектов, включая не только железные и шоссейные дороги, мосты и т.д., но и высокотехнологичные проекты, в частности использование искусственных спутников для ликвидации природных катастроф. В соответствии с новым японским курсом в условия указанной серии займов и грантов непременно входит и забота о «безопасности человека» в странах бассейна Меконга.

Раньше подобного рода обещания могли долго ждать своего часа, однако в нынешнем веке геоэкономическая ситуация круто изменилась и — с точки зрения Японии — усложнилась. В рассматриваемом регионе (как и в ряде других) Япония столкнулась с растущей конкуренцией со стороны Китая. Последний во имя своих топливно-сырьевых интересов готов оказывать, похоже, почти неограниченную помощь любым режимам на юго-востоке Азии и за ее пределами. Так, за счет КНР начались работы по прокладке газопровода между Бирмой и провинцией Юньнань. В соседней Камбодже Китай выиграл тендеры на семь гидроэнергетических проектов. На создание современных автострад между АСЕАН и Южным Китаем в Пекине формируется особый фонд в размере 10 млрд. долл. Вдобавок Китай первым из крупных держав заключил соглашение о свободной торговле с АСЕАН как единым блоком. Для Японии сложность задачи заключается в том, чтобы не «потерять» Индокитай и всю ЮВА и в то же время минимизировать трения с КНР, не дать разгореться пламени политического соперничества в регионе.

Вместо заключения

Япония продолжает быть главным донором для многих стран Азии и Тихоокеанского бассейна. По состоянию на 2010 г. она играла эту роль в 27 странах, включая страны-члены АСЕАН (Вьетнам, Камбоджу, Бирму и Лаос), Шри Ланку, Монголию, островное государство Тонга, а также Индию. Без учета возврата долгов по займам (брутто-помощь) Япония также является лидером по оказанию помощи «старым» членам АСЕАН — Индонезии, Филиппинам и Вьетнаму, где в 2000-х годах японская доля превышала половину совокупной помощи со стороны стран-членов ОЭСР. Как отмечал Д.В. Стрельцов, ОПР позволила Токио существенно укрепить свой авторитет во многих азиатских государствах, в значительной степени ослабить (кроме КНР и Южной Кореи) историческую память о себе как о стране-агрессоре⁷⁰. Также нельзя отрицать ее положительную роль в поддержании мира и стабильности в регионе.

С начала XXI в. маятник общественного мнения качнулся от энтузиазма к настороженно-критическому отношению к трате налогов за границей. Казалось, что в скором будущем японская ОПР станет терять свое былое значение, переходя в разряд хотя и важных, но вспомогательных инструментов внешнеэкономической политики. Разумеется, в более продвинутых государствах помощь будет прогрессивно заменяться частными инвестициями японских корпораций, а на межгосударственном уровне — расширением соглашений о свободной торговле и путем присоединения к соглашению о Транстихоокеанском экономическом партнерстве, в котором, кстати, участвуют несколько членов АСЕАН.

Однако вопреки предыдущим ожиданиям многочисленные ССТ на данном этапе не заменяют необходимости помощи, более того, они даже сопровождаются пакетами ОПР. По-видимому, в ближайшем будущем растущая часть помощи будет направляться на выравнивание экономических различий между «старыми» и «новыми» членами АСЕАН. Такие густонаселенные страны, как Индонезия и Вьетнам, придется еще немало лет подтягивать до приемлемого уровня путем экономического сотрудничества. Крайне бедные Лаос и Камбоджа, а в особенности Бирма, ставшая на путь демократических преобразований, потребуют очень крупных трансфертов из Токио. Помимо прочего, Юго-Восточная Азия в последние годы превратилась в поле борьбы за влияние между Японией и Китаем, который располагает исключительно крупными средствами. Ослабление внимания к странам региона со стороны Токио способствовало бы усилению их тяготения к КНР⁷¹. Поэтому доля Юго-Восточной Азии как региона при распределении японской ОПР, по всей вероятности, будет держаться на весьма высоком уровне.

Объявленный японскими кабинетами переход от «вещей к людям» затруднен именно кричащей отсталостью ряда стран Юго-Восточной

Азии. Немалый потенциал для искоренения бедности в странах-партнерах имеется за счет активизации японских неправительственных организаций. Однако такая активизация предполагает перенесение части связей на «низовую» уровень и в принимающих странах. Такие подвижки в конфигурации помощи находят понимание далеко не у всех партнеров Японии. Ряд из них явно не заинтересован ни в допуске иностранцев (включая японцев) к решению внутренних социальных проблем, ни в прямых связях между местными общинами и заграницей. Поэтому новый японский мейнстрим, по-видимому, будет встречать существенную оппозицию в некоторых столицах АСЕАН и за ее пределами.

Примечания

¹ The Japan Times. 19.10.2004.

² Riddell R. Does Foreign Aid Really Work? Oxford University Press, 2008, p. 59.

³ Ковригин Е.Б. Китайско-японские отношения через призму официальной помощи развитию в 1980–2000-х годах. — Япония 2012. Ежегодник. М., 2012.

⁴ Cassen R. Does Aid Work? Oxford University Press, 1986. Универсально принятый показатель «грант-элемент» рассчитывается исходя из степени льготности займов, их ежегодного процента, периода погашения и льготного периода (при этом чистые гранты берутся за 100%).

⁵ Trinidad D. Japan's ODA at the Cross-Roads: Disbursement Patterns of Japan's Development Assistance to Southeast Asia. — Asian Perspectives. 2007, vol. 31, No. 2, p. 96.

⁶ Engagement — важный, но труднопереводимый на русский язык термин. Примерно соответствует русскому слову «вовлечение» и предполагает задабривание партнеров для поддержания хороших отношений (во избежания неприятных «сюрпризов»).

⁷ Schraeder P. et al. Clarifying the Foreign Aid Puzzle: A Comparison of American, Japanese, French and Swedish Aid Flows. — World Politics. 1998, vol. 50, No. 2.

⁸ Hook G. et al. (eds.). Japan's International Relations: Politics, Economics and Security. L.–N. Y., 2005, p. 204–205.

⁹ Togo K. Japan's Foreign Policy. 1945–2009: The Quest for a Proactive Policy Leiden–Boston, 2010, p. 317.

¹⁰ Pyle K. Japan Rising: The Emergence of Japanese Power and Purpose. N. Y., 2007, p. 324.

¹¹ Fifty Years of Japan's ODA. Tokyo, 2005, p. 10.

¹² Составлено по: Japan's Official Development Assistance White Paper. Tokyo (за соответствующие годы).

«Вся помощь» включает двустороннюю ОПР плюс правительственные взносы в международные финансовые организации (многосторонняя помощь).

В таблицу включены только реальные нетто-выплаты, т.е. исключены списание очень крупных долгов Ирака и Нигерии, а также реструктуризация долга Индонезии. При включении этих операций «вся помощь» за 2005 фин. г. составляет 13,283 млрд. долл., а «двусторонняя помощь» — 10,485 млрд. долл.

¹³ Edstroem B. Japan's ODA Still Going Strong. — Institute for Security and Development Policy. Policy Brief (Stockholm). 23.05.2012, No. 95, p. 1–2.

¹⁴ Japan. DAC Peer Review. Paris, 2010, p. 48.

¹⁵ Ibid., p. 88, 93. В постоянных ценах 2007 г.

¹⁶ Japan. Development Cooperation Review Series. Paris, 1996, No. 13, p. 8; The Japan Times. 31.08.1999; The Japan Times. 19.10.2004.

- ¹⁷ Japan. DAC Peer Review. 2010, p. 33.
- ¹⁸ *Nishigaki A.* A New Phase in Japanese Economic Cooperation. — *Asia-Pacific Review*. 2000, vol. 7, No. 1, p. 58.
- ¹⁹ *Togo K.* Op. cit., p. 331.
- ²⁰ История войны на Тихом океане. Т. 5. М., 1958.
- ²¹ *Стрельцов Д.В.* Официальная помощь развитию — важнейший фактор внешней политики Японии. — *Внешняя политика Японии: история и современность*. М., 2008, с. 258; *Iokibe M.* ODA as a Foreign Policy Tool. — *Japan Review of International Affairs*. 2003, No. 2, p. 113.
- ²² *Nester W.* Japan and the Third World: Patterns, Powers, Prospects. N. Y., 1992, p. 122.
- ²³ *Rozman G.* Northeast Asian Stated Regionalism: Bilateral Distrust in the Shadow of Globalization. Cambridge University Press, 2004, p. 33.
- ²⁴ *Intharathai K.* Japan's Development from the Viewpoint of the Southeast Asian. — *Japan Quarterly*. 1979, No. 2, p. 226.
- ²⁵ *Lim Hua Sing.* Japan's Role in Asia: Mutual Development or Ruthless Competition? Singapore, 2003, p. 207.
- ²⁶ *Araki M.* The Japan ODA Model that Began Life in Southeast Asia. — *Asia-Pacific Review*. 2007, vol. 14, No. 2, p. 28.
- ²⁷ *Iokibe M.* Op. cit., p. 117.
- ²⁸ *Terada T.* Japan's Post-War Foreign Policy and Diplomacy in Asia and the Pacific. Canberra, 1995, p. 26.
- ²⁹ *Far Eastern Economic Review*. 27.11.1986.
- ³⁰ *Pharr S.* Japan's Defensive Foreign Policy and the Policies of Burden Sharing. — *Curtis G.* (ed.). *Japan's Foreign Policy*. N.Y., 1993, p. 251.
- ³¹ *Arase D.* Buying Power: The Political Economy of Japan's Foreign Aid. Boulder, 1995, p. 75–77.
- ³² *Yomiuri Shinbun*. 01.08.1977.
- ³³ *Trinidad D.* Op. cit., p. 102.
- ³⁴ *Hamanaoka Sh.* Asian Regionalism and Japan: The Politics of Membership in Regional Diplomatic, Financial and Trade Groups. L.–N. Y., p. 184.
- ³⁵ *Okita S.* Japan in the World Economy of the 1980s. University of Tokyo Press, 1989, p. 46–47.
- ³⁶ Вага куни-но сэйфу кайхацу эндзё (Японская официальная помощь развитию). Токио, 1995, с. 22.
- ³⁷ *Borthwick M.* (ed.). *Pacific Century: The Emergence of Modern Pacific Asia*. Boulder, 2007, p. 530.
- ³⁸ *Lim Hua Sing.* Op. cit., p. 223.
- ³⁹ *The Japan Times*. 23.08.1999.
- ⁴⁰ Подробно см.: *Ковригин Е.Б.* Китайско-японские отношения.
- ⁴¹ *International Herald Tribune*. 09.12.1988.
- ⁴² Подробнее о Хартии ОПР см.: *Стрельцов Д.В.* Цит. соч., с. 259–260; *Ковригин Е.Б.* Политические аспекты японской ОПР — Знакомьтесь — Япония. 2001, № 31, с. 34.
- ⁴³ *Soederberg M.* (ed.). *Chinese–Japanese Relations in the 21st Century* (L.–N. Y., 2002, p. 117.
- ⁴⁴ *Drifte R.* Japan's Foreign Policy in the 1990s: From Economic Superpower to What Power? Basingstoke, 1996, p. 125.
- ⁴⁵ *Hook G. et al.* (eds). Op. cit., p. 242.
- ⁴⁶ *The Japan Times*. 03.08.2006, p. 2.
- ⁴⁷ *Riddel R.* Op. cit., p. 99.
- ⁴⁸ *Iokibe M.* Op. cit., p. 106. В 2010 г. доля «связанной» помощи в японской ОПР составляла уже только 2,9%, в то время как у США этот показатель достигал 30,5%.
- ⁴⁹ *Kurusu K.* Japan as an Active Agent for Global Norms. The Political Dynamism Behind the Acceptance and Promotion of "Human Security". — *Asia-Pacific Review*. 2011, vol. 18, No. 2, p. 118–122.

- ⁵⁰ Подробнее см.: *Ковригин Е.Б.* Китайско-японские отношения, с. 114–115.
- ⁵¹ См.: *Arase D., Akaha T.* (eds.). *The US–Japan Alliance: Balancing Soft and Hard Power in East Asia.* L.–N. Y., 2011, p. 61.
- ⁵² С конца XX в. за выдачу «иеновых займов» отвечает Японский банк международного сотрудничества, за невозвратную «техническую помощь» — Японское агентство международного сотрудничества, а за финансовые гранты — напрямую Министерство иностранных дел.
- ⁵³ *Nishigaki A.* Op. cit., p. 59.
- ⁵⁴ *Kusano A. et al.* (eds.). *The Policy Recommendations on Japan's ODA in the 21 Century.* Tokyo, 1998, p. 44.
- ⁵⁵ *Japan's Official Development Assistance White Paper.* Tokyo (за соответствующие годы).
- ⁵⁶ Heavily indebted poor countries (HIPC).
- ⁵⁷ *Стрельцов Д.В.* Цит. соч., с. 274.
- ⁵⁸ *The Japan Times.* 06.09.2013.
- ⁵⁹ *Nishigaki A.* Op. cit., p. 63.
- ⁶⁰ Подробнее о японских инициативах и проектах в области охраны окружающей среды см.: *Leheni D., Warren K.* (eds.). *Japanese Aid and Construction of Global Development: Inescapable Solutions.* L.–N. Y., 2012, p. 167–186.
- ⁶¹ *Rix A.* *Japan's Foreign Aid: Policy Reform and Aid Leadership.* L.–N. Y., 1993, p. 73.
- ⁶² Подробнее см.: *Ковригин Е.Б.* Политические аспекты японской ОНР, с. 38.
- ⁶³ *Hatch W., Yamamura K.* *Asia in Japan's Embrace.* Cambridge University Press, 1996, p. 127.
- ⁶⁴ *The Japan Times.* 22.04.2012.
- ⁶⁵ *The Japan Times.* 27.11.2007.
- ⁶⁶ Подробно см.: *Симония А.А.* Мьянма: Арена «большой игры» за политическое влияние в Азии». — *Мировая экономика и международные отношения.* 2013, № 10.
- ⁶⁷ *International Herald Tribune.* 20.08.2012, p. 21.
- ⁶⁸ *The Japan Times.* 12.11.2009.
- ⁶⁹ *The Japan Times,* 22.04.2012.
- ⁷⁰ *Стрельцов Д.В.* Цит. соч., с. 276.
- ⁷¹ О японско-китайском противостоянии по линии помощи в ЮВА см.: *Kim Hyo-sook, Potter D.* (eds). *Foreign Aid Competition in Northeast Asia.* Sterling, 2012.

И.А. Носова

**ЯПОНСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ ЗОНЫ
СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ
В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

Следующие несколько лет могут оказаться определяющими для дальнейшего развития мировой торговли. Фундамент многосторонней торговой системы — Всемирная торговая организация находится в далеко не лучшем состоянии. Многолетняя стагнация переговоров До-хийского раунда развития не позволяет странам-членам ВТО начать предметную дискуссию по наиболее острым вызовам, с которыми сейчас сталкивается Организация: рост протекционизма на фоне кризиса в международной экономике, размывание «национального характера» мировой торговли, усложнение производственно-логистических цепочек, усиление противостояния между развитыми и развивающимися странами и пр.

Следствием такой ситуации становится постепенная фрагментация многосторонней торговой системы на узкие секторы по географическому и иному принципу, что проявляется в бурном развитии за последние двадцать лет процессов региональной экономической интеграции. Наряду с такими «классическими проектами», как Европейский союз и Североамериканская зона свободной торговли, формируются новые центры либерализационно-интеграционного бума.

Один из основных — Азия. Усиление центростремительных тенденций в этом регионе связано как с объективными изменениями в экономике (доля Азии в мировой торговле товарами возросла с 13% в 1960 г. до более 30% в 2011 г., прогнозируется, что к 2050 г. на регион будет приходиться до 50% мирового ВВП, торговых и инвестиционных потоков¹), так и с политическими процессами (прежде всего создание АСЕАН). Резкий всплеск интереса к торгово-экономической интеграции в Азии пришелся на последнее десятилетие: если в 2002 г. здесь насчитывалось всего 36 подобных соглашений, то в начале 2013 г. их количество превысило сотню, кроме того, еще 148 договоренностей находились на разных стадиях проработки².

Особенностью экономической интеграции на азиатском пространстве является отсутствие единого ядра. Сближение идет одновремен-

© Носова И.А., 2014

хотя и с разной степенью интенсивности, по нескольким векторам. Функцию «локомотива» в этих процессах выполняют крупнейшие экономические игроки АТР — АСЕАН, КНР, Япония, США, разнонаправленное влияние которых способствует формированию в регионе хаотичного «бульона» пересекающихся или прямо дублирующих друг друга крупных и мелких интеграционных проектов.

Япония, несмотря на наблюдаемое в последние годы снижение ее экономических позиций в конкуренции с КНР, сохраняет за собой статус ведущей мировой экономики, который обеспечивает ей потенциал влияния на интеграционные процессы в АТР. Согласно данным за 2011 г., аккумулированным секретариатом ВТО, Япония занимает третье место в мире по объему ВВП и четвертое — по объемам внешней торговли.

Она остается ведущим инвестором (прямые зарубежные инвестиции превысили 116 млрд. долл.), входит в число крупнейших импортеров сельскохозяйственной продукции, природных ресурсов, обработанных товаров и услуг. Большинство развивающихся стран являются реципиентами тех или иных японских программ содействия развитию.

В 2011 г. экономике Японии был нанесен серьезный ущерб в связи с природно-техногенным бедствием в северо-восточных префектурах. И сегодня потенциал экономического роста страны, по оценкам экспертов, низок на фоне волатильного курса иены, снижения спроса на основные японские товары за рубежом, удорожания сырьевых ресурсов, необходимых для нормального функционирования японской экономики. Ситуацию существенно усугубляют застарелые структурные проблемы, в первую очередь снижение налоговых доходов бюджета, рост госдолга, сильные дефляционные ожидания, сложная демографическая ситуация, низкая производительность труда, особенно в секторе услуг. На выправление положения в национальной экономике нацелены предпринимаемые правительством С. Абэ меры налогового стимулирования, борьбы с дефляцией и структурных реформ.

С учетом ограниченных резервов для увеличения внутреннего спроса торговля становится для Токио важным инструментом поддержания положительной динамики экономического роста. Цифры красноречивы: сегодня на торговлю приходится лишь 16% ВВП Японии, что говорит об имеющемся потенциале. Показательна и устойчивость торговли к конъюнктурным колебаниям: в 2011 г. товарооборот Японии ушел «в минус» (впервые с 1980 г.), однако уже в 2012 г. профицит в ее внешней торговле вернулся на уровень 2% от ВВП (2,9% ВВП в 2009 г.)³.

Необходимость продвижения торговых интересов заставляет японцев выступать адвокатами дальнейшей либерализации торговых режимов и самим активно участвовать в этом процессе. Японская экономическая дипломатия традиционно ориентируется на работу в многостороннем формате, прежде всего в рамках ВТО, Всемирной таможенной организации, Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС).

Фактически японцы официально подтвердили свой интерес к региональной экономической интеграции только в 2010 г., когда в преддверии саммита АТЭС Токио — «хозяин» мероприятия — выпустил программный документ «Базовый курс в отношении всеобъемлющих экономических партнерств»⁴. В нем было признано, что «Япония отстает от других стран в формировании сети продвинутых соглашений об экономическом партнерстве/зонах свободной торговли». В связи с этим правительство Японии обозначило «твердое намерение предпринять решительные шаги с целью преодоления сложившейся ситуации и заключения расширенных договоренностей об экономическом партнерстве с ведущими торговыми державами».

По состоянию на начало 2013 г., Япония подписала 12 двусторонних и одно региональное (с АСЕАН) соглашение. В работе находятся аналогичные договоренности с Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива, Австралией, Монголией, Республикой Корея, Европейским союзом. Кроме того, Токио последовательно расширяет участие в региональных интеграционных проектах, таких как Зона свободной торговли (ЗСТ) АТЭС, «АСЕАН+3», Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство («АСЕАН+6»), Транстихоокеанское экономическое партнерство.

Экспертами отмечается, что действующие интеграционные соглашения Японии в целом соответствуют выработанному за последние годы «золотому стандарту». В частности, они содержат положения, регламентирующие сотрудничество сторон в сферах торговли товарами, услугами и инвестициями, а также включают в себя те или иные элементы «ВТО плюс»⁵. Вместе с тем в этих соглашениях японцы не отказались от традиционных «оборонительных подходов». В целом ряде договоренностей уровень тарифной либерализации для Японии после окончания всех переходных периодов оказывается ниже, чем у страны-партнера, а чувствительные для Японии сельскохозяйственные и промышленные товары выносятся за рамки преференциального режима. Так, с Индией Япония планирует либерализовать 88,9% тарифных линий в течение 10 лет, при этом среди сельскохозяйственных товаров либерализации подлежат только 59,6%, с Перу — 89,4 и 61,6% соответственно.

Такая линия во многом привела к тому, что в настоящее время структура создаваемой Японией сети региональных торговых соглашений весьма специфична. Ее основу составляет пул соглашений, заключенных «малой кровью», которые, что вполне ожидаемо, не имеют определяющего значения с точки зрения продвижения торгово-экономических интересов страны. В целом торговля в рамках зон свободной торговли/отношений экономического партнерства не превышает 18,6% стоимостного объема внешней торговли Японии⁶ и дает прирост национального ВВП в размере не более 0,6%⁷. Как представляется, подобная ситуация не отвечает задачам Токио на интеграционном направлении.

И действительно, в 2012–2013 гг. японцы предприняли целый ряд амбициозных шагов, нацеленных на выправление сложившегося положения. Речь идет о беспрецедентном участии Токио в четырех крупных региональных интеграционных проектах, в случае одновременного запуска которых доля преференциальной внешней торговли страны в совокупности могла бы возрасти до 77%:

— Транстихоокеанское экономическое партнерство (потенциальная доля в общем объеме торговли — около 27%, прогноз прироста ВВП — 0,54%);

— Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (46 и 1,1% соответственно);

— ЗСТ Япония — КНР — Республика Корея (28 и 0,74%);

— ЗСТ Япония — Европейский союз (11 и 0,27%).

Все указанные инициативы находятся на самых ранних стадиях разработки. При этом уже подготовка к началу официальных консультаций продемонстрировала, насколько сложна будет задача гармонизации торговых режимов сильных экономических игроков, интересы которых в целом ряде случаев противоположны. В этом контексте ЗСТ Япония — КНР — Республика Корея, называемая Северовосточно-азиатской зоной свободной торговли (СВАЗСТ), как единственный в этой группе проект с почти пятнадцатилетним «стажем», имеет особое значение, поскольку дает представление о возможных подходах Токио к переговорам такого высокого политического и экономического уровня.

Роль хозяйственных связей в треугольнике Япония–КНР–РК для Токио трудно переоценить. В 1992–2010 гг. общий объем экспорта и импорта трех стран и, соответственно, их доля в мировой торговле существенно выросли. В 2010 г. на Китай, Японию и РК приходилось соответственно 10,4, 5,1 и 3,1% мирового экспорта и 9,1, 4,5 и 2,8% мирового импорта⁸. Заметен прогресс и в развитии экономического взаимодействия между тремя странами: в 2012 г. доля трехсторонних торговых потоков в мировой торговле достигла 16,8%⁹.

В период глобального финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. КНР и РК стали основными торговыми партнерами Японии. В частности, с 2009 г. КНР в экспорте Японии закрепились на первом месте, а РК — на четвертом (см. табл. 1).

Таблица 1

Географическое распределение экспорта Японии в 2007–2011 гг.*

Регион, страна	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Экспорт всего, млн. долл.	714,327.0	781,412.2	580,718.7	769,839.4	823,292.5
	Доля в общем экспорте, %				
Америка	26,5	24,2	23,2	22,3	21,7
США	20,4	17,8	16,4	15,6	15,5
Европа	15,8	15,3	14,0	12,8	13,3

Продолжение табл. 1

Регион, страна	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Экспорт всего, млн. долл.	714,327.0	781,412.2	580,718.7	769,839.4	823,292.5
ЕС(27)	14,8	14,1	12,5	11,3	11,7
Россия	1,5	2,1	0,6	1,0	1,4
Африка	1,6	1,7	1,6	1,6	1,6
Ближний Восток	3,7	4,3	3,7	3,3	3,0
Азия	50,6	52,0	56,8	58,8	58,7
КНР	15,3	16,0	18,9	19,4	19,7
Республика Корея	7,6	7,6	8,1	8,1	8,0
АТЭС	74,3	73,4	74,8	76,4	76,1
АСЕАН	12,2	13,2	13,8	14,7	15,0

* Japan. Trade Policy Review 2013, p. 119.

Аналогично с 2009 г. более 50% японского импорта приходится на Азию, в том числе более 20% — на КНР и около 5% — на Республику Корея (см. табл. 2).

Таблица 2

Географическое распределение импорта Японии в 2007–2011 гг. *

Регион, страна	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Импорт всего, млн. долл.	622,243.3	762,533.9	551,984.8	692,620.6	854,626.4
	Доля в общем импорте, %				
Америка	16,9	15,5	16,0	15,4	14,3
США	11,6	10,4	11,0	10,0	8,9
Европа	11,7	10,4	12,3	10,9	10,7
ЕС(27)	10,5	9,2	10,7	9,6	9,4
Россия	1,7	1,8	1,6	2,3	2,2
Африка	2,4	2,8	1,6	1,7	2,0
Ближний Восток	18,3	22,0	16,8	17,1	18,9
Азия	48,9	47,4	51,5	52,4	51,8
КНР	20,6	18,8	22,2	22,1	21,5
Республика Корея	4,4	3,9	4,0	4,1	4,7
АТЭС	65,0	62,0	66,5	67,0	65,2
АСЕАН	14,0	14,0	14,1	14,5	14,6

* Japan. Trade Policy Review 2013, p. 120.

Оценки японских правительственных и независимых экспертов относительно возможного эффекта от реализации СВАЗСТ достаточно разнообразны, однако в целом преобладают предположения о том, что создание этой зоны обеспечит солидный прирост ВВП для всех трех участников (около 0,74% — для Японии, 2,9% — для КНР, 3,2% — для РК). Опыт развития проекта ЗСТ между Японией, Китаем и Южной Кореей тем не менее демонстрирует, что соображения практической выгоды для национальной экономики не всегда имеют определяющее значение.

Вопрос о целесообразности гармонизации торгово-экономических отношений в СВА с перспективой выхода на официальные договоренности был поднят уже на первой в современной истории отдельной встрече глав государств и правительств Японии, КНР и РК. Мероприятие состоялось в ноябре 1999 г. «на полях» форума АСЕАН в Маниле на волне активизировавшихся под влиянием финансового кризиса 1997–1998 гг. дискуссий о необходимости более тесного взаимодействия стран региона. Неформальный саммит был организован по инициативе премьер-министра Японии К. Обути, который предложил в дальнейшем регулярно проводить неформальные беседы в этом формате. На встрече в 2000 г. японское предложение было конкретизировано: стороны договорились поручить назначенным аналитическим центрам изучить оптимальные формы трехстороннего экономического сотрудничества.

Соответствующие консультации были начаты в 2001 г. В них приняли участие с японской стороны — Национальный институт передовых исследований, с китайской — Исследовательский центр по вопросам развития при Госсовете КНР, с южнокорейской — Корейский институт международной экономической политики. В 2001–2003 гг. работа в этом академическом формате велась вокруг перспектив «развития торговли и инвестиций между тремя странами». Выводы группы, представленные лидерам Японии, КНР и РК на очередном неформальном саммите на о-ве Бали (Индонезия) в 2003 г., содержали рекомендации в пользу более предметного обсуждения возможностей создания в СВА зоны свободной торговли. В принятой по итогам встречи на высшем уровне Совместной декларации стороны отметили, что более тесное взаимодействие трех стран «в сфере торговли и инвестиций максимизирует потенциал развития всех азиатских экономик», высоко оценили работу назначенных аналитических центров и приветствовали их выводы о перспективности проекта ЗСТ, а также «договорились приступить к более глубокому исследованию этой темы»¹⁰. В следующем, 2004 г. министры иностранных дел обозначили примерные сроки завершения работы исследовательской группы — до конца 2005 г.¹¹.

Тем не менее второй этап работы трехсторонней академической группы по проекту СВАЗСТ растянулся более чем на шесть лет. В 2003 г. был проведен общий обзор аспектов, связанных с возможной органи-

защитой преференциальной торговли в трехстороннем формате. В 2004–2006 гг. исследователи приступили к анализу потенциального влияния ЗСТ на состояние отдельных отраслей. Особое внимание при этом было уделено сельскому хозяйству, рыболовству, промышленному производству и сектору услуг.

В 2007 г. с подключением представителей от министерств и ведомств трех стран в качестве наблюдателей консультации фактически начались заново. В 2007–2008 гг. назначенные центры рассмотрели все основные вопросы, связанные с построением региональной ЗСТ (общие и секторальные аспекты, включая модальности защиты чувствительных секторов национальных экономик, а также подходы трех стран к региональной экономической интеграции в целом).

В декабре 2008 г. итоги академического этапа проработки проекта СВАЗСТ были подведены в «Совместном докладе и рекомендациях относительно возможных „дорожных карт“ проекта зоны свободной торговли между Китаем, Японией и Кореей»¹². По мнению экспертов, запуск трехсторонней ЗСТ мог бы иметь позитивный макроэкономический эффект для всех ее участников: для КНР прирост ВВП составил бы 0,4%, для Японии — 0,3%, для РК — 2,8%. При этом максимизация такого эффекта была бы возможна только при условии отказа сторон от исключения из-под охвата ЗСТ отдельных секторов экономики и длительных переходных периодов¹³.

Как подчеркнули исследователи, проект СВАЗСТ в целом пользуется поддержкой деловых кругов трех стран, несмотря на то что последствия масштабной либерализации для отраслей национальных экономик могут существенно различаться. В частности, наибольший вклад в увеличение общего национального дохода от создания ЗСТ, как отмечалось, может принести ослабление регулирования в отраслях, связанных с промышленным производством, которые получают дополнительные ресурсы для роста благодаря расширению регионального рынка, оптимизации распределения ресурсов и формированию более конкурентной среды. И наоборот, промедление на этом направлении может привести к повышению издержек от сокращения промышленных производств в отраслях, где наблюдается увеличение избыточных мощностей (яркий пример — сталелитейные и нефтехимические производства в «треугольнике»).

Определенные надежды были возложены на либерализацию сектора услуг. При этом указывалось, что за счет повышения конкуренции и улучшения качества Япония, Китай и Южная Корея могли бы преодолеть дефицит в торговле услугами с третьими странами.

Наиболее уязвимыми отраслями эксперты единодушно признали сельское хозяйство и рыболовство, которые во всех трех странах отличаются невысокой конкурентоспособностью, значительной долей импорта и высокими тарифными и нетарифными барьерами в отношении отдельных товарных позиций. Тем не менее и здесь рабочая группа

увидела потенциальный плюс от создания ЗСТ: либерализация, по их мнению, могла бы подтолкнуть национальные власти к давно назревшим структурным реформам, а значит, повысить устойчивость сельскохозяйственного сектора Японии, Китая и РК в условиях глобальной интеграции торговли сельскохозяйственной продукцией.

В целом, как отметили исследователи, создание СВАЗСТ обусловлено целым рядом естественных причин, включая возрастающую взаимозависимость экономик трех стран, а также видимые в долгосрочной перспективе преимущества для регионального рынка. Вопрос в том, удастся ли участникам переговоров преодолеть имеющиеся на интеграционном пути барьеры: сопротивление сельскохозяйственного лобби, неразрешенные исторические разногласия, слабые центростремительные тенденции в АТР в целом. С учетом этого эксперты рекомендовали сторонам не откладывать решение о начале официальных консультаций по СВАЗСТ, используя фактор мирового финансово-экономического кризиса для формирования необходимой общественной поддержки переговорам.

При этом, по их убеждению, Токио, Пекин и Сеул должны четко представлять, что общерегиональная зона свободной торговли в Азии практически невозможна в отсутствие де-факто ЗСТ между Японией, Китаем и Южной Кореей. И наоборот, наличие у трех стран самостоятельных соглашений о свободной торговле с АСЕАН делает создание СВАЗСТ последним решающим шагом на пути к построению новой торгово-экономической архитектуры в Восточной Азии.

Последовавшие шаги правительств трех стран, казалось бы, шли в русле рекомендаций экспертов. С началом институционализации трехстороннего формата в декабре 2008 г. работа по СВАЗСТ получила необходимый импульс: на первом самостоятельном (без привязки к мероприятиям форума «АСЕАН плюс») саммите Япония, КНР и Республика Корея подтвердили, что взаимодействие сторон вышло на качественно новый уровень, и согласовали «План действий» по развитию трехстороннего сотрудничества. В документе проблематика СВАЗСТ получила отдельное освещение. Япония, Китай и Корея позитивно оценили работу академической группы в 2003–2008 гг. и дали старт «более глубокому исследованию».

В октябре 2009 г. на втором трехстороннем саммите в Пекине стороны объявили о начале нового раунда консультаций с привлечением к работе представителей ведомств и деловых кругов, а также созданию в этих целях Совместного комитета по изучению ЗСТ между КНР, Японией и РК. В согласованном в ходе третьего саммита в мае 2010 г. комплексном документе «Трехстороннее сотрудничество: видение 2020» лидеры подчеркнули, что рассчитывают на завершение консультаций в 2012 г. и рассматривают ведущуюся работу как необходимый этап для достижения сторонами «общих взглядов» на ключевые

чевые вопросы, которые будут предметом официальных переговоров по СВАЗСТ.

Четвертый трехсторонний саммит, состоявшийся в Токио в мае 2011 г., стал во многом ключевым для проекта СВАЗСТ. Мероприятие проходило в новых для Токио условиях: Японии было необходимо мобилизовать все внутренние и внешние ресурсы для восстановления экономики после бедствия в северо-восточных префектурах. В совместной декларации стороны подчеркнули, что с учетом сложившейся в Японии ситуации ими было принято решение ускорить работу исследовательской группы и вести дело к завершению консультаций до конца 2011 г.

Политический импульс подействовал — в декабре 2011 г. Совместный комитет по изучению ЗСТ на своем седьмом заседании объявил об окончании работы над проектом. В своих рекомендациях для переговорных делегаций члены комитета продемонстрировали большую смелость, чем академические эксперты. Проект СВАЗСТ, по их мнению, должен быть приоритетом усилий Токио, Пекина и Сеула в сфере региональной интеграции. Его особая важность определяется не только беспрецедентным экономическим эффектом для всех трех участников, но и тем фактом, что трехсторонняя ЗСТ является необходимым условием для формирования в АТР более крупных интеграционных форм сотрудничества («АСЕАН+3», «АСЕАН+6», ЗСТ АТР и пр.)¹⁴.

Как было подчеркнуто в итоговом докладе, конечной целью работы над проектом СВАЗСТ должно стать формирование максимально глубокой и всеобъемлющей зоны свободной торговли, охватывающей, по возможности, весь спектр торгово-экономических отношений трех стран. Эксперты признали, что у каждого участника переговоров имеются свои «красные линии», которые они будут пытаться вывести из-под охвата соглашения либо обеспечить себе свободу действий по их защите. Вместе с тем они призвали стороны подходить к обсуждению чувствительных тем конструктивно, руководствуясь рядом основных принципов:

- создание всеобъемлющей ЗСТ высокого уровня;
- соответствие положений соглашения нормам и правилам ВТО (прежде всего ст. XXIV ГАТТ и ст.V ГАТС, декларирующих необходимость максимально полного устранения ограничений и возможностей для дискриминации во взаимной торговле);
- соблюдение баланса интересов;
- отдельное внимание к чувствительным секторам.

В сфере торговли товарами эксперты рекомендовали сместить акценты с защиты национальных производителей на повышение конкурентоспособности, в том числе чувствительных отраслей сельского хозяйства и промышленности трех стран. И именно в этих целях добиваться большей либерализации на уровне «ГАТТ плюс» — сокращать применяемые по отношению друг к другу тарифные и нетарифные ме-

ры, улучшать условия взаимного доступа на рынки, создавать возможности для более интенсивного экономического сотрудничества и инвестирования, что должно «обеспечить установление правил игры, при которых выигрывают все».

Рекомендации Совместного комитета в сфере торговли услугами и инвестиций также настраивали стороны на то, что будущее соглашение должно охватывать максимально возможный круг секторов и способов поставки услуг и выходить за рамки как многосторонних договоренностей (Генеральное соглашение по торговле услугами и Соглашение по мероприятиям в области инвестиционной политики, имеющей отношение к торговле), так и нового трехстороннего инвестиционного соглашения, работа над которым была почти завершена. Эксперты видели немало сложностей на пути к этому, поскольку приоритеты трех стран относительно того, какие секторы услуг должны быть либерализованы и каким образом, слишком отличаются. Однако, как они подчеркнули, попытка найти компромисс должна быть сделана. Как минимум, в соглашении можно будет прописать твердые намерения сторон прийти к полной либерализации в долгосрочной перспективе, так как уже такое обязательство пошлет сильный позитивный сигнал деловым кругам.

По мнению комитета, трехстороннее соглашение должно стать документом типа «ВТО плюс», т.е. включать в себя отсутствующие в системе ВТО вопросы защиты прав интеллектуальной собственности, параметров сотрудничества в сфере электронной коммерции, информации и коммуникационных технологий, науки и техники, экологии, образования и культуры и пр. Фактически на его основе должна быть выстроена новая полноценная архитектура отношений в треугольнике Япония–КНР–РК. С точки зрения экспертов, этот институциональный фундамент обеспечит стратегическое сближение трех стран и их лидерство в процессах региональной интеграции. При этом позитивный эффект от проекта будет наблюдаться уже на этапе переговоров по тексту соглашения — за счет снятия взаимных озабоченностей в таком формате постоянного и плотного диалога.

Завершение предварительного изучения целесообразности проекта СВАЗСТ открыло дорогу официальным переговорам. Политическое решение об их начале было принято быстро. На очередном трехстороннем саммите в мае 2012 г. в Пекине стороны «приветствовали результаты работы Совместного комитета» и «поддержали рекомендации министров торговли трех стран начать переговоры о ЗСТ в текущем году». Соглашение о поощрении, облегчении и защите инвестиций, подписанное в рамках этого же мероприятия хотя и не разрешило основные разногласия сторон по вопросам регулирования взаимных инвестиций, но создало определенные предпосылки для продолжения работы в этом направлении. Формальное начало переговоров состоялось 20 ноября 2012 г. на встрече ответственных за торговлю министров Японии, КНР и РК, которая прошла «на полях» 21-го саммита АСЕАН в Пномпене.

Первый раунд переговоров по трехсторонней ЗСТ был проведен в Сеуле в марте 2013 г. Участники согласовали создание десяти рабочих групп по отдельным тематическим блокам, включая вопросы торговли товарами, услугами, инвестициями и пр. Был сформирован дальнейший график консультаций: в среднем раз в три-четыре месяца и подготовительные встречи в промежутках между официальными заседаниями, что достаточно интенсивно с точки зрения уже имеющейся практики подобных переговоров. Важным моментом для Токио стало то, что Пекин согласился обсуждать проблематику защиты прав интеллектуальной собственности, хотя и факультативно, на уровне экспертов делегаций¹⁵.

Второй раунд состоялся 30 июля — 2 августа 2013 г. в Пекине. Таким образом, стороны продемонстрировали намерение выдержать заданный переговорный темп. Переговоры, как и ранее, носили, скорее, подготовительный характер: было принято решение о создании трех дополнительных групп по государственным закупкам, экологии, а также продовольственной безопасности; состоялся обмен мнениями об оптимальных подходах к обсуждению, возможно, наиболее проблематичного переговорного блока — торговли товарами и сопутствующего снижения тарифных барьеров¹⁶. Третий раунд намечено провести до конца 2013 г. в Японии.

На последующих этапах станет очевидна готовность сторон к поиску разумных компромиссов по наиболее чувствительным темам. В зависимости от этого можно ожидать как быстрого прогресса в согласовании будущего документа, так и затягивания всей работы на неопределенный срок. Вместе с тем окончательный исход переговоров по СВАЗСТ обусловлен несколькими группами факторов, и далеко не все из них имеют отношение к сугубо экономической грани вопроса о либерализации в «треугольнике».

Во-первых, свою роль, безусловно, будет играть наличие в Японии, КНР и Южной Корее собственных приоритетов в сфере экономической интеграции и групп интересов, поддерживающих рассматриваемый проект либо выступающих против него. В Японии лобби в пользу заключения трехстороннего соглашения формируют в основном конкурентоспособные высокотехнологичные отрасли промышленности и финансовые круги. Для них ЗСТ предоставляет уникальную возможность расширить свое присутствие на обширном китайском рынке и скорректировать баланс взаимной торговли с Южной Кореей. Резко отрицательной точки зрения придерживаются прежде всего традиционно пользующиеся защитой от иностранной конкуренции сельскохозяйственный и рыболовный секторы, металлургическая, судостроительная, текстильная отрасли. По их мнению, снижение защиты национального рынка приведет к потере своих позиций местными производителями, росту безработицы и социальной напряженности.

Кроме того, необходимо учитывать, что в дальнейшем экономические расхождения Японии и Китая могут увеличиваться по мере реали-

зации в КНР курса на собственную модель экономики с высокой добавленной стоимостью, в результате чего, очевидно, китайские предприятия будут входить в прямую конкуренцию с японскими. Попытки Пекина ограничить экспорт редкоземельных металлов, широко используемых в гибридных автомобилях и других высокотехнологичных продуктах, ухудшение социально-экономических условий работы японских компаний в КНР и другие сигналы такого рода будут питать те японские группы интересов, которые делают ставку на иные, а не китайский рынок¹⁷. В свою очередь, поляризация мнений ключевых заинтересованных групп может сделать проект ЗСТ заложником как межведомственного противостояния, так и внутривластной борьбы в случае отсутствия четких политических установок.

Во-вторых, проект СВАЗСТ прочно вписан в общую картину непростых взаимоотношений в «треугольнике» Япония–КНР–РК и остается во многом заложником конъюнктуры, складывающейся в Северо-Восточной Азии. Обострение территориальных разногласий и исторические споры также может поставить под вопрос перспективы заключения всеобъемлющего соглашения. С другой стороны, в этом же контексте можно говорить и о «сближающем потенциале» СВАЗСТ. Примечательно, что на пике политической напряженности в японо-китайских и японо-южнокорейских отношениях в 2013 г., когда оказались фактически заморожены трехсторонние контакты на высшем и высоком уровне¹⁸, консультации о свободной торговле продолжаются в полном соответствии с первоначальным графиком.

В-третьих, инициатива СВАЗСТ развивается под пристальным наблюдением внешних игроков, имеющих свои взгляды на оптимальную архитектуру торгово-экономического сотрудничества в Северо-Восточной Азии и АТР. Прежде всего интерес представляет позиция Вашингтона, который продвигает в Азии свой крупный интеграционный проект Транстихоокеанского экономического партнерства (ТТП). Эта инициатива открыта для присоединения сравнительно небольших региональных экономик, которые ориентируются в торговле на емкий рынок США. Следовательно, такие партнеры могут быть более восприимчивы к предлагаемой американцами интеграционной модели, в основе которой лежат преимущественно нормы и принципы американского торгового права.

Китай в таком контексте сложно рассматривать в качестве привлекательного для США кандидата на членство в ТТП. Торгово-экономическая повестка дня Вашингтона и Пекина изобилует принципиальными разногласиями, которые не могут быть решены без существенных взаимных уступок, а на это сегодня не пойдет ни одна из сторон, в том числе и из-за крайне негативного отношения к подобным встречным шагам на внутривластном уровне.

Япония, напротив, объявила о присоединении к переговорам по ТТП в ноябре 2011 г. и официально участвует в них с июля 2013 г. Решение

японцев нельзя интерпретировать как готовность безоговорочно согласиться на реализацию американских интеграционных установок. Вместе с тем Токио видит в тесной работе с США по ТТП определенную гарантию сохранения за собой статуса особого экономического и политического партнера Вашингтона в Азии. Ряд исследователей допускает, что Япония может пытаться преследовать двуединую цель: ТТП как политико-стратегический проект и СВАЗСТ как локомотив экономического роста. Тем не менее противоположная направленность инициатив СВАЗСТ и ТТП ставит Японию перед достаточно сложным выбором, избежать которого, возможно, не удастся, даже если поиски компромисса по чувствительным для сторон вопросам на обеих площадках приведут к выхолащиванию итоговых договоренностей.

В этом контексте нельзя исключать вероятность того, что Япония рассматривает свое участие в переговорах по СВАЗСТ (равно как и по ТТП) прежде всего в качестве очередного этапа реализации фундаментального курса, направленного на расширение собственной сети соглашений о зоне свободной торговли. Такой сценарий может свидетельствовать о том, что в Токио прогнозируют дальнейшее размывание многосторонней торговой системы и сопутствующее этому ослабление статуса ВТО как ее нормативно-правовой основы. Региональные переговоры в таких условиях становятся для японцев удобной и понятной альтернативой, а крупные плюрилатеральные интеграционные проекты — новым инкубатором для выработки универсальных «правил игры» мировой торговли.

Примечания

¹ The Future of the World Trading System: Asian Perspective ¹The Future of the World Trading System: Asian Perspective. Ed. by Baldwin R., Kawai M., Wignaraja G. — Centre for Economic Policy Research (CEPR), London, 2013, p. 15 (www.adbi.org/files/book.2013.06.14.future.world.trading.system.pdf), p. 15.

² Op. cit., p. 16.

³ Ibid., p. vii.

⁴ Basic Policy on Comprehensive Economic Partnerships. November 6th, 2010. Ministerial Committee on Comprehensive Economic Partnerships/Ministry of Foreign Affairs of Japan (<http://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/fta/policy20101106.html>).

⁵ Japan. Trade Policy Review 2013, p. 14–15.

⁶ Здесь и ниже данные о потенциальной доле преференциальной торговли цит. по: Кэйдзай рэнкэй кётэй-но кока — боэки тоси-но доко (Эффект от соглашений об экономическом сотрудничестве. Тенденции в сфере торговли и инвестиций). — Нихон коку гаймусё кэйдзай кёку (Министерство иностранных дел Японии. Департамент экономического сотрудничества). Материалы презентации, декабрь 2012 г., с. 15 (<http://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/fta/pdfs/kouka.pdf>).

⁷ Здесь и ниже данные о потенциальном приросте ВВП цит. по: *Kawasaki K.* Determining Priority Among EPAs. — Research Institute of Economy, Trade and Industry (RIETI), May 31, 2011 (http://www.rieti.go.jp/jp/columns/a01_0318.html).

⁸ Joint Study Report for an FTA among Japan, China and Korea. December 16, 2011, p. 10 (<http://www.meti.go.jp/press/2011/03/20120330027/20120330027-3.pdf>).

⁹ Нихон кэйдзай симбун. 19.05.2013.

¹⁰ Ниттjukan санкакокукан кёрёку-но сокусин-ни кансуру кёдосэнгэн (Совместная декларация Японии, КНР и Республики Корея о продвижении трехстороннего сотрудничества (http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/asean/jck/jck_kyodo.html)).

¹¹ The Progress Report of the Trilateral Cooperation among the People's Republic of China, Japan and the Republic of Korea (Adopted on November 27, 2004, by the Three-Party Committee in Vientiane, the Lao PDR) (<http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/asean/conference/asean3/report0411.html>).

¹² Joint Report and Policy Recommendations on the Possible Roadmaps of the Free Trade Agreement between China, Japan and Korea. Trilateral Joint Research by Development Research Center (DRC) of China, National Institute for Research Advancement (NIRA) of Japan and Korea Institute for International Economic Policy (KIEP) of Korea. December 2008 (www.nira.or.jp/pd8/0805report-E/pdf).

¹³ Ibid., p. 4.

¹⁴ Joint Study Report of the Joint Study Committee on the Free Trade Area Between China, Japan and Korea. December 2011 (http://www.meti.go.jp/english/press/2012/0330_06.html).

¹⁵ Нихон кэйдзай симбун. 28.03.2013.

¹⁶ Санкэй симбун. 03.08.2013.

¹⁷ Носова И. «Азиатский разворот» во внешнеполитическом курсе Японии (2009–2010). — Япония после смены власти. М., 2011, с. 141.

¹⁸ Очередной трехсторонний саммит Японии, КНР и РК, который должен был пройти в Южной Корее ориентировочно в мае 2013 г., отложен на неопределенный срок. Сторонам не удалось провести традиционную встречу в рамках Совещания министров иностранных дел «АСЕАН+3» в Брунее в июле 2013 г.

А.А. Батакова

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО
В ЯПОНО-ЮЖНОКОРЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ:
ПОДХОДЫ КАБИНЕТОВ ДПЯ (2009–2012)
И НОВОГО КАБИНЕТА С. АБЭ**

Отношения с Республикой Корея являются одним из приоритетных направлений японской дипломатии. Официальная позиция Токио заключается в том, что Республика Корея — «важный сосед Японии, имеющий с ней общие интересы и разделяющий основные ценности, такие как демократия и рыночная экономика»¹. Страны являются крупными торгово-экономическими партнерами. На двусторонней основе Япония и Южная Корея сотрудничают в таких сферах, как исследование космоса, программы помощи развивающимся странам, в том числе Афганистану, разработка мер по борьбе с пиратством и международным терроризмом, вопросы экологии и изменения климата, а также проводят консультации по разрешению ядерной проблемы КНДР и всего комплекса проблем Корейского полуострова.

В то же время в Республике Корея сильны антияпонские настроения и общее недоверие в отношении Японии, поддерживаемые исторической памятью о японском колониальном управлении первой половины XX в. По результатам проведенного в марте–апреле 2013 г. опроса общественного мнения, 76,6% респондентов из Южной Кореи выразили негативное отношение к Японии, и только 12,2% — позитивное². Согласно другим опросам, 43,9% корейских граждан опасаются японской военной угрозы³.

В июне 2010 г. в преддверии 100-летия аннексии Кореи японская телерадиокомпания «Эн-Эйч-Кэй» и южнокорейская «Кэй-Би-Эс» совместно провели опрос общественного мнения. 34% респондентов из Южной Кореи назвали решение «проблем исторического прошлого» необходимой предпосылкой для развития двусторонних отношений Японии и Республики Корея. Следующим по популярности стал вариант «решение проблемы выплаты военных компенсаций» (26%)⁴. Если суммировать два вышеизложенных пункта, которые можно отнести к ряду «проблем исторического прошлого», то они составят 60%, что лишь на

© Батакова А.А., 2014

2% меньше самого популярного варианта — «решение территориального спора о принадлежности островов Токто (Такэсима)». Согласно этому же опросу, 81% японцев и 89% корейцев признали проблемы истории важным фактором в двусторонних отношениях.

Под «проблемами исторического прошлого» в отношениях Японии с Республикой Корея понимают политизацию оценки недавнего исторического прошлого, которая оказывает негативное влияние на двусторонние отношения, поддерживая антияпонские настроения в Южной Корее и взаимное недоверие двух стран в отношении друг друга. Вопросы признания Японией исторической ответственности, поднимаемые в ходе двусторонних встреч на высшем уровне и на различных международных площадках, занимают важное место в общественно-политическом дискурсе и находятся под пристальным вниманием средств массовой информации.

Одна из проблем в этом ряду — выплата Японией компенсаций и принесение официальных извинений оставшимся в живых «женщинам комфорта», под которыми понимаются женщины различного национального происхождения, работавшие на «станциях утешения» — в публичных домах, созданных на оккупированных территориях и обслуживавших японских солдат и офицеров. Официальная позиция Токио в настоящий момент заключается в том, что все юридические вопросы с Республикой Корея были решены двусторонними соглашениями 1965 г.

Критику корейской стороны вызывают также посещения членами кабинета министров Японии и японскими парламентариями синтоистского святилища Ясукуни, где почитаются души погибших за императора, в число которых занесены японские военные преступники класса «А», приговоренные к смертной казни по решению Международного военного трибунала для Дальнего Востока. По этой причине визиты японских высокопоставленных лиц в Ясукуни — даже в личном качестве — рассматриваются в Южной Корее как прямой вызов национальным чувствам народа Кореи, пострадавшим от японской агрессии и колонизации.

Восточноазиатские соседи Японии пристально следят и за итогами регулярной процедуры рассмотрения учебников национальной истории для школ министерством образования, культуры, спорта, науки и технологии Японии на предмет наличия в них «искажающих факты» материалов, к которым относятся отрицание ответственности Японии за развязывание войны на Тихом океане, утверждение, что война в Азии была направлена против западной колониальной системы и имела освободительный характер, а также положительная оценка колониальной политики Японии. Стоит отметить, что в Японии не существует единых государственных учебников и школы вправе самостоятельно выбирать, какими именно учебниками пользоваться, что зачастую уходит из поля зрения критиков. Так, вызвавший в 2005 г. много споров «Новый учеб-

ник истории» издательства «Фусося» в итоге занял на рынке учебников для средних школ не более 0,4%⁵.

Задавая своего рода постоянный фон двусторонним отношениям, проблемы исторического прошлого периодически обостряются, становясь для Японии внешнеполитической проблемой. В очередной раз так произошло во время премьерства Дзюньитиро Коидзуми (2001–2006), который, вступив в должность в апреле 2001 г., сразу же официально заявил, что намеревается посетить святилище Ясукуни⁶. За время своего премьерства, которое, стоит отметить, длилось достаточно долго по японским меркам, Дз. Коидзуми шесть раз посетил Ясукуни, притом последний, шестой, раз — 15 августа, в день принятия Японией условий Потсдамской декларации, который является памятной датой и для Южной Кореи, где он отмечается как День независимости. В результате с конца 2005 г. двусторонний диалог с Республикой Корея на высшем уровне был фактически заморожен и не восстанавливался в полной мере до 2009 г., несмотря на то что последующие премьер-министры от ЛДП от посещения святилища воздержались.

Смена власти в Японии в результате победы на общенациональных парламентских выборах 30 августа 2009 г. Демократической партии Японии (ДПЯ) породила надежды на улучшение отношений с восточно-азиатскими соседями на основе более деликатного отношения к вопросам исторического прошлого, которое ожидалось от демократов. Еще в декабре 2005 г. Сэйдзи Маэхара, в то время возглавлявший ДПЯ, выступая с партийной речью по внешнеполитическим вопросам, раскритиковал действия премьер-министра Японии Д. Коидзуми, в результате которых сложилась «ненормальная ситуация, когда глава кабинета министров был не в состоянии поддерживать диалог с лидерами Китая и Южной Кореи»⁷ по причине ежегодных визитов в Ясукуни. С. Маэхара настаивал, что по крайней мере премьер-министр и министр иностранных дел должны воздержаться от таких посещений во избежание негативных для японской внешней политики последствий. В предвыборном манифесте Демократической партии 2009 г. также было зафиксировано обещание «приложить максимальные усилия для построения отношений взаимного доверия со странами Азии, прежде всего с Китаем и Республикой Корея»⁸.

Первый премьер-министр Японии от ДПЯ Юкио Хатояма провозгласил «поворот к Азии» основой своего внешнеполитического курса, предложив на базе укрепления сотрудничества со странами Восточной Азии в различных областях стремиться к созданию в будущем Восточно-Азиатского сообщества. Первая встреча Ю. Хатояма и президента Республики Корея Ли Мён Бака (который, стоит отметить, после прихода к власти в феврале 2008 г. также сразу же заявил о намерении кардинально улучшить отношения с Японией, отказавшись от излишней политизации вопросов исторического прошлого) состоялась уже 23 сентября 2009 г. «на полях» Генеральной Ассамблеи ООН. В ходе беседы

лидеры договорились развивать двусторонние связи, «не обходя сложные вопросы истории, а прокладывая путь через них»⁹.

Свой первый зарубежный визит Ю. Хатояма нанес 9 октября 2009 г. в Республику Корея спустя всего три недели после вступления в должность. На последовавшей за беседой пресс-конференции глава кабинета министров Японии заявил, что у новой администрации «есть мужество прямо смотреть на историю»¹⁰. Подчеркнув, что «проблемы исторического прошлого» сказываются на развитии двусторонних отношений, Ю. Хатояма отметил необходимость проявлять сдержанность в легко вызывающих эмоциональную реакцию партнера вопросах. Позиция новой японской администрации была высоко оценена Сеулом.

Ю. Хатояма пообещал не посещать святилище Ясукуни и призвал министров своего кабинета воздержаться от визитов¹¹. Этой линии придерживались и последующие премьеры от ДПЯ — Н. Кан и Ё. Нода. 15 августа 2010 г. впервые за 25 лет никто из членов кабинета министров не нанес визит в Ясукуни¹².

Ю. Хатояма подтвердил, что будет придерживаться заявления премьер-министра Томиити Мураяма, сделанного по случаю пятидесятилетней годовщины окончания войны в августе 1995 г., в котором содержались извинения «за огромные разрушения и страдания, причиненные народам многих стран, прежде всего Азии, посредством японского колониального господства и агрессии», и заверения, что Япония не будет отрицать эти исторические факты и не допустит повторения прошлых ошибок¹³.

10 августа 2010 г. следующий премьер-министр Японии от Демократической партии Наото Кан выступил с заявлением в связи со столетней годовщиной аннексии Кореи. Н. Кан первым из японских премьеров заявил, что колонизация осуществлялась «против воли корейского народа», лишила его «собственного государства и культуры и нанесла глубокие раны национальной гордости»¹⁴. Также глава кабинета министров Японии пообещал приложить усилия, чтобы корейской стороне в скорейшем времени были переданы архивы, вывезенные в Японию с Корейского полуострова.

В последовавшем за заявлением телефонном разговоре Н. Кан отметил, что намерен, «не закрывая глаза на прошлое и раскаиваясь во всем, достойном раскаяния, укреплять японо-южнокорейские отношения, направленные в будущее»¹⁵. В ответ президент Республики Корея дал высокую оценку заявлению Н. Кана и выразил надежду на то, что оно станет хорошим импульсом для развития двусторонних отношений.

В заявлении официального представителя министерства иностранных дел и внешней торговли Республики Корея было также отмечено, что Сеул «приветствует попытку быть искренним в отношении ошибок прошлого» и рассматривает извинения, принесенные Н. Каном, как желание правительства Японии и японского народа преодолеть несчастливое прошлое между двумя государствами и «проложить путь в светлое

будущее двусторонних отношений»¹⁶. В выступлении по вопросам японской дипломатии в январе 2011 г. Н. Кан также отметил, что на основе своего заявления намерен построить «новую эпоху» японо-южнокорейских отношений¹⁷.

В июне 2011 г. кабинетом министров Японии было одобрено и вступило в силу межправительственное Соглашение о книгах, подписанное в ходе двусторонней встречи «на полях» саммита АТЭС 14 ноября 2010 г. и подразумевавшее передачу корейской стороне хранящихся в Японии архивов, вывезенных с Корейского полуострова. Вступление соглашения в силу было высоко оценено корейской стороной как шаг в духе заявления Н. Кана, направленный на построение ориентированных в будущее японо-южнокорейских отношений¹⁸.

Активизировалась и работа по совместным историческим исследованиям. Еще в марте 2002 г. Япония и Республика Корея приняли решение учредить Японо-корейскую комиссию по совместному изучению истории для исследования спорных вопросов двусторонних отношений с целью поощрения верного и единообразного понимания исторических фактов, что, по замыслу основателей, должно привести к улучшению климата двусторонних отношений¹⁹. Результаты двух раундов совместных исследований были опубликованы в 2005 и 2010 гг. На встрече Ли Мён Бака и третьего премьер-министра от ДПЯ Ёсихико Нода 18 декабря 2011 г. в Киото было достигнуто согласие о необходимости проведения третьего раунда совместных исследований²⁰.

Подобные тенденции в двусторонних отношениях повлияли и на настроения в обществе в обеих странах. Согласно результатам опроса общественного мнения, проведенного в 28 странах мира для «BBC World Service» в апреле 2010 г., южнокорейцы, несмотря на все существующие разногласия, в целом положительно оценили влияние Японии в мире — 64% против 29%, что показывает значительное улучшение взглядов на Японию по сравнению с результатами аналогичного опроса, проведенного в 2008 г. (тогда только 37% корейцев оценивали Японию положительно, в то время как 52% — отрицательно)²¹.

Однако «медовый месяц» в двусторонних отношениях продлился недолго. Уже к концу пребывания Демократической партии Японии у власти обострение территориального спора вокруг островов Токто (Такэсима) и ряд высказываний японского руководства, позволяющих сделать вывод об отходе от изначальной позиции ДПЯ деликатно относиться к вопросам исторического прошлого, значительно охладили японо-южнокорейские отношения.

15 августа 2011 г. будущий премьер-министр Японии, министр финансов Ё. Нода подтвердил неизменность своей позиции относительно того, что военные преступники класса «А» уже юридически восстановили свою честь и больше не являются таковыми, а также отметил, что глава кабинета министров должен сам принимать решение, посещать Ясукуни или нет²². Республика Корея опубликовала в ответ заявление

официального представителя министерства иностранных дел и внешней торговли, охарактеризовавшего высказывание как «неуместное» и идущее вразрез с заявлением премьер-министра Н. Кан²³.

Примерно в это же время, летом 2011 г., конституционный суд Республики Корея признал несоответствующим конституции бездействие корейского правительства в вопросе о «женщинах комфорта». Во многом под давлением корейского общественного мнения Ли Мён Бак вынес «вопросы исторического прошлого» на двустороннюю повестку дня. В ходе встречи с японским премьер-министром в Киото 18 декабря 2011 г. глава Южной Кореи подчеркнул важность решения проблемы «женщин комфорта» для развития двусторонних отношений. В ответ премьер-министр Японии Ё. Нода озвучил известную юридическую позицию Токио по данному вопросу — что все вопросы о выплате компенсаций решены договором об основе отношений 1965 г. и последующими двусторонними соглашениями — и вместе с тем подчеркнул готовность прилагать усилия для разрешения гуманитарного аспекта проблемы. Также Ё. Нода призвал в скорейшем времени снести установленный неправительственной южнокорейской организацией без получения соответствующего разрешения памятник «женщине комфорта» напротив здания посольства Японии в Сеуле²⁴.

27 марта 2012 г. Республика Корея раскритиковала одобрение очередного японского учебника по истории для старших классов за «оправдание искаженной исторической перспективы и восхваление прошлых ошибок»²⁵ и потребовала внесения исправлений, призвав правительство Японии действовать в соответствии с его заверениями «построить отношения, направленные в будущее, прямо смотря на историю».

Нарушив установившуюся при ДПЯ традицию, в августе 2012 г. два министра кабинета Ё. Нода — министр государственных земель, инфраструктуры, транспорта и туризма Юитиро Хата и председатель Национального комитета общественной безопасности Дзин Мацубара — нанесли частный визит в Ясукуни.

28 августа 2012 г. премьер-министр Японии Ё. Нода отметил, что нет документальных свидетельств того, что женщины силой принуждались работать на «станциях утешения», поскольку заявление генерального секретаря кабинета министров Ёхэй Коно²⁶, признавшее причастность японских военных к созданию «станций утешения», а также наличие в ряде случаев при наборе женщин для работы на них элементов принуждения, было основано исключительно на показаниях бывших «женщин комфорта». Тогда же председатель Национального комитета общественной безопасности Д. Мацубара призвал пересмотреть заявление Ё. Коно, но Ё. Нода тем не менее подчеркнул, что намерен его придерживаться²⁷. Между тем важно отметить, что заявление генерального секретаря кабинета министров Ёхэй Коно, сделанное 4 августа 1993 г., стало одним из важнейших шагов на пути к разрешению

проблемы «женщин комфорта». Извинения, принесенные Ё. Коно, были высоко оценены корейской стороной: правительство Республики Корея объявило, что более не рассматривает проблему «женщин комфорта» как дипломатическую²⁸.

В ответ на высказывания Ё. Нода и Д. Мацубара Республика Корея опубликовала заявление с критикой высказываний «некоторых высокопоставленных лиц Японии», игнорирующих настойчивые призывы международного сообщества и отрицающих насильственную мобилизацию женщин на «станции утешения», хотя «ранее японское правительство уже признало этот факт»²⁹.

В августе 2012 г. Ли Мён Бак первым из южнокорейских лидеров посетил оспариваемые Японией острова Токто (Такэсима) и потребовал извинений от императора Японии за годы колониального правления в случае его гипотетического визита в Республику Корея³⁰. В результате были заморожены политический диалог на высшем уровне и обмены по линии неправительственных организаций³¹. Повторилась ситуация, сложившаяся в годы премьерства Д. Коидзуми, который, несмотря на протесты азиатских соседей Японии, ежегодно посещал святилище Ясукуни.

Опросы общественного мнения, проведенные в 2012 г., продемонстрировали резкое ухудшение отношения в Республике Корея к Японии. Число оценивавших Японию положительно упало по сравнению с опросом 2010 г. с 64 до 38%. Негативное отношение к Японии в 2012 г. выразили 58% корейских респондентов (в 2010 г., как уже говорилось, всего 29%). При этом отмечается, что большинство отрицательно оценивших Японию причиной своего отношения назвали внешнеполитический курс, проводимый японским правительством (36%)³².

В результате к моменту «повторной смены власти» ситуация в двусторонних отношениях повторилась: охлаждение на фоне обострившихся застарелых проблем и возлагаемые на новую администрацию надежды на их улучшение.

Победа на президентских выборах в Республике Корея в декабре 2012 г. Пак Кын Хе — дочери бывшего президента Пак Чжон Хи, при котором в 1965 г. были нормализованы японо-южнокорейские отношения, а также заявления нового премьер-министра Японии от Либерально-демократической партии С. Абэ о важности связей с Сеулом дали основания японским СМИ говорить о грядущей оттепели в двусторонних отношениях.

Лидер партии «Сэнури» Пак Кын Хе после своего избрания выразила намерение улучшить отношения с Японией. На телевизионных дебатах в ходе предвыборной кампании она подчеркнула необходимость «широкого мышления, преодолевшего прошлое и ясно видящего будущее»³³.

То, что Южная Корея остается «самым важным соседом» Японии, отметил вскоре после своего избрания и премьер-министр Японии

С. Абэ, направляя в Сеул секретаря Ассоциации депутатов парламента Японии за дружбу с Республикой Корея в качестве своего специального представителя³⁴.

Однако уже скоро стало понятно, что Сеул не намерен полностью отказываться от привязки двусторонних отношений к решению проблем, связанных с историческим прошлым. 25 февраля 2013 г. в ходе встречи с прибывшим в Сеул на церемонию инаугурации вице-премьером японского кабинета министров Таро Асо новый президент Республики Корея отметила, что для построения направленных в будущее двусторонних отношений важно понимание истории³⁵.

Выступая 1 марта 2013 г. — в годовщину корейского первоапрельского движения за независимость, Пак Кын Хе заявила, что «Японии необходимо прямо смотреть на историю», чтобы построить с Республикой Корея «партнерские отношения»³⁶. 11 марта 2013 г. делегация Южной Кореи, участвовавшая в работе комиссии ООН по положению женщин, подняла вопрос о юридической ответственности Японии в отношении «женщин комфорта»³⁷. 15 марта 2013 г. министр иностранных дел и внешней торговли Республики Корея Юн Бён Се, отвечая на вопросы японских журналистов, подчеркнул, что главе японского правительства необходимо «иметь правильное понимание истории и действовать соответственно», и призвал решить проблему «женщин комфорта» при их жизни³⁸.

Синдзо Абэ с начала своего второго по счету премьерского срока не продемонстрировал намерения деликатно относиться к проблемам исторического прошлого, в отличие от предпринятых предыдущими администрациями ДПЯ попыток в этом направлении. Еще до своего избрания, будучи председателем Либерально-демократической партии Японии, С. Абэ пообещал посетить синтоистское святилище Ясукуни и пересмотреть заявление генерального секретаря кабинета министров Ё. Коно по проблеме «женщин комфорта», а впоследствии допустил ряд вызвавших споры высказываний, в том числе намекнул на возможность отказа от извинений в адрес народов Азии за агрессивную военную политику Японии в годы Второй мировой войны, сделанных премьер-министром Т. Мураяма в 1995 г. В результате за полгода пребывания С. Абэ у власти в фокусе внимания прессы и общественности вновь оказались практически все аспекты «проблем исторического прошлого».

Бурные дискуссии в японском обществе вызвало заявление С. Абэ о том, что Международный военный трибунал для Дальнего Востока представлял собой «суд победителей над побежденными»³⁹, а также слова премьера об отсутствии общепринятого определения агрессии в научных кругах и международном сообществе, поскольку в отношениях между государствами все зависит от того, под каким углом смотреть⁴⁰. Между тем еще в 1993 г. премьер-министр Японии Морихиро Хосокава, возглавивший первое коалиционное правительство в Японии

после долголетнего преобладания ЛДП у власти, признал действия Японии в первой половине XX в. «агрессивной войной»⁴¹.

Весной 2013 г. С. Абэ намекнул на невозможность придерживаться в неизменном виде заявления Т. Мураяма 1995 г. и выразил намерение в 2015 г., к 70-летию окончания Второй мировой войны, опубликовать новое, «направленное в будущее» заявление, которое уже не будет содержать пассажей о признании японской агрессии⁴².

В ответ президент Республики Корея вновь потребовала от Японии «правильного понимания истории»⁴³, депутаты южнокорейского парламента призвали прекратить обмен по линии Ассоциации дружб парламента двух стран, а посол Японии в Сеуле К. Бэссё был вызван в МИД Республики Корея, где ему был выражен решительный протест⁴⁴.

В апреле 2013 г. в фокусе внимания японской и зарубежной общественности и прессы оказалось посещение членами японского кабинета министров и парламентариями храма Ясукуни. На этот раз храм посетили четыре министра действующего кабинета, включая Т. Асо, совмещающего посты вице-премьера и министра финансов, министра внутренних дел Ёситака Синдо, председателя Национального комитета общественной безопасности Кэйдзи Фуруя и министра по вопросам административной реформы Томоми Инада. Массовое паломничество в храм — самое многочисленное за последние годы — совершили 168 депутатов японского парламента — членов ассоциации «Общество депутатов за посещение храма Ясукуни». В храм было также доставлено подношение лично от премьер-министра С. Абэ.

В ответ МИД Республики Корея заявил о решении отменить намечавшуюся на конец апреля поездку министра иностранных дел и внешней торговли в Японию и выразил «глубокую озабоченность и сожаление», призвав к «правильному пониманию истории»⁴⁵.

Во второй половине мая разгорелся скандал вокруг высказывания сопредседателя Партии возрождения Японии Тору Хасимото о необходимости «женщин комфорта» в условиях военного времени⁴⁶. Последовала незамедлительная реакция соседей: уже на следующий день представитель правительства Республики Корея раскритиковал заявление Т. Хасимото как «продемонстрировавшее глубокую нехватку понимания истории и уважения прав женщин», а также подчеркнул, что создание «станций утешения» — крупное нарушение прав человека, относительно чего имеется консенсус международного сообщества⁴⁷.

Пресса начинает писать об обострении проблем прошлого при администрации С. Абэ. 15 мая 2013 г. газета «Хоккайдо симбун» выпустила полосу статей под общим заголовком: «Ушат холодной воды на планы по улучшению отношений с КНР и Республикой Корея», высказывались опасения, что в зависимости от дальнейших действий японского руководства встреча министров иностранных дел Японии и Южной Кореи «на полях» Регионального форума АСЕАН по безопасности в Брунее может не состояться⁴⁸.

Вместе с тем администрация С. Абэ, опасаясь дальнейшего ухудшения отношений с Республикой Корея из-за проблематики исторического прошлого, постаралась по возможности смягчить возможную негативную реакцию соседей. После высказываний сопредседателя Партии возрождения Японии генеральный секретарь кабинета министров Ё. Суга в ходе пресс-конференции подчеркнул, что заявление о необходимости «женщин комфорта» — личное мнение Т. Хасимото, который к тому же является главой оппозиционной партии, в то время как правительство намерено в этом вопросе придерживаться заявления Ё. Коно⁴⁹. На пресс-конференции 14 мая 2013 г. министр иностранных дел Японии Фумио Кисида высказал «невывразимую словами боль» в отношении «женщин комфорта»⁵⁰ и выразил намерение «проконтролировать ситуацию, чтобы она не сказалась на двусторонних отношениях»⁵¹. Министр по вопросам административной реформы Томоми Инада отметила, что система «женщин комфорта» — «крупное нарушение прав женщин»⁵². Премьер-министр С. Абэ на заседании бюджетной комиссии верхней палаты парламента 14 мая 2013 г. также выразил сочувствие «женщинам комфорта»⁵³.

О попытках нивелировать негативное влияние фактора истории на внешнюю политику свидетельствуют и заявления японского премьера о необходимости поручить вопросы истории экспертам-историкам, не создавая из них дипломатических и политических проблем. На протесты соседей в отношении возможного пересмотра заявления Т. Мураяма С. Абэ поспешил заявить, что его кабинет по-прежнему придерживается той позиции, что «Япония в прошлом причинила много боли и страданий многим странам, особенно народам Азии»⁵⁴. 24 апреля 2013 г. на заседании бюджетной комиссии верхней палаты парламента С. Абэ подчеркнул, что «не хотел бы, чтобы проблема Ясукуни оказывала влияние на весь комплекс отношений с КНР и Республикой Корея»⁵⁵.

Хотя в сентябре 2012 г., будучи председателем находившейся тогда в оппозиции Либерально-демократической партии Японии, С. Абэ намекал на возможность пересмотра заявления Ё. Коно 1993 г. в отношении проблемы «женщин комфорта», после вступления на пост премьер-министра он смягчил свою позицию. Выступая от имени нового правительства, генеральный секретарь кабинета министров Японии Ё. Суга на пресс-конференции 31 января 2013 г. заявил о необходимости «рассмотрения вопроса с научной точки зрения»⁵⁶.

В этой же плоскости следует рассматривать и отказ С. Абэ от личного визита в Ясукуни, рассчитанный на то, чтобы не допустить негативной реакции соседей (на это обстоятельство Ё. Суга указал в ходе своей пресс-конференции)⁵⁷. Однако в Южной Корее такое решение С. Абэ не было воспринято как уступка. Масла в огонь подлил визит в Ясукуни Т. Асо — второго после премьер-министра лица в Японии, который к тому же был в феврале 2013 г. в официальном качестве направлен на церемонию инаугурации Пак Кын Хе.

Однако впоследствии со стороны Сеула были предприняты определенные шаги навстречу. Республика Корея предложила Японии провести «на полях» Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ) в Брунее первую с момента формирования в обеих странах новых правительств встречу министров иностранных дел. Одновременно министерство иностранных дел и внешней торговли Республики Корея представило в комитет по вопросам внешней политики парламента доклад с предложением в отношении с Японией «отойти от проблем исторического прошлого и продвигать необходимое сотрудничество в стратегической плоскости»⁵⁸.

В итоге первая за девять месяцев встреча министров иностранных дел двух стран состоялась в Брунее 1 июля 2013 г. В ходе встречи министры пришли к единому мнению о важности развития двусторонних отношений, хотя корейская сторона не продемонстрировала намерения дистанцироваться от проблематики исторического прошлого. Министр иностранных дел и внешней торговли Республики Корея отметил, что для развития двусторонних отношений прежде всего необходимо «правильное понимание истории»⁵⁹, и призвал японских политиков и правительство «приложить усилия для того, чтобы японо-южнокорейские отношения могли стабильно развиваться»⁶⁰, подчеркнув, что недостаточное внимание к проблеме истории «ранит чувства корейского народа»⁶¹.

Японская пресса отмечала, что по итогам встречи не удалось договориться о повестке дня на высшем уровне и что рассматривалась только возможность бесед «на полях» международных форумов, в том числе саммита Группы двадцати в Санкт-Петербурге в сентябре 2013 г.

Вместе с тем на фоне высоких рейтингов внутри страны С. Абэ начал активно продвигать свои внутривластные инициативы, в частности по пересмотру действующей — «оккупационной», по его словам, — конституции Японии. В апреле 2013 г. была впервые проведена официальная церемония по случаю годовщины «восстановления суверенитета». 24 апреля 2013 г. С. Абэ заявил в парламенте: «Ошибочно мнение, что дипломатия будет осуществляться успешно, если перечеркнуть историю и отбросить национальную гордость»⁶². Японский премьер-министр также намекал на возможность своего посещения храма Ясукуни осенью 2013 г. А в министерстве образования, культуры, спорта, науки и технологии Японии обозначили возможность пересмотра в будущем «пункта о соседних странах»⁶³, под которым понимается требование проявлять при авторизации учебников истории такт в отношении событий новой и новейшей истории, затрагивающих чувства стран Азии. Это же положение было включено в политический сборник, опубликованный ЛДП в преддверии выборов в верхнюю палату парламента⁶⁴. Японские СМИ стали высказывать мнение, что после победы на выборах в верхнюю палату парламента летом 2013 г. режим С. Абэ может стать еще более консервативным.

Можно предположить, что подобные шаги неизбежно вызовут нервную реакцию стран-соседей. Японская пресса озвучивает опасения, что на таком фоне может произойти сближение Республики Корея с Китаем на антияпонской основе. В газете «Майнити» отмечается, что из-за посещения святилища Ясукуни министрами кабинета и депутатами японского парламента первая после прихода к власти в Японии и Южной Корее новых администраций двусторонняя встреча на высшем уровне может состояться не ранее осени 2013 г., а второй после США зарубежный визит новоизбранного президента Республики Корея, который традиционно приходился на Японию, в этот раз пройдет в КНР⁶⁵.

В ходе состоявшегося 29 июня 2013 г. визита в КНР глава Южной Кореи Пак Кын Хе отметила, что, несмотря на рост экономической взаимозависимости, в Северо-Восточной Азии не продвигается политический диалог из-за «противостояния и недоверия по причине вопросов истории и обеспечения безопасности»⁶⁶. Президент Южной Кореи также обратилась к председателю Китая Си Цзиньпину с просьбой рассмотреть возможность установки в Харбине памятника корейскому националисту Ан Чунгуну, который в 1909 г. застрелил первого генерал-резидента Кореи Хиробуми Ито⁶⁷.

По итогам июньского визита Республика Корея и Китай договорились расширить стратегическое сотрудничество в военной сфере и учредить «горячую линию» между военным руководством двух стран⁶⁸. На этом фоне в Японии растут опасения о возможности «исключения» Токио из трехстороннего формата общения, подкрепленные обострением территориальных споров и проблематики истории в двусторонних отношениях Японии с Республикой Корея и КНР.

Обращает на себя внимание и тот факт, что Сеул активно проводит линию на увязку проблематики «женщин комфорта» с вопросами защиты прав человека, рассчитывая на более широкую международную огласку данного вопроса и поддержку своей позиции со стороны международного сообщества. Такая политика уже дает свои плоды: еще в мае 2010 г. верховный комиссар ООН по правам человека Наванетхем Пиллэй, посетив Японию, раскритиковала правительство Японии за «полумеры» в отношении проблемы «женщин комфорта»⁶⁹. Можно предположить, что в дальнейшем интерес международного сообщества к данной проблеме будет только расти.

Для урегулирования всех аспектов «проблем исторического прошлого» требуется политическая воля с обеих сторон. Между тем возможности для уступок с обеих сторон ограничены. Согласно проведенным в мае 2013 г. опросам общественного мнения, в Южной Корее по-прежнему преобладает негативное отношение к Японии (67% отрицательно, 21% положительно)⁷⁰, что не позволяет Сеулу проявлять излишнюю мягкость в отношениях с Токио, особенно в том, что касается деликатных вопросов исторического прошлого. Усилия кабинетов ДПЯ в этом направлении были непоследовательны и принесли лишь вре-

менные результаты. Позиция С. Абэ по вопросам оценки истории ориентирована преимущественно на японскую аудиторию: чрезмерная уступчивость в отношении Южной Кореи может привести к потере поддержки со стороны консервативных слоев общества и падению рейтингов поддержки кабинета, а это было бы губительно для продвигаемых С. Абэ внутривнутриполитических инициатив. Сейчас, когда Токио уделяет приоритетное внимание подготовке общественного мнения страны к конституционной реформе и пересмотру официальных оценок итогов Второй мировой войны, а Сеул по-прежнему не собирается отказываться от увязывания двусторонних отношений с прогрессом в урегулировании «проблем исторического прошлого», кардинальных прорывов на данном направлении ожидать не приходится.

Примечания

¹ Diplomatic Bluebook, April 2013 (<http://www.mofa.go.jp/mofaj/files/000003009.pdf>).

² Иомиури симбун. 08.05.2013.

³ Синьхуа кэйдзай. 08.05.2013 (<http://www.xinhua.jp/socioeconomy/photonews/343953/>).

⁴ Никкан-о мэгуру гэндзай, како, мирай. NHK хосо бунка кэнкюдзё, 2010 = Настоящее, прошлое и будущее отношений Японии и Южной Кореи. Исследовательский культурный центр NHK, 2010 (<http://www.nhk.or.jp/bunken/summary/yoron/social/048.html>).

⁵ Statement by MOFAT Spokesperson on the Announcement by the Japanese Ministry of Education on the Outcome of History Textbook Adoptions, 10.10.2005 (<http://www.mofat.go.kr/english/press/pressrelease/index.jsp>).

⁶ Asian Fears Over New Japanese Leader. — BBC News. 24.04.2001 (<http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/1294724.stm>).

⁷ The National Image and Foreign Policy Vision Aimed for by the DPJ, Speech by the President of the Democratic Party of Japan Seiji Maehara, December 8, 2005 [Democratic Party of Japan] (<http://www.dpj.or.jp/english/news/051215/01.html>).

⁸ <http://www.dpj.or.jp/policies/manifesto2009>

⁹ Гринюк В.А. Политика правительств Демократической партии Японии в отношении государств Корейского полуострова. — Япония после смены власти. М., 2011, с. 147.

¹⁰ <http://www.kantei.go.jp/jp/hatoyama/statement/200910/09kyoudou.html>

¹¹ Гринюк В.А. Политика правительств Демократической партии Японии..., с. 147.

¹² Japanese Cabinet Shun Controversial Yasukuni Shrine, August 15, 2010 (<http://www.bbc.co.uk/news/world-asia-pacific-10978571>).

¹³ <http://www.mofa.go.jp/announce/press/pm/murayama/9508.html>

¹⁴ http://www.kantei.go.jp/foreign/kan/statement/201008/10danwa_e.html

¹⁵ http://www.mofa.go.jp/mofaj/kaidan/s_kan/korea_1008.html

¹⁶ <http://www.mofat.go.kr/english/press/pressrelease/index.jsp>

¹⁷ <http://www.kantei.go.jp/jp/kan/statement/201101/20speech.html>

¹⁸ http://www.mofat.go.kr/webmodule/htsboard/template/read/engreadboard.jsp?typeID=12&boardid=302&seqno=310064&c=all&t=japan&pagenum=18&tableName=TYPE_ENGLISH&pc=&dc=&wc=&lu=&vu=&iu=&du=

¹⁹ Korea-Japan Joint History Research Committee 2002-03-14 (<http://www.mofat.go.kr/english/press/pressrelease/index.jsp>).

²⁰ http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/korea/visit/1112_pre/meeting.html

- ²¹ BBC World Service Poll 2008 (http://www.globescan.com/news_archives/bbccntry-view08/).
- ²² А-кю сэнпан-ва сэнсо хандзайнин деванай то-но-кангаэ, кихонтэкини каваранай (Моя позиция, что военные преступники класса А не являются военными преступниками, не претерпела изменений) 15 августа 2011 г. (<http://jp.reuters.com/article/topNews/idJPJAPAN-22705020110815>).
- ²³ http://www.mofat.go.kr/webmodule/htsboard/template/read/engreadboard.jsp?typeID=12&boardid=302&seqno=310245&c=all&t=japan&pagenum=16&tableName=TYPE_ENGLISH&pc=&dc=&wc=&lu=&vu=&iu=&du=
- ²⁴ http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/korea/visit/1112_pre/meeting.html
- ²⁵ http://www.mofat.go.kr/webmodule/htsboard/template/read/engreadboard.jsp?typeID=12&boardid=302&seqno=311011&c=all&t=japan&pagenum=12&tableName=TYPE_ENGLISH&pc=&dc=&wc=&lu=&vu=&iu=&du=
- ²⁶ Statement by the Chief Cabinet Secretary Yohei Kono on the Result of the Study on the Issue of "Comfort Women", August 4, 1993 (<http://www.mofa.go.jp/policy/women/fund/state9308.html>).
- ²⁷ http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2012/08/28/2012082800757.html
- ²⁸ Soh, Sarah Japan's Asian Women's Fund for "Comfort Women". — Pacific Affairs. 2003. Vol. 76, № 2, p. 229.
- ²⁹ http://www.mofat.go.kr/webmodule/htsboard/template/read/engreadboard.jsp?typeID=12&boardid=302&seqno=311507&c=all&t=japan&pagenum=8&tableName=TYPE_ENGLISH&pc=&dc=&wc=&lu=&vu=&iu=&du=
- ³⁰ http://www.nikkei.com/article/DGXNASGM14037_U2A810C1000000/
- ³¹ Хоккайдо симбун. 20.12.2012, с. 3.
- ³² http://www.globescan.com/images/images/pressreleases/bbc2012_country_ratings/2012_bbc_country%20rating%20final%20080512.pdf
- ³³ Хоккайдо симбун. 20.12.2012, с. 3.
- ³⁴ Майнити симбун. 03.12.2013, с. 2.
- ³⁵ О визите вежливости Т. Асо Пак Кын Хе, 25 февраля 2013 г. (http://www.mofa.go.jp/mofaj/kaidan/others/korea_20130225.html).
- ³⁶ Хоккайдо симбун. 02.03.2013, с. 9.
- ³⁷ Майнити симбун. 13.03.2013, с. 8.
- ³⁸ Хоккайдо симбун. 16.03.2013, с. 9.
- ³⁹ Майнити симбун. 12.03.2013.
- ⁴⁰ Майнити симбун. 23.04.2013, с. 6.
- ⁴¹ Молодяков В. Э. Восприятие национальной истории в современной Японии. — Японский опыт для российских реформ. Вып. 2. М., 2004, с. 78.
- ⁴² Хоккайдо симбун. 04.05.2013, с. 1.
- ⁴³ Майнити симбун. 25.04.2013, с. 8.
- ⁴⁴ Тюкан тайси ёби коги (Послу Японии в РК сделан протест). — Майнити симбун. 25.04.2013 (вечерний выпуск), с. 1.
- ⁴⁵ http://www.mofat.go.kr/webmodule/htsboard/template/read/engreadboard.jsp?typeID=12&boardid=302&seqno=312156&c=TITLE&t=&pagenum=5&tableName=TYPE_ENGLISH&pc=&dc=&wc=&lu=&vu=&iu=&du=
- ⁴⁶ Хоккайдо симбун. 13.05.2013, вечерний выпуск, с. 3.
- ⁴⁷ Хоккайдо симбун. 15.05.2013, с. 2.
- ⁴⁸ Хоккайдо симбун. 15.05.2013, с. 3.
- ⁴⁹ Хоккайдо симбун. 14.05.2013, с. 1.
- ⁵⁰ Майнити симбун. 14.05.2013, с. 8.
- ⁵¹ Хоккайдо симбун. 15.05.2013, с. 3.
- ⁵² Хоккайдо симбун. 14.05.2013, вечерний выпуск, с. 1.
- ⁵³ Иомиури симбун. 15.05.2013, с. 4.

- ⁵⁴ Майнити симбун. 27.04.2013, с. 5.
- ⁵⁵ Майнити симбун. 25.04.2013, с. 5.
- ⁵⁶ Майнити симбун. 01.02.2013, с. 2.
- ⁵⁷ Майнити симбун. 25.04.2013, с. 5.
- ⁵⁸ Хоккайдо симбун. 19.06.2013, с. 9.
- ⁵⁹ Хоккайдо симбун. 02.07.2013, с. 1.
- ⁶⁰ Майнити симбун. 02.07.2013, с. 3.
- ⁶¹ Хоккайдо симбун. 02.07.2013, с. 1.
- ⁶² Майнити симбун. 26.04.2013, с. 5.
- ⁶³ Хоккайдо симбун. 29.01.2013, с. 2.
- ⁶⁴ Хоккайдо симбун. 26.06.2013, с. 4.
- ⁶⁵ Майнити симбун. 23.04.2013, с. 2.
- ⁶⁶ Хоккайдо симбун. 29.06.2013, вечерний выпуск, с. 3.
- ⁶⁷ Канкоку фусин нэдзүёку (В Республике Корея сильно недоверие). — Майнити. 02.07.2013, с. 3.
- ⁶⁸ Майнити симбун. 05.06.2013, вечерний выпуск, с. 6.
- ⁶⁹ UN Official Lauds Japan's Human Rights Reforms, Urges Stronger Role Gglobally (<http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=34700&Cr=pillay&Cr1=&Kw1=comfort+women&Kw2=&Kw3=>).
- ⁷⁰ Views of China and India Slide While UK's Ratings Climb: Global Poll, 22 May, 2013 (http://www.globescan.com/images/images/pressreleases/bbc2013_country_ratings/2013_country_rating_poll_bbc_globescan.pdf).

А.А. Киреева

**ЯПОНО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 2010-х ГОДАХ:
ОТ «МОРЯ БРАТСТВА» К «МОРЮ ПРОБЛЕМ»**

Китай и Япония являются самыми мощными экономическими, политическими и военными державами в Восточной Азии, поэтому отношения между ними имеют большое значение для развития регионального сотрудничества и интеграции и оказывают влияние на интересы других игроков в регионе. В отношениях этих стран были как периоды благоприятного развития, так и драматические моменты. Во второй половине XX в. Япония и Китай из безусловных противников времен Второй мировой войны (особенно в 1972 г.) после нормализации отношений стали важными экономическими партнерами, сохраняя при этом оппозицию в сфере политики, безопасности и идеологии и ряд неразрешенных противоречий¹. В 2000-е годы отношения развивались неравномерно: на смену периоду заметного охлаждения во время пребывания у власти премьер-министра Дзюньитиро Коидзуми в 2001–2006 гг. наступил период потепления в 2006–2010 гг. сначала при трех премьер-министрах от Либерально-демократической партии Японии (ЛДП), а затем после прихода к власти в стране Демократической партии Японии (ДПЯ) и премьерства Юкио Хатояма. Во второй половине 2000-х годов было проведено большое количество встреч на высшем уровне, достигнута договоренность о построении «взаимовыгодных отношений, основанных на стратегических интересах», произошла активизация гуманитарных, культурных и научно-технических обменов, были установлены контакты между военными ведомствами двух стран и впервые состоялись дружественные визиты военных кораблей в порты обеих стран².

В связи с приходом к власти ДПЯ, важное место в программе которой отводилось отношениям с Китаем, начались дискуссии об изменении взаимоотношений между Японией и Китаем, связанных с заявлениями лидеров партии о пересмотре японо-американского союза в сторону большей самостоятельности внешней политики страны и об азиатском направлении как приоритете Японии. Премьер-министр Ю. Хатояма во время встречи с председателем КНР Ху Цзиньтао в сентябре 2009 г. призвал к формированию Восточноазиатского сообщества и

© Киреева А.А., 2014

предложил «превратить море проблем в море братства»³. Во время визита «надежды и уверенности» премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в Японию в мае 2010 г. было достигнуто большое количество договоренностей, включая подписание рамочного соглашения о продовольственной безопасности (в связи со скандалом с отравленными пельменями «гёдза»), активизацию гуманитарных обменов, а также смягчение ограничений на выдачу виз китайским туристам⁴. Когда же премьер-министр Ю. Хатояма был вынужден уйти в отставку из-за провала переговоров о переносе американской базы Футенма, его сменил Наото Кан, проамериканская позиция которого была воспринята китайскими аналитиками как изменение политики Японии, а это по их мнению означало, что Китаю теперь будет сложнее ей доверять⁵.

Положительная динамика в отношениях Китая и Японии сошла на нет после инцидента вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао⁶ 7 сентября 2010 г., когда китайский рыболовный траулер, столкнувшись в 15 км от островов с двумя патрульными кораблями береговой охраны Японии, протаранил их в попытке скрыться. Тем не менее судно было задержано, а капитан и команда арестованы и обвинены в сопротивлении задержанию, что демонстрировало более жесткую позицию Японии по сравнению с прежними инцидентами, когда задержанных моряков или активистов просто депортировали. Продление сроков задержания капитана судна в начале инцидента и его последующее освобождение под китайским давлением вызвало дискуссию о некомпетентности японской дипломатии, о комплексе «потери лица» и споры об эффективности стратегии умиротворения по отношению к Китаю⁷. В итоге Япония не смогла добиться укрепления своего суверенитета над островами, а ее действия привели к ухудшению отношений двух стран, тогда как Китай продемонстрировал готовность использовать широкий спектр мер, чтобы не допустить усиления японских позиций. Непоследовательные действия японского правительства, вынужденного реагировать на националистическую критику, привели к падению его поддержки среди населения (до уровня 21% в декабре 2010)⁸.

События 2010 г. стали водоразделом в отношениях Китая и Японии. Наступил очередной период охлаждения, когда действия Китая все больше начали восприниматься в Японии в качестве угрозы безопасности как на официальном, так и на общественном уровне. После 2010 г. резко упала динамика встреч на высшем уровне, а введенное КНР в ходе инцидента эмбарго на экспорт редкоземельных металлов, продлившееся около двух месяцев, шокировало японское общество, так как ранее экономические меры давления в случае политических разногласий не применялись. Несмотря на то что официальный Пекин отрицал, что такое правительственное решение принималось, большинство японских аналитиков уверено, что Китай тем самым «наказывал» Японию⁹.

В 2010–2012 гг. неоднократно возникали инциденты, связанные с заходом китайских рыболовных и патрульных кораблей в территори-

альные воды островов Сэнкаку/Дяюйдао, приближением к островам китайских военных истребителей и мобилизацией японских истребителей-перехватчиков с военных баз на о.-ве Окинава, а также с активной разведкой и разработкой Китаем нефтегазовых месторождений в Восточно-Китайском море, в том числе около спорных островов. Подобные события создавали постоянную напряженность в двусторонних отношениях, приводя к дипломатическим протестам, публичной критике и росту алармистских настроений в Японии относительно усиления китайского военного присутствия.

В таких условиях были приняты меры, направленные на укрепление потенциала сил самообороны Японии на китайском направлении и военно-политического альянса с США. В 2010 г. были опубликованы Основные направления Программы национальной обороны, в которых в качестве стран, чьи действия вызывают нестабильность в области безопасности в регионе, наряду с КНДР был отмечен и Китай. Военная модернизация КНР, увеличивающая возможность проецировать свою мощь на значительном расстоянии, а также усиление активности в окружающих водах были названы «предметом озабоченности для мирового сообщества и в регионе». За этим последовало решение пересмотреть военную стратегию Японии и перейти от «базовых сил самообороны», призванных защищать свою территорию, к новым «динамичным силам самообороны», способным выполнять больший спектр задач в окружающих Японию районах¹⁰. Кроме этого, в Среднесрочную программу развития обороны на 2011–2015 гг. была заложена передислокация сил самообороны Японии для защиты юго-западной части страны, расположенной наиболее близко к Восточно-Китайскому морю и, в частности, организация дополнительного подразделения по наблюдению за юго-западной береговой зоной, усиление и увеличение мобильности военно-морских сил, переброска дополнительного эскадрона истребителей F-15 на военно-морскую базу в г. Наха на Окинаве, а также обмен разведывательной информацией с США¹¹.

После «тройного бедствия» 11 марта 2011 г. (цунами, землетрясение и авария на АЭС «Фукусима-1») произошло улучшение японо-китайских отношений. Руководители КНР выразили соболезнования японскому народу, а министерство обороны Китая предложило свою помощь. В Японию впервые была направлена команда спасателей из Китая (численностью 15 человек), а министерство торговли КНР объявило об оказании гуманитарной помощи на сумму 4,5 млн. долл. Как и японская помощь Китаю во время землетрясения в пров. Сычуань в 2008 г., помощь КНР (не только государственная, но и общественных организаций и частных лиц), которая прибыла одной из первых, была положительно воспринята японским обществом и снизила накал критики в адрес друг друга¹². В ходе своего визита в Японию в мае 2011 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао в качестве знака поддержки Китая посетил пострадавшие префектуры Мияги и Фукусима, а премьер-

министр Японии Н. Кан во время встречи с ним выразил благодарность за китайскую помощь, которая, по его оценке, оказалась очень эффективной¹³.

Новый импульс отношениям Китая и Японии попытался придать визит премьер-министра Японии Ёсихико Ноды в Китай в декабре 2011 г. Во время встречи с премьером Госсовета КНР Вэнь Цзябао он огласил шесть инициатив, направленных на углубление японо-китайских отношений. Стороны согласились превратить Восточно-Китайское море в «море мира, сотрудничества и дружбы», учредить механизм консультаций по поводу конфликтных ситуаций в нем, заключить соглашение по совместным поисково-спасательным работам на море, а в экономике — перейти в двусторонней торговле на расчеты в японской иене и китайском юане без конвертации в доллары США (что было реализовано с 1 июня 2012 г.), способствовать созданию валютных бирж и рынков ценных бумаг, которые использовали бы валюты двух стран и провести масштабные мероприятия по гуманитарному обмену в связи с предстоящим 40-летием нормализации отношений, в том числе обмен 5 тыс. представителей молодежи двух стран¹⁴. Шесть инициатив были составлены Японией в одностороннем порядке, что, по мнению японской газеты «Асахи симбун», только подчеркнуло разницу в позициях двух стран. Встреча японского премьера с председателем КНР Ху Цзиньтао подтвердила достигнутые договоренности, хотя, несмотря на неоднократные японские предложения, сторонам не удалось достигнуть согласия по поводу возобновления переговоров по совместному развитию месторождений в акватории Восточно-Китайского моря¹⁵.

Японо-китайский принципиальный консенсус 2008 г. так и остался нереализованным, как и большинство политических инициатив Ё. Ноды, из-за событий вокруг спорных островов Сэнкаку/Дяоюйдао в 2012 г., которые привели к самому значительному кризису в японо-китайских отношениях со времени их нормализации.

Структурные факторы развития японо-китайских отношений

Прежде чем перейти к рассмотрению событий 2012–2013 гг. и текущему кризису в японо-китайских отношениях, необходимо остановиться на их структурных особенностях. Отношения Китая и Японии характеризуются наличием двух сосуществующих тенденций: стратегического сотрудничества и стратегического соперничества. Этот характер вытекает из их статуса как двух самых влиятельных и мощных держав в Восточной Азии в экономическом (второе и третье место в мире по ВВП соответственно), политическом и военном плане. Очевидно, что только великие региональные державы, которыми и являются Китай и Япония, имеют возможность структурировать региональ-

ное пространство вокруг себя и без их согласия невозможно принятие значимых решений в региональных интеграционных группировках. Это само по себе влияет на двойственный характер отношений, делая их важными партнерами, но одновременно и конкурентами за лидерство в регионе¹⁶.

Интенсивные торгово-экономические и гуманитарные связи являются ключевыми характеристиками японо-китайских отношений, которые определяют взаимозависимость двух стран. Экономическая помощь Японии внесла большой вклад в экономическое развитие и модернизацию Китая. Модель экономического сотрудничества Китая и Японии строится не только на двусторонней торговле, но и на инвестиционной модели, при которой японский бизнес предоставляет технологии и капитал в виде инвестиций, а Китай — свои трудовые ресурсы и производственные мощности. В 2011 г., по данным Организации внешней торговли Японии (JETRO), товарооборот между Китаем и Японией составил 345 млрд. (увеличение по сравнению с 2010 г. на 14,3%), в том числе японский экспорт в Китай — 161,5 млрд. долл. США, японский импорт из Китая — 183,5 млрд. Доля КНР во внешней торговле Японии составляет 20,6%, и Китай является главным партнером для Японии — партнером № 2 для Китая после США (если не учитывать страны ЕС как единого торгового партнера), ее доля составляет 9%, при этом Япония занимает первое место по импорту в КНР. Япония также является одним из основных инвесторов в китайскую экономику: в 2011 г. японские инвестиции составили 6,3 млрд. долл. США (5,5% общего объема инвестиций в КНР в 2011 г., первое место), а накопленные инвестиции с 1996 г. составили 69 млрд. долл. США. В 2012 г. японские инвестиции в КНР увеличились на 16,3% по сравнению с предыдущим годом и составили 7,4 млрд. долл. По данным 2011 г. в Китае работало 289 тыс. японских фирм (7,9% от общего количества иностранных фирм в 2011 г., первое место)¹⁷.

Между Китаем и Японией также существуют интенсивные туристические потоки, составлявшие в 2010-2012 гг. в среднем около 5 млн. человек в год. В 2012 г. 3,5 млн. японцев совершили поездку в Китай, который был самой популярной страной среди японских туристов, а 1,4 млн. китайцев съездили в Японию. В 2011 г. Китае проживало 141 тыс. японских граждан, или 11,9% всего количества японцев, проживающих за рубежом (второе место после японской диаспоры в США). 18 тыс. японских студентов учились в КНР (третье место после американских и южнокорейских студентов), а 87,5 тыс. китайских студентов проходили обучение в Японии (первое место среди иностранных студентов). У Японии и Китая существуют 349 городов-побратимов, между которыми установлены дружеские связи¹⁸.

Вместе с тем в японо-китайских отношениях присутствует ряд факторов, которые значительно осложняют отношения между двумя сторонами и делают невозможным длительное и значительное улучшение

отношений двух стран. Это прежде всего проблемы исторического прошлого, базирующиеся на наличии разных картин мира и разных версий истории (в том числе так называемая проблема храма Ясукуни, в котором поминаются главные военные преступники категории «А», возглавлявшие вооруженные силы Японии во время китайско-японской войны 1937–1945 гг.), проблема учебников, проблема извинений за милитаристское прошлое и др.); чувство глубокого недоверия в обществах обеих стран, усугубленное ростом национализма; территориальный спор вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао в Восточно-Китайском море; различия в позициях по отношению к Тайваню; опасения Японии по поводу наращивания военно-технического потенциала КНР; опасения КНР по поводу ремилитаризации Японии; идеологическое противостояние политических систем и обществ; различия в восприятии прав человека; соперничество за энергетические рынки. Внешние факторы также влияют на отношения Китая и Японии: негативное отношение Китая к военно-политическому альянсу с США как основной гарантии безопасности Японии (в особенности в связи с «разворотом США в Азию»); особый статус стратегических отношений КНР и США, который рассматривается японской стороной как угроза уникальности и тесному характеру японо-американских отношений; борьба за лидерство в Восточной Азии и опасения Японии по установлению гегемонии КНР в регионе¹⁹.

По оценке шведского профессора Л. Хагстрема, данные факторы неоднократно негативно влияли на отношения Китая и Японии, то «всплывая» на поверхность, то «уходя под воду», подобно айсбергу, который в любой момент мог вновь возникнуть на пути, приведя к резкому ухудшению отношений двух стран. Для преодоления существующих сложностей необходимо длительное время и последовательные усилия. Период улучшения отношений 2006–2010 гг., во время которого было сделано множество символических жестов и приняты документы с расплывчатыми и ни к чему не обязывающими формулировками, означал, что на вершущку айсберга полили горячей водой, но основные проблемы, как и большая часть айсберга, остались нетронутыми²⁰. Для описания японо-китайских отношений длительное время использовалась формула «холодная политика и горячая экономика» (яп. *сэйрэй кэйинэцу*, кит. *чжэнлэн цзинжэ*): это означало, что существует серьезные политические разногласия и активное экономическое сотрудничество. При этом многие исследователи в соответствии с либеральной теорией полагали, что тесные экономические интересы не дают политическим трудностям зайти слишком далеко. В реальности, однако, оказывается, что экономическая взаимозависимость сама по себе не способна помочь странам преодолеть глубокое чувство недоверия и не способна предотвратить возможный конфликт вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао или военные действия между КНР и Тайванем²¹, что и продемонстрировали события 2012–2013 гг.

Конфликт вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао и новый период отчуждения

В сентябре 2012 г. наступил серьезнейший кризис в отношениях Китая и Японии, вызванный беспрецедентным обострением конфликта вокруг спорных островов. Причиной стало объявленное летом намерение губернатора Токио Синтаро Исихара купить три острова группы Сэнкаку/Дяоюйдао (яп. Уоцури, Кита, Минами) у частного лица — гражданина Японии Куниоки Курихара. Заявление Исихара, за которым последовал протест со стороны КНР и Тайваня, было направлено против премьер-министра Японии Ё. Нода, которого токийский губернатор обвинял в неспособности защитить национальные интересы Японии и слишком мягкой политике по отношению к Китаю. В ответ на это 7 июля Ё. Нода объявил о плане правительства купить острова Сэнкаку. Правительство Японии приняло такое решение, чтобы не дать возможность приобрести их губернатору Токио и реализовать проекты хозяйственного использования островов, что привело бы к еще большему ухудшению отношений с Китаем. К тому же у премьер-министра не было легальных средств для того, чтобы остановить С. Исихара, а план покупки пользовался большой популярностью²². Это сообщение вызвало незамедлительную негативную реакцию со стороны МИД КНР, выпустившего заявление о том, что «никому не разрешается покупать и продавать священную китайскую территорию»²³.

19 августа в ходе переговоров премьер-министр Ё. Нода убедил губернатора Токио отказаться от планов по покупке островов, заверив его в том, что это сделает японское правительство. 9 сентября во время встречи руководителей Китая и Японии на площадке форума АТЭС председатель КНР Ху Цзиньтао предупредил премьер-министра Японии о том, что Китай выступает против плана покупки островов, так как считает их своей территорией. Однако через два дня, 11 сентября 2012 г. правительство Японии в ходе заседания приняло решение включить в расходную часть бюджета на 2012 г. необходимые на покупку островов 2,05 млрд. иен и подписало соответствующий договор с владельцем островов, тем самым приняв официальное решение о покупке трех островов группы Сэнкаку/Дяоюйдао²⁴.

Китайская сторона подвергла данное решение жесткой критике. В этот же день китайское правительство официально определило исходные линии, от которых отсчитываются территориальные воды спорных островов. По китайским законам, это означало, что эти территории переходят под китайский административный контроль, и любые японские действия на этой территории будут считаться вторжением на китайскую территорию и нарушением суверенитета КНР. По мнению аналитиков, китайская сторона расценила национализацию островов правительством Японии как сознательное нарушение статус-кво в двусторонних отношениях. Покупка островов еще больше ухудшила и так не-

приемлемую с точки зрения КНР ситуацию (японский контроль над островами и отрицание самого факта существования спора с японской стороны), хотя с точки зрения Японии это был вопрос не суверенитета, а прав собственности. Более того, многие китайские эксперты сошлись во мнении о том, что Япония просто разыграла ситуацию с «плохим полицейским» и «хорошим полицейским», и что Ё. Нода специально создал данную ситуацию с токийским губернатором, для того чтобы ослабить китайские позиции²⁵.

С 11 сентября в Китае начались антияпонские волнения. В выходные 15-16 сентября массовые акции протеста против решения правительства Японии прошли в более чем 85 городах КНР, а 18 сентября, в день 81-летней годовщины Маньчжурского инцидента, в более чем 180. Многотысячные марши протеста сопровождались агрессивными антияпонскими лозунгами (в том числе и призывами к насилию над японскими гражданами), призывами к войне с Японией, бойкоту японских товаров, демонстранты несли китайские флаги и портреты Мао Цзэдуна, кидали камни и пластиковые бутылки в японское посольство в Пекине, которое охраняли шесть шеренг китайской полиции. Было зафиксировано большое количество актов вандализма в отношении японских магазинов, ресторанов, и, чего прежде не наблюдалось, японских фабрик и заводов. Для охраны посольства Японии в Пекине и консульства в Шанхае были мобилизованы несколько сотен полицейских, вынужденных разгонять толпы протестующих с помощью слезоточивого газа. Китайские СМИ расценили данные события как «естественную реакцию народного гнева», а правительство в течение недели практически не вмешивалось в ход протестов²⁶.

Подробный анализ внутренних причин конфликта в отношениях Китая и Японии, проведенный в докладе International Crisis Group показывает, что обе страны неоднократно совершенно по-разному или диаметрально противоположно интерпретировали происходящие события. Если в Японии существовала уверенность в том, что национализация островов в преддверии XVIII съезда Коммунистической партии Китая в ноябре 2012 г., на котором должен был начаться переход власти к пятому поколению руководителей, поможет избежать «потери лица» новыми руководителями, то в Китае, наоборот, посчитали, что в Японии специально выбрали это время, ибо полагали, что руководство страны будет слабым или занятым своими проблемами. По мнению экспертов, подавив антияпонские протесты сразу, руководство КНР рисковало получить имидж непатриотичного и слабого правительства в глазах собственного населения, тогда как надо было укрепить легитимность правящей партии. А в случае, если лидеры КНР показали бы признаки слабости, это могло дать сигнал странам, у которых существуют территориальные споры с Китаем, что перед передачей власти новому поколению руководителей от КНР можно добиться существенных уступок. Встреча на саммите АТЭС накануне решения о национализации остро-

вов также была истолкована неоднозначно: если японская сторона была уверена, что согласие на встречу председателя КНР Ху Цзиньтао, осведомленного о намерениях Японии, означало хороший знак, то китайская сторона, наоборот, дала согласие на эту встречу, основываясь на убеждении, что премьер-министра Ё. Нода можно попробовать отговорить от этого шага. По мнению авторов доклада, решение о национализации островов после слов Ху Цзиньтао о том, что оно незаконно, означало публичную «потерю лица» китайской стороной. Доклад также приводит институциональные факторы, которые способствовали развитию данной ситуации: отсутствие неформальных (в том числе и личных) дипломатических каналов, исчезнувших с приходом к власти в Японии ДПЯ; различия в институциональном весе министерств иностранных дел, так как МИД КНР, остающийся единственным доступным каналом для внешнеполитических контактов, не имеет большого влияния и скорее озвучивает принятые руководством страны решения, что делает невозможным полноценный диалог; сокращение специалистов по Китаю в МИД Японии и отсутствие таких специалистов на высших постах (в том числе начальника отдела и посла в Китае), а также нереализованность соглашения по поводу совместной разработки месторождений углеводородов в акватории Восточно-Китайского моря из-за сильной оппозиции этому решению внутри КНР и отмены Китаем переговоров по его реализации из-за инцидента в сентябре 2010 г.²⁷.

Антияпонские демонстрации из-за островов Сэнкаку/Дяоюйдао нанесли ощутимый ущерб японо-китайским экономическим отношениям. Многие японские заводы и магазины (например, автопроизводители Тоёта, Хонда, Mazda, Мицубиси, компании Panasonic, Canon, Uniqlo) были вынуждены приостановить свою работу и закрыться на время демонстраций во избежание разрушений, на японские рестораны наклеивали китайские флаги, а на японские машины — знаки, утверждающие что острова Дяоюйдао — китайская территория²⁸. Были отменены туристические поездки в Японию, что серьезно ударило по японской туристической индустрии, поскольку китайский сегмент составляет примерно 30–40% туристического рынка²⁹. В Пекине по распоряжению столичного правительства из магазинов были изъяты все книги, касающиеся Японии или написанные японскими авторами, а издательствам была дана рекомендация воздерживаться от выпуска подобных книг. На многих японских фабриках в Китае после массовых протестов прошли демонстрации, целью которых было добиться повышения заработной платы³⁰. По подсчетам японского правительства, убытки от антияпонских демонстраций, временного простоя заводов, нападений на фабрики и магазины, кражи японских товаров и антияпонского бойкота составили около 100 млн. долл. США, а японские производители автомобилей отметили снижение спроса в Китае на японскую автомобильную продукцию³¹. Обеспокоенность антияпонскими настроениями, призывы к бойкоту японских товаров, а также

растущая стоимость рабочей силы в КНР заставляет многих японских производителей закрывать свои заводы в Китае и переносить производство в страны Юго-Восточной Азии. По статистическим данным на начало 2013 г., около четверти японских фирм, имеющих производство в Китае, рассматривали такую возможность³².

Впервые за все время японо-китайских отношений возникающая спорная проблема негативным образом сказалась на экономическом сотрудничестве. В 2012 г. товарооборот Китая и Японии впервые за последние три года снизился на 3,3% по сравнению с 2011 г., составив 333 млрд. долл. США, при этом произошло значительное снижение именно японского экспорта в Китай до 144 млрд. долл. (на 10% по сравнению с предыдущим годом), в то время как японский импорт из Китая вырос на 3%, составив 189 млрд. долл. Впервые дефицит торгового баланса Японии превысил 40 млрд. В качестве причин снижения экспорта выделяются снижение спроса вследствие замедления темпов роста китайской экономики (до 7,8% в 2012 г.) и антияпонских демонстраций, в результате которых значительно понизился спрос на японские машины и комплектующие. В период с сентября по декабрь 2012 г. спрос на японские автомобили в Китае упал на 63% по сравнению с аналогичным периодом в 2011 г. Доля Китая во внешней торговле Японии остается высокой, составляя 19,7%³³. Большая зависимость Японии от экономических отношений с Китаем порождает призывы в националистически настроенных кругах Китая наложить экономические санкции на Японию, так как в этом случае китайская экономика пострадает гораздо меньше японской³⁴.

С сентября 2012 г. КНР значительно усилила свою активность в районе спорных островов, и патрульные корабли Государственного океанологического управления КНР стали регулярно заходить в территориальные воды островов Сэнкаку/Дяоюйдао группами по 3–4 судна, тем самым нарушая границы территории, которую контролирует Япония. За этим следуют предупреждения от кораблей Береговой охраны Японии и протесты со стороны МИД Японии с требованием покинуть японские территориальные воды, что способствует сохранению значительной напряженности вокруг данного конфликта. 13 декабря 2012 г. в японское воздушное пространство над спорными островами впервые вторгся китайский разведывательный самолет Y-12, принадлежащий Государственному океанологическому управлению³⁵. В феврале 2013 г. министерство обороны Японии обвинило ВМС Китая в том, что 19 января китайские патрульные суда во время захода в территориальные воды островов взяли на боевой прицел японский вертолет, а 30 января — эсминец морских сил самообороны Японии³⁶. Один из самых серьезных инцидентов состоялся 23 апреля 2013 г., когда в территориальные воды островов вошли сразу восемь китайских кораблей и к островам приблизилось более чем 40 китайских военных самолетов, на перехват которых были отправлены японские истребители F-15³⁷.

В сентябре 2012 г. Япония и США провели совместные учения на острове Гуам и других островах в Тихом океане с целью усовершенствования навыков по защите отдаленных островов³⁸, а в октябре 2012 г. КНР провела в Восточно-Китайском море ответные учения, направленные на отработку действий в чрезвычайных ситуациях «с целью охраны суверенитета страны», в которых участвовали 11 кораблей и восемь самолетов³⁹. В Белой книге Японии по обороне 2012 г. помимо озабоченности недостаточной прозрачностью процесса военной модернизации КНР и заявления о том, что это «может привести к отсутствию доверия и понимания со стороны других стран», отмечается возросшая китайская активность в водах вблизи Японии, что «вызывает озабоченность в регионе и международном сообществе»⁴⁰.

Отношения Китая и Японии в политической сфере после начала конфликта практически заморозились. Были отменены все праздничные мероприятия, посвященные 40-летию со дня нормализации отношений, с сентября 2012 г. не проводилось ни одной встречи на высшем уровне, прекратились встречи по линии военных ведомств, а все последующие контакты между представителями МИД двух стран сводились к озвучиванию своих позиций. В качестве причин такого драматического влияния национализации островов на японо-китайские отношения в докладе International Crisis Group отмечается, что, не делая попыток решить территориальный спор в течение десятилетий, Китай и Япония занимали разные позиции: Китай придерживался «джентльменского соглашения» не придавать спорному вопросу большого значения и предлагал отложить его до следующих поколений Япония же никогда не признавала факта такого соглашения, а настаивала на том, что она проводит одностороннюю политику, направлению на мирное и стабильное управление островами Сэнкаку. С точки зрения Китая, события сентября 2012 г. продемонстрировали, что Япония проявила неуважение по отношению к его позиции, и освободили Китай от необходимости придерживаться статус-кво. Руководство Китая на фоне возросшей военной мощи КНР и неспособности стран уладить данный конфликт посчитало абсурдной ситуацию, при которой «маленькие страны грубо обращаются с большими странами», и решило, что пора оспорить японский контроль над островами. По мнению экспертов, Китай использовал тактику ответного ужесточения своей позиции (reactive assertiveness), когда после национализации островов Японией было принято решение о введении базовых линий и о значительном увеличении китайской активности в районе спорных островов, для того чтобы не допустить одностороннего контроля Японии над ними и создать новый статус-кво, предполагающий конкурирующее присутствие на данной территории. В Китае также получила распространение точка зрения, заключающаяся в том, что в условиях изменения соотношения сил между двумя странами (в 2010 г. Китай по объему ВВП превзошел Японию) Китаю больше нет необходимости проявлять мягкую позицию

по отношению к Японии, и он полностью располагает возможностью отстоять суверенитет над своей территорией⁴¹.

Смена власти в Японии и японо-китайские отношения

Пришедший к власти в результате выборов в декабре 2012 г. в Японии лидер Либерально-демократической партии Синдзо Абэ, посетивший в октябре 2012 г. после его избрания главой партии святилище Ясукуни, известен ярко националистическими взглядами и жесткой позицией по отношению к КНР. Он заявил, что «острова Сэнкаку являются японской территорией и исторически, и в соответствии с международным правом», а правительство будет защищать японскую территорию. Кроме этого, он возложил вину за антияпонские демонстрации летом-осенью 2012 г. на китайские власти, которые позволили им выйти из-под контроля и нанести серьезный ущерб двусторонним экономическим отношениям, хотя японские компании и их служащие внесли существенный вклад в развитие экономики КНР⁴². Временно приостановив исполнение Основных направлений Программы национальной обороны и Среднесрочной программы развития обороны на 2011–2015 гг. для анализа их целесообразности, правительство ЛДП вместе с тем приняло решение увеличить военный бюджет на 2013 г. Главной причиной увеличения военного бюджета наряду с северокорейской угрозой называется необходимость укреплять оборону в связи с возросшей китайской активностью в Восточно-Китайском море⁴³. Во время своей речи 22 февраля 2013 г. в США, озаглавленной «Япония возвращается», премьер-министр Японии С. Абэ заявил, что Япония не является страной второго эшелона и никогда не превратится в нее, а наоборот, будет вносить еще больший вклад в мир и развитие в АТР и во всем мире. Отметив, что с 1895 по 1971 г. ни одна сторона не предъявляла притязаний на острова Сэнкаку, которые находятся под суверенитетом Японии, он заявил: «Мы просто не потерпим каких-либо притязаний в настоящем или будущем». При этом С. Абэ охарактеризовал японо-китайские отношения как одни из самых важных и выступил за сохранение «взаимовыгодных отношений, основанных на стратегических интересах»⁴⁴.

Новый председатель КНР Си Цзиньпин также занял жесткую позицию по поводу принадлежности спорных островов. В своем выступлении перед Политбюро ЦК КПК 28 января 2013 г. он заявил, что Китай никогда не откажется от своих коренных национальных интересов, не будет вступать в торг ни с какой страной по поводу них и не допустит того, чтобы какая-либо страна попирала его суверенитет, безопасность или развитие. При этом Китай будет придерживаться мирного развития, но не откажется от своих законных прав и не будет приносить в жертву свои национальные интересы⁴⁵. По мнению экспертов, суверенитет над островами Дяоюйдао представляется одним из ключевых

национальных интересов Китая как «морской державы» и неясно, как это будет сочетаться с идеей мирного развития, а также как готовность нового премьер-министра Японии защищать острова Сэнкаку будет сочетаться с идеей развития японо-китайских отношений⁴⁶. Важной в этом контексте является также выдвинутая Си Цзиньпином идея «китайской мечты» как коллективной идеи возрождения великой китайской нации, испытавшей много унижения начиная со времен опиумных войн в середине XIX в. Хотя С. Абэ заявил, что его двери всегда открыты для китайских коллег, стремление Японии противостоять возвышению Китая за счет укрепления японо-американского союза практически не оставляет реальных возможностей для японо-китайского диалога. По мнению японских экспертов, американское присутствие в регионе и японо-американский альянс как его часть являются главным препятствием для реализации «китайской мечты» о возрождении великой китайской нации и создания китаецентричного порядка в регионе Восточной Азии⁴⁷.

Возникновение дилеммы безопасности и усиление национализма в политике и обществах обеих стран оставляет все меньше возможностей для подлинного улучшения отношений. В мае 2013 г. в китайской газете «Жэньминь жибао» вышла статья, в которой оспаривалось историческое право Японии на архипелаг Рюкю и содержался призыв пересмотреть его статус, что вызвало резкую критику с японской стороны, утверждающей, что никаких сомнений в суверенитете Японии над островами Рюкю не существует. Через некоторое время представители МИД КНР заявили, что эта статья не отражает официальной позиции, которая по данному вопросу не изменилась⁴⁸. Заявления С. Абэ о планах по пересмотру 9-й статьи Конституции Японии с целью превращения Японии в «нормальную страну» и возможном изменении интерпретации Конституции, с тем чтобы разрешить право на коллективную самооборону, о необходимости пересмотра позиции и извинений Японии по проблеме так называемых «женщин комфорта»⁴⁹, его подношение в храм Ясукуни в апреле 2013 г. и последующее посещение храма двумя министрами, заместителем секретаря кабинета министра и более чем 160 парламентариями Японии способствовали нарастанию напряженности и отсутствию доверия в отношениях Японии с Китаем и Южной Кореей (из-за событий апреля 2013 г. министр иностранных дел Республика Корея отменил свой визит в Японию, а посол был отозван)⁵⁰. Согласно опросам общественного мнения, проведенным в августе 2013 г., положительно относятся к Китаю только 9,8% японцев, отрицательно — 90,1%, положительно оценивают Японию 5,2% китайцев, а отрицательно — 92,8%, что демонстрирует увеличение отрицательного отношения почти на 30% по сравнению с предыдущим годом. В качестве основных причин ухудшения имиджа стран называются конфликт вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао и вопросы истории, при этом 82,7% респондентов в Китае и 67,7% респондентов в Японии уверены, что конфликт оказывает негативное влияние на экономические отно-

шения двух стран. С вероятностью военного конфликта согласились 52,7% опрошенных китайцев и 23,7% японцев⁵¹.

В Белую книгу Японии по обороне 2013 г., опубликованную в июле 2013 г., помимо положений 2012 г. были включены прямые указания на то, что китайские корабли и самолеты совершали вторжения в японское территориальное пространство и «совершали опасные действия, которые могли привести к чрезвычайным ситуациям»; упоминается случай с наведением боевого радара в январе 2013 г.; отмечается, что одной из целей активности Китая является снижение японского контроля над островами, на которые он претендует, и усиление его позиций путем разведки и использования силы в районах около спорных островов; содержится призыв к Китаю принять международные нормы и действовать в соответствии с ними. Расходы на оборону в 2013 г. были увеличены на 40 млрд. иен, достигнув 4734 трлн. иен (около 48,13 млрд. долл. США)⁵². В ответ китайское агентство Синьхуа выпустило статью под заголовком «Япония рискует, играя с огнем», в которой обвинило Японию в отрицании своей агрессии в попытке изменить послевоенный мировой порядок и в разыгрывании карты «китайской угрозы» с тем, чтобы оправдать наращивание собственного военного потенциала⁵³.

Существуют признаки того, что, воспринимая действия Китая как угрозу своей безопасности, Япония взяла на вооружение политику сдерживания по отношению к КНР и сделала ставку на укрепление военно-политического альянса с США как единственного гаранта своей безопасности, что отвечает и курсу США на «разворот в Азию» (pivot to Asia). В апреле 2013 г. премьер-министр С. Абэ пообещал применить силу в случае, если представители КНР попытаются высадиться на спорных островах⁵⁴, а в июне появилась информация о том, что Министерство обороны Японии рассматривает размещение малой дальностью 400–500 км на о-ве Окинава для отражения потенциальной угрозы в этом районе⁵⁵. В промежуточном докладе по пересмотру Основных направлений Программы национальной обороны, выпущенном 26 июля 2013 г., содержится упоминание об увеличении активности Китая в Восточно-Китайском море и в качестве приоритетов дальнейшего укрепления военного потенциала Японии названо усиление разведывательных возможностей, увеличение мобильности и отработка проведения воздушно-морских операций для отражения атаки на «отдаленных островах»⁵⁶. Подобная ситуация отрабатывалась на американо-японских военно-морских учениях «Нападение на рассвете» (Dawn Blitz) в июне 2013 г. на небольшом острове у Калифорнийского побережья США, когда американские и японские войска отбивали атаку противника, явно эмулируя ситуацию в случае нападения китайских войск на острова Сэнкаку/Дяюйдао⁵⁷. Кроме того, в Японии было принято решение о создании по примеру США Совета национальной безопасности с целью укрепить совместный союз⁵⁸. 3 октября 2013 г. впервые за последние 16 лет было принято решение пересмотреть японо-амери-

канский договор безопасности с целью создания «более крепкого альянса» на фоне увеличивающейся военной мощи КНР и потенциальной угрозы со стороны КНДР⁵⁹. Прошедшие военные учения и случай с наведением радара в начале 2013 г. демонстрируют признаки перерастания конфликта вокруг островов в военный конфликт между КНР и Японией, что является самой низкой точкой развития отношений со времени их нормализации в 1972 г.

Вместе с тем улучшение отношений Японии с Китаем является частью внешнеполитической стратегии С. Абэ, направленной на то, чтобы увеличить вклад Японии в поддержание мира и стабильности в Восточной Азии и усилить ее роль на мировой арене. Для реализации этой задачи исключительно важной является успешность экономической политики нового кабинета, цель которой — вывести Японию из затяжной рецессии. В связи с этим Китай рассматривается прежде всего как ключевой экономический партнер, без которого невозможно процветание Японии. Так же как и во время своего первого пребывания на посту премьер-министра Японии в 2006 г., когда С. Абэ смог добиться нормализации отношений и «разбить лед» после политического тупика 2001-2006 гг. при Д. Коидзуми, сейчас премьер-министр Японии и его кабинет, снизив антикитайскую риторику, ставят аналогичную задачу и демонстрируют готовность прагматично работать с Китаем ради достижения собственных стратегических целей⁶⁰. Для того чтобы ослабить опасения по поводу японского национализма, 15 мая 2013 г. С. Абэ выразил приверженность извинениям премьер-министра Японии Томиити Мураяма в 1995 г. перед жертвами японской агрессии времен Второй мировой войны. Он не стал также посещать святилище Ясукуни 15 августа 2013, в день поражения Японии во Второй мировой войне, попросив своего помощника сделать подношение за него, чтобы избежать ухудшения отношений с соседями. Несмотря на это, китайская сторона поставила под сомнение искренность попыток С. Абэ улучшить отношения между странами и выразила официальный протест по поводу посещения святилища примерно сотней высокопоставленных чиновников, включая двух членов кабинета министров⁶¹.

За время кризиса в японо-китайских отношениях были предприняты неоднократные попытки смягчить напряженность и наладить отношения, пока не увенчавшиеся успехом. Например, в январе 2013 г. лидер партии Новая Комэйто Нацуо Ямагути доставил председателю КНР Си Цзиньпину личное письмо от С. Абэ с предложением преодолеть существующие разногласия. 26 апреля 2013 г. состоялась первая с начала кризиса встреча высокопоставленных военных, направленная на поиски путей выхода из него⁶². В попытке наладить двусторонние отношения и договориться о проведении встречи на высшем уровне в конце июля 2013 г. Китай посетил и заместитель министра иностранных дел Японии Акита Саики и советник премьер-министра Исао Идзима. Отсутствие результатов переговоров определяется различиями в пози-

циях стран: Китай настаивает на том, что обязательным условием является признание Японией факта наличия территориального спора, а Япония считает, что никаких условий быть не должно⁶³. Состоявшаяся 6 сентября 2013 г. на полях саммита G20 первая личная встреча руководителей двух стран продлилась всего 5 минут и ни к каким видимым результатам не привела⁶⁴. Не стоит, однако, преувеличивать негативные тенденции в экономических отношениях. По оценке JETRO, вероятность увеличения японского экспорта в Китай и общего объема товарооборота в 2013 г. достаточно велика. А по данным министерства торговли КНР, в первой половине 2013 г. произошел рост японских инвестиций в Китай на 14%⁶⁵. Переговоры между Китаем, Японией и Южной Кореей по поводу заключения соглашения о совместной зоне свободной торговли, решение по поводу начала которых было принято на трехстороннем саммите в мае 2012 г., также проходят без осложнений в рабочем порядке начиная с марта 2013 г.⁶⁶

При этом двойственность политики кабинета С. Абэ по отношению к Китаю заключается в том, что Япония не оставляет попыток создать сеть альянсов, направленных на ограничение влияния Китая в регионе. Премьер-министр Японии выдвинул идею создания «бриллианта безопасности» (security diamond) в составе Австралии, Индии, Японии и США — демократических стран, уважающих верховенство закона и права человека, «для защиты морского пространства от Индийского до западного побережья Тихого океана»⁶⁷. Необходимо отметить и двойственность позиции США: с одной стороны, американская сторона неоднократно подчеркивала обязательства защищать территории, находящиеся под административным контролем Японии в соответствии с V статьей договора безопасности, с другой — США занимают нейтральную позицию по поводу суверенитета над спорными островами, и в Японии существуют опасения, что ради стабильных отношений с Китаем они могут пренебречь интересами Японии и не ясно, будут ли США поддерживать ее в случае реального военного конфликта вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао. Поэтому, акцентируя внимание на увеличении китайской активности в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях как угрозы региональной безопасности, Япония ищет поддержку у стран Юго-Восточной Азии и, по мнению многих экспертов, пытается создать собственную «антикитайскую сеть» вместе со странами, имеющими конфликты в отношениях с Китаем или опасаящимися его усиления. На это были направлены визиты С. Абэ во Вьетнам, Таиланд и Индонезию в январе и в Малайзию, Сингапур и Филиппины в июле 2013 г., а также визиты высокопоставленных представителей сил самообороны в Австралию и девять стран Азии, в том числе во Вьетнам, Филиппины, Таиланд, Индию, Пакистан⁶⁸.

Одним из факторов, обуславливающих тенденции взаимоотношений двух стран, является соперничество Китая и Японии за региональное и глобальное лидерство, которое вытекает из статуса обеих стран

как великих держав. Желание С. Абэ видеть сильную Японию в экономике и в сфере политики и безопасности, с одной стороны, и «мечта о возрождении великой китайской нации» Си Цзиньпина — с другой, создают объективные предпосылки для конкуренции. Усиление Китая представляет собой вызов для Японии, и от результата того, как Япония будет отвечать на этот вызов, зависит ее экономическое развитие и роль в регионе и в мире в целом. Очевидно, что конфронтация в отношениях с Китаем не позволит Японии реализовать свои цели, поэтому для кабинета С. Абэ так важна нормализация диалога со своим соседом. Одновременно с этим политика С. Абэ, направленная на то, чтобы превратить Японию в «нормальную страну» с сильной армией, несет ограничения для потенциального улучшения японо-китайских отношений в будущем, так как она может вызвать опасения в Китае по поводу милитаризации Японии. При этом укрепление японо-американского военно-политического альянса, которое также стоит на повестке кабинета С. Абэ, традиционно вызывает опасения в Китае, поскольку рассматривается многими экспертами как элемент сдерживания КНР. У Японии существует большой потенциал для занятия лидерских позиций в Восточной Азии, т.к. она является демократической страной, способной составить альтернативу авторитарному Китаю, не привлекающему многие из стран Юго-Восточной Азии идеологически. Но этот потенциал может так и остаться нереализованным из-за опасения стран региона по поводу усиления национализма в японской политике и сомнений в приверженности Японии мирному пути развития⁶⁹.

В Китае же все более распространенным становится убеждение, что Япония превращается в страну второго эшелона, и отношения с ней не так важны, как отношения с США, что подогревается усиливающимся национализмом, носящим антияпонскую окраску. Лидеры Китая явно не готовы идти на какие-либо уступки в отношениях с Японией⁷⁰. В то же время Япония является важным экономическим партнером и источником инвестиций и технологий для Китая, а в условиях «политики реформ и открытости» и фиксируемого замедления темпов роста китайской экономики КНР делает ставку на извлечение максимальных выгод из международного сотрудничества, и в этой связи ухудшение двусторонних экономических отношений Китаю не выгодно. Конфронтация с Японией также подрывает имидж КНР как «мирной державы» и ставит под вопрос способность Китая бесконфликтно играть лидирующую роль в регионе.

Примечания

¹ *Smith J.P.* China-Japan Relations and the Future Geopolitics of East Asia. — *Asian Affairs*. 2009. Vol. 35. Issue 4, p. 231–232.

² Подробнее см.: *Киреева А.А.* Японо-китайские отношения на современном этапе. — Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политические, экономические и социально-культурные аспекты. М., 2009, с. 116–133.

³ Там же.

⁴ Синьхуа. 01.06.2010.

⁵ Dangerous Waters: China-Japan Relations on the Rocks. International Crisis Group Asia Report № 245, 8 April 2013, p. 29.

⁶ Острова Сэнкаку (яп. сэнкаку-сёто или сэнкаку-рэтто), или Дяюйдэо (кит. название, тайваньское название — Ддяюйтэй или Тяюйтэй) — группа из восьми островов в Восточно-Китайском море площадью 6,3 кв. км, фактически контролируемых Японией. Суверенитет над ними оспаривается КНР и Тайванем.

⁷ *McCormack G.* Small Islands — Big Problem: Senkaku/Diaoyu and the Weight of History and Geography in China-Japan Relations. — *The Asia-Pacific Journal*, 03.01.2011. — URL: <http://www.japanfocus.org/-Gavan-McCormack/3464>

⁸ *O'Shea P.* Sovereignty and the Senkaku/Diaoyu territorial dispute. — EUS, Stockholm School of Economics. Working Paper 240, September, 2012, p. 23.

⁹ Dangerous Waters: China-Japan Relations on the Rocks, p. 21–22.

¹⁰ http://www.mod.go.jp/e/d_act/d_policy/pdf/guidelinesFY2011.pdf

¹¹ http://www.mod.go.jp/e/d_act/d_policy/pdf/mid_termFY2011-15.pdf

¹² Time. 14.03.2011.

¹³ Синьхуа. 22.05.2011.

¹⁴ http://www.mofa.go.jp/mofaj/kaidan/s_noda/china_1112/pm_meeting_1112.html

¹⁵ *Przystup J.J.* Japan-China Relations: Another New Start. — Institute for National Strategic Studies, National Defense University. January 2012, p. 3.

¹⁶ *Михеев В.В.* Китай — Япония: стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире. М., 2009, с. 4–7.

¹⁷ 2011 нэнно ниттю бозэки (Японо-китайская торговля в 2011 г.). <http://www.jetro.go.jp/news/releases/20120216001-news>; Сайкинно ниттюканкэй то туюкоуно дзёсэй. (Текущие отношения Японии и Китая и ситуация в Китае). МИД Японии. Апрель 2013 г., с. 4. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/china/pdfs/kankei.pdf>

¹⁸ Там же, с. 3.

¹⁹ *Smith J.P.* China-Japan Relations..., p. 230–251; Hagstrom L. Sino-Japanese Relations: The ice that won't melt. — *International Journal*. Winter 2008-09. Vol. 64, No. 1, p. 229–238.

²⁰ *Hagstrom L.* Sino-Japanes Relations..., p. 224, 229.

²¹ Ibid, p. 239.

²² Dangerous Waters: China-Japan Relations on the Rocks, p. 5.

²³ Reuters. 08.07.2012.

²⁴ Иомиури симбун. 11.09.2012.

²⁵ Dangerous Waters: China-Japan Relations on the Rocks, p. 11.

²⁶ Reuters. 16.09.2012; NPR. 16.09.2012; Асахи симбун. 18.09.2012.

²⁷ Dangerous Waters: China-Japan Relations on the Rocks, p. 7–8.

²⁸ The Guardian. 17.09.2012; NPR. 16.09.2012; Асахи симбун. 18.09.2012.

²⁹ CNN. 17.09.2012.

³⁰ Асахи симбун. 22.09.2012.

³¹ Асахи симбун. 13.11.2012; The Guardian. 11.01.2013.

³² Reuters. 23.10.2012.

³³ <http://www.jetro.go.jp/news/releases/20130219915-news>

³⁴ China Daily. 17.09.2012.

³⁵ Агентство Дзидзи. 14.12.2012

³⁶ Асахи симбун. 05.02.2013.

³⁷ Санкэй нюсу. 27.04.2013.

³⁸ The Wall Street Journal. 24.09.2012.

³⁹ BBC. 19.10.2012.

⁴⁰ http://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/2012.html

⁴¹ Dangerous Waters: China-Japan Relations on the Rocks, p. 8–9, 13–14.

⁴² The Guardian. 11.01.2013.

⁴³ Иомиури симбун. 08.01.2013.

- ⁴⁴ http://www.kantei.go.jp/foreign/96_abe/statement/201302/22speech_e.html
- ⁴⁵ Xinhua. 29.01.2013.
- ⁴⁶ *Richardson M.* No winners in a conflict over the Senkaku Islands. — The Japan Times. 05.02.2013.
- ⁴⁷ *Soeya Y.* How can Japan navigate the Senkaku dispute and China's rise? — East Asia Forum. 10.03.2013.
- ⁴⁸ Синьхуа. 09.05.2013.
- ⁴⁹ The Asahi Shimbun. 22.07.2013.
- ⁵⁰ Reuters. 25.04.2013.
- ⁵¹ NHK. 08.08.2013.
- ⁵² http://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/2013.html
- ⁵³ Xinhua. 10.07.2013
- ⁵⁴ Japan Daily Press. 23.04.2013.
- ⁵⁵ Санкэй нюсу. 26.06.2013.
- ⁵⁶ http://www.mod.go.jp/e/d_act/d_policy/national.html
- ⁵⁷ RT. 27.06.2013.
- ⁵⁸ The Asahi Shimbun. 27.07.2013
- ⁵⁹ Japan Daily Press. 03.10.2013.
- ⁶⁰ *Hemmings J., Kuroki M.* Shinzo Abe: Foreign Policy 2.0. — Harvard Asia Quarterly. 2013. Vol. 15. No. 1, p. 14.
- ⁶¹ Japan Daily Press. 16.08.2013.
- ⁶² The Asahi Shimbun. 27.04.2013.
- ⁶³ The Asahi Shimbun, Japan Times. 29.07.2013.
- ⁶⁴ Асахи симбун. 06.09.2013
- ⁶⁵ CCTV. 18.07.2013.
- ⁶⁶ Dangerous Waters: China-Japan Relations on the Rocks, p. 50.
- ⁶⁷ *Hemmings J., Kurori M...*, Shinzo Abe., p. 13.
- ⁶⁸ *Кистанов В.О.* Антикитайская сеть Японии. — Независимая газета. 10.07.2013; The Asahi Shimbun. 29.07.2013.
- ⁶⁹ *Streitsov D.* Abe's changing security policy // East Asia Forum. 19.07.2013. — Mode of access: <http://www.eastasiaforum.org/2013/07/19/abes-changing-security-policy/>
- ⁷⁰ Dangerous Waters: China-Japan Relations on the Rocks, p. 13–14.

В.В. Кузьминков

**ПОЛИТИКА ЯПОНИИ НА РОССИЙСКОМ НАПРАВЛЕНИИ
В 2009–2013 гг.**

В конце августа 2009 г. впервые за долгие годы в Японии произошла коренная смена власти. Либерально-демократическая партия (ЛДП), практически непрерывно формировавшая правительство начиная с 1955 г., потерпела сокрушительное поражение на выборах в нижнюю палату парламента от оппозиционной Демократической партии Японии (ДПЯ). 16 сентября 2009 г. в Японии было сформировано новое правительство во главе с лидером ДПЯ Юкио Хатояма.

Приход к власти новой политической силы породил у ряда политиков и экспертов надежды на улучшение российско-японских отношений. Они были связаны в первую очередь с заявлением Ю. Хатояма о том, что он продолжит «семейную традицию» по улучшению отношений с Россией, начатую его дедом Итиро Хатояма, который в 1956 г. осуществил восстановление дипломатических отношений между СССР и Японией, подписав Совместную советско-японскую декларацию. Однако эти надежды не оправдались. На протяжении практически всего периода правления демократов российско-японские отношения сотрясали политические скандалы и острые заявления. Более того: японская дипломатия потерпела серьезное внешнеполитическое поражение, когда президент РФ Дмитрий Медведев вопреки протестам с японской стороны в сентябре 2010 г. посетил остров Кунашир и запустил программу развития островов. В результате переговоры с Россией по ключевой для японской стороны проблеме принадлежности «северных территорий»¹ были заморожены. И только после начала нового президентского срока В.В. Путина японская дипломатия попыталась вернуть утраченные позиции.

Новая власть — старый курс

Еще до своего официального вступления в должность главы правительства Ю. Хатояма неоднократно заявлял о необходимости улучшения отношений с Россией и обещал решить территориальный вопрос в

© Кузьминков В.В., 2014

течение полугода — года. Однако в предвыборном политическом заявлении ДПЯ под названием «манифест», представлявшем в целом смелую и широкую программу действий, в отношении развития связей с Россией не было сказано ни слова. Из этого можно заключить, что у демократов отсутствовала тщательно разработанная концепция развития отношений с Россией. Все заявления Ю. Хатояма об улучшении отношений с Россией и разрешении территориального вопроса оказались пустыми предвыборными обещаниями.

В результате новые власти Японии, используя старые методы и формулировки, стали проводить прежнюю политику в отношении России. Так, 17 октября 2009 г. после так называемого «визуального осмотра» южных Курильских островов тогдашний министр государственных земель и транспорта Японии Сэйдзи Маэхара, по совместительству занимавший пост ответственного министра по делам Окинавы и «северных территорий», заявил, что эти острова — «исконно японские территории», находящиеся под «незаконной оккупацией» России². 19 октября в поездку японского министра, осудил российский МИД, в ответ на это С. Маэхара 20 октября отметил, что его высказывание о «незаконной оккупации» южных Курильских островов полностью соответствует официальной позиции Токио³.

26 октября 2009 г., выступая с программной речью на внеочередной сессии японского парламента, премьер-министр Ю. Хатояма заявил, что, развивая одновременно экономические и политические отношения с Россией, «приложит все силы для подписания мирного договора путем решения территориального вопроса». Премьер-министр отметил, что «рассматривает Россию как партнера в Азиатско-Тихоокеанском регионе и будет стремиться развивать с ней сотрудничество»⁴. Несмотря на то что Ю. Хатояма не сказал ничего нового, его формулировки были гораздо более сдержанными, чем высказывания С. Маэхара.

15 ноября 2009 г. на встрече с президентом РФ Д.А. Медведевым, которая состоялась «на полях» саммита АТЭС в Сингапуре, Ю. Хатояма отметил, что Россия — хороший партнер в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и подтвердил свое намерение построить новые российско-японские отношения. При этом японский премьер-министр подчеркнул, что фундаментом для построения новых российско-японских отношений должно стать решение территориального вопроса. Ю. Хатояма заявил, что ждет от российской стороны «творческого подхода, способного превзойти договоренности декларации 1956 г. о возврате двух островов»⁵. Это заявление Ю. Хатояма свидетельствовало о том, что новое демократическое правительство придерживалось традиционной позиции, когда залогом будущего сотрудничества было решение территориального вопроса.

Подтверждением того, что политика Ю. Хатояма в отношении России основывалась на старых подходах, стала публикация японским

правительством документа о «незаконной оккупации» Россией южных Курильских островов. Это произошло 24 ноября 2009 г. и имело вид официального ответа правительства Ю. Хатояма на запрос тогдашнего председателя комиссии по иностранным делам нижней палаты парламента Мунэо Судзуки по вопросу об отношениях с Россией. В своем официальном письме М. Судзуки, в частности, высказался за отмену нынешнего запрета на свободные поездки японцев на южные Курилы и за их участие в экономических проектах на этих территориях. По мнению депутата М. Судзуки, туда нужно, напротив, как можно активнее проникать, подключаться к освоению островов и демонстрировать тем самым присутствие Токио в спорной зоне. Ранее М. Судзуки публично призывал хотя бы временно не заявлять о «незаконной оккупации исконных территорий», поскольку толку от таких заявлений мало, а вред диалогу с Москвой наносится большой⁶.

Правительство Ю. Хатояма в своем официальном ответе отвергло предложение М. Судзуки и заявило, что «четыре северные острова незаконно оккупируются Российской Федерацией»⁷. Тем самым правительство страны поддержало министра С. Маэхара и подтвердило линию, которой придерживались прежние кабинеты. В документе разъяснялось, что Токио разрешает поездки японцев на южные Курилы только в устоявшейся с ранних ельцинских времен форме «безвизовых обменов» — в частности, для посещения могил и контактов между людьми. Никакой экономической деятельности японских граждан на островах при этом не допускается; более того, Токио даже будет пытаться в меру своих возможностей мешать предпринимателям из третьих стран заниматься бизнесом на южных Курилах⁸.

Жесткая позиция японской стороны вынудила Москву принять ответные меры. 7 июля 2010 г. Государственная Дума приняла федеральный закон «О внесении изменений в статью 1.1. Федерального закона „О днях воинской славы и памятных датах России“». Федеральным законом была установлена новая памятная дата России: 2 сентября — День окончания Второй мировой войны (1945 год). 14 июля закон был одобрен Советом Федерации, а 25 июля подписан президентом Д.А. Медведевым⁹.

Дата была выбрана не случайно. 2 сентября 1945 г. был подписан Акт о капитуляции Японии, под которым поставили свои подписи представители участвовавших в военных действиях союзных государств, в том числе Советского Союза. Этот день ознаменовал собой окончание Второй мировой войны. При этом уже в 1945 г., на следующий день после капитуляции Японии, Указом Президиума Верховного Совета СССР 3 сентября был учрежден как «день победы над Японией». Но долгие годы в календаре знаменательных дат праздник фактически игнорировался. Теперь же, с одной стороны, он должен бы отмечаться как день памяти о соотечественниках, проявивших самоотверженность, героизм, преданность своей Родине и союзническому долгу перед го-

сударствами — членами антигитлеровской коалиции при выполнении решения Ялтинской конференции 1945 г. по Японии. С другой стороны, это была своего рода декларация Москвы о неизбежности итогов Второй мировой войны, которые Токио пытается оспорить, требуя «возвращения» южных Курильских островов¹⁰.

Подтверждением твердой позиции России в этом вопросе явилось подписание 27 сентября 2010 г. в Пекине Совместного российско-китайского заявления, в котором говорилось «о невозможности пересмотра итогов Второй мировой войны»¹¹. Тем самым Москва в очередной раз подчеркнула, что в своей политике в отношении территориальных претензий Японии она исходит из принципа «неизбежности итогов Второй мировой войны».

Визит президента Д.А. Медведева на остров Кунашир

Неуклюжая политика нового японского правительства привела к его очередным опрометчивым шагам на российском направлении. Во время визита президента Д.А. Медведева в Китай, который состоялся с 26 по 28 сентября 2010 г., в СМИ попала информация о намерении президента посетить южные Курильские острова. Этот факт вызвал большое негодование в Токио. Японская сторона стала активно призывать Д.А. Медведева не посещать южные Курилы, причем порой эти заявления звучали в ультимативной форме. Так, уже известный своими резкими заявлениями С. Маэхара, который в новом правительстве Наото Кана занял пост главы МИД Японии, вызвал российского посла и заявил, что «если поездка состоится, то в российско-японских отношениях возникнут серьезные препятствия»¹².

Столь болезненная реакция нового японского кабинета на планы Д.А. Медведева стала тактической ошибкой Токио, превратившей ситуацию в публичное соревнование двух позиций, что лишь отдалило стороны от решения территориального вопроса и накалило атмосферу в двусторонних отношениях. После такого демарша Токио посещение южных Курил для президента России стало иметь принципиальное значение.

30 сентября 2010 г. официальный представитель МИД России Андрей Нестеренко, отвечая на вопрос относительно ультимативных заявлений японского правительства в связи с планами Д.А. Медведева посетить южные Курилы, подчеркнул, что «президент России самостоятельно определяет маршруты поездок по территории своей страны, и какие бы то ни было „советы“ извне на этот счет неуместны и неприемлемы»¹³.

1 ноября 2010 г. президент Д.А. Медведев посетил остров Кунашир — один из южных Курильских островов, которые оспаривает Япония. Этот визит, без преувеличения, стал знаковым событием в истории российско-японских отношений. Первое посещение главой Рос-

сийской Федерации южных Курил, с одной стороны, было демонстрацией суверенитета России над этими территориями, а с другой — очевидным поражением японской дипломатии. Японской стороне пришлось в итоге признать, что никаких реальных средств не позволить Д.А. Медведеву посетить острова у Японии нет, как нет ни ресурса, ни смысла замораживать отношения с Россией, тем более на фоне осложнившихся отношений с США и Китаем.

Заметно сдержанной реакция Токио была еще и потому, что визит Д.А. Медведева на Кунашир состоялся непосредственно перед саммитом АТЭС в Иокогаме, запланированным на 13–14 ноября. Осложнение отношений с Россией грозило полным провалом этого саммита, тем более что с американской стороны на саммит отказалась приехать тогдашний госсекретарь США Хиллари Клинтон. Она сослалась на занятость, однако это сочли выражением неудовольствия американцев политикой дальневосточного союзника.

Мощный удар нанесли и китайцы: тогдашний председатель КНР Ху Цзиньтао дал согласие приехать на саммит, но демонстративно решил не проводить двустороннюю встречу с японским премьером.

В такой ситуации главе японского правительства было крайне важно получить от российского руководителя хотя бы дежурные слова о том, что он настроен на продолжение переговоров с Японией о выработке взаимоприемлемого решения по южным Курилам. Такие слова произносятся уже больше двух десятилетий, однако на саммите они прозвучали бы для Токио почти как победа.

13 ноября 2010 г. во время встречи с тогдашним премьер-министром Н. Каном, которая состоялась в рамках саммита АТЭС в Иокогаме, Д.А. Медведев особо подчеркнул «необходимость более активно действовать на международной арене, в том числе в Азиатско-Тихоокеанском регионе», а также предложил поменять подход к рассмотрению проблемы мирного договора и поставить вперед экономику. «Чем больше у нас будет экономического взаимодействия, — отметил российский президент, — тем больше будет фундамента, на котором взаимоотношения можно будет выстраивать в будущем». Премьер-министр Н. Кан согласился с тем, что экономику надо приподнимать. По итогам встречи была достигнута договоренность развивать российско-японские отношения по трем основным направлениям: 1) сотрудничество в экономической сфере; 2) сотрудничество в АТР; 3) сотрудничество на международной арене¹⁴.

24 января 2011 г. Н. Кан выступил с программной речью в парламенте Японии. В отношении России высказывания японского премьер-министра в целом были выдержаны в рамках договоренностей в Иокогаме. Н. Кан, в частности, заявил, что «будет расширять сотрудничество с Россией в экономической сфере, в том числе в разработке ресурсов и модернизации, а также сотрудничество в АТР и международном сообществе». В отношении территориальной проблемы Н. Кан

заявил, что «будет придерживаться базового курса, который состоит в заключении мирного договора путем решения проблемы северных территорий»¹⁵.

Выступивший вслед за премьер-министром министр иностранных дел С. Маэхара отметил, что он будет «энергично работать над решением проблемы северных территорий», а также «прикладывать усилия по развитию отношений во всех областях для построения достойных отношений с Россией в качестве партнеров в АТР»¹⁶. Исходя из такой позиции, С. Маэхара запланировал в начале февраля посетить Москву для обмена мнениями.

Однако визиту С. Маэхара в Москву предшествовали весьма острые взаимные заявления сторон, которые чуть было не сорвали запланированную встречу.

4 февраля 2011 г. по поручению Д.А. Медведева тогдашний министр обороны РФ Анатолий Сердюков посетил Курильские острова. После того как появились сообщения, что министерство обороны планирует оснастить новым вооружением части, дислоцированные на островах Курильской гряды, с японской стороны последовала бурная реакция. Российский посол был вызван в МИД, где ему вручили официальный протест. Премьер Н. Кан также решил сделать жесткое заявление в отношении России, дабы хоть как-то сохранить рейтинг популярности своего кабинета. 7 февраля 2011 г., выступая на Общенациональном съезде за возвращение «северных территорий», он назвал ноябрьскую поездку президента России на Кунашир «непростительной грубостью»¹⁷. Кроме того, в тот же день перед зданием российского посольства в Токио представители ультраправых организаций осквернили российский флаг.

Несмотря на значительный накал атмосферы в двусторонних отношениях, 11 февраля 2011 г. согласно первоначальным договоренностям министр иностранных дел С. Маэхара посетил Москву. В ходе этого визита С. Маэхара провел переговоры с главой МИД России Сергеем Лавровым и тогдашним руководителем Администрации президента РФ Сергеем Нарышкиным, а также принял участие в заседании межправительственной комиссии двух стран по торгово-экономическому сотрудничеству. Тем самым Токио показал готовность развивать двусторонние экономические связи без особой оглядки на политические проблемы. В МИД Японии такой подход называли «экономической дипломатией», которую правительство Н. Кана было готово активно применять и которая при правильном подходе позволила бы не только лишней раз не раздражать Москву, но и не провоцировать националистически настроенных японских политиков.

Подобный ответ японского правительства на предложение Д.А. Медведева сконцентрировать внимание на экономическом сотрудничестве России и Японии, несомненно, мог бы оказать благоприятное влияние на развитие двусторонних связей.

В надежде на «политическое решение»

В японском истеблишменте считают, что «территориальный вопрос» с Россией можно решить только путем принятия политического решения на высшем уровне. Для принятия же такого политического решения в пользу Японии необходимо создание в России серьезного про-японского лобби. Иначе говоря, для того чтобы «решить проблему северных территорий в пользу Японии, необходимо иметь сторонников в окружении президента России. Если же это проблематично, то стоит хотя бы добиться ухода из президентского окружения антияпонски настроенных политиков»¹⁸.

Примеры подобной лоббистской деятельности японской дипломатии на российском направлении уже известны. Так, в период 1997–2002 гг. японский МИД развернул активную деятельность по решению проблемы «северных территорий». Эта деятельность подразделялась на два «фронта» — западный и восточный. На «западном фронте» проводилась лоббистская деятельность в отношении «высокопоставленных чиновников администрации президента, депутатов парламента, олигархов с целью убедить их в том, что передача четырех северных островов Японии и углубление японо-российского стратегического партнерства отвечают таким национальным интересам России, как сдерживание Китая, обеспечение российского влияния в Средней Азии». Если кто-то из российских депутатов поднимал этот вопрос, то «японская сторона различными способами, как, например, приглашение посетить Японию, преподношение подарков, приглашение на приемы, старалась сделать этого депутата другом Японии»¹⁹.

Деятельность на «восточном фронте» заключалась в «работе непосредственно с местными жителями северных территорий». При этом акцент делался на то, что после «возвращения» островов Японии у местных людей будут более благополучные условия жизни. Кроме того, приняв японское подданство, они смогут по-прежнему жить и работать на островах, а для тех, «кто не захочет принимать японское гражданство и пожелает переехать жить на Сахалин или на материк, будет выделено единовременное пособие»²⁰.

В Японии существует мнение, что в отличие от Д.А. Медведева, известного своей жесткой позицией в отношении территориального вопроса с Японией, В.В. Путин готов на уступки в территориальном вопросе. Как только стало известно, что В.В. Путин в 2012 г. снова будет баллотироваться в президенты России, большинство японских аналитиков расценили это как шанс для возобновления переговоров по территориальному вопросу. Японская сторона восприняла возвращение Путина как «важный сигнал» для активизации лоббистской деятельности на российском направлении.

С целью укрепления контактов между правящими партиями в ноябре 2011 г. на съезд партии «Единая Россия» в Москву прибыла солид-

ная делегация гостей от правящей Демократической партии Японии во главе с тогдашним начальником международного отдела партии К. Ватанабэ, который привез В.В. Путину личное послание от сменившего Н. Кана на посту премьер-министра Японии Ёсихико Нода.

Предполагалось, что визит министра иностранных дел С. Лаврова в Японию в конце января 2012 г. оправдает ожидания японской стороны. На переговорах тогдашний министр иностранных дел Японии К. Гэмба заявил, что «позиция Японии состоит в том, что все четыре острова принадлежат Японии, поэтому для построения подлинно дружественных отношений еще более, чем раньше, необходимо заключить мирный договор, решив территориальную проблему»²¹. Эта фраза К. Гэмба с упоминанием количества островов имела принципиальное значение. Дело в том, что на протяжении долгого времени на российско-японских переговорах японская сторона придерживалась позиции о необходимости «переговоров по вопросу принадлежности островов», выдержанной в рамках Токийской декларации 1993 г. Такая формулировка не фиксировала число островов, которое должна получить каждая из сторон.

С. Лавров не возразил на утверждение своего коллеги, однако по окончании официальной части визита, отвечая на вопрос японской телерадиовещательной компании «Эн-Эйч-Кэй» о перспективах решения проблемы «северных территорий», заявил, что «в любом варианте это вопрос, который решается через референдум»²².

7 февраля 2012 г. в связи с проведением в Японии так называемого «дня северных территорий» появился комментарий российского МИД, в котором, несмотря на критическое отношение в целом к событию, было подчеркнуто, что в России заметили высказывание премьер-министра Ё. Нода «о важной роли России и Японии в АТР, а также необходимости развивать сотрудничество между нашими государствами. Убеждены, что только активная совместная работа по динамичному продвижению всего комплекса российско-японских отношений может способствовать созданию благоприятного фона для диалога, особенно по самым сложным вопросам. Именно об этом стороны договорились в ходе недавних переговоров министров иностранных дел России и Японии в январе с. г. в Токио»²³.

Интересно, что фраза «о важной роли России и Японии в АТР» появилась в тексте выступления японского премьера не сразу, а после того, как этот текст попал в канцелярию премьер-министра²⁴. Это свидетельствовало о том, что политическое руководство Японии было заинтересовано в улучшении отношений с Россией и надеялось на уступки в территориальном вопросе.

С целью установления «подходящей атмосферы для принятия политического решения» по территориальной проблеме с Москвой 2 марта 2012 г. на заседании правительства Японии было принято решение не использовать выражение «незаконная оккупация» в отношении «се-

верных территорий», заменив его на выражение «заняты без юридических оснований»²⁵. Правительство объяснило смягчение формулировки проявлением понимания в отношении позиции России, резко выступающей против термина «незаконная оккупация».

В тот же день на встрече с представителями ведущих иностранных СМИ, отвечая на вопрос японского журналиста из газеты «Асахи симбун» о возможности прорыва в территориальном вопросе, В.В. Путин предложил «делать смелые шаги, но для того, чтобы выигрывать и не проигрывать». По мнению Путина, это должна быть «ничья», и для этого необходимо «добиваться приемлемого компромисса»²⁶. Таким образом, еще до своего избрания в очередной раз на пост президента России В.В. Путин вновь обозначил свою позицию в отношениях с Японией, которая заключалась в поиске «взаимоприемлемого компромисса» в территориальном вопросе.

Немаловажным будет заметить, что уже после прихода к власти в 2000 г. В.В. Путин пытался найти компромисс с японской стороной. Во время своего официального визита в Токио 4 сентября 2000 г. он напомнил о Совместной советско-японской декларации 1956 г., по которой Советский Союз обещал передать Японии острова Хабомаи и Шикотан после заключения мирного договора, как основе переговорного процесса о заключении такого договора. На переговорах в Иркутске в 2001 г. стороны также пришли к необходимости формирования переговорного процесса на базе Совместной декларации 1956 г. Однако вскоре новый премьер-министр Дзюньитиро Коидзуми заявил, что двух островов будет недостаточно, и вернулся к первоначальной позиции о необходимости «возвращения четырех островов».

Новое заявление российского президента не осталось без внимания японской стороны. 8 марта 2012 г., выступая на заседании бюджетной комиссии нижней палаты парламента, премьер-министр Ё. Нода заявил, что «ничья, о которой говорил Путин, должна быть взаимоприемлемой. Если речь идет только о двух островах, то это не ничья». По мнению японского премьера, «два острова — это всего лишь 7% территории четырех островов, поэтому ничьей не получится, если не вернутся оставшиеся 93% территории»²⁷. Таким образом, уже до начала нового срока президентства В.В. Путина японская сторона ясно дала понять, что по вопросу территориального размежевания возможен только один «компромисс» — это «возвращение всех четырех островов».

Важным шагом на пути «подготовки подходящей атмосферы для принятия политического решения» по островам стал визит в Россию бывшего министра иностранных дел, председателя Политического совета правящей ДПЯ С. Маэхара, который состоялся с 29 апреля по 4 мая 2012 г. Этот визит представляет собой классический пример закулисной дипломатии Японии.

По сообщениям японских источников, 2 мая С. Маэхара встретился с тремя людьми из окружения В.В. Путина. Двое из них были старые

знакомые С. Маэхара — министр иностранных дел С. Лавров и председатель нижней палаты парламента С. Нарышкин. Однако наибольшее значение имела встреча с третьим российским политиком — тогдашним руководителем аппарата правительства, профессиональным японистом Антоном Вайно (ныне — заместитель руководителя Администрации президента).

На встрече с А. Вайно С. Маэхара заявил: «Я хотел бы продолжить личное знакомство с молодым перспективным господином Вайно и построить сотрудничество, которые будут способствовать развитию отношений между Японией и Россией и между японским и российским народами». По словам М. Сато, А. Вайно ответил, что «хотел бы продолжать личные контакты с председателем политсовета Маэхара. Наши общие задачи и желания, — сказал А. Вайно, — заключаются в быстром и продуктивном развитии российско-японских отношений. Думаю, что оба народа заинтересованы в этом»²⁸.

Установление личных контактов с А. Вайно японская дипломатия считала имеющим большое значение для будущего российско-японских отношений. Путем непосредственных контактов через одного из приближенных президента России японская дипломатия надеялась оказывать влияние на деликатные проблемы российско-японских отношений, включая вопрос о «северных территориях». Кроме того, путем таких контактов можно было контролировать масштаб ущерба в случае возникновения чрезвычайной ситуации, способной привести к ухудшению отношений с Россией.

Прогресс в российско-японских отношениях

Визит в Россию председателя Политического совета ДПЯ С. Маэхара имел целью подготовить встречу Ё. Нода с В.В. Путиным. Японская сторона понимала, что прогресс в решении проблем российско-японских отношений может быть достигнут только во время встречи на высшем уровне.

Первая встреча В.В. Путина с японским премьер-министром состоялась 18 июня 2012 г. «на полях» саммита Группы двадцати в Лос-Кабосе. В ходе встречи, по заявлению японской стороны, «исходя из понимания того, что стратегическая обстановка Азиатско-Тихоокеанского региона значительно изменяется, стороны подчеркнули важность развития сотрудничества в области обеспечения безопасности и обороны, а также сотрудничества по морским вопросам»²⁹. Кроме того, российский президент пригласил японского премьера посетить нашу страну с официальным визитом.

Неуклонное падение популярности кабинета Ё. Нода вынуждало японскую сторону торопиться с развитием политики на российском направлении. Поэтому японская сторона поспешила продемонстрировать дипломатический успех, заявив о «новой активизации» (*сайкас-*

сэйка) переговоров по «северным территориям». В том же официальном пресс-релизе министерства иностранных дел Японии за 19 июня сообщалось, что «понимая необходимость новой активизации переговоров по проблеме северных территорий, лидеры двух стран согласились дать указания своим внешнеполитическим ведомствам продолжать дискуссию в спокойной атмосфере»³⁰. На самом же деле о «новой активизации переговоров по проблеме северных территорий» на встрече в Лос-Кабосе не было сказано ни слова.

Фальсификация вскрылась, когда 4 июля 2012 г. уже в качестве главы правительства Д.А. Медведев вновь посетил остров Кунашир. Повторный визит Д.А. Медведева на Курилы никак не отвечал вышеуказанным договоренностям о «новой активизации переговоров по проблеме северных территорий» и продолжении дискуссии «в спокойной атмосфере».

Впервые об этом на следующий день после визита Д.А. Медведева на Кунашир сообщила японская газета «Санкэй симбун». Вечером того же дня тогдашний генеральный секретарь кабинета министров Японии Осаму Фудзимур признал, что о «новой активизации переговоров» на встрече двух лидеров в Лос-Кабосе сказано не было³¹. Тем не менее эта формулировка до сих пор присутствует на сайте внешнеполитического ведомства Японии, а также на сайте посольства Японии в России³².

Осложнение российско-японских отношений в преддверии саммита АТЭС во Владивостоке не было выгодно ни одной из сторон. 27–28 июля 2012 г. состоялся официальный визит в Россию министра иностранных дел Японии Коитиро Гэмба. Целью его поездки в Москву было улучшение атмосферы российско-японских отношений и подготовка встречи на высшем уровне во Владивостоке. Помимо запланированной встречи с министром иностранных дел С. Лавровым, японского министра принял президент В.В. Путин, что в Японии оценили как «небывало теплый прием»³³.

Встреча с В.В. Путиным во многом состоялась благодаря усилиям японской стороны. Зная о любви В.В. Путина к собакам, японская сторона приготовила подарок — щенка породы акита-ину, которого и привез с собой из Японии министр К. Гэмба. На встрече с В.В. Путиным К. Гэмба сообщил о подарке, а также пообещал оказать «всестороннее содействие в проведении саммита АТЭС во Владивостоке»³⁴.

Вторая встреча В.В. Путина с премьер-министром Ё. Нода состоялась 8 сентября 2012 г. «на полях» саммита АТЭС во Владивостоке. На встрече обсуждались торгово-экономические отношения двух стран. По итогам встречи в присутствии президента России и премьер-министра Японии был подписан ряд важных соглашений. Но самое главное достижение японской дипломатии, как сообщал японский МИД, заключалось в том, что было достигнуто согласие о проведении консультаций по территориальной проблеме на уровне заместителей ми-

нистров иностранных дел³⁵. Причем дискуссию было решено продолжать «в спокойной обстановке, не раздражая общественное мнение»³⁶.

Выступая на пресс-конференции 9 сентября 2012 г., российский президент отметил: «Мы заинтересованы в развитии отношений с Японией, и нам бы хотелось закрыть все проблемы, доставшиеся из прошлого. Договорились, что премьер-министр приедет в Россию с визитом, где мы сможем все эти проблемы обсудить более подробно, в спокойной обстановке, специальным образом»³⁷. Фраза В.В. Путина о желании «закрыть все проблемы, доставшиеся из прошлого» была воспринята в Японии как намерение президента решить проблему «северных территорий», переговоры по которой должны были состояться, как сообщала японская пресса, во время официального визита премьер-министра Ё. Нода в Россию в декабре месяце³⁸.

Однако 16 декабря 2012 г. на всеобщих выборах в нижнюю палату парламента Японии демократы потерпели поражение от ЛДП во главе с Синдзо Абэ, который 26 декабря во второй раз стал премьер-министром Японии.

30 декабря 2012 г., спустя четыре дня после вступления в должность премьер-министра, в одной из телепередач С. Абэ, выразив желание посетить Россию с официальным визитом, заявил, что в отношении территориальной проблемы с Россией «позиция Японии заключается в одновременном возврате всех четырех островов», и отметил, что «Россия владеет четырьмя островами без юридических на то оснований»³⁹. Такое заявление С. Абэ противоречило официальной позиции Японии, которую она занимала с октября 1991 г. Ведь все это время позиция Японии заключалась в том, что если в отношении «четырех северных островов» будет признан японский суверенитет, то правительство будет готово гибко реагировать относительно сроков, формы и условий их возвращения. С тех пор японское правительство в буквальном смысле ни разу не требовало «одновременного возвращения всех четырех островов». Поэтому заявление С. Абэ могло быть воспринято в Москве как возврат к жесткой позиции «одновременного возвращения всех островов», что в свою очередь могло привести к серьезному осложнению двусторонних отношений.

9 января 2013 г. бывший премьер-министр Ё. Мори в одной из телепередач «в качестве поэтапного решения проблемы северных территорий предложил провести границу между островом Кунашир и островом Итуруп так, что Япония получит острова Кунашир, Шикотан и Хабомаи, а Россия остров Итуруп». Опираясь на то, что президент В.В. Путин говорил о «ничьей», Ё. Мори заявил, что «если проводить границу, то это самый лучший вариант»⁴⁰. Смысл высказывания Ё. Мори заключался в том, чтобы побудить обе стороны к поиску взаимоприемлемого компромисса, не осложняя двусторонние отношения односторонними жесткими требованиями. Иначе говоря, Ё. Мори послал

сигнал о том, что Япония и Россия должны вести переговоры, не за-
цикливаясь на собственных крайних позициях.

20 февраля в качестве официального представителя премьер-министра Японии Ё. Мори посетил Россию, имея при себе послание премьер-министра С. Абэ. 21 февраля Ё. Мори был принят президентом В.В. Путиным в Кремле. Предлогом для визита послужила необходимость согласования содержательной части официального визита премьер-министра Японии в Россию, который был запланирован на конец апреля 2013 г. Однако основной целью визита Ё. Мори была «подготовка атмосферы для принятия политического решения в отношении проблемы северных территорий»⁴¹.

Несмотря на то что стороны не вели конкретных переговоров по территориальной проблеме, японской стороне, по сообщению японских авторов, удалось получить от В.В. Путина согласие на продолжение переговоров по данной проблеме. Кроме того, на встрече с Ё. Мори российский президент объяснил, что «ничья» — это такое взаимоприемлемое решение, когда нет победителей и побежденных. Стороны еще раз подтвердили важность Иркутского заявления 2001 г., в котором была подтверждена действительность Совместной японо-советской декларации 1956 г. Ё. Мори указал на то, что «для окончательного решения территориального вопроса необходимо политическое решение премьер-министра и президента». В ответ В.В. Путин сказал, что «ситуация с отсутствием мирного договора ненормальна»⁴². Таким образом, по мнению японской дипломатии, российский президент выразил вербальное согласие на продолжение переговоров по территориальному вопросу согласно Иркутскому заявлению 2001 г., в котором была поставлена цель заключить мирный договор «путем решения вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи и таким образом достичь полной нормализации двусторонних отношений на основе Токийской декларации о российско-японских отношениях 1993 г.»⁴³.

Эти договоренности были подтверждены во время официального визита в Россию премьер-министра Японии С. Абэ, состоявшегося с 28 по 30 апреля 2013 г. В Совместном заявлении, опубликованном по итогам встречи, было отмечено, что стороны «договорились продвигать переговоры по заключению мирного договора на основе всех принятых до настоящего времени документов и договоренностей, включая Совместное заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о принятии Российско-Японского плана действий и Российско-Японский план действий 2003 г.»⁴⁴.

В свою очередь, в указанном плане действий 2003 г. говорилось, что стороны согласились на переговоры «по заключению мирного договора путем решения вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи», с тем чтобы таким образом достичь полной нормализации двусторонних отношений «на основе достигнутых до

настоящего времени договоренностей, в том числе Совместной декларации СССР и Японии 1956 г., Токийской декларации о российско-японских отношениях 1993 г., Московской декларации об установлении соиздательного партнерства между Российской Федерацией и Японией 1998 г., Заявления Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии по проблеме мирного договора 2000 г. и Иркутского заявления Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о дальнейшем продолжении переговоров по проблеме мирного договора 2001 г.»⁴⁵.

В период с конца 2009 по начало 2012 г. правительство ДПЯ потерпело ряд настолько значительных дипломатических неудач на российском направлении, что в Японии уже почти перестали надеяться на возвращение к переговорам по территориальному вопросу, который занимает ключевое место в отношениях с Россией. Главным тезисом российской стороны в указанный период было то, что «Южные Курильские острова — часть территории России и наш суверенитет над ними является законным и неоспоримым»⁴⁶. Вследствие такой принципиальной позиции России японской стороне не оставалось ничего другого, как обвинять последнюю в «незаконной оккупации».

Однако с началом в 2012 г. нового президентства В.В. Путина риторика и действия японских политиков заметно смягчились, термин «незаконная оккупация» был заменен на более сдержанное определение «заняты без юридических оснований». Активизировались лоббистская деятельность и закулисная дипломатия, направленные на «работу» с российским президентом и его окружением.

В результате японской стороне удалось добиться подтверждения ранее достигнутых договоренностей о продолжении переговоров по территориальному вопросу, от которых российская сторона отказывалась, заявляя о «бесспорности суверенитета России над Южными Курилами» и «незыблемости итогов Второй мировой войны». В свете достигнутых на российско-японской встрече в верхах договоренностей о том, что путь к мирному договору лежит через определение принадлежности южных Курильских островов, приходится признать тот факт, что российскому руководству будет теперь сложно апеллировать к «незыблемости итогов Второй мировой войны», поскольку российская сторона сама признала проблему островов нерешенной, тем самым поставив под сомнение российский суверенитет над этими островами.

Примечания

¹ «Северными территориями» в Японии называют южные Курильские острова — Итуруп, Кунашир, Шикотан и группу островов Хабомаи.

² Санкэй симбун. 17.10.2009.

- ³ Прайм ТАСС. 20.10.2009.
- ⁴ http://www.shugiin.go.jp/index.nsf/html/index_kaigiroku.htm (дата обращения 16.06.2013).
- ⁵ http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/russia/apec_0911.html (дата обращения 16.06.2013).
- ⁶ http://www.shugiin.go.jp/index.nsf/html/index_shitsumon.htm (дата обращения 16.06.2013).
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Российская газета. 26.07.2010.
- ¹⁰ В Японии днем окончания Второй мировой войны считают 15 августа — день принятия Японией Потсдамской декларации и оглашения рескрипта императора, призывавшего сложить оружие, но ни словом не обмолвившегося о поражении или капитуляции Японии.
- ¹¹ Совместное заявление Президента Российской Федерации Д.А. Медведева и Председателя Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао в связи с 65-летием окончания Второй мировой войны. — Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 6, с. 11.
- ¹² Санкэй симбун. 30.09.2010.
- ¹³ http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/435D98079E3AEF35C32577AE004AB1E7 (дата обращения 16.06.2013).
- ¹⁴ http://www.mofa.go.jp/mofaj/kaidan/s_kan/apec_10/russia_sk.html (дата обращения 16.06.2013).
- ¹⁵ http://www.shugiin.go.jp/index.nsf/html/index_kaigiroku.htm (дата обращения 16.06.2013).
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Санкэй симбун. 07.02.2011.
- ¹⁸ Сато Масару. Косёдзюцу (Искусство ведения переговоров). Токио, 2009, с. 269.
- ¹⁹ Там же, с. 68.
- ²⁰ Там же, с. 69.
- ²¹ http://www.mofa.go.jp/mofaj/kaidan/g_gemba/russia_1201.html (дата обращения 16.06.2013).
- ²² http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/BFB2E05F4A5E65494425799400357009 (дата обращения 16.06.2013).
- ²³ http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/939CBE7D42794CEB4425799D004993CC (дата обращения 16.06.2013).
- ²⁴ Сато Масару. Нитиро сэккин но коки о нигасу на (Не упустите хорошую возможность для японо-российского сближения). — Тюокорон. 2012. № 4. С. 102.
- ²⁵ http://www.shugiin.go.jp/index.nsf/html/index_shitsumon.htm (дата обращения 16.06.2013).
- ²⁶ <http://премьер.рф/events/news/18323/> (дата обращения 10.12.2012).
- ²⁷ Санкэй симбун. 08.08.2012.
- ²⁸ Сато Масару. Маэхара хоро но сэньяку тэки иги (Стратегическое значение визита С. Маэхара в Россию). — Тюокорон. 2012. № 7. С. 150.
- ²⁹ http://www.mofa.go.jp/mofaj/kaidan/s_noda/1206_russia_2.html (дата обращения 16.06.2013).
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Санкэй симбун. 05.07.2012.
- ³² <http://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/2012/20120619.html> (дата обращения 16.06.2013).
- ³³ Санкэй симбун. 28.07.2012.
- ³⁴ <http://президент.рф/новости/16069> (дата обращения 16.06.2013).
- ³⁵ http://www.mofa.go.jp/mofaj/kaidan/s_noda/apec_2012/j_russia.html (дата обращения 16.06.2013).
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ <http://ria.ru/world/20120909/746256974.html> (дата обращения 16.06.2013).

³⁸ Дзидзи пресс. 09.09.2012.

³⁹ Асахи симбун. 30.12.2012.

⁴⁰ Санкэй симбун. 10.01.2013.

⁴¹ *Сато Масару*. Тюгоку о кэйкай си, сэкин суру нитиро (Сближение Японии и России на фоне опасений в отношении Китая). — Тюокорон. 2013. № 4. С. 99.

⁴² Асахи симбун. 22.02.2013.

⁴³ http://www.mid.ru/dip_vest.nsf/99b2ddc4f717c733c32567370042ee43/6a0b0315092917e0c3256a5e002ff3ae?OpenDocument (дата обращения 16.06.2013).

⁴⁴ http://news.kremlin.ru/ref_notes/1446 (дата обращения 16.06.2013).

⁴⁵ http://www.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/99b2ddc4f717c733c32567370042ee43/062244d3a36d8269c3256cfa002dcbd6!OpenDocument (дата обращения 16.06.2013).

⁴⁶ http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/BCA91138BB41F1ABC3257832004EB0C2 (дата обращения 16.06.2013).

А.В. Илышев

**О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ
К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМ
В РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ**

Для современных международных отношений характерно стремление многих государств улучшить политический климат, выстроить связи друг с другом на основе равноправия, взаимной выгоды и общих интересов, по возможности предотвратить силовой вариант решения спорных ситуаций. Современные мировые тенденции направлены на поиск решений любых проблем (таких, как проблемы развития, финансовые кризисы, вопросы экологии планеты, борьба с природно-техногенными катастрофами и т.п.) на основе баланса между позициями различных государств или групп государств. Целью при этом является обеспечение многостороннего взаимодействия на бесконфликтной основе. От того, насколько эффективно удастся решить эту задачу, зависит устойчивость региональных процессов в таких областях, как экономика, политика, гуманитарная и другие сферы.

Все бóльшую роль в этих процессах в настоящее время играет Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), где, с одной стороны, происходит динамичное развитие экономики, с другой — имеется немалый конфликтный потенциал.

Как писал один из классиков отечественной социологии П.А.Сорокин, в современном мире усиливается тенденция к формированию новой интегральной социокультурной среды при возрастающей роли АТР. В последнее время именно в этом регионе значительно расширилась база для многостороннего сотрудничества благодаря активизации деятельности таких мощных объединений, как АТЭС, АСЕМ, Восточно-азиатские саммиты (ВАС), Асеановский региональный форум и др.

Значимую роль в этих процессах играют Россия и Япония. На примере российско-японских отношений видно, что в случае, если две страны обладают потенциалом развития и широким набором возможностей для сотрудничества, возникает особая синергия, укрепляющая стержень отношений между ними.

© Илышев А.В., 2014

В настоящее время отношения между Россией и Японией находятся в центре внимания политиков, представителей бизнеса, японоведов и общественных организаций, в том числе с точки зрения открывающихся перспектив расширения взаимодействия двух стран в АТР, особенно после вступления России в ВАС и АСЕМ.

Развиваются связи и сотрудничество России и Японии в различных областях. Идет интенсивный политический диалог: встречи на высшем уровне, визиты министров иностранных дел, консультации заместителей министров, контакты по вопросам безопасности, в частности между Советом Безопасности Российской Федерации и МИД Японии.

Быстрыми темпами растет торгово-экономическое сотрудничество. В 2013 г. товарооборот составил более 30 млрд. долл. США, объем японских инвестиций в российскую экономику достиг около 11 млрд. долл. США. Япония входит в десятку основных стран-инвесторов в экономику России. Стратегической сферой российско-японского экономического сотрудничества является топливно-энергетический комплекс. В число перспективных направлений входит сотрудничество в области автомобилестроения и производства дорожной, дорожно-строительной, горнодобывающей, сельскохозяйственной спецтехники. Налаживается взаимовыгодная кооперация в области сельского хозяйства, в частности совместного проекта по производству сои на территории Амурской области и ее поставок в Японию.

Российско-японское сотрудничество развивается и в таких областях, как информационные технологии и связь, розничная торговля, лесопереработка, обеспечение охраны окружающей среды. Возрастает значимость совершенствования транспортно-логистической инфраструктуры. В связи с этим важное значение имеет готовность японского бизнеса содействовать модернизации Транссиба.

Большую роль в развитии двустороннего экономического сотрудничества играет деятельность учрежденной в 1994 г. Российско-японской межправительственной комиссии (МПК) по торгово-экономическим вопросам, на заседаниях которой рассматривается весь комплекс текущих вопросов и перспективы развития двусторонних экономических связей.

Между двумя странами углубляются также культурные, гуманитарные, молодежные обмены, связи по линии общественности. Особенно значительны достижения в области культуры. За последние годы прочно утвердилась практика регулярного проведения в обеих странах фестивалей, знакомящих народы России и Японии с культурными достижениями друг друга. Так, с 2006 г. в Японии ежегодно проводятся фестивали российской культуры, масштабы которых неизменно растут.

Регулярные переговоры и контакты на различных уровнях служат инструментом для выработки документов, касающихся вопросов дальнейшего развития отношений и поиска решения ряда вопросов, включая проблему мирного договора.

Это еще раз подтвердили итоги состоявшегося 28–30 апреля 2013 г. официального визита в Россию премьер-министра Японии С. Абэ. В ходе переговоров на высшем уровне стороны констатировали значительное продвижение в развитии российско-японских отношений, в частности расширение торгово-экономического сотрудничества. При этом руководители двух стран подтвердили необходимость приложить дополнительные усилия, с тем чтобы достичь прогресса во всех сферах и придать двустороннему взаимодействию комплексный и многоплановый характер.

Была подтверждена также обоюдная готовность к сотрудничеству по ряду таких актуальных международных проблем, как обеспечение безопасности, борьба с международным терроризмом и пиратством, разоружение и нераспространение оружия массового поражения. Лидеры договорились о запуске двустороннего механизма консультаций министров обороны и иностранных дел — в так называемом формате «2+2».

По итогам визита было принято Совместное заявление о развитии российско-японского партнерства, в котором подчеркивается, что в современном мире многие факторы объединяют Россию и Японию. Это нацеливает, в том числе, на проведение переговоров по мирному договору в дружественной и конструктивной атмосфере на фоне укрепления взаимного доверия, наращивания поступательного и взаимовыгодного сотрудничества по всем направлениям, а также взаимного внимания к чувствам народов.

Кроме того, в присутствии лидеров России и Японии подписаны межправительственное соглашение об учреждении и деятельности культурных центров, межведомственные программы в сфере энергетики, транспорта, туризма, меморандумы о создании российско-японской инвестиционной платформы, сотрудничестве в сфере международного страхования, сельского хозяйства, взаимодействия в нефтегазовой сфере. «На полях» саммита подписано также восемь коммерческих договоренностей.

В июне и сентябре 2013 г. состоялись российско-японские встречи на высшем уровне «на полях» саммита Группы восьми в Лох-Эрне (Великобритания) и саммита Группы двадцати в Санкт-Петербурге соответственно. Руководители двух стран отметили позитивные тенденции в развитии договоренностей, достигнутых в ходе московского саммита, условились и далее поддерживать тесные контакты.

Бывший премьер-министр Японии Ё. Мори, посетив Россию дважды в 2013 г., также подчеркивал, что именно сейчас созданы все условия для кардинального сближения двух стран.

Задача укрепления взаимопонимания имеет важное значение в контактах с любой зарубежной страной. Но в отношении Японии она особенно важна. Это наш географически близкий сосед на Дальнем Востоке, вторая по величине экономическая держава мира, участник таких ведущих мировых объединений, как Группа восьми и Группа двадцати. Однако приходится констатировать, что имидж России в Японии

не вполне соответствует роли и авторитету нашей страны, а потенциал сотрудничества реализован не в полной мере. В связи с этим особенно важны расширение сотрудничества, доверия и формирование в перспективе отношений стратегического партнерства.

Япония понимает значимость российских регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири для развития двустороннего сотрудничества в различных областях. Свидетельством этому стала успешная презентация Сахалинской области, которая прошла в Токио в апреле 2013 г. и привлекла внимание более 300 представителей японских деловых кругов. Помимо традиционного сотрудничества в области добычи и экспорта углеводородов, сахалинская делегация представила проекты взаимодействия в организации углехимического производства, развития ветроэнергетики, туризма. В фокусе внимания японских бизнесменов оказались также вопросы развития кооперации в сфере деревообработки, рыбохозяйственного комплекса, городского хозяйства, спорта и др. Повышенный интерес был проявлен к идее создания «энергомоста» между Сахалином и Хоккайдо, а также строительства железнодорожного перехода между Сахалином и материковой частью России. По итогам презентации было подписано семь документов, укрепляющих двустороннее сотрудничество в области рыбопереработки, туризма, спортивных и университетских обменов.

Следовательно, возникает поле взаимодействия в области совместной хозяйственной деятельности, в том числе на расположенных в этом регионе Курильских островах, но, разумеется, на основе российского законодательства.

Судя по всему, для Токио этот вопрос несет отпечаток эмоций и стереотипов, складывавшихся годами. Важно вывести за скобки его эмоциональную остроту, после чего можно будет наладить сотрудничество в спокойном ключе.

Размышляя над тем, как нам двигаться дальше, и не только в сфере экономики, нельзя не затронуть один очень важный и чувствительный аспект, связанный с историческим прошлым.

С японской стороны долгое время говорилось о том, что без решения проблемы пограничного размежевания и заключения мирного договора действительно полномасштабное и динамичное развитие российско-японских отношений якобы затруднительно.

Как подсказывает практика, строить межгосударственные отношения в эпоху глобализации, увязывая их с решением отдельных проблем, пусть сложных и драматичных, не вполне дальновидно и эффективно, особенно в свете стоящих перед членами международного сообщества, в том числе Россией и Японией, больших и сложных задач, требующих объединения усилий сегодня и сейчас.

Если вспомнить историю связей между двумя странами, убеждаешься, что терпеливый и взаимоуважительный подход друг к другу помогает преодолевать сложные вопросы.

Первый документ, устанавливающий отношения между нашими странами, появился 220 лет назад — в 1793 г. Это была грамота о разрешении захода русскому судну в японский порт Нагасаки, данная японскими властями главе русской миссии Адаму Лаксману.

Как свидетельствуют исторические документы, русскую экспедицию в Японию направила императрица Екатерина II, которая «в 1791 г. возвращала в отечество тех японцев, кои несчастным случаем претерпели кораблекрушение, судьбою брошены были на берега (русского) царства». И тогда «посланные российские подданные, будучи дружелюбно приняты, получили от японского правительства лист, коим позволено было одному судну приходить в Нангасакскую гавань невозбранно». Это уже было большим достижением, поскольку военно-феодальное правительство Японии проводило тогда политику самоизоляции. Контакты японцев с иностранными государствами были запрещены. Исключение было сделано только для голландцев, которых весьма ценил японский сёгун, поскольку они, предоставив военное снаряжение, помогли ему выиграть ключевое сражение с другими японскими кланами и таким образом обеспечили ему единоличную власть. Грамота, полученная А. Лаксманом, стала по существу отправной точкой для начала отношений между Россией и Японией как добрыми соседями.

В 1802 г. в соответствии с манифестом Александра I было создано министерство иностранных дел Российской империи, в котором были сформированы «четыре экспедиции», в том числе азиатская. В ее задачи входило изучение возможностей налаживания официальных связей с Японией. Одновременно известный государственный деятель граф Н.П. Румянцев, в то время министр коммерции, ставший через несколько лет министром иностранных дел, разработал планы установления торговых отношений с Японией. В записке императору Александру I «О торговле с Японией» от 20 февраля 1803 г. он писал: «Долгом себе поставляю всеподданнейше представить Вашему императорскому величеству письмо о торговле с Япониею, которую... можно бы кажется основать прочным образом и поставить в позднем потомстве памятником монаршего о благе империи попечении».

В 1803 г. Александр I в специальном послании японскому императору официально предложил на основе грамоты, полученной А. Лаксманом, установить торговые отношения и направил экспедицию в Японию во главе с камергером Н.П. Резановым. Хотя миссия Н.П. Резанова не принесла ожидаемых российской стороной результатов, она дала импульс взаимному изучению и сближению двух стран. На основе ее результатов, в том числе научно-географических (тогда были составлены подробные навигационные карты японских берегов), велась подготовка экспедиции вице-адмирала, генерал-адъютанта Е.В. Путятина на фрегате «Диана», которая состоялась через полвека, в 1853–1855 гг. Она стала важной вехой в истории российско-японских отношений.

По словам самого Путятин, он хотел провести переговоры с учетом уважения японских законов и традиций (в отличие от методов американского коммодора Перри). Как отмечал Путятин, «буду продолжать действовать в отношении к японцам по принятой мной системе кротости и умеренности». Пройдя порты Хакодате и Осака, фрегат «Диана» прибыл в Симоду, где и начались переговоры с японскими уполномоченными. Однако через несколько дней в Симодэ произошло сильное землетрясение. На берег обрушились цунами, нанешие огромный ущерб прибрежным городам и селениям. Фрегат «Диана» получил сильные повреждения и затонул. Русской экспедиции вместе с японцами пришлось строить новый корабль, на котором миссия вернулась в Россию. Параллельно проходили переговоры, которые увенчались подписанием договора о мире и дружбе — Симодского трактата 1855 г.

Дипломатические контакты между Россией и Японией на этапе их становления выполняли не только политические задачи, но и функции социокультурного обмена. При этом дипломаты пытались представить в благоприятном виде цели своей страны, с тем чтобы показать, что они не так уж расходятся с целями другой стороны, и на основе этого находили взаимоприемлемые решения. Для этого дипломаты должны быть хорошо информированы и обладать искусством ведения переговоров, чтобы убедить другую сторону во взаимной выгодности возможной договоренности.

Таким был далекий период первого знакомства русских и японцев друг с другом. Впоследствии было много других экспедиций, визитов и переговоров, которые создавали необходимые условия для налаживания торгово-экономических и культурных связей. Так продолжалось до конца XIX в.

Первая половина XX в. ознаменовалась двумя крупными военными конфликтами. Сначала это была русско-японская война 1904–1905 гг. с тяжелыми последствиями для нашей страны. После ее окончания страны начали нащупывать пути взаимовыгодных контактов.

Новый виток конфронтации произошел во время Второй мировой войны, после окончания которой между нашей страной и Японией так и не был заключен мирный договор. Состояние войны было прекращено Совместной декларацией СССР и Японии 1956 г. Она была ратифицирована парламентами двух стран и имеет статус международного договора. Однако декларацией было предусмотрено продолжение сторонами переговоров с целью подписания мирного договора. Это остается задачей для политиков и дипломатов двух стран до сих пор.

В ходе московских переговоров 2013 г. руководители двух стран согласились, что ситуация, при которой спустя 67 лет после окончания Второй мировой войны между Россией и Японией не заключен мирный договор, является ненормальной. Мы видим, что по прошествии многих десятилетий после окончания войны (а скоро будет отмечаться уже 70-летие этого события) Япония и Россия имеют разные, а подчас —

противоположные взгляды на ее генезис и итоги. Причем российские оценки разделяются практически всеми государствами в мире, тогда как подходы японской стороны такой поддержкой явно не пользуются. Не это ли мешает формированию естественного партнерства между нашими странами?

Именно поэтому, как представляется, Японии, в том числе в интересах создания условий для нормального продвижения двусторонних отношений, было бы желательно проявить новаторский, или — если угодно — нестандартный подход, списав в архив старые и доказавшие свою контрпродуктивность стереотипы. Разумеется, и Россия самым серьезным образом намерена продолжать диалог по оставшейся нам в наследство после Второй мировой войны проблеме мирного договора, включая ее пограничный аспект. У нас есть общее понимание относительно того, что будущее возможное решение должно быть взаимоприемлемым и иметь перспективу одобрения парламентами и народами наших стран. Подчеркну, что Россия вовсе не против того, чтобы выйти на такое решение при нынешних поколениях россиян и японцев.

Очевидно, что важнейший фактор, который, как представляется, мог бы способствовать продвижению к этой цели, — это существенное улучшение атмосферы как в двусторонних отношениях, так и вокруг самого диалога. В таком контексте считаю необходимым отметить, что для этого требуется не в последнюю очередь соблюдение должной сдержанности и осмотрительности в публичной риторике, подразумевающее отказ от использования формулировок, явно антагонизирующих партнера.

В послевоенных отношениях между Россией и Японией были различные периоды — как подъемы, так и спады. Однако в конечном счете превалировало стремление к преодолению конфронтации и взаимовыгодному росту. Этот процесс продолжается и сейчас.

Россия и Япония играют важную роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и двусторонние отношения между ними являются важным звеном региональной конфигурации безопасности. Упрочение этого звена наряду с развитием отношений России с такими региональными державами, как Китай, Индия, Республика Корея и др., внесет вклад в укрепление регионального мира и стабильности.

На основе изучения исторических документов и учета сложившихся реалий становится очевидным, что странам на нынешнем этапе нужен новый базовый договор, который бы не только служил дополнительным фактором стабильности, но и позволял реализовывать долгосрочные планы.

Отметим, что такие документы есть у России с рядом ведущих государств мира. Например, с Великобританией в 1992 г. подписан Договор о принципах отношений, имеются и договоры со странами АТР: с КНР — Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г., с Республикой Корея — Договор об основах отношений 1992 г. и т.д.

Однако в российско-японских отношениях базовым юридическим документом до сих пор остается Совместная декларация 1956 г. В соответствии с этим документом между двумя странами было прекращено состояние войны, восстанавливался мир и добрососедские дружественные отношения. Декларация предусматривала продолжение переговоров о заключении мирного договора.

В настоящее время существенное значение приобретают человекоцентричные модели. Применительно к проблеме мирного договора следует отметить, что сейчас между Россией и Японией наиболее острым является территориальный аспект данной проблемы.

В Совместном заявлении от 29 апреля 2013 г. руководители двух стран договорились продвигать переговоры по заключению мирного договора на основе всех принятых до настоящего времени документов и договоренностей. При этом они, принимая во внимание необходимость поиска новых, устремленных в будущее горизонтов российско-японского партнерства, дали министерствам иностранных дел поручение ускорить переговоры по выработке взаимоприемлемых вариантов решения проблемы мирного договора с целью их представления руководителям двух стран для обсуждения.

Предполагается, что в ходе возобновленных между сторонами переговоров будет проводиться обмен мнениями о путях решения этой проблемы с учетом трактовки принятых ранее документов и договоренностей и что стороны сделают подробный анализ и разбор международно-правовых аспектов проблемы, рассмотрят весь спектр вопросов, касающихся взаимовыгодного сотрудничества между Россией и Японией.

В августе с.г. состоялся предварительный раунд консультаций на уровне заместителей министров иностранных дел, в ходе которого был проведен содержательный обмен мнениями о модальностях организации переговорного процесса по проблеме заключения мирного договора между Россией и Японией. Стороны договорились о проведении следующего раунда консультаций в 2014 г.

Как представляется, к урегулированию проблемы мирного договора целесообразно подходить в контексте реалий многополярного мира и новой социокультурной среды, в которой основное место занимает человек. Нельзя допустить, чтобы политические разногласия препятствовали социально-экономическому развитию Курильских островов, улучшению условий жизни проживающих на них российских граждан. Правительство России в последнее время предпринимает последовательные шаги в этом направлении. Учитывая при этом гуманитарную сторону вопроса для Японии, Россия продолжает реализацию двусторонних договоренностей об упрощенном посещении бывшими японскими жителями мест своего прежнего проживания на островах, целью которого является, в частности, уход за могилами своих предков там. Инструментом для рыболовного сотрудничества в районе островов

остается Соглашение 1998 г. о некоторых вопросах сотрудничества в области промысла морских живых ресурсов (автор принимал непосредственное участие в подготовке и подписании этого соглашения). Оно представляет собой комплекс документов, базирующихся на принципах доверия и баланса интересов сторон, и предусматривает допуск на платной основе рыбаков Хоккайдо в ряд морских районов близ островов — естественно, без ущерба для промысла российских рыбаков. Соглашение бесперебойно работает уже более 15 лет.

Такой ориентированный на человека подход, как представляется, отражает современный этап международных отношений. Совместно с культурным обменом он составляет существо так называемого метода мягкой силы, позволяющего находить развязки по трудным вопросам без нажима и силового давления. Кстати, одним из активных сторонников этого метода является известный американский философ и политолог японского происхождения Френсис Фукуяма. Метод «мягкой силы» понимается как выполнение конкретных действий без ультимативного нажима и силового воздействия.

С учетом указанных факторов России и Японии при выстраивании дальнейших связей необходимо укреплять стержень равновесия и поддерживать устойчивый баланс, что позволило бы более полно раскрыть потенциал развития и развивать сотрудничество на стабильной основе.

Говоря языком математики, модель российско-японских отношений можно представить в виде треугольника, высота которого будет постоянно увеличиваться, если векторы из обоих его концов будут в одинаковой мере стремиться к вершине. Треугольник, подобно «качающейся скале», может колебаться под влиянием внешних факторов, но при наличии правильной точки опоры колебания никогда не достигнут критической точки и его расшатывания не произойдет. Вместе с тем равновесие может нарушиться, если одна из сторон будет оказывать сильное давление на другую сторону. В этом случае в пространстве как бы получается изгиб, который при определенных условиях может нарушить устойчивость в российско-японских отношениях.

Президент России в ходе переговоров с премьер-министром Японии в Москве в апреле 2013 г. напомнил ему эпизод, касающийся совместного строительства русскими моряками и жителями г. Симода корабля для возвращения миссии Е.В. Путятина после подписания двустороннего договора о мире и дружбе в 1855 г. С того времени прошло более 150 лет, изменились условия, однако принцип доверия как основа достижения договоренности остался неизменным.

В таком ключе, по всей видимости, сторонам необходимо выходить на общее понимание целей, задач и факторов решения проблемы, что позволит обеспечить успех на переговорах.

Хотелось бы надеяться на то, что Япония, которая пользуется репутацией страны, уважающей традиции и ориентированной в будущее,

продемонстрирует взвешенный и ответственный подход к вопросам своего исторического прошлого, а это, в свою очередь, создаст предпосылки для спокойного поступательного развития российско-японских связей и сотрудничества. Ведь будущее всегда строится на основе прошлого.

Научное издание

**ЯПОНИЯ
В ПОИСКАХ НОВОЙ
ГЛОБАЛЬНОЙ РОЛИ**

Редакторы *Я.Б. Гейшерик, М.А. Унке*
Художник *Э.Л. Эрман*
Технический редактор *О.В. Волкова*
Корректор *И.Г. Ким*
Компьютерная верстка *Е.А. Пронина*

Подписано к печати 28.10.13
Формат 60×90^{1/16}. Печать офсетная
Усл. п. л. 19,0. Усл. кр.-отт. 19,3. Уч.-изд. л. 21,0
Тираж 300 экз. Изд. № 8546. Зак. №

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Издательская фирма «Восточная литература»
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
www.vostlit.ru

ППП «Типография «Наука»
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6